Московский некрополь,

или где похоронены самые известные люди в истории Москвы

| путеводитель по кладбищам |

Владимир Высоцкий

Владислав Листьев

Борис Ельцин

Александр Дедюшко

Георгий Жуков

Максим Горький

Иосиф Сталин

Юрий Гагарин

Юрий Никулин

Мстислав Ростропович

Николай Гоголь

Исаак Дунаевский

Михаил Булгаков

Олег Ефремов

Алексей Толстой

Самуил Маршак

туризм ■ ■
в деталях

Московский некрополь,

или где похоронены самые известные люди в истории Москвы

| путеводитель по кладбищам |

Москва
«Эксмо»
2008

УДК 910
ББК 26.89
М 82

Автор: Жесткова Татьяна

М 82 **Московский** некрополь, или Где похоронены самые известные люди в истории Москвы / Татьяна Жесткова. — М. : Эксмо, 2008. — 480 с. — (Туризм в деталях).

ISBN 978-5-699-31028-9

В мире нет людей с одинаковой судьбой, но особенно она ярка у тех, кто формировал историю нашей страны.

Кладбище — это город мертвых. Здесь тихо, несуетно. Глядя на памятники и могильные плиты, начинаешь понимать, что даты рождения и смерти великих людей вместили в себя жизнь необыкновенную.

Эта книга расскажет вам о самых красивых и значительных кладбищах Москвы. Памятники заговорят человеческими голосами. И это тоже приблизит нас к пониманию своего собственного места на земле.

Мы проложили настоящие «звездные» маршруты по кладбищам, где каждый пункт остановки — имя, и это имя знает и помнит каждый из нас. Вряд ли когда-то мы могли предположить, что сможем прикоснуться к чему-то, так тесно связанному со многими из этих людей. Борис Ельцин, Александр Абдулов, Сергей Есенин, Владислав Листьев, Владимир Высоцкий, Фаина Раневская...

Всех не перечесть.

Путешествие по московскому некрополю обещает быть увлекательным для каждого — ощущение прикосновения к великому не покинет вас по пути. Мы надеемся, что данная книга станет для вас откровением и проводником по лабиринтам великой истории нашей страны и судеб ее героев.

УДК 910
ББК 26.89

ISBN 978-5-699-31028-9

Вступление

В мире нет людей с одинаковой судьбой, но особенно она ярка у тех, кто формировал историю нашей страны.

Кладбище — это город мертвых. Здесь тихо, несуетно. Глядя на памятники и могильные плиты, начинаешь понимать, что даты рождения и смерти великих людей вместили в себя жизнь необыкновенную.

Когда-то это были люди со своими страстями, привычками. Взаимной враждой, недомолвками. Победами и поражениями. Теперь некрополь уравнял всех. И для нас, живых, очень важно непредвзято понять их, чтобы сохранить в самих себе главное — любовь к ближним, семье, к Родине. А также умение прощать и надеяться.

Эта книга, не претендуя на исключительную полноту, расскажет вам о самых красивых и значительных кладбищах Москвы. Памятники заговорят человеческими голосами. И это тоже приблизит нас к пониманию своего собственного места на земле.

Все больше имен, с которыми мы привыкли жить, соотноситься нравственностью, иметь в качестве примера, оставляют нас сиротами на земле. И очень важно видеть, как величественно великие уходят. Один из последних примеров — Александр Абдулов. Понимая, скольким людям его смерть станет поводом следом «перешагнуть черту», он

показывал, что бороться за жизнь надо до последнего. У каждого свой час. И никто не должен становиться перед смертью на колени.

Живым надо жить.

Подойдя к могиле человека, оставившего след в истории России, дóлжно понимать, что вы прикоснулись к тайне истории великой страны. И вы тоже являетесь ее частью.

А.С. Пушкин написал об этом так:

Два чувства близки нам,
В них видит сердце пищу.
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к родному пепелищу...

Некрополь у Кремлевской стены

Начало современного некрополя у Кремлевской стены было положено захоронением 10(23) ноября 1917 года в двух братских могилах более 200 безымянных бойцов Октябрьской революции. К 1930 году эти две братские могилы уже насчитывали более 300 захороненных, из них известны имена только 76 деятелей революции и героев Гражданской войны. Затем появились и отдельные захоронения.

Центром Революционного некрополя в 1924 году стал Мавзолей В.И. Ленина. Тело вождя забальзамировали и соорудили временный деревянный саркофаг ступенчато-пирамидальной формы. Осуществить проект было поручено известному архитектору А.В. Щусеву. Алексей Васильевич придал Мавзолею ступенчато-пирамидальную форму, которую имел Пергамский алтарь — центр языческого культа в древнем мире. Первый склеп простоял всего три месяца. Уже в мае 1924 года началось проектирование нового, большего по объему сооружения, и в 1930 году в рекордные сроки был возведен нынешний Мавзолей — гранитный.

За Мавзолеем установлены гранитные бюсты на могилах соратников В.И. Ленина — Я.М. Свердлова, И.В. Ста-

лина, М.В. Фрунзе, Ф.Э. Дзержинского, М.И. Калинина. Полководцев К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного.

Кремлевская стена. В ее нишах покоятся более 100 урн с прахом деятелей партии и государства советского периода. Урны замурованы в стену по обе стороны Сенатской башни. Закрыты они памятными плитами, на которых выгравировано имя и даты жизни человека.

Как добраться

Ближе всего дойти до некрополя от метро «Театральная» или «Площадь Революции». Идете к Историческому музею, обходите его с правой стороны. Увидите очередь к Кремлевскому некрополю. Желательно приходить чуть пораньше, иначе придется долго стоять.

Доступ открыт с 10.00 до 13.00 во вторник, среду, четверг, субботу и воскресенье.

Маршрут у вас может быть всего один, так как идти разрешается только в одном направлении.

Жуков Георгий Константинович (1896—1974)

Плита в Кремлевской стене.

Необыкновенную храбрость будущий маршал проявил уже в детстве — Георгий, не задумываясь, кинулся в пылающий от пожара дом, чтобы вытащить оттуда своих односельчан — больную старуху и детей.

7 августа 1915 года в городе Малоярославце Георгий Жуков был призван в армию и зачислен в 5-й запасной кавалерийский полк, располагавшийся в Харьковской гу-

бернии. Получил свой первый унтер-офицерский чин. С той поры Жуков был военным до конца своей жизни.

Жуков добровольцем вступил в Красную армию и, честно заслуживая очередное звание в сражениях, стремительно поднимался вверх по служебной лестнице.

В 1940 году состоялась его судьбоносная встреча со Сталиным.

В конце января 1941 года Георгий Жуков назначен начальником Генерального штаба. Деятельность Генерального штаба под руководством Г.К. Жукова значительно активизировалась. В первую очередь она направлялась на успешную подготовку в короткий срок нашей армии к войне. Но время уже было упущено. 22 июня 1941 года войска фашистской Германии напали на СССР. Началась Великая Отечественная война.

Генеральный штаб перешел на круглосуточную работу. В трудной обстановке, когда шли ожесточенные приграничные сражения, Георгий Константинович Жуков почти постоянно находился на фронте и принимал меры для отражения ударов противника.

В августе-сентябре 1941 года Жуков успешно осуществил первую в истории Великой Отечественной войны наступательную операцию. Когда сложилась крайне критическая обстановка под Ленинградом и встал вопрос о том, быть или не быть этому славному городу на Неве, Георгий Константинович Жуков 11 сентября 1941 года назначается командующим войсками Ленинградского фронта. Ценой невероятных усилий ему удается мобилизовать все резервы. Войска фронта совместно с силами Балтийского флота и при активной поддержке трудящихся Ленинграда

сумели остановить врага. Это имело огромное мировое значение и отразилось на дальнейшем ходе войны.

Но теперь уже Москва оказалась под угрозой захвата противником. Выбор опять пал на Жукова. 20 октября 1941 года Постановление ГКО гласило: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом Г.К. Жукову...» «Головой ответите оба, если сдадите Москву!» — сказал вождь Жукову и Коневу, после того как первого назначил командующим Западным фронтом, а второго — его заместителем.

И Георгий Жуков оправдал оказанное ему доверие. Под его руководством наши войска обескровили отборные дивизии гитлеровцев, а затем, перейдя в контрнаступление, отбросили врага на сотни километров. «Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, — писал позднее Георгий Константинович в своих мемуарах, — я всегда отвечаю: битва за Москву».

С августа 1942 года Жуков осуществлял координацию фронтов под Сталинградом, в битве под Курском, в сражениях за Днепр, в дни прорыва блокады Ленинграда. Затем были напряженные освободительные контрнаступления.

8 мая 1945 года Георгий Жуков по поручению советского Верховного Главнокомандования принял в Карлсхорсте капитуляцию фашистской Германии. Это самая яркая и блистательная страница в **биографии** выдающегося полководца. Второе выдающееся событие в его жизни — Парад Победы на Красной площади. Ему, полководцу, внесшему огромный вклад в разгром фашизма, выпала честь принимать этот исторический парад.

Авторитет маршала Жукова и в армии, и в народе беспрецедентен. Он четыре раза удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двумя высшими орденами «Победа», шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, многими медалями и орденами иностранных государств, почетным оружием. Он — Герой Монгольской Народной Республики. За время войны Верховный Главнокомандующий в своих приказах 41 раз объявлял ему благодарность.

Вместе с тем высшие руководители страны боялись авторитета Георгия Константиновича и стали проводить «антижуковскую» агитацию, чтобы сместить его с высоких постов. А в 1958 году его и вовсе отправили в отставку, хотя увольнение с военной службы Маршала Советского Союза шло вразрез с законом. Политический расстрел маршала Победы состоялся... «Он никогда не угодничал, твердо отстаивая истину. Оттого и незыблем был в народе его авторитет. Потому и боялись «наверху» этой всенародной любви к маршалу Победы. Да только не могли ее заглушить», — писала дочь полководца.

Но этот произвол не сломил полководца.

Находясь в отставке, Георгий Константинович совершил свой последний подвиг. Невзирая на слабое состояние здоровья (инфаркт, инсульт, воспаление тройничного нерва), он проделал поистине гигантскую работу, лично написав правдивую книгу о Великой Отечественной войне — «Воспоминания и размышления». Книга начиналась словами: «Советскому Солдату посвящаю. Г. Жуков».

Очень характерна для Жукова сцена, описанная Мари-

ей Жуковой, дочерью маршала: «...Однажды на каком-то торжественном собрании к Жукову протиснулся подвыпивший старый большевик Ермаков. Представляясь, объявил, что он тот самый Ермаков, который участвовал в расстреле царской семьи, и протянул руку для пожатия. Ермаков ожидал привычной реакции — удивления, расспросов, восторга. Но маршал повел себя по-другому, чего тот никак не ожидал. Он сказал, по-жуковски твердо выговаривая слова: «Палачам руки не подаю».

Георгий Константинович безмерно любил своих дочерей Эру, Эллу и Машу. Он много читал, увлекался охотой и рыбалкой, играл на баяне. В своих мемуарах он особо подчеркивал: «Для меня главным было служение Родине, своему народу. И с чистой совестью могу сказать: я сделал все, чтобы выполнить этот свой долг».

18 июня 1974 года, в 14.30, Георгий Константинович скончался. По решению руководства страны он был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены со всеми положенными почестями, как выдающийся военный и государственный деятель.

Ленин Владимир Ильич (1870—1924)

Не так давно мумии вождя поклонялись миллионы. О Ленине написано огромное количество литературы. Смерть вождя вызвала разнообразные, часто взаимоисключающие оценки его деятельности. Вот некоторые из них.

Бунин о Ленине: «...Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей

деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»

Горький о Ленине: «Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал нашу страну — издали она кажется красочнее и ярче.

Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, — умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно! Но черная черта смерти только еще резче подчеркнула в глазах всего мира его значение — значение вождя всемирного трудового народа. И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира. И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память».

Таких противоречивых мнений множество.

Серьезные нарушения в здоровье Ленина стали заметны в 1921 году. Его мучили постоянные головные боли, бессонница. Он сам, близкие, а также и врачи считали, что это результат переутомления. В августе того же года Ленин писал Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу». После того как дважды вслед за головокружением у него случались обмороки, в помощь отечественным специалистам были вызваны знаменитые медики из Германии. Но и они ничего, кроме сильного переутомления, не

нашли. Больному был рекомендован отдых, который не принес облегчения.

Весной 1922 года положение ухудшилось: у Ленина появились невротические явления навязчивости. Он осознавал, что тяжело болен, и с тревогой спрашивал у лечившего его невропатолога профессора Л. Даркшевича, не грозит ли ему сумасшествие. После некоторого улучшения с новой силой возобновились головные боли, бессонница, нервозность. Он опасался паралича.

Вызванные из Германии знаменитые профессора О. Ферстер и Г. Клемперер предположили, что это проявления свинцового хронического отравления, вызванного двумя пулями, остававшимися в теле Ленина после покушения. Пулю удалили, но это не помогло, хотя в чем-то ученые и были правы: как выяснилось гораздо позднее, пуля, чуть задев шею, повлияла на сонную артерию, питающую мозг. Но тогда этого не знали.

23 мая 1922 года Ленин, больной и подавленный, уехал в Горки. Через два дня он почувствовал слабость в правой руке и ноге, не мог читать и писать. Спустя час эти явления прошли. Еще через два дня появились головная боль, слабость в правой руке и ноге, потеря речи. Вызванный утром невропатолог профессор Крамер впервые поставил диагноз мозгового заболевания, закупорки сосуда, из-за чего произошла потеря речи.

Течение заболевания ставило врачей в тупик. Ленин утратил способность к запоминанию, но почти до самого конца сохранял интеллект и даже чувство юмора.

Все это не укладывалось в картину тяжелого атеросклероза, но зато напоминало проявления сифилиса моз-

га. Были сделаны анализы, которые сифилис вроде бы не подтвердили, но затем Ленину назначили инъекции мышьяка и сальварсана — средств, которыми тогда лечили сифилис. Поняв, от чего его лечат, он грустно пошутил: «Может быть, это и не прогрессивный паралич, но, во всяком случае, паралич прогрессирующий».

Вскоре началось быстрое улучшение. Восстановились речь, движения в правой руке, способность читать и писать, хотя больной по-прежнему был очень возбужден. Однако улучшение продолжалось. В октябре он возвращается в Москву и приступает к работе, выступает, пишет статьи, заметки, позднее известные как «Завещание».

Улучшение продержалось два месяца. В середине декабря вновь начались приступы с потерей речи и движений в правых руке и ноге. С этого времени Ленин не принимает участия в государственных делах, однако диктует свои последние статьи. В марте — резкое ухудшение. В октябре он в последний раз приезжал в Москву. Затем до самой смерти жил в Горках.

21 января 1924 года начался последний приступ. Крупская вспоминает: «Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд... Временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо».

Врачи так и не могли поставить точный диагноз: сифилис или атеросклероз сосудов головного мозга. С тех пор не утихают споры о заболевании, которое свело Ленина в могилу в возрасте всего 54 лет.

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982)

Он похоронен в отдельной могиле.

Его политическая карьера была необычайно продолжительной. Впервые он стал секретарем ЦК КПСС еще при Сталине, осенью 1952 года. Весной 1960-го занял главный государственный пост страны, став Председателем Президиума Верховного Совета СССР. С октября 1964 года и до конца своих дней Брежнев был первым, а затем Генеральным секретарем ЦК КПСС — на протяжении трех десятилетий.

Занимая высшие посты в партии и государстве, он направлял свои основные усилия на укрепление оборонной мощи и международных позиций Союза ССР. Перед СССР дрожали все страны мира.

В последние годы жизни Брежнев тяжело болел. Он превратился в объект ядовитых насмешек как внутри страны, так и за рубежом. Больше всего Брежнева упрекали за то, что он якобы цепляется из последних сил за власть, не хочет уступить своего места. Это не соответствовало действительности. Брежнев неоднократно пытался решить проблему преемника, начиная еще с середины 70-х годов. Кандидатур было несколько, и всегда это было сопряжено с обострением политической борьбы. Возможно, она же, «схватка бульдогов под ковром», по образному выражению У. Черчилля, приблизила час кончины 75-летнего Генсека.

Не уважение, а только насмешки вызывала и удивительная склонность Брежнева к мишуре внешних почестей и наград. После войны, еще при Сталине, Брежнев был награжден орденом Ленина. За 10 лет хрущевского руковод-

ства — орденом Ленина и орденом Отечественной войны I степени. Когда же Брежнев сам пришел к власти, награды стали сыпаться на него как из рога изобилия. У него их было более двухсот. Когда его хоронили, то награды несли сорок четыре старших офицера. Причем на каждой подушечке лежало по нескольку наград.

«Он был человеком с юмором, мог посмеяться и над самим собой, — делится воспоминаниями личный фотограф Брежнева Владимир Мусаэльян. — Однажды на отдыхе в Крыму решил выйти «в народ», попить газировки. Около ларька его тотчас окружила толпа. Леонид Ильич спросил: «А как вы меня узнали?» — на что люди простодушно ответили: «По бровям, Леонид Ильич». Он об этом случае часто рассказывал со смехом. Брежнев знал много анекдотов, в том числе и о самом себе...»

Воспоминания родственников: «Леонид Ильич знал по имени всех уборщиц, кухарок, швейцаров и дворников. Причем везде — в Кремле, дома, на даче. Всех их называл исключительно на «вы», никогда никому не «тыкал». Он знал об этих людях все. Заявляю определенно — дядя не любил роскошь, что бы кто на эту тему ни писал. Однажды произошел такой случай. У него работал личный парикмахер Толя, который вечно пребывал в запое. Когда за здоровье Брежнева стали просто бояться, предложили сменить цирюльника, но он возмущенно произнес: «Да вы что, у него же дети!» У дяди были удивительные привязанности, друзья держались по 50 лет».

Брежнев пережил покушение на свою жизнь, во время которого вел себя очень достойно.

Во время визита в Индию Леониду Ильичу представи-

ли далай-ламу. Первосвященник предостерег Брежнева о смертельных опасностях, которые встретятся на его жизненном пути, и предложил взять в подарок черного кота, наделенного даром провидения, и строго предупредил: кормить животное должен только Леонид Ильич и только сырым мясом. И еще: как только погибнет кот, то и хозяину останется жить недолго.

На даче в Заречье, где большую часть года проживал Леонид Ильич с семьей, коту отвели целую комнату. Нарекли его Лама. И действительно, кот не однажды спасал Брежневу жизнь. Вот один из случаев — 20 февраля 1970 года. Утром этого дня кот ворвался в спальню хозяина и стал жалобно мяукать, а при каждой попытке Брежнева выйти из дома хватал его зубами за манжеты брюк. Леонид Ильич насторожился и решил отпустить охрану, торопящуюся сдать смену другой бригаде, а сам остался работать с документами. Случилась авария. На трассу, по которой ехал генсековский «ЗИЛ», вылетела военная грузовая машина. Человеку, который сидел на месте Брежнева, снесло полчерепа. Весной 1982 года Лама погиб, попав под колеса машины. После смерти пушистого талисмана здоровье Генсека пошатнулось. Леонид Ильич сильно переживал потерю Ламы. Даже после его смерти в холодильнике хранили большой кусок сырой телятины. В ноябре того же года Брежнев скончался.

Еще днем 10 ноября 1982 года, во время парада и демонстрации, Брежнев несколько часов подряд стоял, несмотря на плохую погоду, на трибуне Мавзолея. Иностранные газеты писали, что он выглядел даже лучше обычного. Конец наступил, однако, всего через три дня.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926)

Он похоронен в отдельной могиле.

Феликс Эдмундович Дзержинский — один из основателей советских органов безопасности и внешней разведки.

Родился в семье мелкопоместного дворянина. Еще мальчиком, играя с ружьем, случайно застрелил свою сестру Ванду (по другим сведениям, убийство совершил его брат), родители скрыли этот факт, чтобы не осложнять сыну дальнейшую жизнь. В молодости склонялся к католическому фанатизму и одно время даже хотел вступить в орден иезуитов.

В гимназии Дзержинский вступил в социал-демократический кружок. На горе Гедимина в Вильно поклялся посвятить жизнь борьбе со злом и несправедливостью. Он ушел из последнего класса гимназии, чтобы посвятить себя партийной работе.

В годы первой российской революции организовывал забастовки рабочих, вел агитационную работу в войсках. В 1907—1912 годах был избран в состав ЦК РСДРП. Неоднократно арестовывался, в общей сложности провел 11 лет в тюрьмах и на каторге, где заболел туберкулезом. Был три раза в ссылке и именно там встретил свою первую любовь — Маргариту Николаеву.

Он признался ей в любви, но был вскоре выслан на север. Оттуда он писал ей письма, в которых высказывал сомнения в прочности их союза — революционная борьба у него была на первом месте. В 1899 году врачи сказали Дзержинскому, что жить ему осталось год-два, не более.

Тогда Железный Феликс написал любимой два письма-завещания, в которых просил ее продолжать дело освобождения пролетариата за двоих.

Но Дзержинский не умер. В 1910 году в его жизни появилась Софья Сигизмундовна Мушкат, которую он хорошо знал по революционной совместной работе. Они поженились, у них родился сын.

Дзержинский был активным участником Октябрьского переворота: контролировал почту и телеграф, обеспечивал Смольный связью, и по его предложению была организована комиссия для борьбы с контрреволюцией из 5 человек, а затем — ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которой Дзержинский руководил до конца жизни. Его фраза: «Чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» стала крылатой.

Оставаясь бессменным Председателем ВЧК-ОГПУ, в 1919—1923 годах Дзержинский возглавлял Наркомат внутренних дел. В 1921—1924 годах руководил Наркоматом путей сообщения и одновременно с этими обязанностями участвовал в многочисленных комиссиях и обществах. Был членом президиума Общества по изучению проблем межпланетных сообщений, председателем комиссий ВЦИК по улучшению жизни детей и по улучшению жизни рабочих, являлся одним из создателей общества «Динамо» и одним из инициаторов создания Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Руководил ликвидацией детской беспризорности.

Н. Бердяев, которого допрашивал Дзержинский, оставил его портрет: «Он произвел на меня впечатление чело-

века вполне убежденного и искреннего. Думаю, что он не был плохим человеком и даже по природе не был человеком жестоким. Это был фанатик. По его глазам он производил впечатление человека одержимого. В нем было что-то жуткое... В прошлом он хотел стать католическим монахом, и свою фанатическую веру он перенес на коммунизм». А по воспоминаниям английского дипломата Б. Локкарта, глубоко посаженные глаза Дзержинского «горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными».

После смерти Ленина Дзержинский был поставлен во главе комиссии ЦИК СССР по организации похорон, настоял на бальзамировании тела умершего вождя, под его руководством в кратчайшие сроки был построен Мавзолей.

Умер первый чекист 20 июля 1926 года, в 16 часов 40 минут, от сердечного приступа по время заседания Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), после речи, в которой выступил против оппозиции и отклонения от ленинской политики в партии. По одной из версий, Дзержинского отравил Сталин.

В 40-е годы родственники Дзержинского стали жертвами им же созданного репрессивного аппарата. После смерти Дзержинского его личность в СССР была в значительной степени идеализирована. До конца 1980-х годов он изображался как кристально честный, гуманный, романтичный Железный Феликс, «рыцарь Революции». Лишь в 1988-м стали появляться публикации, приоткрывающие иные страницы жизни этой неоднозначной личности. В августе 1991 года в Москве снесли памятник Дзержинскому

на Лубянке, что стало одним из символов конца эпохи социализма в СССР.

Из дневника Дзержинского: «...Не стоило бы жить, если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего. Ибо «я» не может жить, если оно не включает в себя всего остального мира и людей. Таково это «я»...»

Дзержинский до сих пор остается одной из самых ярких и загадочных фигур в истории русской революции.

Максим Горький (1868—1936)

Он похоронен в Кремлевской стене — его табличку можно разглядеть за могилами.

Максим Горький — литературное имя известного писателя Алексея Максимовича Пешкова. Родился он в Нижнем Новгороде 16 марта 1868 года. В 7 лет Горький остался круглым сиротой, жил у деда с бабкой. Дед обучал мальчика по церковным книгам, бабушка Акулина Ивановна приобщила внука к народным песням и сказкам, но главное, заменила мать, «насытив», по словам самого Горького, «крепкой силой для трудной жизни».

Настоящего систематического образования Горький не получил, окончив лишь ремесленное училище. Жажда знаний утолялась им самостоятельно. Он рос «самоучкой». Тяжелая работа (посудник на пароходе, «мальчик» в магазине, ученик в иконописной мастерской, десятник на ярмарочных постройках и др.) и ранние лишения преподали хорошее знание жизни и внушили мечты о переустройстве мира. «Мы в мир пришли, чтобы не соглашаться...» — ут-

верждалось в сохранившемся фрагменте уничтоженной поэмы молодого Пешкова «Песнь старого дуба».

Неудачная попытка поступить в Казанский университет, смерть бабушки, безответная любовь, разброд в мыслях... А тут подоспел период настоящего голода, и 19-летний Пешков 25 декабря 1887 года пускает в себя пулю, к счастью, без особого вреда. «Прохворав, сколько требуется», он «ожил, дабы приняться за торговлю яблоками». Из Казани Горький попадает в Царицын линейным сторожем на железную дорогу. И опять скитания...

Пять с лишним лет Горький пешком странствовал по России, накапливая впечатления, позднее питавшие его творчество.

Горький писал в самом конце 1897 года: «До сей поры еще не написал ни одной вещи, которая бы меня удовлетворяла, а потому произведений моих не сохраняю».

Между тем уже через полгода Горький в одно прекрасное утро проснулся знаменитостью. Успех принесли вышедшие в середине 1898 года два сборника рассказов. Впервые за все время существования русской книжной торговли томики Горького стали расходиться в десятках тысяч экземпляров, скоро достигнув колоссальной цифры «100 000». В 1900 году пьеса «Мещане» в 15 дней разошлась в количестве 25 000 экземпляров.

Общественная позиция Горького была радикальной. Он не раз подвергался арестам. В 1902 году Николай II распорядился аннулировать его избрание почетным академиком по разряду изящной словесности (в знак протеста Чехов и Короленко вышли из Академии). В 1905 году весть об аресте Горького произвела огромную сенсацию в Евро-

пе, где она распространилась вместе с известием, будто бы Горького ждет смертная казнь. Везде, даже в Португалии, собирались митинги и образовывались комитеты, посылавшие телеграммы и адресы царю и министрам с просьбой о помиловании знаменитого писателя.

После поражения революции 1905—1907 годов Горький эмигрировал на остров Капри (Италия). А в Октябрьской революции он услышал не «музыку», а страшный рев стомиллионной крестьянской стихии, вырвавшейся через все социальные запреты и грозившей потопить оставшиеся островки культуры.

С 1921-го по 1928 год Горький жил в эмиграции, куда отправился после настойчивых советов Ленина.

По возвращении организовал и поддерживал множество предприятий: издательство «Academia», книжные серии «История фабрик и заводов», «История Гражданской войны», журнал «Литературная учеба», а также Литературный институт, затем названный его именем. В 1934 году возглавил Союз писателей СССР, созданный по его инициативе.

Евгений Евтушенко: «По общественной популярности Горький был вторым после Льва Толстого. Однако революция, накликанная Буревестником — Горьким, оказалась совсем не такой, какой она ему виделась в молодых красивых пророчествах. Поддерживавший большевиков задолго до революции Горький резко выступил против красного насилия, пришедшего на смену одряхлевшему, распадающемуся самодержавию. Сейчас принято считать Горького виноватым во всем, что случилось с российской культурой при большевизме. Конкретные основания: именно Горький придумал метод социалистического реализма,

именно Горький во главе бригады писателей в тридцатые годы совершил пропагандистский вояж на теплоходе по Беломорканалу, построенному руками заключенных на их собственных костях. Все это так. Однако не забудем и другое. Когда дедушка порол будущего писателя, то Цыганок подставлял под розги свою руку, и она вся была в кровавых рубцах. Так же себя вел во время революции Горький, подставляя свою руку, когда били интеллигенцию, и он спас многих. У меня есть гипотеза, что Горький в конце концов понял всю глубину происходящей в России трагедии и даже на Соловки ездил только затем, чтобы впоследствии уехать и рассказать всему миру о сталинской тирании. Но тиран догадался звериным чутьем о намерениях писателя и прикончил его в сужавшемся кольце облавы — то ли ядом чекистской атмосферы, то ли просто ядом».

В мае 1936 года Горький серьезно заболел. 27-го числа он вернулся из Тессели в Москву и на другой день отправился к себе на дачу в Горки. По дороге машина заехала на Новодевичье кладбище — Горький хотел навестить могилу своего сына Максима. Дальше болезнь стала развиваться стремительно.

Вот воспоминания Е.П. Пешковой, бывшей с ним в последние дни: «Состояние Алексея Максимовича настолько ухудшилось, что врачи предупредили нас, что близкий конец его неизбежен, дальнейшее их вмешательство бесполезно. Предложили нам войти для последнего прощания...

После продолжительной паузы Алексей Максимович открыл глаза.

— Я был так далеко, откуда так трудно возвращаться...»

Смерть Горького окружена атмосферой таинственно-

сти, как и смерть его сына Максима Пешкова. Однако версии о насильственной смерти обоих до сих пор не нашли документального подтверждения, кроме признаний лечивших его врачей Д.Д. Плетнева, Л.Г. Левина, И.Н. Казакова. Их обвинили в том, что они отравили флагмана пролетарской литературы шоколадными конфетами с ядовитой начинкой. «Я признаю себя виновным в том, — показал на процессе Левин, — что я употреблял лечение, противоположное характеру болезни... Я причинил преждевременную смерть Максиму Горькому и Куйбышеву». Нечто подобное говорили и другие врачи, которым инкриминировалось не только убийство писателя...

Как было на самом деле — неизвестно.

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939)

Она похоронена в Кремлевской стене.

С Лениным Крупская познакомилась, когда ей было 25 лет. Ильичу на момент их знакомства было на год меньше, хотя, по воспоминаниям современников, он всегда выглядел старше своих лет. Крупская отличалась огромной трудоспособностью и целеустремленностью. Ей дали партийный псевдоним «Селедка» из-за ее внешности — худобы и глаз навыкате (следствие гипотиреоза, недостатка йода и базедовой болезни щитовидной железы). Будущий муж, Ленин, звал ее немногим лучше — Миногой.

В 1898 году она была приговорена к ссылке на 3 года в Уфу, замененной по ее просьбе на село Шушенское Енисейской губернии, куда был сослан и Ленин. В Шушенском они

обвенчались. Обручальные кольца новобрачным сделал из медного пятака один из ссыльных. На свадьбе веселились многие ссыльные из окрестных деревень, причем пели так громко, что хозяева избы попросили их утихомириться...

«Мы ведь молодоженами были, — вспоминала Надежда Константиновна о жизни в Шушенском, — и это скрашивало ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти...»

Крупская взяла фамилию мужа (Ульянова), но выступала публично всегда под своей девичьей фамилией, для нее это было вопросом принципа.

Крупская писала, что главным для них была возможность «поговорить по душам — о школах, рабочем движении». Основным украшением их жилища (а пожили Ильичи, как называли молодую семью, в десятках съемных квартир) были книги. Ленин читал Маркса и Энгельса, а Надежда Константиновна — «Историю троянских войн» или «Летопись Французской революции».

Надежда вообще любила читать. В 18 лет она одной из первых откликнулась на призыв Льва Толстого переписывать классическую литературу более простым языком, который был бы понятен и малообразованным слоям населения. Девушка даже написала письмо самому Толстому и получила от него «для перевода на человеческий язык» книгу «Граф Монте-Кристо». Справилась ли она с почетным заданием, точно неизвестно.

То, что Ленин любил Инессу Арманд, для Крупской не было тайной. Уже после революции она неоднократно предлагала мужу развестись. И, видя его нерешитель-

ность, даже сама попыталась уйти от него. В 1919 году вместе с группой активистов отправилась на теплоходе «Красная звезда» по реке Каме с агитационной поездкой, дав тем самым Ленину возможность определиться.

И он определился. Отправил Инессу отдыхать в Кисловодск (откуда она, умерев от холеры, вернулась в цинковом гробу) и приказал привезти Крупскую в Москву.

По иронии судьбы, дочь Арманд, названная в честь матери Инессой, станет для Крупской самым близким человеком, в письмах к которой она не будет бояться предстать слабой и одинокой. «Если бы ты знала, как мне плохо», — напишет Крупская девушке в одном из писем.

Пройдя вместе с Лениным ссылку, две эмиграции, три революции, борьбу с экономистами, меньшевиками, ликвидаторами, отзовистами, Крупская хотела вместе с ним участвовать после установления советской власти и в строительстве нового общества.

Ее вклад в борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью трудно переоценить. Согласно составленному ею проекту реформы системы образования в РСФСР вводилось: всеобщее обязательное и бесплатное светское обучение за счет государства, связанное с производительным трудом; раздача школьникам бесплатных горячих завтраков, учебных пособий, одежды, обуви; врачебный надзор за школьниками и надзор гигиенистов над школьными помещениями; выборность учителей населением микрорайона, автономия школы; создание убежищ для бесприютных детей, школ для ненормальных, глухих и слепых.

Ее прямой заслугой стала социальная направленность советского просвещения, определившая создание десят-

ков тысяч домов детского творчества, лагерей отдыха, пришкольных участков. Благодаря Крупской СССР стал первым в мире государством с развитой сетью бесплатных учреждений профессионального образования.

Крупская оставила 11 томов сочинений по педагогике.

В 1921 году Ленин тяжело заболел. Тут-то и пригодился Надежде Константиновне ее опыт педагога. Она сама обучала парализованного мужа писать и выговаривать буквы. А когда муж умер и его тело внесли в Мавзолей, она поклялась себе никогда не переступать порог этой усыпальницы.

Рассказывают, что однажды Крупскую вызвал к себе Сталин и в присутствии соратников принялся отчитывать за то, что она «мало того что загнала мужа в могилу, так еще и совсем забыла его, вон, в Мавзолее несколько месяцев не была».

Пришлось идти. Последний ее визит в усыпальницу состоялся в 1938 году. По воспоминаниям современников, Крупская, подойдя к гробу мужа, якобы сказала сопровождавшему ее Борису Збарскому: «Борис Ильич, он все такой же, а я старею».

Последние годы жизни вдовы Ленина были посвящены одному — написанию мемуаров «об Ильиче». Однако, когда они наконец были опубликованы, в «Правде» появилась разгромная рецензия о том, что «воспоминания о Ленине никакой цены не имеют». И хотя за год до появления этой статьи Крупская была награждена орденом Ленина и официально сохраняла добрые отношения с властью, всерьез ее никто уже не воспринимал.

Когда она соберется поехать в Ульяновск, чтобы узнать, как обстоят дела на родине Ильича, и услышит пре-

дупреждение чекистов, что там на нее может быть совершено покушение, Крупская лишь вздохнет: «Да жаль, что ли? Мне теперь терять нечего».

Ее слова не были пустым пессимизмом. Из трехсот участников состоявшегося через несколько лет после смерти Ленина пленума с вдовой вождя здоровались от силы 10 человек.

Надежда Константиновна Крупская (единственным человеком, кто называл ее «Ульянова», был Сталин) умерла в возрасте 70 лет. Официально причиной смерти стал острый приступ аппендицита. За несколько часов до смерти Крупская в компании друзей отмечала (почему-то на день раньше срока) свой юбилей. Говорили, что Сталин прислал ей в подарок отравленный торт. Хотя на самом деле гости угощались пельменями и киселем. Сталин, скорее всего, виновен в том, что запретил оказывать Крупской медицинскую помощь — она нуждалась в срочной операции, ее можно было спасти...

Кто-то из приглашенных удивленно заметил, увидев на праздничном столе кисель: «Словно поминки». Через три дня они и состоялись.

Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953)

Отдельная могила.

Поздним вечером 5 марта 1953 года страна осталась без вождя. Часы показывали 21 час 50 минут. Через два дня сообщение о патолого-анатомическом исследовании

тела Сталина опубликовали все газеты. Но его смерть породила легенды.

Сначала появились слухи, что вождя залечили, затем — что его отравили.

Сын Сталина Василий вслух заговорил об убийстве.

Как и большинство людей преклонного возраста, Сталин, конечно, страдал от некоторых недугов, но их нельзя было бы назвать серьезными: гипертония в начальной стадии, переутомление и суставной ревматизм. Правда, эти недомогания быстро исчезали после очередной поездки в санаторий.

Итак, 21 декабря 1952 года состоялся последний визит Светланы Аллилуевой на дачу в Кунцево к отцу на 73-й год рождения: «...Он плохо выглядел в тот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим — курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет».

А еще это «дело врачей»... Говорят, что оно было специально подстроено, чтобы лишить Сталина качественной медицинской помощи. В своих мемуарах Светлана Аллилуева пишет: «Дело врачей... Отец был огорчен поворотом событий. Он говорил, что не верит, этого не может быть, что не верит в их «нечестность».

В конце января 1953 года — арест начальника Главного управления охраны И.В. Сталина генерал-лейтенанта Н.С. Власика и других работников Главного управления охраны.

На срочном оперативном совещании, где разгорелись споры вокруг вопроса о целесообразности ареста врачей, Н.С. Власик сделал заявление: «Все лекарственные препа-

раты, которыми пользовались члены правительства в Кремлевской больнице, подвергнуты экспертизе. Отравляющих веществ в них не обнаружено!» Тем не менее были арестованы и врачи, и сделавший это заявление генерал Власик, предварительно оклеветанный перед И.В. Сталиным.

А вот что пишет в своих мемуарах генерал П. Судоплатов: «Я был очень возбужден, когда вошел в кабинет, но стоило мне посмотреть на Сталина, как это ощущение исчезло... Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами были длиннее».

В конце февраля спровоцированная «четверкой» — Хрущевым, Берией, Маленковым и Булганиным — история с врачами завершается. Врачей, знавших историю болезни вождя, надо было удалить от больного, и их удалили. Светлана Аллилуева вспоминала: «Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного, ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на шею и на затылок, снимали кардиограммы, рентген легких, медсестра беспрерывно ставила какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал ход болезни. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти».

1 марта Сталина обнаружили на даче в Кунцево парализованным, и только 2 марта, около полуночи, Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин приезжают на дачу. Но, не входя в комнаты И.В. Сталина, они ограничиваются беседой с охранниками в дежурном помещении около ворот. В 3 часа ночи на дачу приезжают Л.П. Берия и Г.М. Маленков. Берия инструктирует Лозгачева, чтобы он не поднимал пани-

ку, потому что «товарищ Сталин крепко спит и его не следует тревожить и беспокоить».

И только в 8.30 утра Н.С. Хрущев приезжает вторично на Ближнюю дачу и объявляет: «Скоро к товарищу Сталину приедут врачи».

Получается, что врачи приехали спустя 23 часа после произошедшего инсульта! Приступив к осмотру больного, спасти которого было уже нельзя, консилиум поставил диагноз: «массивное кровоизлияние в мозг, в левое полушарие, на почве гипертонии и атеросклероза мозговых артерий».

И еще одна интересная деталь: 5 марта, с 20 часов до 20 часов 40 минут, под председательством Н.С. Хрущева в Свердловском зале Кремля состоялось расширенное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. За 1 час и десять минут до смерти И.В. Сталина принимается решение о сокращении Президиума ЦК с 25 членов и 11 кандидатов (согласно решению XIX съезда по предложению Сталина) до 10 членов и 4 кандидатов, распределяются «портфели».

5 марта, 21 час 50 минут, — смерть Иосифа Виссарионовича Сталина.

В интервью на смерть И.В. Сталина в марте 1953 года Шарль де Голль сказал: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений».

И пророчески добавил: «Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено».

Еще распространено мнение, что Сталин был отравлен Берией, который подмешал яд в одну из бутылок с минеральной водой, которую Сталин пил каждый день. Версию об отравлении подтверждает и тот факт, что Санитарное управление Кремля для музея Сталина передало лишь две бутылки минеральной воды, хотя доподлинно известно — в тот роковой день 1 марта на столе вождя стояли три бутылки, как обычно.

Прощание со Сталиным закончилось трагически. Очередь к телу запрудила центральные улицы Москвы. Возникла давка, в которой погибло много людей. Сталин был похоронен в Мавзолее Ленина, который стал мавзолеем Ленина—Сталина. Там его тело оставалось до 1961 года, после чего он, уже осужденный на XX и XXII съездах КПСС, был перезахоронен у Кремлевской стены.

Имя Сталина и десятилетия после его похорон остается фактором идейно-политической борьбы. Для одних людей он — символ могущества страны, ее ускоренной промышленной модернизации, беспощадной борьбы со злоупотреблениями. Для других — кровавый диктатор, символ деспотизма, безумец и преступник.

Суслов Михаил Андреевич (1902—1982)

Отдельная могила.

В конце января 1982 года «после непродолжительной тяжелой болезни скончался... член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дваж-

ды Герой Социалистического Труда Суслов Михаил Андреевич».

Серый кардинал партии был похоронен с такими официальными почестями, с какими после марта 1953 года (смерти Сталина) не хоронили в Москве ни одного из высших руководителей партии и государства.

Суслов был «вторым человеком в государстве». Он держался в тени.

В последние семнадцать лет своей жизни Суслов считался главным идеологом партии. В ЦК КПСС он контролировал деятельность отделов культуры, агитации и пропаганды, науки, школ и вузов, а также двух международных отделов.

Суслов курировал Политуправление Советской армии, отдел информации ЦК, выездную комиссию, отдел молодежных и общественных организаций. Под его руковод— ством и контролем работали Министерство культуры СССР, Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Государственный комитет по кинематографии, Гостелерадио. Печать, цензура, ТАСС, связи КПСС с другими коммунистическими партиями, внешняя политика СССР...

С его именем связаны гонения на демократически настроенную интеллигенцию (разгром редакции журнала «Новый мир», выдворение из СССР А.И. Солженицына, ссылка А.Д. Сахарова и др.). Подготовка и принятие Конституции эпохи «развитого социализма» — Конституции СССР 1977 года, застой в развитии общественных наук в стране...

Он был также среди тех, кто принял в 1979-м решение о вводе советских войск в Афганистан.

Он не имел и не стремился получить ученые звания и степени, не выступал с собственными научными трудами. Как вспоминал бывший работник аппарата ЦК КПСС Ф.Ф. Петренко: «... два раза в год Суслов имел обыкновение вызывать к себе главного бухгалтера ЦК, открывать перед ним ящик стола, где лежала зарплата за последние шесть месяцев, и большую часть ее отдавать в партийную кассу».

В доме Сусловых существовал жесткий распорядок, введенный раз и навсегда и неукоснительно соблюдаемый главой семьи. Например, в субботу и воскресенье, ровно в 8 часов, — завтрак (здесь все собирались вместе), прогулка, чтение. В 11 (сюда можно было не являться) он выпивал стакан чая с лимоном. В 13 (все вместе) — обед. Вечером, в 20 часов (опять все вместе), — ужин. В перерывах — прогулки и работа.

Если многие секретари ЦК и другие высшие руководители отличались у нас нередко грубостью и пренебрежением к подчиненным, то Суслов почти всегда был крайне внимателен даже к самым рядовым работникам партийного аппарата и потому пользовался во многих его звеньях несомненной симпатией.

Свою первую крупную партийную должность Михаил Андреевич Суслов получил в 1937 году. Потом Суслов стал членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, главным теоретиком партии, а к «великому и всепобеждающему учению марксизма-ленинизма» он относился с суровым догматиз-

мом. Таким же суровым был и облик Михаила Андреевича. Он появлялся на людях в неизменно темном костюме и в брюках необъятной ширины — по моде давно ушедших годов.

Суслов как идеологический руководитель сложился именно в сталинский период, но находиться в ближайшем окружении Сталина было не просто — в декабре 1952 года чем-то недовольный Сталин резко заметил Суслову: «Если вы не хотите работать, то можете уйти со своего поста». Суслов ответил, что будет работать везде, где найдет это нужным партия. Конфликт далее развития тогда не получил.

В беседе с В. Гроссманом Суслов говорил: «Мы вскрыли ошибки, которые сопутствовали культу личности Сталина, но мы никогда не будем осуждать Сталина за то, что он боролся с врагами партии и государства. Мы осуждаем его за то, что он бил по своим».

В начале января 1982 года у Суслова было особенно много неотложных дел. Военное положение в Польше, острая дискуссия по этому поводу с Итальянской коммунистической партией. Продолжавшийся спор театра с Институтом марксизма-ленинизма по поводу постановки во МХАТе пьесы М.Ф. Шатрова «Так победим!», о последних годах жизни Ленина. Несколько дел о хищениях и коррупции, в которых оказались замешаны некоторые ответственные работники и люди с достаточно громкими фамилиями...

Таких перегрузок Суслов вынести уже не мог. Он был стар, у него были поражены атеросклерозом сосуды серд-

ца и мозга, ему нельзя было не только много работать, но и волноваться. После одного внешне спокойного, но крайне резкого по существу разговора у Суслова повысилось кровяное давление и возникло острое нарушение кровообращения в сосудах мозга. Он потерял сознание и через несколько дней скончался.

На небольшом кладбище у Кремлевской стены было уже не так много свободных участков. Но для Суслова нашли место рядом с могилой его кумира Сталина.

Королев Сергей Павлович (1907—1966)

Прах похоронен в Кремлевской стене.

Мир узнал о Сергее Королеве только после его смерти. А еще через 20 лет стали известны подробности его драматической жизни, не похожей на биографию благополучного советского ученого.

Он родился в Житомире, где его отец Павел Яковлевич преподавал в гимназии русский язык. Но счастливого детства у ребенка не сложилось, жили они бедно, и мать, Мария, вскоре окончательно поняла, что не любит мужа. Сергея отправляют к родителям Марии. Сережа рос серьезным, спокойным мальчиком, рано выучился читать. Ему было четыре года, когда он впервые увидел полет аэроплана — им управлял знаменитый летчик Сергей Уточкин. С тех пор мечта о небе увлекла его. «Склеил аэроплан, очень красивый», — с гордостью писал Сережа матери о

своих детских занятиях. Мать забрала сына обратно только в 1916 году, когда второй раз вышла замуж.

Большое влияние на Королева оказала встреча с Константином Циолковским, который увлек его идеей создания летательных аппаратов ракетного типа.

Черная полоса его жизни началась с работой в Московском реактивном научно-исследовательском институте главным инженером, заместителем начальника института, начальником отдела крылатых ракет и группы ракетных аппаратов.

В ночь на 28 июня 1938 года Сергей Королев был арестован по «делу РНИИ» как член «троцкистской организации».

Спор о том, какая ракета перспективнее — твердотопливная или на азоте, в качестве фашистско-троцкистского заговора не тянул. Иное дело — личное признание. 27 сентября 1938 года Военная коллегия Верховного суда приговорила надежду отечественного ракетостроения к 10 годам тюрьмы.

В июне 1939 года приговор отменили, и дело передали на доследование. Спустя год Сергею Королеву вынесли новый приговор — 8 лет заключения за «вредительство в области военной техники». Он был переведен в московское ЦКБ-29 при НКВД, где работал под руководством Андрея Туполева.

Два года спустя, 13 июня 1940 года, сам Королев в своем письме Сталину крайне сдержанно описал методы воздействия на его признания во вредительстве: «Шеста-

ков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам».

Полностью Королев был реабилитирован лишь в апреле 1957 года.

Под его руководством созданы многие баллистические и геофизические ракеты, ракеты-носители и пилотируемые космические корабли «Восток» и «Восход», на которых впервые в истории совершены полет и выход человека в космическое пространство. Ракетно-космические системы Королева позволили впервые в мире осуществить запуски искусственных спутников Земли и Солнца. Отправили автоматические станции к Луне, Венере и Марсу. Под его руководством были созданы искусственные спутники Земли серий «Электрон» и «Молния-1», многие спутники серии «Космос», первые экземпляры межпланетных разведчиков серии «Зонд».

Из воспоминаний его дочери, Наталии Сергеевны: «Только смерть рассекретила его имя. Ведь он всегда был в тени. Знаете, при ликующей встрече Гагарина отец ехал в одной из последних машин и даже не попал на Красную площадь: его машину оттеснили, и он не смог пробраться сквозь толпу. Смотрел этот митинг по телевизору. Или такая ситуация. На одном из космических заседаний Сергей Павлович хотел пройти в первые ряды. Но стоящие в оцеплении преградили дорогу: мол, эти места только для тех, кто имеет непосредственное отношение к данному событию. Его же в лицо никто не знал».

С Сергеем Королевым работало много выдающихся ученых, но он всегда отличался от остальных. Вот как вы-

сказался о нем академик Борис Раушенбах: «Он обладал и еще одним удивительным свойством — при недостатке информации все-таки принимать верное решение... Опять потрясающее чутье, которое его никогда не подводило. Такое дело, каким руководил он, можно было вести только с характером Королева — характером полководца».

Перед новым, 1966 годом у Сергея Королева открылось кровотечение — жена уговорила его лечь на обследование. Врачи обнаружили полипы, заверили, что операция совсем несложная, и отпустили встретить Новый год. «Вы не волнуйтесь, Сергей Павлович, — сказал один из хирургов, — операция пустяковая. Вот только они опасаются за сердце». — «Я не волнуюсь», — ответил Королев, но сердце внезапно заболело...

Его жена вспоминала, что было у мужа какое-то предчувствие...

4 января в «Правде» была опубликована одна из самых интересных статей С.П. Королева «Шаги в будущее». Светлая и патетическая, она заканчивалась словами: «Нет преград человеческой мысли!»

4 января — последний рабочий день Королева...

В четверг, 13 января, в палату к Королеву пришел врач-анестезиолог Юрий Ильич Савинов. Во время беседы Сергей Павлович с грустью спросил Савинова: «Доктор, вы наш друг, скажите, сколько я еще могу прожить вот с таким?..» И уже молча приложил руку к сердцу... Оказалось, что недолго.

Операция шла тяжело и с постоянными перебоями. Вначале анестезиологи не могли дать оперируемому нар-

коз, потом обнаружили злокачественную опухоль, долго не могли остановить кровь... Сердце не выдержало.

Вот что говорил врач Вишневский: «...виноватых, если теперь их искать, — много. Королев — это трагедия и несчастный случай в нашей медицине. Он должен был жить».

И только на следующий день весь мир узнал, кто такой Сергей Королев. И сотни тысяч человек пришли 17 января к гробу Королева.

Среди космонавтов бытует такая легенда. После кремации тела Королева Гагарин и Комаров выпросили часть его праха, чтобы отправить его на межпланетной станции в спецконтейнере с гербом Советского Союза на Луну. Как было на самом деле? Сейчас уже никто не знает. Трагически погиб Комаров. Через год не менее трагически ушел из жизни Гагарин.

Гагарин Юрий Алексеевич (1934—1968)

Прах в Кремлевской стене.

Юрий Гагарин стартовал на корабле спутнике «Восток» 12 апреля 1961 года в 09:07 московского времени с космодрома Байконур (тогда полигон «Заря»).

За 108 минут полета вокруг земного шара жизнь Юрия Гагарина перестала ему принадлежать. Буквально каждая минута — от рождения и до самой смерти — стала частью широкомасштабной легенды о великом советском человеке, который первым полетел в космос. При этом сам он се-

бя великим совершенно не считал. Его досрочно произвели в майоры. На следующий день Гагарин уже стоял рядом с Н.С. Хрущевым на трибуне Мавзолея. Внизу пестрела Красная площадь, забитая ликующим народом с портретами Гагарина в руках.

Когда Гагарин наконец смог остаться наедине с собственной женой, он развел руками, как бы извиняясь, и смущенно сказал: «Я даже не предполагал, что так будет. Ну, слетаю, ну, вернусь, но что вот так?!» В следующий раз им довелось побыть наедине только через месяц.

Но еще до старта все пошло не так, как ожидалось. Когда Гагарин сел в кабину, стали устанавливать крышку люка — установили, и вдруг настойчивый сигнал телефонного аппарата. Слышится тревожный голос Королева: «Нет КП-3». Эта новость поражает как гром — ведь это означает неисправность крышки люка, а значит, есть опасность разгерметизации кабины! Стали устанавливать заново...

Вывернуты гайки, снята крышка люка. Короткий взгляд внутрь кабины. Конструктор видит, что Гагарин через зеркальце, прикрепленное к рукаву скафандра, наблюдает за ними. Гагарин, знавший расписание подготовки до секунд, понимавший, что означает малейшая неисправность в системе герметизации, в это время напевал... Он старался успокоить работавших у люка, помочь им справиться. И все получилось — раздался голос С.П. Королева: «КП-3 в порядке!»

Приземление тоже прошло не по плану.

После облета Земли в 10:25:34 включилась тормозная

двигательная установка (ТДУ). Корабль устремился к Земле. Из-за неисправности клапана в топливной магистрали ТДУ отключилась на секунду раньше. Кроме того, не сразу, с задержкой на 10 минут, произошло разделение спускаемого аппарата (СА) и приборного отсека. В результате СА и космонавт приземлились не в 110 километрах южнее Сталинграда, как планировалось, а в Саратовской области, неподалеку от Энгельса, где посадку никто не ожидал.

...А известный всем диктор московского радио Юрий Борисович Левитан 12 апреля 1961 года еще крепко спал, когда его разбудил телефонный звонок: «Срочно в студию! Машина уже за вами вышла». Приходит машина и на огромной скорости доставляет в студию.

Воспоминания Левитана: «Там вручают мне текст «Сообщения ТАСС о полете человека в космос», я бегу по длинному коридору, быстро схватывая смысл написанного. Меня останавливают товарищи и спрашивают: «Что произошло? О чем сообщение?» Я кричу:

— Человек в космосе!

— Кто?!

— Гагарин!

Захлопнулась дверь в студии. Машинально взглянул на часы: 10 часов 02 минуты. Включил микрофон:

— Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..»

Ю.Б. Левитан признался: «Читая текст, я старался быть спокойным, но слезы радости застилали глаза. Так было и 9 мая, когда я читал «Акт о безоговорочной капитуляции

гитлеровской Германии». Эти передачи шли прямо в эфир, к людям, к нашим соотечественникам и, конечно, ко всем людям Земли...»

Так уж исторически сложилось, что, когда мы слышим фамилию «Гагарин», всплывает в памяти не только первый полет человека в космос, но еще и трагическая гибель первого космонавта — Гагарина...

В 10 часов 19 минут утра самолет поднялся в воздух. А в 10 часов 30 минут машина, в которой находились Гагарин и Серегин — двухместный «УТИ МиГ-15», — врезалась в землю. Именно на отметке 10 часов 30 минут застыли стрелки ручных часов космонавта. Точнее, их отпечаток, поскольку самих часов уже не было.

Было и есть много версий на этот счет. Вплоть до версии, что Гагарин и Серегин перед вылетом хватили по стакану водки (что опровергнуто по заключению врачей), а также фантастических: первого космонавта украли инопланетяне для своих космических опытов.

Еще обсуждалось то, что Гагарину просто перестало везти, или он решил покончить жизнь самоубийством. Но ни одна из версий единственно верной так и не стала...

Перед легендарным полетом 12 апреля Юрий Гагарин написал своей жене Валентине прощальное письмо: «Если что случится, то прошу вас и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя... Береги, пожалуйста, наших девочек, люби их, как любил я. Вырасти из них, пожалуйста, не белоручек, а настоящих людей... Крепко-накрепко вас обнимаю и целую, с приветом ваш папа и Юра».

Письмо Валентина Ивановна прочла через много лет после смерти мужа. Гагарин спрятал это послание: то ли не захотел расстраивать жену, то ли рассчитывал, что, если что-нибудь случится, письмо все равно найдут. Полет, как известно, прошел нормально, и про письмо Юрий Гагарин забыл. Валентина Ивановна повторно замуж так и не вышла.

И осталась нам на память какая-то ликующая, очень обаятельная гагаринская улыбка, вызывающая в душе удивительное чувство света, восхода новой эры покорения человечеством космоса...

Новодевичий некрополь

На Руси усопших всегда хоронили ближе к Богу — возле приходских церквей и монастырей. Так, вначале XVI века возникло кладбище и у Новодевичьего женского монастыря, основанного в 1524 году на старой Смоленской дороге по указу великого князя Московского Василия Третьего (отца Иоанна Грозного). Поводом послужило возвращение России древнего города Смоленска, 110 лет находившегося под властью католической Литвы.

В 1896 году игуменья Антония направила в Синодальное управление прошение об освящении земли для погребений за пределами монастыря, которое было удовлетворено. В 1898 году была освящена земля, и начались работы по созданию и благоустройству нового кладбища площадью 2,7 гектара, которое, согласно проекту строителя С. Шестакова и архитектора И. Машкова, устроили за южной стеной монастыря. Официальное открытие нового некрополя состоялось в 1904 году, а уже в 1927 году Новодевичье кладбище было «выделено для захоронения лиц с общественным положением». С тех пор это кладбище становится «элитным», и быть похороненным здесь стало одной из высших почестей.

В 1949 году территория Новодевичьего кладбища расширена на юг (новое кладбище), а в конце 1970-х годов с

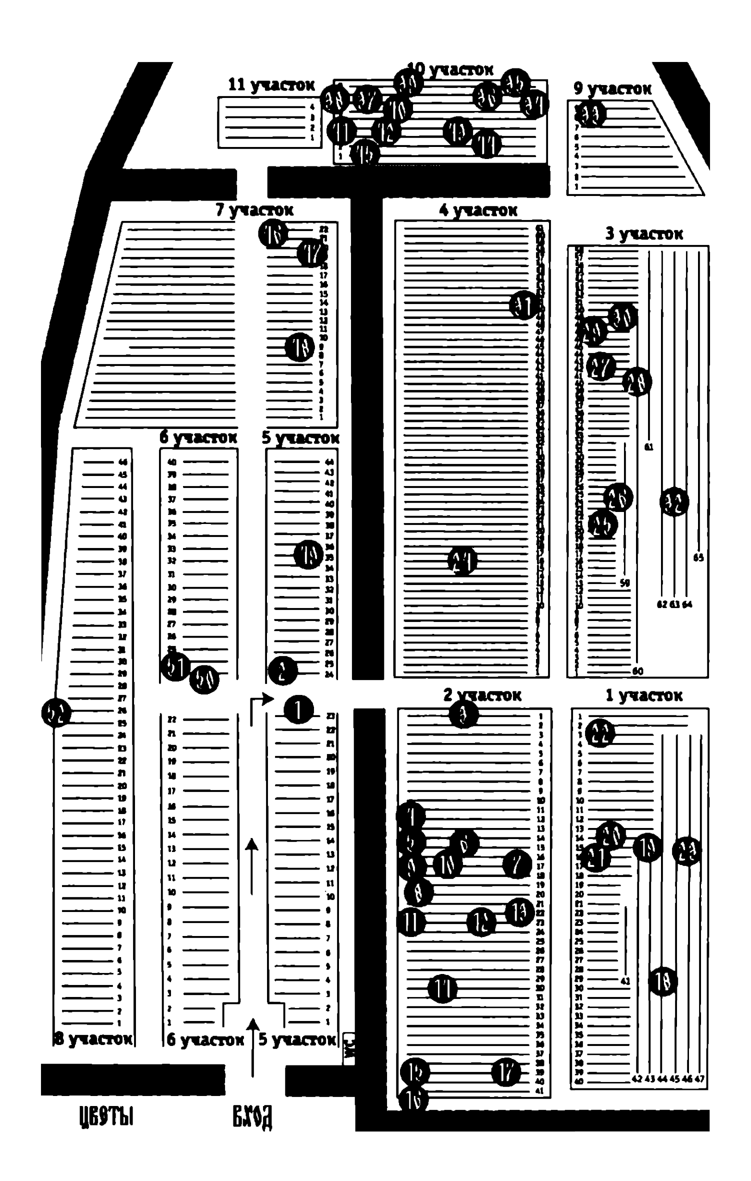

11 участок
10 участок
9 участок
7 участок
4 участок
3 участок
6 участок
5 участок
2 участок
1 участок
8 участок
6 участок
5 участок
ЦВЕТЫ
ВХОД

Схема Новодевичьего некрополя

1. Никулин Ю.В.
2. Ростропович М.Л.
3. Гиляровский В.А.
4. Гоголь Н.В.
5. Чехов А.П.
6. Немирович-Данченко В.И.
7. Дунаевский М.О.
8. Булгаков М.А.
9. Станиславский К.С.
10. Ефремов О.Н.
11. Ермолова М.Н.
12. Ильф И.А.
13. Дурова Н.Ю.
14. Толстой А.Н.
15. Маршак С.Я.
16. Ботвинник М.М.
17. Шостакович Д.Д.
18. Островский Н.А.
19. Маяковский В.В.
20. Третьяков П.М.
21. Фадеев А.А.
22. Шукшин В.М.
23. Коллонтай А.М.
24. Космодемьянская З.А.
25. Орлова Л.П.
26. Барто А.Л.
27. Скрябин А.Н.
28. Андрей Белый
29. Вернадский В.И.
30. Прокофьев С.С.
31. Шаляпин Ф.И.
32. Брюсов В.Я.
33. Утесов Л.О.
34. Образцов С.В.
35. Бондарчук С.Ф.
36. Леонов Е.П.
37. Боровик А.Г.
38. Сенкевич Ю.А.
39. Быков Р.А.
40. Евстигнеев Е.А.
41. Шнитке А.Г.
42. Райкин А.И.
43. Папанов А.Д.
44. Капица П.Л.
45. Левитан Ю.Б.
46. Хрущев Н.С.
47. Твардовский А.Т.
48. Бернес М.Н.
49. Рихтер С.Т.
50. Ельцин Б.Н.
51. Кио И.Э.
52. Горбачева Р.М.

юго-западной стороны появился участок новейшей территории. В 2004 году, через 100 лет, площадь некрополя составляла около 7,5 гектара, где находились более 26 тысяч захоронений.

Новодевичий некрополь на протяжении своей истории складывался еще как своеобразный «музей под открытым небом» — многие надгробия признаны классикой мемориальной скульптуры.

Это самое красивое кладбище Москвы.

Как добраться
Выходите из станции метро «Спортивная» (указатель — «Новодевичий монастырь»), поворачиваете направо и идете прямо метров 400, пока не упираетесь в параллельную дорогу. Переходя ее, вы уже видите монастырь. Перейдя дорогу, поворачиваете налево и идете вдоль стены до ворот на кладбище.
Часы работы: с 9.00 до 17.00 ежедневно.

Никулин Юрий Владимирович (1921—1997)

От входа идете прямо, проходите всю первую половину участка и поворачиваете направо.

Юрий Никулин уже с детства оказался в центре театральной жизни. Его отец, Владимир Андреевич, организовал передвижной театр «Теревьюм», сам ставил спектакли и много играл, а в столице писал интермедии, конферансы и репризы для эстрады, цирка.

После окончания десяти классов Юрия Никулина призвали в армию, в войска зенитной артиллерии. О своей воинской службе он вспоминал: «Ко мне поначалу некоторые относились с иронией. Больше всего доставалось во время строевой подготовки. Когда я маршировал отдельно, все со смеху покатывались. На моей нескладной фигуре шинель висела нелепо, сапоги смешно болтались на тонких ногах...» Спасало Никулина то, что он нисколько не обижался, а смеялся вместе со всеми.

Прошел будущий артист через две войны (финскую и Великую Отечественную), провоевав, таким образом, с 1939-го по 1946 год. Горел в танке. Многое из того, что артисту довелось пережить на войне, он потом передаст в образах своих героев — военного журналиста Лопатина в фильме «Двадцать дней без войны» и бойца Некрасова в картине «Они сражались за Родину».

Летом 1946 года он подал документы во ВГИК, но его сняли со второго тура. Председатель приемной комиссии кинорежиссер Сергей Юткевич категорически заявил:

— Молодой человек, попробуйте поступить в какой-нибудь театральный институт. Для кино вы абсолютно непригодны, так что забудьте об этом навсегда.

Последовав совету, Юрий Никулин подал документы сразу в два театральных заведения: ГИТИС и училище им. Щепкина при Малом театре. Но и здесь его ждала неудача. Его никуда не приняли. Отчаянию не было предела...

В сентябре 1946 года Никулин узнал о наборе в студию клоунады при Московском государственном цирке на Цветном бульваре. Он решил рискнуть, тем более что еще в детстве мечтал стать клоуном. В отличие от театральных

институтов в цирковую студию Никулин поступил без особенных проблем.

Вскоре Никулин отправился на гастроли уже с самим Карандашом — популярнейшим в те годы клоуном. Чуть позже у Никулина появился новый напарник — Михаил Шуйдин.

Знаменитым на всю страну Юрий Никулин стал в начале 60-х годов благодаря короткометражке Леонида Гайдая «Пес Барбос и необычный кросс». Пригласил его пройти пробы для этой картины один из ассистентов режиссера. При первой же встрече, внимательно оглядев актера со всех сторон, Гайдай сказал: «В картине три роли. Все главные. Это Трус, Бывалый и Балбес. Балбеса хотим предложить вам». Своим же ассистентам он заявил: «Ну, Балбеса искать не надо. Никулин — то, что нужно».

Режиссер, подбирая тройку, все время смотрел, получается ли ансамбль. Ансамбль получился, да еще какой...

Короткометражка «Пес Барбос и необычный кросс» вошла пятым фильмом в киноальманах «Совершенно серьезно». Однако именно она принесла успех всему фильму, и более того — зажила самостоятельной жизнью. Она породила уникальный эксцентрический феномен трех героев-масок советского кинематографа — Балбеса, Труса и Бывалого, принеся настоящую славу и Леониду Гайдаю, и знаменитой троице: Никулину, Вицину, Моргунову.

После завершения съемок «Пса Барбоса» Леонид Гайдай вновь использовал их в своей новой короткометражке, которая называлась «Самогонщики». А идею этого фильма подбросил Гайдаю Юрий Никулин.

Фильм «Самогонщики» вышел на экран в 1961 году и имел огромный успех. Троица постепенно превращалась в культовый символ советского кинематографа...

Успешные работы в кино привели к тому, что Никулина теперь знала вся страна. Даже в цирк зрители теперь ходили на Никулина не как на клоуна, а как на Балбеса из знаменитой троицы. Фильмы с его участием продолжали выходить один за другим.

Потом была «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», а затем знаменитая троица наконец появилась в полнометражном фильме «Кавказская пленница» и, наконец, триумф Никулина в «Бриллиантовой руке».

Замечательно Никулин играл серьезные и даже драматические роли. Например, в «Когда деревья были большими», «Двадцать дней без войны», «Андрей Рублев», «Чучело».

В 1982 году Юрий Владимирович Никулин стал главным режиссером Московского цирка на Цветном бульваре, а с 1984 года — его директором. И тогда началась новая эра в его жизни — строительная. Много сил Никулин отдал реконструкции цирка на Цветном бульваре.

Всю жизнь собирая анекдоты, Юрий Никулин выпустил несколько сборников. Написал замечательную книгу «Почти серьезно».

В январе 1997 года в интервью газете «Совершенно секретно» Юрий Владимирович признался: «Про меня уже врут, пишут: великий клоун». Но какой «великий», когда клоуны были лучше меня. Леня Енгибаров вобрал в себя многое великое, что полагалось нашему веку. Да, мы были хорошими клоунами, добротными клоунами. Но популяр-

ным меня сделало кино. Публика видела во мне Балбеса, и я публике подыгрывал. Я не считал Балбеса отрицательным героем, я его любил: странного, неунывающего, добродушного. Когда предлагали играть предателей или шпионов, я отказывался...»

Это интервью оказалось одним из последних в жизни Никулина. В конце июля Никулину внезапно стало плохо, и он обратился к врачам. Осмотр выявил серьезные проблемы с сердцем. Нужна была срочная операция, которую могли сделать либо в Москве, либо за границей. Артист выбрал А. Бронштейна.

Операция состоялась 5 августа 1997 года. Обычно такие операции длятся минут 20—30. Но в самый последний момент у Никулина закрылся сосуд, и произошла остановка сердца. Врачам ценой огромных усилий удалось вновь вернуть его к жизни. После этого было принято решение продолжить операцию, поскольку без этого актер был обречен на смерть. Борьба за жизнь Никулина продолжалась 16 дней. И все эти дни центральная пресса чуть ли не ежечасно сообщала о состоянии здоровья любимого артиста. До этого ни один российский гражданин (со времен Сталина) не удостаивался такого внимания. Для спасения Никулина были предприняты беспрецедентные усилия: известнейшие специалисты страны находились рядом с ним днем и ночью, использовались лучшие в мире медикаменты и самая совершенная аппаратура. Однако чуда не произошло — 21 августа в 10 часов 16 минут утра сердце Юрия Никулина остановилось...

В конце я хочу привести отрывок интервью с Никулиным, когда он отвечал на вопросы, ему уже было за 70:

В о п р о с. *Есть ли у вас любимое занятие?*

О т в е т. Да. Я люблю жить.

В о п р о с. *Ваше отношение к смерти?*

О т в е т. Серьезное.

В о п р о с. *Какой смертью вы хотели бы умереть?*

О т в е т. Спокойной.

В о п р о с. *Вы были счастливы?*

О т в е т. Я считаю, что да. И много раз. Вообще я человек неприхотливый, мне очень мало нужно для счастья. Вы знаете, у меня своя собственная концепция счастья. Если каждый из нас сумеет сделать счастливым другого человека — хотя бы одного, на земле все будут счастливы.

Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007)

Крест напротив могилы Никулина.

Ростропович родился в 1927 году в Баку, музыкой занимался с детства. Уже в юные годы он проявил такой талант и упорство, что, как считают его друзья, если бы не стал великом музыкантом, он все равно был бы великим в любом другом деле.

С 1932-го по 1937 год Ростропович учился в Москве, в музыкальной школе имени Гнесиных. В 1941 году его семья была эвакуирована в город Чкалов (Оренбург). Уже в четырнадцать лет (по другим данным — в пятнадцать) Ростропович начал преподавать в местном музыкальном училище. После смерти отца он заменил его на преподавательской работе. В эвакуации им были созданы фортепианный концерт, поэма для виолончели, прелюдия для фор-

тепиано, он много выступал, в том числе с оркестром Малого театра, исполнявшим «Вариацию на тему рококо» Чайковского. Являясь артистом концертно-эстрадного бюро, он также давал концерты в госпиталях, воинских частях, колхозах, райцентрах.

В возрасте 16 лет Ростропович поступил в Московскую консерваторию, попав сразу на два факультета — композиторский и в класс виолончели, к преподавателю-виолончелисту Семену Козолупову. Ростропович показал другому преподавателю консерватории — выдающемуся композитору Дмитрию Шостаковичу — партитуру своего первого фортепианного концерта, а потом виртуозно сыграл его. Шостакович предложил Ростроповичу позаниматься с ним «в классе по инструментовке», но композитором Ростропович так и не стал. Сам виолончелист говорил, что Восьмая симфония Шостаковича после первой же репетиции произвела на него такое впечатление, что он перестал сочинять музыку: «С тех пор я, слава богу, не сочинил ни одной ноты».

Творчество Ростроповича-музыканта можно разделить на два направления: виолончелиста (солиста и ансамблиста) и дирижера — оперного и симфонического. Он исполнил практически весь репертуар классической виолончельной музыки. Кроме того, около 60 крупнейших композиторов XX века написали для него сочинения. Он стал первым исполнителем 117 произведений для виолончели и дал 70 оркестровых премьер.

Однако судьба была отнюдь не благосклонна к мастеру. Уже завоевав прочное место на музыкальном Олимпе, будучи виолончелистом номер один в мире, он, человек

честный, принципиальный, оказался крайне «неудобным» для советских властей. Причиной послужили выступления музыканта в защиту опального писателя Александра Солженицына. Виолончелист написал открытое письмо в газету «Правда» в защиту своего друга («Я знаю произведения Солженицына, люблю их и верю, что он пострадал за право писать правду», — утверждал Ростропович), а позднее он и его супруга приютили Солженицына у себя на даче. После этого Ростроповичу не давали возможности выступать с большими оркестрами и не отпускали в заграничные гастроли, а в 1974 году Ростропович и его жена (знаменитая певица Галина Вишневская) были высланы из СССР за диссидентскую деятельность. В 1978 году они были лишены гражданства. Уже после своего возвращения в Россию маэстро в одном из интервью сказал: «Лучшее, что я сделал в жизни, — это, наверное, даже не музыка, а письмо в «Правду» — с этого момента моя совесть была чиста».

Впоследствии многие страны предлагали Ростроповичу принять их гражданство, но он отказывался и до конца жизни оставался «гражданином мира»: «Когда от Горбачева поступило предложение взять советские паспорта, мы с Галиной ответили ему благодарственным письмом и отказом. Для того чтобы показать Советскому Союзу, изгнавшему в свое время меня как собаку (без контрактов и денег), что меня неправильно лишили гражданства. Помня о том, с какой любовью и уважением отнеслись ко мне на Западе, я сказал Гале: я не возьму российского гражданства, чтобы не быть предателем по отношению к тем людям, которые мне так помогли во время моего изгнания. Так и

получилось, что я стал гражданином мира. Хотя не имею никакого гражданства вообще».

Именно Ростропович, 17 лет руководивший Национальным симфоническим оркестром США, заставил Америку полюбить великого Шостаковича. Со своей виолончелью он высаживался на лед в Арктике, шел горными тропами на Кубе, играл в Москве у Белого дома в 1991 году.

Большое место в жизни Ростроповича занимала благотворительность. Он спасал леса Амазонки, направлял медицинское оборудование в детскую клинику, собственноручно уничтожал «пиратский» тираж своих записей. Жизнь его состояла из постоянных разъездов, график выступлений был расписан на годы вперед. За свою карьеру Ростропович дал тысячи концертов. Шестой симфонией Чайковского он когда-то прощался с Москвой. Этим же произведением он встретился со столицей после 16 лет изгнания.

«Виолончель я считаю женщиной, — признавался маэстро. — Все, что я играю, я люблю до обморока». Наиболее плодотворным ощущением для музыканта Ростропович считает грусть.

М.Л. Ростропович удостоен звания почетного доктора более 50 университетов в различных странах мира, а также государственных наград 29 стран. Да уж... Регалиями и наградами музыкант не обижен. Он как-то пошутил, что если одновременно наденет ордена всех государств, которыми награжден, то ему позавидует сам Брежнев.

В 2006 году Ростропович перенес сложную девятичасовую операцию в Женеве. В апреле 2007 года он вновь попал в больницу, уже московскую. 27 апреля он скончался.

Отмечая уникальность личности и деятельности Рос-

троповича, СМИ писали: «Своим магическим музыкальным дарованием и фантастическим общественным темпераментом он объял весь цивилизованный мир, создав некий новый круг «кровообращения» культуры и связей между людьми».

Гиляровский Владимир Алексеевич (1853—1935)

Проходите направо через арку, идете прямо. Памятник Гиляровскому — камень с его портретом.

Владимир Гиляровский был лучшим репортером столичной прессы, известным и признанным историком Москвы.

Потомок запорожских казаков, вот как он писал о своем детстве: «...Часть детства своего провел в дремучих домшинских лесах, где по волокам да болотам непроходимым медведи пешком ходят, а волки стаями волочатся. В Домшине пробегала через леса дремучие быстрая речонка Тошня, а за ней, среди вековых лесов, болота».

Уже в Вологде один из ссыльных принес гимназисту Гиляровскому запрещенную книгу — роман Чернышевского «Что делать?». Юноша залпом прочитал книгу, и она произвела на него сильное впечатление. Неведомый Рахметов, ходивший в бурлаки, спавший на гвоздях, чтобы закалить себя, стал мечтой смелого юноши, давно уже полюбившего свой народ. Вскоре Гиляровский, после неудачного экзамена в гимназии, без паспорта, без денег ушел из родного дома на Волгу, в бурлаки.

А потом кем только не был Владимир — волжским бурлаком, крючником, цирковым наездником, борцом, табун-

щиком, актером, знатоком конного спорта и пожарного дела, знаменитым газетчиком, «королем репортеров»! Он гордился значком Почетный пожарник, за храбрость в войне с турками имел солдатского «Георгия», за участие в Олимпийских играх — большую золотую медаль.

Гиляровский, имея немалый жизненный опыт и будучи человеком физически выносливым, по-настоящему увлекся работой репортера, «живой и интересной, требующей сметки, смелости и неутомимости». Гиляровский составил круг надежных источников дополнительной информации, выходившей за рамки сведений официальных городских, полицейских и прочих учреждений. Недаром впоследствии Гиляровский не раз посмеивался над полицией, заявляя: «...мои агенты лучше ваших». Очень часто Гиляровский был первым и нередко единственным свидетелем какого-либо важного происшествия. Шутя, коллеги уверяли, что он «накануне знает все, где что свершится».

День был заполнен до предела: «Днем завтракаешь в «Эрмитаже», ночью, добывая материал, бродишь по притонам Хитрова рынка. Сегодня, по поручению редакции, на генерал-губернаторском рауте... а завтра едешь осматривать задонские зимовники, занесенные снегом табуны... Рубинштейн дирижирует в Большом театре на сотом представлении «Демона», присутствует вся Москва в бриллиантах и фраках, — я описываю обстановку этого торжественного спектакля; а через неделю уже Кавказ... А через месяц Питер — встречи в редакциях... у Глеба Успенского на пятом этаже в его квартирке на Васильевском острове... А там опять курьерский поезд, опять мечешься по Москве, чтобы наверстать прошедшую прогульную неделю».

«Увлекшись репортерством — этим «живым делом», я не жалел сил», — писал Гиляровский.

Гиляровский идеально знал Москву, примечательна его остроумная фельетонная заметка «Пора бы...» о нелепых названиях многих московских улиц и переулков:

«...А Банных переулков семь! Безымянных — девятнадцать! Благовещенских — четыре, Болвановских — три! Только три! Мало по нашим грехам! Ей-богу, мало! И Брехов переулок только один. А вот Грязных — два. Врут, больше! Все грязные и кривые!»

Гиляровский много писал о трагедиях: убийствах, грабежах, пожарах, о погибающих от голода и холода людях, о жертвах железнодорожных и иных катастроф, об обреченных на смерть рабочих. Но, несмотря на это, в его репортажах никогда нет чувства безысходности. А главное, кроме обычных вопросов репортера, он всегда ставил вопрос «Почему?» и делал все возможное, чтобы дать на него ответ. Гиляровский одним из первых открыл московское «дно».

На коронационных торжествах в Москве в 1896 году Гиляровский оказался единственным из двухсот русских и иностранных корреспондентов, кто провел «всю ночь в самом пекле катастрофы. Среди многотысячной толпы, задыхавшейся и умиравшей на Ходынском поле», только он один успел принести репортаж с подробностями катастрофы в типографию до получения редакциями цензурного запрещения. Лишь благодаря сказочной физической силе самому Гиляровскому удалось выбраться из толпы «против ее течения»...

Многочисленные друзья и приятели В.А. Гиляровского

называли его шутя, а потом и всерьез, но всегда тепло и любовно — дядя Гиляй. Всегда полный необыкновенного любопытства к жизни, щедрый, добрый, веселый, он и внешне был яркой фигурой — богатырское сложение, крупные черты лица, большие умные проницательные глаза, седые пышные усы запорожца. Недаром же Репин писал с Гиляровского одного из своих запорожцев, а Андреев лепил с него фигуру Тараса Бульбы.

Гиляровский обладал огромной физической силой, сгибал пальцами большие медные пятаки, ломал серебряные рубли, разгибал подковы, легко мог завязать узлом железную кочергу. Это был человек неистощимый в своих мальчишеских проказах, выдумках и шутках. Известна, например, история о том, как он послал письмо в Австралию по вымышленному адресу. Письмо вернулось к Гиляровскому, и он демонстрировал его своим друзьям, поражаясь обилию штемпелей и почти сказочному пути, которое проделало письмо.

Гиляровский, по словам его друга писателя Н. Телешева, в одно и то же время охотно дружил «с художниками, знаменитыми и начинающими, писателями и актерами, пожарными, беговыми наездниками, жокеями и клоунами из цирка, европейскими знаменитостями и пропойцами Хитрова рынка, «бывшими людьми». У него не было просто «знакомых», у него были только «приятели». Всегда и со всеми он был на «ты».

Гиляровский находил время рассказывать Глебу Успенскому о бродяжьей жизни, вдохновенно читать Горькому своего «Разина», водить Станиславского и Немировича-Данченко по притонам Хитрова рынка, знакомить Чехова с

провинциальными актерами, возить его за город к крестьянину Никите, прототипу «Злоумышленника», поддержать начинающего Валерия Брюсова, увлечь атлетикой Куприна.

Гиляровский обратился и к беллетристике — собрал написанное в книгу «Трущобные люди. Этюды с натуры», но отпечатанные экземпляры по распоряжению цензуры были арестованы. Суд постановил книгу сжечь. Ее сожгли в специально приспособленной для этого железной клетке. В записках Гиляровского появилось тогда грустное признание: «Ужасно положение репортера, честно относящегося к своему делу. За каждую строчку заметки приходится перестрадать». Н. Телешев вспоминает: «Он рассердился, что писателю не дают заниматься своим прямым делом, и в ответ открыл контору объявлений и разразился по тем временам необычайной рекламой». На пролетках извозчиков, в окнах магазинов, даже в Кремле, на Царь-пушке, появились яркие круглые объявления, извещавшие о конторе Гиляровского.

Когда журналист начал писать свои знаменитые книги-воспоминания, его стали одолевать сомнения: нужны ли его впечатления о прошлых событиях современному советскому читателю. Его друг и младший коллега Николай Морозов сказал ему: «...кроме вас, о Москве писать некому... Это ваш долг писать о Москве, это ваша тема, ваша ноша...»

Самая знаменитая книга Владимира Гиляровского «Москва и москвичи» предваряется словами автора: «Я — москвич! Сколь счастлив тот, кто может произнести это слово, вкладывая в него всего себя. Я — москвич!» Констан-

тин Паустовский писал в предисловии к этой книге: «Никто из писателей не знал так всесторонне Москву, как Гиляровский».

Скованный болезнью, почти потерявший зрение, он, по словам Вл. Лидина, «остался литератором до своего последнего часа». Выработанная годами воля и перед смертью не отказала ему. Ночами, страдая жестокой бессонницей, почти восьмидесятидвухлетний старик писал стихи, складывал бумагу «гармошкой», нащупывал в темноте очередную складку, чтобы одна строка не наехала на другую. В ночь на 2 октября 1935 года Гиляровский скончался... Образ этого цельного, подлинно русского по своему духу человека остался жить в книгах, в которых он рассказал «о времени и о себе».

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852)

Идете вдоль колумбария, видите памятник Гоголю.

Пожалуй, нет более загадочной фигуры в русской литературе, чем Николай Васильевич Гоголь.

От чего умер Гоголь? Вот вопрос, многими исследовавшийся, но доныне не решенный. Если говорить о медицинском диагнозе, то и здесь специалисты до сих пор не имеют единого мнения.

Гоголь всю жизнь страдал маниакально-депрессивным психозом. В период обострения болезни у великого писателя было много энергии, сил, творческих идей, которые он воплощал в своих ярких произведениях. Но проходило

время, и маятник качался в другую сторону — наступала черная полоса.

Во время последнего приступа болезни (декабрь 1851 — февраль 1852 года) Николай Васильевич несколько суток провел без пищи и воды, стоя на коленях перед иконами.

В конце января 1852 года произошло событие, оказавшее на Гоголя сильное влияние. Скоропостижно умирает жена его близкого друга Алексея Степановича Хомякова — Екатерина Михайловна. Эта смерть потрясла Гоголя. Он говорил Хомякову, что с ее смертью для него «снова умирают многие, кого он любил всей душой». На панихиде Гоголь, словно предчувствуя собственную судьбу, произнес пророческие слова: «Все для меня кончено».

Вызванное болезнью его неадекватное состояние и стало причиной литературной трагедии: он сжег второй том «Мертвых душ». Кстати, сжигал он этот второй том дважды: первый раз в 1845 году, второй — уже перед смертью...

Мировая литература, возможно, лишилась великого произведения, а вместе с рукописями исчезает смысл для Гоголя, не для чего становится жить.

Последующие 10 дней он угасает, глядя пустыми и безжизненными глазами в пустоту и ни с кем не разговаривая до самой смерти. По официальной версии Гоголь уморил себя голодом, что подтверждают строчки его писем: «Надобно ж умирать, а я уже готов, и умру».

Умирал Гоголь с четками в руках. Перед кончиной он дважды исповедался и причастился Святых Таин, а также соборовался. Он пришел к Богу измученный, почти искалеченный своим творчеством, ему было тяжело писать, но не писать он не мог. Последнее десятилетие жизни Гоголя

проходит под знаком тяги к иночеству. «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет. Но кого Бог удостоил отведать его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира», — так говорил Гоголь. Свою долю имения он отписал в пользу матери и остался нищим, помогая при этом бедным студентам из средств, полученных за издание своих сочинений.

Он умер 21 февраля 1852 года, в 8 часов утра, оставив наследство в сумме 43 рубля 88 копеек и свое бессмертное имя.

Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» Накануне, часу в одиннадцатом, он громко произнес: «Лестницу, поскорее давай лестницу!..» И то ли врачам мучительно, сквозь зубы, то ли уже нам как предчувствие: «Не тревожьте меня, ради Бога!»

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращения к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, написанные на отдельных листках, предсмертные записи.

С самой его смерти прочно укрепились слухи о том, что его будто бы похоронили заживо. В появлении этих слухов частично виноват сам Николай Васильевич. При жизни он страдал тафефобией — страхом погребения заживо, поскольку с 1839 года после перенесенного малярийного энцефалита был подвержен обморокам с последующим продолжительным сном. И патологически боялся, что во время подобного состояния его могут принять за умершего. Более 10 лет он не ложился в постель, чтобы выспаться

нормально. Ночами дремал, сидя или полулежа в кресле или на диване. Не случайно в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он написал: «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения».

Но похороны состоялись по православному обычаю через три дня после смерти, 24 февраля 1852 года, при огромном стечении народа. Был ясный, морозный день. После отпевания в университетской церкви гроб с телом великого писателя до самого кладбища Даниловского монастыря на руках несли студенты Московского университета. На могиле, находившейся подле кладбищенской церкви, был установлен памятник с высеченным изречением пророка Иеремии: «Горьким словам моим посмеются».

В 1931 году в связи с реконструкцией столицы прах Гоголя было решено перенести на Новодевичье кладбище. Комиссия, состоявшая из административных и литературных начальников, прибыла на кладбище, чтобы присутствовать при эксгумации останков. Официальный акт вскрытия могилы изложен скупым слогом кладбищенских плит: «31 мая 1931 года мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что в нашем присутствии на кладбище бывшего Даниловского монастыря произведена эксгумация писателя Николая Васильевича Гоголя для перезахоронения его праха на Новодевичьем кладбище в Москве». Далее следовало 12 подписей. И после этого поползли по свету, совершенно друг на друга не похожие, истории свидетелей...

Что же говорили? Во-первых, костюм Николая Васильевича был цел и невредим — не тело, как у святых, а

именно костюм. При жизни Николай Васильевич был франтом и бережно относился к своей одежде, столь же бережно к ней отнеслись и высшие силы. Во-вторых, тело лежало в странной позе, скорчившись, хотя в гроб его, конечно же, клали обычным манером. И в-третьих, на крышке гроба с внутренней ее стороны были обнаружены царапины, очень похожие на царапины от ногтей. Хотя прошло столько лет... Было бы еще страннее, если бы «тело» находилось в том же состоянии, в котором его положили в гроб. Также бродят несколько вариантов об исчезновении черепа Николая Васильевича. А некоторые из тех же двенадцати утверждали, что тела вообще не было.

Многие верили тогда, что «Мертвые души» должны были раскрыть тайну русской жизни, предназначение русского народа. Когда Гоголь умер, Тургенев сказал, что в этой смерти скрыта какая-то тайна. Как это часто бывает, высокая тайна жизни и творчества Гоголя была низведена на бытовой уровень...

Чехов Антон Павлович (1860—1904)

Чехов похоронен прямо напротив Гоголя. Памятник в виде белой часовенки с черным шпилем.

Чехов прожил сорок четыре года. А сколько за этот короткий срок он успел написать, сколько успел сделать!

Страшная болезнь проявилась еще в 1884 году, когда 24-летний Антон Чехов оканчивал медицинский факультет университета.

Повышенная температура, недомогание, кровь в мок-

роте периодически повторялись в течение многих лет, но практически Антон Павлович не лечился, хотя был болен, и весьма серьезно.

«Кто слышал от него жалобы, кто знает, как страдал он?» — вопрошал Бунин в статье, посвященной памяти Чехова.

21 марта 1897 года Чехов вместе с Алексеем Сувориным обедал в московском «Эрмитаже». Вдруг хлынула кровь, и, несмотря на все старания вызванного доктора, ее удалось остановить лишь под утро.

Через день кровотечение повторилось, и Чехов впервые обратился к специалистам и впервые прошел серьезное обследование в известной московской клинике профессора Остроумова.

Недавно найдена история болезни Чехова. Согласно этой истории в гимназические и студенческие годы Чехов болел туберкулезным воспалением брюшины, но «теснение в грудине» чувствовал еще в 10-летнем возрасте.

Все последующие годы болезнь прогрессировала. Что же касается лечения, которое Чехов получал в клинике, то нельзя же всерьез думать, что кусочки льда, которые он периодически глотал, или пузырь со льдом, уложенный на грудь, способны вызвать спазм легочных сосудов и тем самым — остановку кровотечения.

А болезнь прогрессировала. Горький вспоминал: «Однажды, лежа на диване, сухо покашливая, играя термометром, он сказал: «Жить для того, чтобы умереть, вообще не забавно, но жить, зная, что умрешь преждевременно, — уже совсем глупо».

Чехов был хорошим, опытным врачом, поднявшим на

ноги, вылечившим сотни больных, в том числе и туберкулезных. Но сам, будучи нездоров, вел себя как всякий больной, который даже зная, что он болен, обычно опасается, что это могут подтвердить со стороны. Может быть, потому Чехов долгие годы избегал не только серьезного медицинского обследования, но даже медосмотра — боялся получить подтверждение своим догадкам.

Он постоянно был один на один с болезнью.

Доктор Чехов понимал, что с ним происходит. О своих недомоганиях он писал, как бы наблюдая их со стороны, порой — чуть ли не извиняясь. Он знал, что панацеи нет. В сущности, ему не оставалось ничего, кроме надежд, разочарований и новых попыток. Мелихово, Крым, Кавказ, юг Франции, опять Крым... И Баденвейлер. Вслед за Буниным нельзя не повторить: «Было поистине изумительно то мужество, с которым болел и умер Чехов!»

С трудом, закончив «Вишневый сад», пожалуй, вершину своего творчества, Чехов отправился в Москву весной 1904 года, чтобы присутствовать на премьере. Ему стало очень плохо. Перед отъездом за границу он доверительно сообщил одному своему другу: «Прощайте. Еду умирать».

В Баденвейлер Чехов с женой приехал 9 или 10 июня. Первые дни он чувствовал себя бодро, говорил о своих планах, мечтал о путешествиях. Но вскоре эмоциональный подъем спал, и Чехов начал метаться, переезжать из гостиницы в гостиницу, затем — в частный дом, но и там повторилось то же самое: два-три спокойных дня, потом снова желание срочной смены места жительства...

Развязка наступила в ночь с 1 на 2 июля 1904 года. По свидетельству жены Ольги Леонардовны, в начале ночи

Чехов проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. «Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающего... А он с грустной улыбкой сказал: «На пустое сердце льда не кладут...» Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки. Потом повторил для меня по-русски: «Я умираю». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда».

Утром 5 июля гроб с телом Чехова отправился в далекий путь, в Москву.

Александр Куприн в тот день сделал в дневнике такую запись: «Среди моря венков, памятных лент и скорбных посвящений я разглядел надпись «На могилу такого писателя, как Ты, венок должен возложить каждый читатель»... Расходились с кладбища медленно, в молчании. Я подошел к матери Чехова и без слов поцеловал ее руку. И она сказала усталым, слабым голосом: «Вот горе-то у нас какое... Нет Антоши».

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943)

От могилы Антона Павловича Чехова идете по тропинке в глубь участка. Над могилой Немировича-Данченко возвышается черная плита, на верхней половине которой виден мраморный барельеф девушки.

Жизнь этого человека вместила очень многое. Немирович-Данченко — режиссер, писатель, педагог. Создатель и руководитель Московского Художественного театра (совместно с К.С. Станиславским). Народный артист СССР. Лауреат Государственных премий.

Под какими только псевдонимами он не писал! И каждый последующий псевдоним был изощреннее предыдущего: Вл., Владь, Гобой, Нике и Кикс и многие-многие другие. Писательскими амбициями Немирович-Данченко не страдал: отказался от присужденной ему Грибоедовской премии за пьесу «Цена жизни», считая, что по справедливости должна быть отмечена написанная в том же году «Чайка» Чехова. Став одним из руководителей Художественного театра, только однажды решился поставить на его сцене свою пьесу, в чем потом горько раскаивался.

Как-то с ним произошел забавный случай. Владимир, оказавшись в Новосибирске, пошел в местный театр оперы и балета посмотреть балет «Пламя Парижа» — о французской революции. Во время спектакля сидевший рядом с ним старик с окладистой бородой толкнул Немировича-Данченко локтем и по-свойски спросил: «Слушай, что они все пляшут да пляшут, а петь-то когда начнут?» Не расположенный к фамильярности Владимир Иванович сухо ответил: «Это балет. В балете петь не принято». Но в следующую минуту на сцене вдруг запели «Карманьолу»: таков был замысел постановщика! Сосед заметил Немировичу-Данченко с некоторым пренебрежением: «А ты, дед, видать, тоже, как и я, первый раз в театре».

Немирович-Данченко мечтал об обновлении театра, приближении сцены к новым художественным направле-

ниям и жизненной реальности. Требовалось воспитать актеров нового типа, способных передавать стиль и мысли новой драмы. Летом 1897 года по инициативе Немировича-Данченко состоялась его встреча со Станиславским в ресторане «Славянский базар». В ходе легендарной 18-часовой беседы были сформулированы задачи нового театрального дела и программа их осуществления, обсужден состав труппы, костяк которой составят молодые интеллигентные актеры, разделены обязанности.

В кабинете ресторана собеседники записывают тут же рождающиеся фразы, ставшие впоследствии крылатыми: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты...», «Всякое нарушение творческой жизни театра — преступление». Как вспоминал Владимир Иванович в книге «Рождение нового театра», взаимопонимание было удивительным: «Мы ни разу не заспорили. Наши программы или сливались, или дополняли одна другую».

Партнеры обсудили круг авторов и репертуар. Было решено, что Немирович-Данченко возьмет на себя литературную часть и организационные вопросы, Станиславскому достанется часть художественная. Однако в первые же месяцы репетиций выявилась условность такого разделения обязанностей. Важнейшие спектакли Художественного театра — «Царь Федор Иоаннович», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» Чехова — ставились Станиславским и Немировичем-Данченко совместно.

После кровавых событий 1905 года, смерти Чехова и разрыва с Горьким Немирович-Данченко обратился к русской классике. Во время первой русской революции режиссер находился во власти серьезного внутреннего раз-

лада: «Я сейчас переживаю огромные потери... Многое в моей жизни разваливается». Ему кажется, что его обступают корыстные, чуждые его душе люди. «Чеховские милые скромно-лирические люди кончили свое существование», — вырвалось у него в июне 1905 года.

Он инсценирует роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Впервые возник двухвечерний спектакль, состоящий из глав различной длительности (от 7 минут до 1 часа 20 минут), появилась фигура чтеца. Затем были поставлены «Бесы» все того же Федора Михайловича. Его появление на сцене МХТ вызвало гневный протест Горького.

С осени 1928-го из-за болезни сердца Станиславский прекратил не только актерские выступления, но и деятельность режиссера-постановщика, сосредоточившись на завершении своих трудов по «системе». Но еще до этого Станиславский и Немирович рассорились в пух и прах — кажется, из-за какой-то сущей безделицы. Оба были уже немолоды, у обоих испортились характеры и появились явные признаки звездной болезни.

Это прекрасно описал Булгаков в своем «Театральном романе». Когда в театре был Станиславский, Немирович-Данченко туда и носа не казывал. Когда там был Немирович-Данченко, Станиславский сразу сказывался больным. Труппе и сотрудникам театра оставалось только гадать: кто же кого выживет? Ставили все больше на Станиславского. Однако ошиблись.

И вот вся полнота ответственности за сохранение МХАТа ложится на Немировича-Данченко — об этом он мог только мечтать. Он ставит, ставит и ставит спектакли — и новых авторов, советских до мозга костей, и люби-

мого Чехова, и драгоценного Достоевского. Но силы уже не те, сил не хватает.

Собственную теорию актерского искусства Немирович-Данченко не оформил в законченную систему, как это сделал Станиславский. Хотя в его рукописях и записях репетиций было найдено немало мудрейших и полезных для театрального искусства мыслей. «Я не знаю другого тонкого психолога, так проникновенно смотрящего в корень человеческого существа, — говорила о нем О.Л. Книппер-Чехова. — Владимир Иванович не был актером, но он умел так взволновать актера, так заразить его, так раскрыть перед ним одной какой-то черточкой образ, что все становилось близким и ясным. Показывал он замечательно. Сам — маленький, неказистый, а войдет на сцену и ничего не делает, именно ничего не делает: не меняет голоса, не придает лицу каких-нибудь особенных характерных черт, а сущность образа, его душа — раскрыты».

В начале войны Владимир Иванович переехал в Нальчик, затем — в Тбилиси. Но уже в сентябре следующего года он снова в Москве, мечтает поставить шекспировские трагедии «Король Лир», «Антоний и Клеопатра». Ведет репетиции «Гамлета». Задумывает книгу о процессе создания спектакля... Однако признавался: «Смогу ли я писать? Слишком я люблю жизнь... Вот хочется совершенствоваться в английском языке, а может, уже поздно... Мне бы еще пятнадцать лет жизни».

Он вынашивает планы решительно обновить положение во МХАТе, намеревается все «заново ставить на ноги». А пока продолжает быть его директором и художественным руководителем, репетирует финал спектакля «По-

следние дни». Говорит: «Хорошо жить! Вот так просто — хорошо жить!»

25 апреля 1943 года Владимир Иванович Немирович-Данченко умер от сердечного приступа.

Дунаевский Исаак Осипович (1900—1955)

От могилы Немировича-Данченко идете дальше (если встать лицом к памятнику, то налево), выходите на дорожку, поворачиваете направо и входите на следующую тропинку.

Дунаевский и сейчас по праву считается классиком советской песни.

В 1910 году он поступил в Харьковское музыкальное училище, где занимался у И. Ахрона по классу скрипки, а у С. Богатырева — композиции. К тому периоду относятся и первые сочинения Дунаевского. Одновременно он учился сначала в гимназии, а затем на юридическом факультете университета.

В 1919 году Дунаевский начинает работу в Харьковском драматическом театре. Композитор уже тогда понял и навсегда усвоил, что в любом сценическом жанре характер и стиль музыки определяются идеей произведения.

В 1929 году композитор переселяется из Москвы в Ленинград, куда его пригласили в качестве композитора и дирижера открывшегося эстрадно-музыкального театра «Мюзик-холл». Ко времени приезда в Ленинград музыкальный багаж композитора был уже достаточно солидным. Дунаевским была написана музыка к 62 драматическим спектаклям.

Также им было создано свыше 90 различных произведений — пьесы для фортепиано, квартеты, романсы.

Во время обсуждения с Александровым и Утесовым новой музыкальной комедии Дунаевский подошел к роялю, сказав: «Об этой работе, музыка которой, как мне кажется, уже приближается к нам, мне хочется сказать... » И как бы в раздумье опустил руки на клавиши.

...Музыка, разрастаясь, превращалась то в размышление о счастье, то в веселые куплеты и галоп, то обретала ритм жизнерадостного марша. Когда растаял последний звук этой романтической импровизации, Дунаевский повернулся к Александрову и Утесову, спросил: «Похоже немножко?» Пораженный Александров молча смотрел на композитора. Сейчас, в какое-то короткое мгновение, сквозь музыкальные картины, набросанные Дунаевским, он ясно увидел кадры еще не созданного фильма.

Так начал он с 1933 года писать музыку и песни к кинофильмам: «Веселые ребята» (1934), «Три товарища» (1935). В 1936 году композитор написал музыку сразу к трем кинофильмам: «Вратарь», «Цирк», «Дети капитана Гранта». Позже были «Волга-Волга» (1938), «Весна» (1947) и др.

Утесов вспоминал: «Музыку Дунаевского любят все, но тот, кто не сидел с ним у рояля, не может себе полностью представить всю степень дарования этого поистине замечательного музыканта».

Музыка Дунаевского не только помогала отыскивать внутренний стиль и внутреннюю сущность будущего кинопроизведения, но и порой вела к разработке характеров будущих героев. Пожалуй, самым необычным примером

активного воздействия музыки Дунаевского на литературное творчество является тот факт, что не роман Льва Кассиля «Вратарь республики» стал основой сценария, а сценарий фильма и музыка к нему повлекли за собой рождение книги.

1938 год отмечен работой над музыкой к фильму «Волга-Волга». Она была для Дунаевского настолько же интересной и увлекательной, насколько ответственной и сложной. Дунаевский стал не просто композитором, написавшим музыку к фильму, а одним из авторов кинокомедии. «Можно смело сказать, что без этой музыки не было бы фильма!» — утверждала газета «Кино». «Но, — заметил Исаак Осипович, прочитав этот лестный отзыв, — без этого фильма не было бы и музыки!»

Композитору платили огромные гонорары, которые позволяли ему покупать машины, играть на скачках (впрочем, скачки он вскоре бросил). Он любил друзей и женщин, делал дорогие подарки, давал взаймы и никогда не напоминал о долгах.

Кстати, Сталин, которому очень нравилась музыка Дунаевского, недолюбливал самого композитора. Он затаил обиду на композитора, чья маловыразительная «Песня о Сталине» («От края до края, по горным вершинам») носила вымученный характер и не могла сравниться с «Песней о Родине». Говорили, что вождь, впервые прослушав «Песню о Сталине», сказал: «Товарищ Дунаевский приложил весь свой замечательный талант, чтобы эту песню о товарище Сталине никто не пел».

«Помнится, композитору сначала никак не удавался припев к «Маршу энтузиастов», — вспоминал Соловьев-

Седой. — Был момент, когда он отчаялся его сочинить и предлагал товарищам по жанру, в том числе и автору этих строк, в порядке соавторства дописать припев к «Маршу». Но в конце концов, конечно, нашел его сам!»

И помог в этом композитору завод «Электросила». В один из своих приездов к рабочим Дунаевский выступил с концертом во время обеденного перерыва в крупнейшем турбогенераторном цехе. Вслушиваясь в ритмичный гул станков, композитор вдруг «услышал» четкий ритм музыки будущего припева. Возвращаясь после концерта, Исаак Осипович увидел на заводском дворе группу рабочих, бодро и дружно шедших заступать в рабочую смену. Ритм их шагов будто еще что-то подсказал Дунаевскому.

«Друзья мои! — воскликнул композитор, обращаясь к провожавшим его рабкорам заводской газеты. — Так ведь это же и есть «Марш энтузиастов»! Сережа (это уже к шоферу), гони к роялю!»

Песни Исаака Дунаевского необычайно популярны в России и в настоящее время. Вспомните их хотя бы по названиям: «Широка страна моя родная», «Каким ты был», «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер», «Я по свету немало хаживал», «Каховка, Каховка...», «Капитан, капитан, улыбнитесь», «Ой, цветет калина...». И таких песен-хитов у него — более ста! А еще им были написаны 12 оперетт, три балета, музыка к 28 кинофильмам — наследие, которому может позавидовать любой нынешний композитор.

Последняя оперетта Дунаевского — «Белая акация» — стала его «реквиемом». Он скоропостижно скончался в Москве от сердечного приступа 25 июля 1955 года, не успев дописать совсем чуть-чуть...

Правда, потом ходили слухи, что Исаак Дунаевский застрелился, но его сын, Максим, отвечает на эти слухи так: «Причина смерти — сердечный приступ. Слухи давно все развеяны, к этому мне нечего добавить».

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940)

От могилы Дунаевского возвращаетесь обратно к стене колумбария, у лавочки поворачиваете налево и на следующем повороте — направо. Видите камень — надгробие Булгакова.

Его болезнь открылась осенью 1939 года во время поездки в Ленинград. Диагноз: склероз почек. Болезни поспособствовал морфий, которым излишне увлекался Михаил Афанасьевич. Вернувшись в Москву, Булгаков слег уже до конца своих дней.

По образованию Булгаков был врачом. Поэтому своему другу, Сергею Ермолинскому, Михаил Афанасьевич последовательно рассказал все, что с ним будет происходить в течение полугода — как будет развиваться болезнь. Он называл недели, месяцы и даже числа, определяя все этапы болезни. Он знал, что умрет, но не верил в то, что действительно умрет. По свидетельству того же Ермолинского, писатель говорил: «Как всякому смертному, мне кажется, что смерти нет. Ее просто невозможно вообразить». А потом все-таки добавил: «Но она есть...»

Булгаков стал хроникером своей смерти, более того, хроникером угасания собственного сознания. Друзей, приходящих к нему, и жену он просил только записывать, за-

писывать и записывать — все, что он говорит, все, что с ним происходит. И они записывали.

«Жизнь обтекает его волнами, но уже не касается меня.

Одна и та же мысль, днем и ночью, сна нет.

Слова встают зримо, можно, вскочив, записать их, но встать нельзя, и все, расплываясь, забывается, исчезает.

Реальная жизнь превращается в видение.

Так пролетают над яром прекрасные сатанинские ведьмы, как долетают они в романе. И реальная жизнь превращается в видение, оторвавшись от повседневности, опровергая ее вымыслом, чтобы сокрушить пошлую суету и зло».

Жена Булгакова вела дневник. Это был довольно странный дневник: Елена Сергеевна скрупулезно записывала каждое нежное слово, сказанное ей Михаилом Афанасьевичем: «Ты для меня все, ты заменила весь земной шар. Видел во сне, что мы с тобой были на земном шаре. Все время весь день необычайно ласков, нежен, все время любовные слова — любовь моя... люблю тебя — ты никогда не поймешь это». А также, совсем немного, писала о том, что он не перестает работать и просит иногда добыть где-нибудь револьвер.

Почти до самого последнего дня Булгаков беспокоился о своем романе, требовал, чтобы ему прочли то ту, то другую страницу... Это были дни молчаливого и ничем не снимаемого страдания. Слова медленно умирали в нем... Обычные дозы снотворного перестали действовать...

Весь организм его был отравлен, каждый мускул при малейшем движении болел нестерпимо. Он кричал, не в силах сдержать крик.

Потом Булгаков ослеп.

10 марта, в 4 часа дня, он умер. В тот день Елена Сергеевна написала в своем дневнике только два слова: «Миша умер». Все.

А на следующее утро раздался звонок телефона. Говорили из Секретариата Сталина. Голос спросил:

— Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

— Да, он умер.

Говоривший положил трубку.

И еще один штрих. Валентин Катаев рассказывал, как навестил Булгакова незадолго до смерти.

— Я скоро умру, — сказал Михаил Афанасьевич бесстрастно.

Катаев стал говорить то, что всегда говорят в таких случаях, то есть убеждать, что он мнителен, что он ошибается.

— Я даже могу вам сказать, как это будет,— продолжал Булгаков. — Я буду лежать в гробу, и, когда меня начнут выносить, произойдет вот что: так как лестница узкая, то мой гроб начнут поворачивать, и правым углом он ударится в дверь Ромашова, который живет этажом ниже.

Все произошло именно так, как он предсказал. Угол его гроба ударился в дверь драматурга Бориса Ромашова...

Долгие годы на могиле Булгакова не было памятника, только скромная цветочница да небольшие деревца, посаженные по углам. Елена Сергеевна Булгакова придирчиво подбирала камень для монумента и в своих тщетных поисках нередко заглядывала в гранитную мастерскую. Однажды ей бросился в глаза старый ноздреватый валун, видневшийся среди кучи мусора и обломков мрамора. Рабочие охотно объяснили, что это подножие православного

креста, некогда стоявшего на могиле Гоголя. Оказалось, что к очередному юбилею классика в 1952 году на могиле решили заменить обелиск. Стоявший ранее мраморный крест бесследно исчез, а подножие за ненадобностью выбросили в яму.

По преданию, И. Аксаков вез этот камень на телеге по разбитым русским дорогам из Крыма в Москву почти месяц, чтобы положить на могилу Гоголя.

— Я покупаю, — не раздумывая, сказала Елена Сергеевна.

Вскоре камень был водружен на могиле автора «Мастера и Маргариты». Булгаков как-то написал о Гоголе: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью».

Жизнь иногда бывает удивительней любых фантазий тем, что она исполняет подобные желания...

Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938)

Могила находится напротив захоронения Булгакова.

В его семье увлекались театром: в московском доме даже был специально перестроенный для театральных представлений зал, а в имении Любимовке — театральный флигель.

Сценические опыты будущий великий режиссер начал с 1877 года. Усиленно занимался пластикой и вокалом с лучшими педагогами, учился на примерах актеров Малого театра, среди его кумиров были Ленский, Музиль, Федотова, Ермолова. Вместе с певцом и педагогом Ф.П. Комиссаржевским и художником Ф.Л. Соллогубом Станислав-

ский разрабатывает проект Московского общества искусства и литературы (МОИиЛ), вложив в него личные финансовые средства. Толчком к созданию общества послужила встреча с режиссером А.Ф. Федотовым. Так состоялось «второе рождение»: «По-видимому, в артистической области я оставался все прежним безвкусным копировщиком. Федотов и Соллогуб начали надо мной производить операцию: и ампутацию, и потрошение, и выщелачивание театральной гнили, которая все еще держалась в тайниках. Они задали мне такую взбучку, которую я во весь свой век не забуду. Они меня так высмеяли и, как дважды два четыре, доказали отсталость, несостоятельность и пошлость моего тогдашнего вкуса, что я сначала смолк, потом устыдился, наконец, почувствовал полное свое ничтожество и — точно опустел внутри. Старое не годится, а ничего нового нет».

Первый спектакль состоялся 8 декабря 1888 года. За десять лет работы на сцене МОИиЛ Станиславский стал известным актером, его исполнение ряда ролей сравнивалось с лучшими работами профессионалов императорской сцены, часто в пользу актера-любителя. С января 1891-го Станиславский официально взял на себя в Обществе искусств руководство режиссерской частью.

Неудовлетворенность состоянием сцены в конце XIX века, желание сценических реформ, отрицание сценической рутины провоцировали поиски А. Антуана и О. Брама, А.И. Южина в московском Малом театре и Немировича-Данченко в Филармоническом училище. В 1897 году последний пригласил Станиславского встретиться и обсудить ряд вопросов, касающихся состояния театра. Станислав-

ский сохранил визитную карточку, на обороте которой карандашом написано: «Я буду в час в «Славянском базаре» — не увидимся ли?» На конверте он подписал: «Знаменитое первое свидание-сидение с Немировичем-Данченко. Первый момент основания театра».

Без малого год спустя, 14 июня 1898 года, в подмосковном дачном месте Пушкино началась работа труппы МХТ, созданной из учеников Немировича-Данченко по филармонии и актеров-любителей Общества искусства и литературы.

Но уже в совместной работе над пьесой Горького «На дне» (1902) обозначились противоречия двух подходов. Для Станиславского толчком было посещение ночлежек Хитрова рынка. В его режиссерском плане масса остро замеченных подробностей: грязная рубаха Медведева, башмаки, завернутые в верхнюю одежду, на которых спит Сатин. Немирович-Данченко искал на сцене «бодрую легкость» как ключ пьесы. Станиславский признавал, что именно Немирович-Данченко нашел «настоящую манеру играть пьесы Горького», но сам эту манеру — «просто докладывать роль» — не принял. Афиша «На дне» не была подписана ни тем, ни другим режиссером. Сначала во время репетиций за режиссерским столом сидели оба руководителя, с 1906 года «каждый из нас имел свой стол, свою пьесу, свою постановку...», ибо, поясняет Станиславский, каждый «хотел и мог идти только по своей самостоятельной линии, оставаясь при этом верным общему, основному принципу театра...».

Станиславский продолжает ставить перед собой все новые и новые задачи в актерской профессии. Он начина-

ет создавать систему, которая могла бы дать артисту возможность публичного творчества по законам «искусства переживания» во всякую минуту пребывания на сцене, способ воплотить все свои творческие способности. Практическое применение новой системы Станиславский перенес в созданную им Первую студию.

На судьбе Станиславского отозвались две последние его актерские работы: Сальери в трагедии «Моцарт и Сальери» Пушкина и Ростанев, которого он должен был вновь играть в готовившейся с 1916 года новой постановке «Села Степанчикова». Причина неудачи Ростанева, роли, не показанной публике, остается одной из загадок истории театра и психологии творчества. По многим свидетельствам, Станиславский «репетировал прекрасно». После генеральной репетиции он прекратил работу над ролью. После этого Станиславский навсегда отказался от новых ролей.

После Октябрьского переворота театр едва не закрылся. Спектакли бесплатные, билеты не продаются, а распределяются, пресса хулиганская, неврастеник Мейерхольд стал комиссаром и ходит с кобурой... «Пришлось начать с самого начала, учить первобытного в отношении искусства зрителя сидеть тихо, не разговаривать, садиться вовремя, не курить, не грызть орехов, снимать шляпы, не приносить закусок и не есть их в зрительном зале» («Моя жизнь в искусстве»).

Деятельность Станиславского в 1920—1930-е годы определялась прежде всего его желанием отстоять традиционные художественные ценности русского искусства сцены. В прессе тех лет все настойчивее звучат обвинения в «отсталости», в «нежелании» принять революционную действительность, в саботаже. Постановка «Горячего серд-

ца» (1926) стала ответом тем критикам, которые уверяли, что «Художественный театр — мертв». Затем театр получает «особое» положение и называется МХАТ СССР, в сентябре 1932 театру присвоено имя Горького.

После тяжелого сердечного приступа, случившегося в юбилейный вечер во МХАТе в 1928 году, врачи навсегда запретили Станиславскому выходить на подмостки. Станиславский вернулся к работе только в 1929-м, сосредоточась на теоретических изысканиях, на педагогических пробах «системы» и на занятиях в своей Оперной студии, существовавшей с 1918 года.

Практически не покидая своей квартиры в Леонтьевском переулке, Станиславский встречался с актерами у себя дома, превратив репетиции в актерскую школу по разрабатываемому им методу психофизических действий.

Продолжая разработку «системы», вслед за «Моей жизнью в искусстве» (американское издание — 1924-й, русское — 1926-й) Станиславский успел отправить в печать первый том «Работы актера над собой» (1938-й, посмертно).

Главным в системе Станиславского было учение о сверхзадаче — основной мысли пьесы, ее идее. В основе мировоззрения единой по своему нравственному облику труппы лежала идея равенства и ценности каждого человека на земле. Несмотря на то что революция национализировала его фабрику, Станиславский легко отнесся к потере капитала, продолжая, невзирая на любые условия быта, оставаться вне политики и фанатически служить театру.

Итог своей жизни Станиславский подвел сам: «Долго жил. Много видел. Имел хорошую семью, детей. Жизнь

раскидала всех по миру. Искал славы. Нашел. Видел почести, был молод. Состарился. Скоро надо умирать. Теперь спросите меня: в чем счастье на земле? В познавании. В искусстве и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант! Выше этого счастья нет».

Умер Станиславский в Москве 7 августа 1938 года.

Ефремов Олег Николаевич (1927—2002)

Справа от могилы Станиславского. Надгробие белое с колоннами по бокам.

Родился 1 октября 1927 года. Детство и отрочество проходило в знаменитых арбатских дворах и переулках, в огромной коммуналке, где сошлись самые «противоречивые характеры и лики тогдашней России».

Весной 1945 года Ефремов стал студентом актерского факультета Школы-студии МХАТ. На первом курсе, испытывая почти религиозное чувство к учению Станиславского, он вместе с несколькими сокурсниками принес клятву верности своему кумиру, романтически скрепив ее собственной кровью.

В студенческом дневнике Олега Ефремова есть нахальная запись: «Я буду главным режиссером МХАТа!» И в этом весь Ефремов: он пришел в искусство, чтобы быть главным, чтобы быть лидером.

В 1956 году Олег Ефремов покинул Детский театр и организовал театр «Современник». Среди единомышленников и сподвижников Олега Николаевича были Е. Евстигне-

ев, Г. Волчек, О. Табаков, И. Кваша, В. Сергачев, Л. Иванова. Избрав знаменем театра формулу Станиславского о «жизни человеческого духа», Ефремов стремился к естественности, к живому человеку на сцене, к искренности, порой граничившей с исступленностью.

Открывшись пьесой Виктора Розова «Вечно живые», «Современник» с первых дней существования стал точкой притяжения для мыслящего зрителя. Его спектакли всегда были событием не только театральной, но и общественной жизни.

Все это вызывало ревность мхатовских ветеранов, считавших, что молодые выхватывают у них знамя. И, естественно, когда правительство предложило Ефремову возглавить МХАТ, прославленные знаменитости были недовольны. Говорят, Борис Ливанов пустил в оборот мрачноватый каламбур: «Враги сожгли родную МХАТу».

Ефремов мечтал, что лучшие актеры «Современника» и труппа МХАТа объединятся. Но в реальности вместо дружбы произошел раскол.

И тогда Ефремов решается еще на один ответственный шаг: он предлагает создать из труппы МХАТа два театральных коллектива. Один — под своим руководством, другую же часть труппы возглавила Татьяна Доронина. Используя связи в верхах, Доронина добилась, что и ее коллектив сохранил название МХАТ. Так в середине 80-х годов появилось два Московских художественных академических театра — имени Чехова и имени Горького.

Олег Ефремов обладал даром творить на острие времени. Если самые знаменитые спектакли Ефремова-режиссера явились открытиями в российской театральной жизни,

то сыгранные им персонажи как в кино, так и на сцене стали знаковыми символами своего времени.

Таким был танкист Иванов, «на котором вся Россия держится», из военного кинoромана «Живые и мертвые». Шофер Саша из мелодрамы «Три тополя на Плющихе», излучавший фантастическое обаяние. Бесконечно трогательный художник-самородок Федор из фильма А. Митты «Гори, гори, моя звезда»... Тонкий комедийный дар Ефремова очаровал его бесчисленных поклонников при появлении стоически-принципиального доктора Айболита, честного следователя Подберезовикова из «Берегись автомобиля»...

К слову сказать, Олег Ефремов никогда не чурался чарки. Не был он, как и многие люди театра, чужд всяких амуров. В одном из последних интервью на вопрос «От чего екало сердце?» он ответил: «Ну, когда выпьешь хорошо, да еще с дамой!»

Уже на исходе жизни режиссер часто сетовал о неоплатном долге перед драматургией Александра Вампилова, сокрушался, что удалось поставить лишь одну пьесу Людмилы Петрушевской — «Московский хор». Мечтал о новых воплощениях пьес Михаила Булгакова, Александра Володина, Михаила Рощина.

Последние месяцы своей жизни, не расставаясь с кислородной подушкой (у него была тяжелая болезнь легких), Ефремов репетировал пьесу «Сирано де Бержерак» — о поэте, не склонившем головы перед трагическими обстоятельствами и отдавшем жизнь за свои убеждения.

Вот воспоминания о его последних днях Людмилы Петрушевской: «То, что он умирает, знали все вокруг. Он мол-

чал, никогда, ни единым словом не выдал себя, не пожаловался. Олег Николаевич был болен как простой смертный человек, а как вместилище духа он был здоров не хуже, чем боевой танк. Он работал неустанно, готовился к спектаклю, требовал, ставил передо мной четкие задачи. У него температура ползла к сорока, он наверняка понимал, куда идет дело, а мы сидели в палате, не зная об этом, маленькой группой, и остальным были тоже даны указания по конкретным вопросам. Той ночью он едва не умер — спасли».

Это было в 1999 году. Летом того же года авторское телевидение в рамках проекта «Чтения» сняло Олега Ефремова, читающего повесть Чехова «Моя жизнь». Роль чтеца стала последней ролью артиста.

«В последние месяцы смотреть на него было тяжело. У него начались проблемы с ногой, и на репетиции он приходил с костылями. Одну ногу клал на костыль, чтобы она меньше болела. Слева стоял баллон с кислородом, от которого тянулись трубочки (у Ефремова плохо работали легкие), а в правой руке зажата неизменная сигарета «Мальборо». Это было то еще зрелище! Но мы не услышали от него ни одной жалобы», — вспоминает Евгений Киндинов.

Последний месяц своей жизни Олег Ефремов много работал. Врачи обещали ему еще полгода жизни. Обрадованный Ефремов планировал закончить «Сирано де Бержерака» и осенью ввести в «Бориса Годунова» нового исполнителя вместо себя. Он не успел...

24 мая 2000 года Олег Николаевич умер в собственной квартире.

Ермолова Мария Николаевна (1853—1928)

Возвращаетесь к памятнику Булгакову, заходите за него, видите высокий черный памятник с вазой на конце. Это могила Ермоловой.

Актриса родилась 15 июля 1853 года в семье театрального суфлера. Семья жила довольно скромно. Основной педагогический принцип, какого придерживался Ермолов и неукоснительно проводил в воспитании дочерей, формулировался так: «Жизнь — тяжкий крест, надо с детства приучиться нести его». Ее отец в должности суфлера прослужил всю жизнь, работники театра часто замечали, что Ермолов вовсе и не смотрит в тетрадку с репликами, да и лежит она вверх ногами... У Маши никогда не было букваря: она научилась читать по... театральной пьесе. Поскольку с малых лет никто не обнаружил в Ермоловой и доли актерского таланта, ее против желания определили в балетное училище. Здесь девочка проучилась девять лет, не находя в себе ни малейшего призвания к танцу. Ее даже считали бездарной. Эти годы Мария Ермолова в дальнейшем называла самыми тяжелыми в своей жизни.

Когда еще девочкой Ермолова появлялась на сцене Малого театра в бессловесных ролях пажей, над ней смеялись. Но неудачи не сломили ее. Впоследствии, будучи уже знаменитой артисткой, она вспоминала: «Несмотря ни на что, ни на какие невзгоды и незадачи, во мне всегда, сама не знаю — почему, жила непоколебимая уверенность, что я буду актрисой, и не какой-нибудь, а первой актрисой и на Малой сцене. Никогда, ни одному человеку

не высказывала я этой уверенности, но она не покидала меня».

Ситуацию изменил счастливый случай. Ермоловой предложили играть роль Эмилии Галотти в спектакле Лессинга на бенефисе Медведевой вместо заболевшей актрисы. После первых произнесенных Ермоловой слов в театре раздались рукоплескания: всех поразил ее мощный, почти мужской голос, «идущий из груди и отдающийся в сердце». «Меня кто-то толкнул сзади... и я была на сцене, — говорит Ермолова про свой дебют. — Мне казалось, будто я провалилась в какую-то дыру... я была в сумасшедшем страхе. Перед глазами вместо зрительного зала — громадное черное пятно, а на нем каких-то два огня... Я сама не знаю, как произнесла первые слова... Раздались громкие аплодисменты. Это меня поразило и испугало. Я не понимала, в чем дело». Спектакль произвел фурор. Дарование юной актрисы было наконец замечено.

Увидев ее на сцене, режиссер новой волны К. Станиславский с восхищением заметил, что искусство Ермоловой заключается в «совершенной простоте». Он считал Марию Николаевну идеалом театральной актрисы. Станиславский писал о ней: «Это целая эпоха для русского театра. Она символ женственности, красоты, силы, пафоса, искренности. Ее данные были исключительны. У нее была гениальная чуткость, вдохновенный темперамент, большая нервность, неисчерпаемые душевные глубины».

За полвека служения театру Ермолова сыграла 282 роли. Наибольшее количество образов создано ею в пьесах Александра Островского: «Гроза», «Горячее сердце», «Невольницы», «Таланты и поклонники». Успех сопутствовал

актрисе и при исполнении ролей в пьесах зарубежных авторов. Играя Орлеанскую Деву, она имела такой успех, что публика на одном из спектаклей вызывала ее 64 раза. Одновременно с работой в театре актриса часто выступала на концертной эстраде с чтением стихов.

Обычную историю русской провинциальной актрисы Ермолова умела превратить на сцене в рассказ о подвиге русской женщины, жертвующей своим личным счастьем ради призвания.

Про великую актрису до сих пор ходит немало театральных анекдотов, в основе которых — ее поразительная способность не теряться в любых обстоятельствах. Так, однажды во время спектакля за кулисами послышался выстрел — это застрелился муж героини. На сцену вбежал актер. Ермолова в страшном волнении: «Кто стрелял?» Актер, не переводя дыхания, вместо слов «Ваш муж!» выпалил: «Вах мух!» Ермолова повторила в ужасе: «Мох мух?» — и упала без чувств.

В отличие от активной сценической деятельности в жизни Ермолова была замкнутым человеком, оберегала свой внутренний мир.

Главным, отличительным свойством обстановки Марии Николаевны была простота. Комнаты ее почти ничем не выдавали «актрисы»: ни традиционных лавровых венков по стенам, ни афиш, ни витрин с ее портретами — разве бюст Шекспира, гравюра, изображавшая Орлеанскую Деву, да портреты Шиллера и других любимых писателей. Немало еще было портретов иностранных знаменитостей с автографами, по которым можно было судить, как они высоко ставили Марию Николаевну.

Обстановка была более чем скромная: ни красного дерева, ни карельской березы, никакого стиля — вещи покупались, потому что были нужны или удобны.

Никогда у нее не было никакой «страсти коллекционирования». Только разве изображения Жанны д'Арк во всех видах: статуэтки, бронза, гравюры, рисунки, которые ей дарили.

Комнаты были бы даже строги в своей простоте, если бы не цветы, которые очень любила Мария Николаевна и которые ей посылали и приносили до последнего дня.

Начиная с конца восьмидесятых годов Мария Николаевна была чрезмерно перегружена работой. Долгие годы подряд она играла почти ежедневно, а на праздниках, то есть на Рождество и на Масленицу, ей приходилось играть за две недели пятнадцать-шестнадцать раз, а за неделю — семь-восемь, принимая во внимание утренники.

Одновременно со спектаклями почти все время шли репетиции. Только по субботам вечером (спектакли под праздник были запрещены) полагался отдых, который она употребляла на то, чтобы бывать в симфонических концертах.

Ермолова вела довольно замкнутый образ жизни. Она рано вышла замуж, причем по любви, за богатого помещика адвоката Шубинского. Однако семейная жизнь не сложилась, не помогло даже рождение дочери, молодые люди очень быстро поняли, насколько они далеки друг от друга. Ее большой любовью был известный в Европе ученый. Но оставить семью ради призрачного счастья она не захотела. Много лет спустя, когда дочь Марии Николаевны выросла и вышла замуж, ее возлюбленный опять предложил соединить с ним судьбу, но так как эту перемену он связы-

вал с ее уходом из театра, Ермолова отказалась. Все осталось по-старому, Мария Николаевна еще больше замкнулась в себе, встречалась только со старыми друзьями.

Известны ее слова: «...Бесценный самый дар — доброта сердца, это лучшее, что есть в человеке».

Она скончалась в начале марта 1928 года от той же болезни, что и ее отец: обнаружился процесс в легком. Ушла без страданий: просто впала в тихое забытье и, не приходя в сознание, умерла во сне.

В эти минуты, вспоминает Т.Л. Щепкина-Куперник, в окне ярко блеснуло солнце, только что вышедшее из-за противоположных домов бульвара, и прямо озарило ее лицо — такое строгое, такое скорбное и такое прекрасное.

Не любившая заботами о себе утруждать других, она боялась доставить беспокойство кому-либо даже своей смертью. Казалось, актриса сделала все, чтобы ее забыли: больше пяти лет не появлялась на сцене, почти не поддерживала связей с театральной жизнью да и вообще мало с кем общалась.

Но ее помнили, любили...

Илья Ильф (1897–1937)

Заходите за памятник Ермоловой, идете по тропинке в глубь участка. Памятник Илье Ильфу — вертикальная серая плита.

Настоящее имя знаменитого писателя — Иехиель-Лейб Файнзильберг. Псевдоним Ильф (образованный от первых букв имени и фамилии) он взял задолго до того, как начал

писать прославившие его «Двенадцать стульев» и «Золотого теленка».

Поначалу отец семейства хотел, чтобы сыновья получили серьезное образование и стали бухгалтерами. Старший, Александр, выполняя волю отца, поступил в коммерческое училище и стал... художником. Второй, Михаил, тоже был определен в коммерческое училище и тоже стал... художником.

Наконец, чтобы не искушать более судьбу, среднего было решено отдать в ремесленное училище, которое Ильф благополучно окончил и, к огромной радости родителя, стал работать чертежником. Поработав затем токарем, статистиком и телефонным монтером, Ильф, несмотря на слабое здоровье, был призван в армию. Летом 1919 года из-за наступления деникинцев под ружье поставили даже негодных к строевой службе.

Через несколько лет в письме к любимой девушке Ильф так будет вспоминать это время: «Я знал страх смерти, но молчал, боялся молча и не просил помощи. Я помню себя лежащим в пшенице. Солнце палило в затылок, голову нельзя было повернуть, чтобы не увидеть того, чего так боишься. Мне было очень страшно, я узнал страх смерти, и мне стало страшно жить».

Как это часто бывает, благодаря трудностям жизнь Ильфа кардинально изменилась — он начал пробовать свои силы в журналистике.

От остальных поэтов Ильф отличался не только стихами, но и манерой одеваться. Валентин Катаев вспоминал, что «даже самая обыкновенная рыночная кепка приобретала на его голове парижский вид...». При этом жизнь бу-

дущего автора «Золотого теленка» была совсем не парижской. В письмах любимой он признается: «Я знал голод. Очень унизительный — мне всегда хотелось есть».

Вскоре в его жизни появляется та, которую он полюбит больше всех на свете, — Маруся Тарасенко. «Мама поначалу была влюблена в брата Ильфа, — рассказывает Александра Ильф. — Он был ее преподавателем, в общем, произошла традиционная история. Но в результате именно мама первая призналась в любви к отцу. Хотя порою писала ему довольно обидные вещи. Все юные девушки склонны к тому, чтобы придумывать и изобретать».

Маруся пока остается в Одессе, а Ильф штурмует Москву. Но делает это, разумеется, только для одного человека — для Маруси. «Что мне Москва? — пишет он. — Это ничего, это только чтобы заслужить тебя. Только».

21 апреля 1924 года Илья Ильф и Маруся Тарасенко официально стали мужем и женой. После того как Ильфы зажили семейной жизнью, интенсивность переписки пошла на спад. Однако по-прежнему страстно обожающий Марусю Ильф придумал новый способ выразить свою любовь. Он приобрел фотоаппарат и принялся делать бесконечные фотографии молодой жены. Из нее, кстати сказать, получилась первоклассная модель...

Мария Николаевна пережила мужа на много лет — она умерла в 1981 году. Все эти годы она хранила перевязанную тесемкой пачку писем, которыми она и ее Иля обменивались в двадцатые годы.

Илья Ильф был страшно ленивым, но чрезвычайно талантливым человеком. Больше всего на свете он любил лежать на диване, смотреть сквозь грязноватые стекла

своих круглых очков на потолок и размышлять. Период размышлений закончился, когда в его жизнь ворвался Евгений Петров (брат В. Катаева; он их и познакомил). Тот был явной противоположностью Ильфа. Петров — поджарый и ловкий. Ильф — несколько полноват и мешковат. Петров — деятельный. Ильф — неисправимый лентяй...

Знакомство будущих соавторов происходит в 1925 году, а уже через год начинается их совместная работа — роман «Двенадцать стульев», публиковавшийся в 1928 году в журнале «30 дней». Роман сразу завоевал признание читателя, но критикой был встречен холодно. Однако книгу молодых писателей поддержал Владимир Маяковский.

Ильф искренне завидовал Остапу Бендеру. В «Записных книжках» он признается, что хотел бы пройти по жизни таким же веселым, здоровым и предприимчивым. Но Ильф был грустен. Его съедал туберкулез, и жил он от гонорара до гонорара.

Если бы не записные книжки Ильфа, мы бы никогда не узнали, что «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» — это шутки Ильфа, сплавленные в магический кристалл Петровым. Ильфу такая работа была бы не по силам. Он был писателем XXI века — минималистом. «Бога нет! А сыр есть? — грустно спросил учитель». Петров смог бы написать целую главу об этом учителе. А Ильф только грустно улыбнулся и записную книжечку в карман положил.

В 1920-е годы появляется ряд фельетонов и повестей. А в 1931-м публикуется долгожданное продолжение Бендера — «Золотой теленок». Книга была очень тепло встречена критикой, Ильф и Петров получили настоящее признание: восторженные отзывы Горького, Зощенко, Барбю-

са. А ведь писатели — было дело — решили покончить со своим героем еще в первой книге.

Расправиться с Бендером писатели решили по жребию. На одном листочке нарисовали Веселого Роджера, другой оставили чистым. Бросили в шапку, потрясли, потрясли. Вытянули одну из бумажек. Череп! Ну ладно, порешили творцы, значит, Бендеру — хана! И ведь убили его в конце романа «12 стульев»! Думали, что убили насовсем, ведь по-другому обычно и не бывает. Однако по настоятельной просьбе читателей Бендер хоть и со шрамом от бритвы Кисы Воробьянинова, но все-таки появился в новом романе. И этот роман был обречен на еще больший успех, чем первый.

Обаяние Ильфа столь велико, что в союзе с Петровым он даже Сталина обаял. Роман понравился, и вождь его разрешил. Потом спохватился и запретил.

Возможно, появился бы и третий роман, но творческое сотрудничество писателей прервала болезнь Ильфа (туберкулез легких), которая обострилась позднее — когда писатели совершили путешествие в США для написания книги «Одноэтажная Америка». Болезнь окончилась его смертью 13 апреля 1937 года.

Ильф не дожил до Второй мировой войны. Не видел Освенцима, в котором Гитлер хотел сжечь и его, и его книги. Хотя книги уже сжег Сталин.

Петров прилагал много усилий для публикации записных книжек Ильфа, задумал большое произведение «Мой друг Ильф». Во время Великой Отечественной войны Петров стал фронтовым корреспондентом. Погиб 2 июля 1942 года в авиакатастрофе, возвращаясь в Москву из Севастополя.

Дурова Наталья Юрьевна (1934–2007)

Идете прямо, доходите до дороги, слева от вас будет памятник Дурову. У Н. Дуровой пока стоит только деревянный крест.

Художественный руководитель, генеральный директор театра «Страна чудес дедушки Дурова», народная артистка СССР и России, лауреат Государственной и международных премий, писатель, академик Российской академии естественных наук — все это одна и та же женщина.

Наталья Дурова родилась 13 апреля 1934 года. Воспоминания Натальи Юрьевны: «Мой дед, Владимир Леонидович, ждал мальчика, то есть внука-преемника. А родилась девочка, чему дедушка огорчился и даже разгневался. Однако, когда он увидел у меня на тельце родимое пятно (ни у кого, кроме него самого, такого знака не было!), мгновенно все изменилось. Владимир Леонидович признал меня как внучку и сказал, что сам займется моим воспитанием.

Но, к сожалению, едва окрестив меня, он ушел из жизни. А родимое пятно и впрямь оказалось вещим. Я с гордостью продолжаю дело моего деда. Я не просто дрессировщица, я друг зверей. Я их мама. И этим горжусь!

Как настойчиво доказывал мой дедушка Владимир Леонидович, во-первых, любое живое существо необходимо освободить от страха, и тогда оно с готовностью, как игру примет каждое внушение друга-дрессировщика. Во-вторых, став основателем безболевой дрессировки и исключив из работы хлысты и палки, мой дед доказал, что ласка и любовь — залог успеха в работе с животными. Разрабо-

тав свой метод, он утверждал: «Жестокость унижает, только доброта может быть прекрасна!» Вот и весь секрет».

Наталья Дурова начала выступать в цирке с четырехлетнего возраста вместе со своим отцом. Ребенком она выступала перед солдатами на фронте и была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», также гвардейским значком, который ей вручил сам маршал Георгий Жуков.

Дикие звери не пугали ее. Она просто не знала, что их следует бояться. С годами к Наталье Дуровой пришла слава женщины, способной войти в клетку к любым хищникам и найти с ними «общий язык»...

Более 60 лет отдала Наталья Дурова цирку и работе с животными. Самые известные номера дрессировщицы — уникальные аттракционы с моржами и номер с дрессированным морским львом.

Наталья Юрьевна — необыкновенно мужественный человек. За свою долгую карьеру дрессировщицы она получила множество травм от своих подопечных. Первый случай, когда ей потребовалась серьезная помощь врача, произошел в октябре 1953 года во Владивостоке. Перед зрителями выступала удивительная в своей цепкой кошачьей грациозности рысь Котька. Непредвиденный случай: незнакомый костюм поразил рысь волнением воланов. Она начала играть воланами на юбке и зацепила ноги дрессировщицы (в природе у рыси когти, попав в тело жертвы, рефлекторно сцепляются). Но Дурова отработала номер до конца — так делали ее отец и дед, а за кулисами потеряла сознание. Врачи насчитали 17 рваных ран... «Меня с детства отец приучил терпеть боль, — говорила Ната-

лья Юрьевна. — Он говорил, что публика приходит к нам как на праздник, и мы не должны показывать, что нам трудно или порой невыносимо больно...»

Еще школьницей Наталья Дурова начала писать рассказы. В 1956 году она окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Дурова пишет книги для детей и взрослых, пишет о том, с чем хорошо знакома, — о маленьких любителях цирка, о дрессировщиках, о животных.

Наталья Дурова вышла замуж в 20 лет. Годом раньше в автомобильной катастрофе погибла ее мама, смерть которой девушка переживала очень тяжело. Однажды после выступления горе нахлынуло так мощно, что, несмотря на присутствие посторонних, слезы вырвались наружу. Она спряталась в уголок за цирковыми кулисами и зарыдала. Здесь-то зареванную девчонку и нашел незнакомец. Этот взрослый, красивый, статный мужчина не только смог буквально одним прикосновением утешить несчастную, но, когда слезы наконец высохли, вдруг спокойно произнес: «Я знаю, что вы станете моей женой». Он был прав. Когда она под руку с актером Михаилом Болдуманом прибыла в загс, зарегистрировать их отказались: разница в возрасте жениха и невесты 36 лет — это уж слишком. Молодые не растерялись и отправились в церковь — венчаться. После того как семью зарегистрировали на небесах, и мирские власти оказались не столь неприступными. Так церковь помогла им узаконить отношения.

Однажды Дурову спросили, какое живое существо она считает самым веселым, Наталья Юрьевна ответила: «Все-таки это человек. С его стремлением возродить доверие к людям хотя бы у собак. Весельем, лаской, прогулками с

поводком, пробежками трусцой. Я тоже веселая. Вот мне исполнилось 70 лет, но старость не ощущаю, я никогда не состарюсь. Старость — это потеря легкомыслия, а его у меня слишком много».

Дурова не покидала животных даже при самых тяжелых обстоятельствах, но в последний год жизни заболела воспалением легких и надолго слегла в клинику. После выписки Наталья Юрьевна неудачно упала на одной из репетиций и вновь попала в больничную палату.

В клинику ослабевшую Наталью Дурову бригада «Скорой» привезла 23 сентября. Диагноз звучал угрожающе: энцефалопатия, болезнь Паркинсона. Больше двух месяцев Наталью Юрьевну выхаживали в отделении неврологии. Волевая пациентка, несмотря на тяжелую болезнь, держалась мужественно, медики ни разу не слышали от нее жалоб и капризов.

Внезапно Дуровой стало хуже. Ее срочно перевели в реанимацию, врачи боролись изо всех сил. Увы, спасти легенду цирка не удалось. 27 ноября, в 00 часов 15 минут, у Натальи Юрьевны остановилось сердце.

Толстой Алексей Николаевич (1883—1945)

От могилы Дуровой идете прямо по направлению к старым воротам. Пропустив три дорожки (справа), на четвертой поворачиваете, идете до колумбария.

Алексей Толстой родился 29 декабря в семье помещика. Отец Толстого — граф Н.А. Толстой, мать — детская писательница.

На раннее творчество А. Толстого оказал влияние М. Волошин, который в те годы был с ним дружен. В 1909 году юный граф написал первую повесть «Неделя в Тургеневе». Затем вышли в свет два романа — «Чудаки» и «Хромой барин». Произведения Толстого привлекли внимание М. Горького, который увидел в нем «писателя, несомненно, крупного, сильного...».

Первая мировая война меняет планы Толстого. Как военный корреспондент от «Русских ведомостей» он находится на фронтах, побывал в Англии и Франции.

Февральскую революцию Толстой принимает восторженно, но Октябрьский переворот рушит его идиллические надежды: гибнут два его родных брата, расстреляны дядья, несколько родственников умирают от голода и болезней. «Физически возненавидев большевиков» как виновников смуты, Толстой уже в 1918 году через Одессу перебирается во Францию, затем — в Германию. Становится эмигрантом.

О своей жизни в тот период Толстой напишет: «Жизнь в эмиграции была самым тяжелым периодом моей жизни. Там я понял, что значит быть парием, человеком, оторванным от родины... не нужным никому...» В 1922-м в Берлин приехал М. Горький, с которым установились дружеские отношения.

В берлинский период были написаны роман «Аэлита», повести «Черная пятница» и «Рукопись, найденная под кроватью».

В 1923 году Толстой возвращается в СССР. Среди написанного после возвращения выделяется прежде всего трилогия «Хождение по мукам».

Из детских книг Толстого наибольшую известность по-

лучила сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936), написанная по мотивам итальянской сказки.

Будучи очень талантливым писателем, пользовался огромной популярностью и всячески пропагандировался советской партийной печатью. Советский граф жил большим барином, получив от властей все блага, какие только хотел.

Толстой стал одним из любимейших писателей вождя. Он был усыпан всеми мыслимыми и немыслимыми почестями, получил рядом с горьковским дворцом на Малой Никитской свой персональный «флигелек». Ему были предоставлены две автомашины: одна — ЦК партии, другая — ленинградским Советом. На роскошной даче А. Толстого в правительственном подмосковном поселке Барвиха нередко встречались за хлебосольным столом именитые композиторы, музыканты и «нужные люди». После смерти Горького он прочно занял место патриарха советской литературы. «Неподдельный граф», он был ласково прозван вождями пролетарской революции «рабоче-крестьянским графом», «товарищем графом», «нашим советским графом».

В 1937 году он пишет «официальную» повесть «Хлеб», которую сам никогда не любил. Был даже вот какой эпизод. Молодой литературовед Марк Поляков посетил Алексея Толстого в Барвихе. Мэтр был благосклонен и пригласил гостя отобедать. За обедом Толстой расхвастался:

— Салат — с моей грядки. Морковь — сам вырастил. Картошка, капуста — все свое.

— А хлеб тоже ваш? — съязвил Поляков.

— Хлеб?! Вон отсюда! — рассвирепел Толстой, усмот-

рев в вопросе Полякова намек на роман «Хлеб», написанный по социальному заказу и превозносящий Сталина.

Вот одно из писем, которое пришло к нему после «Хлеба»: «Алексей Толстой! Сегодня я сняла со стены ваш портрет и разорвала его в клочья. Самое горькое на земле — разочарование. Я говорю о вашем романе «Хлеб», содержание которого я прочла в «Лит. газете». Мне стало стыдно, горько и очень, очень больно. Ведь вы очень наблюдательный, умный, чуткий человек с огромным сердцем, вы, написавший «Гадюку», «Любовь», «Хождение по мукам», «Морозную ночь», вы, так умевший передать всю «милую тяжесть любви», проникший в тайное тайных человеческой души и с опытностью мастера разбирающийся в сложной механике Жизни... Как не стыдно вам присоединяться к хору, вопящему, что «у нас светлая, радостная, счастливая жизнь, данная нам любимым Сталиным». История... Как ее извращают! И вы тоже приложили свою тонкую руку, тоже стали заправским подпевалой. Это подлость высшей марки!»

Значительным достижением А.Толстого стал его исторический роман «Петр Первый», над которым он работал в течение шестнадцати лет.

Толстой и сам все прекрасно понимал о советской действительности. «...Алексей Толстой не интересовался политической судьбой своей родины, — пишет близко знавший писателя Ю.П. Анненков. — Он не стремился стать официальным пропагандистом марксизма-ленинизма... Весельчак, он просто хотел вернуться к беззаботной жизни, обильной и спокойной... Я вновь встретился с Толстым в 1937 году в Париже, куда он приехал на несколько дней

в качестве знатного советского туриста, «советского графа». Мы провели несколько часов с глазу на глаз.

«Я циник, — говорил он, — мне на все наплевать! Я — простой смертный, который хочет жить, хорошо жить, и все тут. Мое литературное творчество? Мне и на него наплевать! Нужно писать пропагандные пьесы? Черт с ним, я и их напишу! Но только это не так легко, как можно подумать. Нужно склеивать столько различных нюансов! Я написал моего «Азефа», и он провалился в дыру. Я написал «Петра Первого», и он тоже попал в ту же западню. Пока я писал его, видишь ли, «отец народов» пересмотрел историю России. Петр Великий стал без моего ведома «пролетарским царем» и прототипом нашего Иосифа!

Я переписал заново — мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет! Приходится действительно быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбрюки — все они акробаты. Но они — не графы. А я — граф, черт подери!

Моя доля очень трудна...»

Во время Отечественной войны часто выступал со статьями, очерками, рассказами, героями которых были простые люди, проявившие себя в тяжелых испытаниях войны. В годы войны создает драматическую дилогию «Иван Грозный» (1941—1943).

Премиями и наградами Толстого не обделили — лауреат Грибоедовской премии, трижды лауреат Сталинской премии; награжден орденом Ленина, орденами «Знак Почета» и «Трудового Красного Знамени».

Тяжелая болезнь (злокачественная опухоль в легком) не дала ему дожить до Дня Победы. Он умер 23 февраля 1945 года в Москве.

Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964)

От могилы Толстого доходите до стены колумбария, увидите справа «стену» Маршака.

Михаил Светлов выразил восхищение Маршаком следующими строчками:

«На свете множество дорог, /Где заблудиться может муза, /Но все распутать превозмог /Маршак Советского Союза».

Родился поэт 22 октября 1887 года в Воронеже, получил еврейское духовное образование, изучил иврит. С детства был книжником. Как он отмечал в своих воспоминаниях «В начале жизни», «мы охотились за книгами, где только могли».

Вскоре семья переезжает в Петербург, и тут Самуилу повезло: его познакомили со Стасовым и Шаляпиным. Когда у молодого поэта стал развиваться туберкулез, его покровители отправляют Самуила в Крым, к Максиму Горькому.

В 1912—1915 годах поэт учится в Англии, а вернувшись на родину, организовывает в Краснодаре детский театр. Среди драматургических сочинений Маршака особой популярностью пользуются пьесы-сказки «Двенадцать месяцев», «Умные вещи», «Кошкин дом»...

В 1923 году вышли первые стихотворные книжки для самых маленьких: «Дом, который построил Джек», «Детки в клетке», «Сказка о глупом мышонке».

С приходом Октябрьской революции Маршаку и другим организаторам новой детской литературы пришлось бороться с непониманием и консерватизмом новых хозяев.

Маршак считал, что для детей надо писать не занудно-наставительно, а весело и забавно — это противоречило «новой пролетарской литературе».

В середине 20-х годов Маршак редактировал журнал «Новый Робинзон», а затем фактически возглавил детский отдел Госиздата. Ввел в литературу многих талантливых детских писателей — Пантелеева, Белых, Хармса, Введенского, Житкова и других. Но не бросал и свое сочинительство.

Корней Чуковский писал о творчестве Маршака: «Только пройдя долгую, многотрудную школу поэтического творчества для малых детей, можно достичь такой четкой структуры, такой алмазной чеканки стиха». А в это время уже шли массовые аресты и репрессии... В годы террора было арестовано почти все его окружение — те, кого Маршак печатал в своих детских журналах, — Хармс, Введенский, Заболоцкий... А Маршак только получал премию за премией (четыре Сталинских и одну Ленинскую)! Почему? Возможно, потому, что Сталин как-то сказал: «А Маршак у нас хороший детский писатель...»

Нельзя не вспомнить переводную литературу С. Маршака: Бернс, Вордсворт, Блейк, Китс, Теннисон, Киплинг и, конечно, Шекспир. Шекспир благодаря стараниям Маршака стал прекрасным фактом русской поэзии — Маршак перевел 154 сонета великого англичанина, и как перевел! «Настоящий перевод — не только подчинение, — говорил Маршак, — но и соперничество». Знаменитый 121-й сонет «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть...» Маршак переводил несколько лет, добиваясь полного совершенства. Сохранилось недовольное высказывание Александра Твардовского: «Что за чудак этот Маршак! Он требует, что-

бы его перевод печатали так. Раньше крупными буквами «Маршак», потом «перевод», а потом внизу маленькими буквами — «Шекспир». У Маршака был характер и были амбиции.

И все-таки Маршак остается детским поэтом. Роль Маршака, поэта для детей, точно охарактеризовал А.А. Фадеев, подчеркнув, что Маршак сумел в своих стихах заговорить с ребенком о самых сложных понятиях большого социального содержания, о трудовой доблести и о людях труда без всякой дидактики, в живой, веселой, увлекательной и понятной детям форме, в форме детской игры.

В последние годы его одолевали болезни, в частности астма. Он проводил время в больнице, в Ялте, в Барвихе. Но больше работал, чем лечился. Врачей Маршак вразумлял: «Я как паровоз. Внезапная остановка в пути для меня опасна». Не бывая на людях, Маршак любил встречаться с коллегами наедине и, как выразился Твардовский, любил душить их стихами поодиночке. Лакшин вспоминал о звонках Маршака: «Вы должны ко мне приехать... Когда? Нет, зачем откладывать... Сегодня же... Голубчик, надо ли ждать до вечера? Если вы не очень заняты, приезжайте теперь же. Через сколько минут вы у меня будете?.. Я тут кое-что написал за последние дни».

Сейчас это кажется невероятным, но Маршак был одним из тех людей, которые могли находить счастье, отдых, развлечение в бесконечном чтении стихов вслух. Этим они были схожи с Чуковским. Из письма Чуковского Маршаку: «У меня тоже была проклятая зима. И как было бы чудесно нам обоим уехать куда-нибудь к горячему морю, взять Блейка и Уитмена и прочитать их под небом». Во время

встречи с друзьями вдруг говорил: «Ну что, окунемся?» — и начиналось чтение. Маршак часами слушал и читал стихи, свои и чужие.

Владимир Лакшин вспоминает, что Маршак был кипучим человеком, клокотание которого передавалось окружающим с ощущением почти физическим. Он всегда был чем-то встревожен, словно чего-то ждал, словно куда-то спешил и очень боялся опоздать. Маршак чувствовал время, как никто другой.

Но жизнь Маршака не всегда была светла и безоблачна — страшно погибла его крошечная дочка Натанель, первый ребенок: на нее упал самовар, она ошпарилась кипятком... В 1946-м от туберкулеза умер сын Яков, ему был 21 год. Через пять дней после его смерти у Маршака родился внук, которого назвали Яковом.

Из воспоминаний писателя Исаака Крамова: «Часу в двенадцатом ночи я возвращался в ялтинский Дом писателей и уже внизу услышал сухой, надсадный кашель. Маршак сидел у дверей своего номера на втором этаже, курил. Каждый вечер Розалия Ивановна, его секретарь, выставляет его за дверь, пока номер проветривается перед сном, и он сидит у двери, курит, молчит... После смерти жены Маршак целиком на ее попечении. Они очень привязаны друг к другу и постоянно ссорятся. Розалия Ивановна, всегда подобранная, аккуратная, деловитая и ворчливая старушка, была рижской немкой. А во время войны Маршак оставался Маршаком, и, когда по радио объявлялась воздушная тревога, он тотчас же стучался к ней в комнату с неизменной фразой: «Розалия Ивановна! Ваши прилетели!»

Самуил Яковлевич Маршак умер 4 июля 1964 года на

77-м году жизни от острой сердечной недостаточности. Академик Кассирский, как врач, удивлялся, чем живет это измученное и истощенное тело. «Должно быть, — писал Кассирский, — он держался натренированной нервной системой, сознанием величайшего и ответственнейшего долга». Маршак был полон планов: хотел продолжить «Беседы о мастерстве» и начатую статью о Шекспире, мечтал выпустить книжку «Лирических эпиграмм», собирался осенью на шекспировские торжества в Англию. Хотел, собирался... и не успел. Незадолго до смерти он написал: «Немало книжек выпущено мной, /Но все они умчались точно птицы. /И я остался автором одной /Последней, недописанной страницы».

Но и того, что было написано Самуилом Маршаком, с лихвой хватит на века. «У писателя должна быть многопольная система в работе, — говорил он. — Надо писать одновременно и стихи, и пьесу, переводить и держать корректуры... Это прекрасно, потому что не дает крови застаиваться, заставляя работать разные мускулы организма». Маршак занимался всем сразу и был неутомимым тружеником литературного цеха. Он обладал золотым пером алмазной огранки.

Ботвинник Михаил Моисеевич (1911—1995)

Напротив могилы Маршака находится колумбарий, где в нише под № 104 находится урна с прахом Ботвинника.

Михаил Моисеевич Ботвинник шестой в истории шахмат и первый советский чемпион мира (1948—1957, 1958—

1960, 1961—1963). Международный гроссмейстер (1950) и международный арбитр по шахматной композиции (1956); заслуженный мастер спорта СССР (1945), семикратный чемпион СССР (1931—1952). Председатель Всесоюзной шахматной секции (1938—1939) и правления общества «СССР — Нидерланды» с 1960 года. Заслуженный работник культуры РСФСР (1971). Доктор технических наук, профессор.

Он научился играть в шахматы в 12 лет и уже через два года имел первый разряд.

Осенью 1926 года 15-летний Миша Ботвинник играл в командном матче Ленинград — Стокгольм. Возвращались из Швеции пароходом, через Гельсингфорс. В гостинице этого финского города юный Ботвинник с изумлением увидел, как известный мастер Александр Ильин-Женевский разделся и стал обматывать себя дамскими чулками — выполнял заказ жены. В те годы хороших чулок отечественного производства не было, а мужчинам провозить дамские вещи запрещала таможня. Несмотря на протесты, Ильин совершил ту же процедуру со своим юным коллегой. Как признался Михаил Моисеевич в своих воспоминаниях, «угрызений совести я не испытывал — приятно было помочь новому другу!». Кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы начинающего контрабандиста «застукали» на границе...

С 1930-х годов Ботвинник — лидер советских шахматистов, он довел искусство подготовки к шахматным соревнованиям до совершенства. Его исследовательский подход к шахматам лег в основу современной шахматной школы. «Ботвинник имеет все шансы, чтобы стать чемпионом мира в ближайшие годы. Помимо огромного таланта

он обладает всеми спортивными качествами, которые имеют решающее значение для успеха, — бесстрашием, выдержкой, точным чутьем для оценки положения...» — сказал Алехин, вскоре приняв вызов Ботвинника, но Великая Отечественная война (1941—1945) помешала проведению матча. Тот матч, к сожалению, так и не состоялся из-за неожиданной смерти чемпиона мира.

И вот матч-турнир на первенство мира в 1948 году завершился победой Ботвинника, который в блестящем стиле завоевал звание чемпиона, опередив второго призера на три очка. Лидерство в мировых шахматах перешло к советским шахматистам.

В истории шахмат с именем Ботвинника связана целая эпоха. Он первым утвердил приоритет советской шахматной школы в мировых шахматах. Его игру отличали глубокие стратегические замыслы, неожиданные тактические удары, постоянное стремление к инициативе, созданию цельных партий. Он справедливо считается «патриархом советских шахмат». Ботвинник первым уделил особое внимание вопросам тренировки шахматистов, создал свой метод подготовки к соревнованиям. Внес ценный вклад в теорию многочисленных начал, разработал ряд оригинальных дебютных систем.

В течение многих лет Ботвинник руководил юношеской шахматной школой («Белая ладья»), где в разные годы занимались А. Карпов, Г. Каспаров, Ю. Балашов, А. Юсупов, А. Соколов, Е. Ахмыловская, Н. Иоселиани и др. Успешно совмещая шахматную деятельность с научной работой в области электротехники, Ботвинник является автором ряда изобретений, запатентованных во многих странах.

Писал книги по энергетике и кибернетике. С начала 1970-х годов руководил созданием шахматной программы для компьютера.

Ботвиннику доставляло удовольствие побеждать только сильных противников — это было для него по-настоящему интересно, так как надо было для начала изучить все особенности игры именно этого человека. Он с удовольствием рассказывал, как ему удавалось справляться с Талем в чисто психологической борьбе. Однажды Михаил Моисеевич отложил партию против своего тезки в совершенно безнадежной позиции. Ночь провел без сна. Анализировал варианты, искал спасение. И где-то под утро окончательно убедился: надо сдаваться.

Но из разветвлений вариантов следовало, что если где-то на пятом-шестом ходу от начала доигрывания Таль допустит маленькую, просто микроскопическую неточность, то можно будет поискать путь к ничьей.

Как подтолкнуть противника к этой неточности?

На протяжении многих сыгранных партий Таль пригляделся к постоянной привычке Ботвинника: где-нибудь на третьем-четвертом часу игры мэтр наклонялся и из портфеля, стоявшего у шахматного столика, доставал бутылку с киселем. Хорошую такую бутылку, немецкую. И начинал потягивать свой кисель из стаканчика.

Так вот: доигрывать безнадежную партию Ботвинник явился без портфеля. Значит, без бутылочки, без киселя. Для Таля это было знаком — мэтр сегодня не собирается долго сидеть за доской. По существу, сдается. Стало быть, доигрывание — чистая формальность.

Ботвинник быстро, как бы даже небрежно, сделал пер-

вые пять-шесть очевидных ходов. И Таль, чуть расслабившись, все-таки допустил ту самую микроскопическую неточность.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ботвинника. Он встал, медленно прошел за кулисы и сразу вернулся с портфелем в руках. Так же бесстрастно он раскрыл портфель, вынул бутылку с красным киселем и стаканчик. Поставил на столик.

И Таль понял: случилось что-то, уже непоправимое. Будем играть долго, трудно и даже мучительно. Как кончилась партия? Да вничью, конечно.

В свою будущую жену юный Михаил влюбился с первого взгляда. Гаянэ (или Гаянночка, как звали ее многие, в том числе и сам Ботвинник) была жгучей брюнеткой с черными глазами, стройной и изящной. За месяц до свадьбы девушку увидел Капабланка, знавший толк в женщинах. И он дал ей исчерпывающую оценку: «Et intelligente et belle» («И умна, и красива»). Возможно, это окончательно решило дело.

Когда Ботвинник говорил о себе: «По крови я — еврей, по культуре — русский, а по воспитанию — советский», он, безусловно, ничуть не кривил душой. Вот пример. В качестве гостя Ботвинник посетил шахматную Олимпиаду в Тель-Авиве, первый премьер-министр Израиля изложил ему свою теорию о том, что все евреи мира должны собраться в одной стране. Он явно намекал Ботвиннику, что ему тоже пора собирать вещи. В ответ Михаил Моисеевич неожиданно напугал Бен-Гуриона:

— А вы не боитесь, что евреи сделают здесь революцию?

Больше к этой теме премьер-министр не возвращался.

Ботвинник — крупная, своеобразная личность, жившая в очень своеобразное и жесткое время.

За день до смерти Ботвинник дал свои последние указания: «Никаких пышных похорон. Никаких шахматистов. Хочу уйти спокойно».

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975)

Возвращаетесь к могиле Маршака и идете по тропинке прямо до надгробия Шостаковича.

Его бесспорный и огромный талант был очевиден современникам. Ему пытались приклеивать ярлыки главного советского композитора и тайного нонконформиста, формалиста, новатора и, наоборот, традиционалиста.

Критикам и биографам по обе стороны советской границы приходилось нелегко. Одним нельзя было писать о страшной и печальной музыке Шостаковича, потому что это противоречило жизнеутверждающим и оптимистическим принципам государства, другим казалось, что композитор принимает правила игры и тем самым предает себя.

В 1927 году на 1-м Международном конкурсе пианистов им. Ф. Шопена в Варшаве, заранее надеясь на победу, он в итоге получил только почетный диплом участника. На счастье, необычный талант музыканта (в конкурсную программу Шостакович включил сонату собственного сочинения) заметил один из членов жюри конкурса, австро-американский дирижер и композитор Бруно Вальтер, который предложил Шостаковичу поиграть ему на рояле еще что-

нибудь. Услышав Первую симфонию, Вальтер немедленно попросил Шостаковича прислать партитуру симфонии ему в Берлин и затем исполнил симфонию в текущем сезоне, тем самым сделав имя русского композитора знаменитым.

Виктор Шкловский в одном из своих мемуаров зафиксировал диалог Александра Глазунова с Горьким. Писатель, к которому Глазунов, ректор консерватории и знаменитый композитор, пришел за материальной помощью для юного Шостаковича, спросил о музыке молодого дарования:

— Нравится?

— Отвратительно! Это первая музыка, которую я не слышал, читая партитуру.

— Почему пришли?

— Время принадлежит этому мальчику, а не мне.

Время действительно принадлежало Дмитрию Шостаковичу. Он сочинял, музицировал в шутку и всерьез, работал тапером в кинотеатрах, и все было ему впрок, из любой поденщины он извлекал пользу. Впоследствии режиссер Григорий Козинцев, работавший с композитором на протяжении сорока лет, писал: «Для Шостаковича никогда не бывает оскорбительным написать музыку именно на 1 минуту 13 секунд, и при том, чтобы на 24-й секунде оркестр играл тише, так как начинается диалог, на 52-й громче, так как стреляет пушка».

Успехи и признание композитора властью (четыре Сталинские премии) не мешали безжалостной критике и шельмованию: дважды — в 1936-м и в 1948 годах его буквально уничтожали. Его не удалось приспособить или переубедить в чем-либо, что имело отношение к музыке. После разгромной правдинской статьи «Сумбур вместо музы-

ки» по поводу «Леди Макбет Мценского уезда» он писал своему тбилисскому другу, композитору Андрею Баланчивадзе: «[Эта опера] является для меня таким сочинением, которому я никак не могу перегрызть горло... мне кажется, что надо иметь мужество не только на убийство своих вещей, но и на их защиту... я ведь тяжелодум и очень честен в своем творчестве».

В 1936 году должна была состояться премьера Четвертой симфонии, произведения нового, монументального стиля, сочетающего в себе героический пафос с лирическими и интимными эпизодами. Однако Шостакович благоразумно приостановил репетиции симфонии перед декабрьской премьерой, понимая, что в атмосфере начавшегося в стране государственного террора, когда ежедневно арестовывались представители творческих профессий, исполнение ее могло быть воспринято властью как вызов. Выпустил в свет Пятую симфонию, произведение, созданное намеренно в общепринятой форме: четыре части с сонатным аллегро, скерцо и триумфальным финалом, с преобладанием классических гармоний, предпослав симфонии фразу: «Ответ советского композитора на справедливую критику Партии».

Один из его маленьких шедевров, оставшихся от военного времени, — всем известная мелодия для «Песни о встречном» («Нас утро встречает прохладой», на стихи ленинградского поэта Бориса Корнилова). В 1945 году эта вещь даже стала гимном ООН.

В годы войны он охотно брался инструментовать известные вокальные произведения для фронтовых нужд. Западные критики часто приписывают эти его работы подчиненности режиму, желанию сохранить свой статус веду-

щего композитора. А он очень хотел хоть чем-то помочь воюющей родине. Он и окопы ходил рыть, и зажигательные бомбы учился тушить. Конечно, главным его вкладом военных лет стала Седьмая симфония, которую он написал, сам находясь в блокадном Ленинграде. Она явилась и откровением для слушателей, и подвигом ее первых ленинградских исполнителей и дирижера Карла Элиасберга, и феноменальной «бомбой»: такого напряженного интереса к симфоническому произведению не знал ни СССР, ни мир (например, крупнейшие американские дирижеры буквально сражались за право первого исполнения Седьмой).

В 1945 году, после завершения войны, Шостакович пишет Девятую симфонию, полную иронии и сатиры по отношению к окружающей жизни. В этой «легкой» на первый взгляд симфонии композитор возвращается к одной из главных тем своего творчества — обличению пошлости.

Снова «не вовремя», в 1948 году, он создает вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии», и это — в период организованной руководителем НКВД Абакумовым (январь 1949 года) массированной антисемитской государственной кампании, продолжавшейся вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Шостакович вновь оказывается под ударом, на этот раз как «потворник безродных космополитов и врагов народа».

По воспоминаниям людей, знавших Шостаковича лично, он был нервным и хрупким человеком, но удары даже такой силы не ломали его. Он не переставал писать ту музыку, которую слышал внутри.

Перед генеральной репетицией своей печальнейшей Четырнадцатой симфонии он произнес удивительное всту-

пительное слово: «Вероятно, вас заинтересует, почему же я вдруг решил так много внимания уделить вот такому жестокому и ужасному явлению, как смерть... Я отчасти пытаюсь полемизировать с классиками... Когда наступает трагическая гибель героев, это смягчается светлой музыкой. Все это, как мне кажется, происходит от разного рода религиозных учений, которые внушали, что жизнь, так сказать, может быть плоха, но когда ты умрешь, то все будет хорошо».

В последние несколько лет композитор сильно болел, страдая от рака легких.

Островский Николай Алексеевич (1904—1936)

Выходите на дорогу, идете прямо, у стены — направо, затем за могилой Аллилуевой поворачиваете и идете вперед.

Сначала мы услышали, что это не он, Николай Островский, написал свою, так потрясшую людей книгу. Потом прочли о нем сокрушительное: «слепой фанатик», «символ тоталитарной эпохи». Позже книга «Как закалялась сталь» была исключена из школьной программы...

Слово «мумия» прозвучало в очерке Кольцова «Мужество», опубликованном в газете «Правда» в 1935 году. И хотя оно относилось лишь к внешнему облику Островского, подчеркивая ужас опрокинувшей его в глубокую неподвижность болезни, но именно с кольцовского очерка началась оглушительная всесоюзная, а потом и мировая слава Островского. Сам же писатель, рассказывал его друг Петр Новиков, был больно задет этим словом.

Однажды, недовольный некоторыми семейными сце-

нами романа, какой-то критик написал, что они способствуют «разжижению гранитной фигуры Павки Корчагина». Николай Алексеевич был возмущен: гранит не строительный материал для живого человека. Назвал статью «вульгарной»: «Сердечно болен, однако отвечу ударом сабли». Одна из его добровольных секретарей, Мария Барц, оставила нам свидетельство того, что его беспокоило при диктовке: «По-человечески ли получилось? Не лубочно ли? Не слишком ли ортодоксален Павел Корчагин? Не плакатен ли?»

С 12 лет будущему комсомольскому писателю пришлось работать по найму: кубовщиком, рабочим на складе, подручным кочегара на электростанции. Впоследствии он писал М. Шолохову об этом периоде своей жизни: «...Я штатный кочегар и насчет заправки котлов был неплохой мастер». Тяжелая работа не смогла укротить романтические порывы подростка. Его любимыми книгами были «Спартак» Р. Джованьоли, «Овод» Э.Л. Войнич, романы Купера, Вальтера Скотта, где отважные герои боролись за свободу против несправедливости тиранов. Уже в юности он читал друзьям стихи Брюсова, приехав к Новикову, проглотил «Илиаду» Гомера, «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского. «Принесенных стоп в 20—30 книг ему едва хватало на неделю», — отмечала жена. Да в его библиотеке было две тысячи книг! А начиналась она, по свидетельству матери, с журнального листа, в который хотели завернуть ему селедку, но он принес селедку, держа за хвост, а журнальный лист положил на полку... «Я очень изменился?» — спросил Островский Марту Пуринь, своего давнего друга, при новой встрече. «Да, — ответила она, — ты стал образованным человеком».

Позднее, став активистом революционного подпольного движения, он, быть может, воображал себя отважным рыцарем, несущим освобождение угнетенному народу. Поэтому он с восторгом приветствовал Октябрьскую революцию.

20 июля 1919 года Николай Островский вступил в комсомол и ушел на фронт сражаться против врагов революции. Тяжелое ранение в 1920 году заставило прекратить службу, и Островский находит себе применение на другом фронте — трудовом. А было Островскому всего 16 лет. Сначала он — помощник электромонтера в киевских мастерских, одновременно обучается в электротехникуме, работает секретарем комсомольской организации. Затем попадает на строительство узкоколейки. Обо всем этом он позже напишет в своем романе «Как закалялась сталь»...

Последствия изнурительной работы все чаще давали о себе знать. Первые приступы неизлечимой болезни молодой человек испытал в 1924 году (кстати, в этом же году он стал членом компартии), а с 1927 года он оказался прикованным к постели. С болезнью боролся с тем же мужеством и упорством, с какими некогда воевал на Гражданской войне. Он занимался самообразованием: может быть, предчувствуя скорую кончину, читал одну за другой книги, заочно окончил коммунистический университет. Будучи парализованным, вел на дому комсомольский кружок, готовил себя к литературной деятельности. А через три года Островский ослеп. И тогда началась яростная борьба за жизнь. «То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это неверно. Это чушь! Я совершенно здоровый парень. То, что у меня не двигаются ноги и я ничего не вижу, — сплошное недоразумение, идиотская шутка», — писал Островский своему другу.

Ни операции, ни курортные лечения не помогали ему. Исчезла всякая надежда на выздоровление, но Островский не сдавался. У него возник план, «который имел целью наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни». Слепой, неподвижный Островский начал писать. Работал по ночам, с помощью трафарета, а днем друзья, соседи, жена, мать сообща расшифровывали написанное. Некоторые фрагменты надиктовывались. Рукопись первой книги, созданная поистине титаническим трудом и отправленная по почте в Одессу бывшим боевым товарищам для обсуждения, к несчастью, потерялась на обратном пути, и судьба ее так и осталась неизвестной. Но Николай Островский, привыкший выносить и не такие удары судьбы, не потерял мужества, не отчаялся. В 1932—1934 годах он создал книгу «Как закалялась сталь». Сразу же она получила огромную известность и признание. В романе «Как закалялась сталь» есть такие слова: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества», — разве не следовал этому принципу и сам Островский?

Окрыленный успехом, он пытается воссоздать первую книгу — «Рожденные бурей». Но успел написать лишь первую часть, закончив ее за неделю до смерти. Умер Николай Островский 22 декабря 1936 года. В день его торжественных похорон, 26 декабря, книга вышла в свет — рабочие типографии набрали и отпечатали ее в рекордно короткие строки.

«Я имел однодневную беседу со Львом Толстым, много беседовал с Антоном Чеховым, и Николая Островского я ставлю третьим. Такая необычная культура, такое необычайное проникновение в правду жизни, такая способность понимания, что такое искусство». Это сказал Всеволод Мейерхольд. Почему же мы и не пытаемся развеять образ «мумии» и увидеть такого Островского?

Мейерхольд даже поставил спектакль о Павке Корчагине: «На просмотре зал взорвался овациями! Это было так жгуче, так потрясало! То была торжественная трагедия». Трагедийность той эпохи мы хорошо видим сегодня. Тогда видеть ее было запрещено. Спектакль запретили.

Можно по-разному относиться к Островскому-писателю. Можно не принимать его идеологию, считая апологетом коммунистического строя. Но нельзя не восхищаться мужеством Островского-человека, его жизнелюбием, умением преодолевать трудности и сопротивляться ударам судьбы. Его жизнь — это, бесспорно, пример стойкости и отваги в жизненной борьбе.

Но лучше вспомним его, Островского, слова: «...Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой».

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930)

Доходите до поворота дороги налево. Поворачиваете — сразу могила Маяковского.

По силе таланта и размаху литературной деятельности Маяковский принадлежит к числу титанических фигур русского искусства. Его поэзия — художественная летопись нашей страны в эпоху Великой Октябрьской революции и

построения социализма. Маяковский — истинный певец Октября, он как бы живое олицетворение нового типа поэта — активного борца за светлое будущее народа.

Анатолий Мариенгоф рассказывает об одном из последних публичных выступлений поэта перед студентами-экономистами:

«Маяковский закинул голову:

— А вот, товарищи, вы всю жизнь охать будете: «При нас-де жил гениальный поэт Маяковский, а мы, бедные, никогда не слышали, как он свои замечательные стихи читал». И мне, товарищи, стало очень вас жаль...

Кто-то крикнул:

— Напрасно! Мы не собираемся охать.

Зал истово захохотал...

— Мне что-то разговаривать с вами больше не хочется. Буду сегодня только стихи читать...» В тот вечер его все время перебивали, а он, всегда такой находчивый, ничего не говорил в ответ. А только читал стихи все тише и монотонней...

Творческий кризис, отторжение от читателей стало одной из причин, толкнувших Маяковского к самоубийству. Другой равнозначной причиной, по мнению биографов, была неустроенность личной жизни.

Накануне дня смерти он посетил вечеринку у Валентина Катаева, где встретился с Вероникой Полонской. Маяковский, по воспоминаниям Катаева, был совсем не такой, как всегда. Не эстрадный, не главарь. Притихший. Милый. Домашний. Его пытались вызвать на борьбу остроумия молодые актеры Борис Ливанов и Яншин, но Маяковский отмалчивался.

По воспоминаниям Полонской (последней его возлюб-

ленной), Маяковский был в тот вечер груб, несдержан, откровенно ревнив.

Ночью, проводив Яншина и Полонскую до Каланчевки, Маяковский отправился в Гендриков переулок. До утра он не спал, а утром на заказанной машине в половине девятого заехал за Полонской, чтобы отвезти ее на репетицию в театр.

По дороге он начал говорить о смерти, на что Полонская просила его оставить эти мысли. По ее словам, поэт ответил: «...Глупости я бросил. Я понял, что не смогу этого сделать из-за матери. А больше до меня никому нет дела».

До театра заехали в комнату Маяковского на Лубянке. Началось очередное «выяснение отношений». Маяковский нервничал, требовал ясно и определенно ответить на все его вопросы, чтобы решить все раз и навсегда. Когда Полонская напомнила, что опаздывает на репетицию, Маяковский взорвался.

«Владимир Владимирович, — вспоминает о дальнейшем Полонская, — быстро заходил по комнате. Почти бегал. Требовал, чтоб я с этой же минуты осталась с ним здесь, в этой комнате. Ждать квартиры — нелепость, говорил он.

...Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас. Я по-человечески люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так.

И театра я не брошу, и никогда не смогла бы бросить... Вот и на репетицию я должна и обязана пойти, и я пойду на репетицию, потом домой, скажу все... и вечером перееду к нему совсем.

Владимир Владимирович был не согласен с этим. Он продолжал настаивать на том, чтобы все было немедленно

или совсем ничего не надо. Еще раз я ответила, что не могу так...

Я сказала: «Что же, вы не проводите меня даже?»

Он подошел ко мне, поцеловал и сказал совершенно спокойно и очень ласково:

«Нет, девочка, иди одна... Будь за меня спокойна...»

Я вышла, прошла несколько шагов до парадной двери.

Раздался выстрел».

Современники поэта по-разному оценивали его гибель. Одни относили это к роковой случайности, другие указывали на строки его стихов, намекавшие на подобный исход, а Л.Ю. Брик написала, что причиной ухода Маяковского из жизни была «своего рода мания самоубийства и боязнь старости».

Сразу возникли споры, ушел ли поэт из жизни добровольно или был убит, которые не стихают до сих пор.

14 апреля 1930 года «Красная газета» сообщила: «Сегодня в 10 часов 17 минут в своей рабочей комнате выстрелом из нагана в область сердца покончил с собой Владимир Маяковский. Прибывшая «Скорая помощь» нашла его уже мертвым. В последние дни В.В. Маяковский ничем не обнаруживал душевного разлада и ничего не предвещало катастрофы».

Тело было кремировано.

Как и с Есениным, самоубийство Маяковского вызвало множество версий. Одной из подозреваемых стала 22-летняя актриса МХАТа Вероника Полонская. Именно она была последним человеком, видевшим поэта живым.

В. Скорятин считает, что в Маяковского стрелял начальник секретного отдела ОГПУ Агранов, с которым, кста-

ти, поэт дружил: спрятавшись в подсобной комнате и дождавшись ухода Полонской, Агранов проникает в кабинет, убивает поэта, оставляет предсмертное письмо и вновь черным ходом выходит на улицу. А затем уже поднимается на место происшествия как чекист. Впрочем, не ведая того, журналист неожиданно помог экспертам. Упоминая о рубашке, бывшей на поэте в момент выстрела, он пишет: «Я осмотрел ее. И даже с помощью лупы не обнаружил следов порохового ожога. Нет на ней ничего, кроме бурого пятна крови».

Значит, рубашка сохранилась!

Действительно, в середине 50-х годов Л.Ю. Брик, у которой находилась рубашка поэта, передала ее в Государственный музей В.В. Маяковского — реликвия хранилась в коробке и была завернута в пропитанную специальным составом бумагу. На левой стороне переда рубашки — сквозное повреждение, вокруг него видна засохшая кровь. Удивительно, но это «вещественное доказательство» ни в 1930 году, ни позже не подвергалось экспертизе. А сколько было споров вокруг фотографий!

Когда экспертиза наконец состоялась, результаты показали — самоубийство.

Можно ли так тщательно сымитировать самоубийство? Ведь многие, даже очень чуткие люди сомневались в подлинности предсмертного письма поэта, выполненного карандашом почти без знаков препинания:

«Всем. В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет. Лиля — люби меня.

Моя семья это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская...

Любовная лодка /разбилась о быт. /Я с жизнью в расчете. /И не к чему перечень /Взаимных /бед /И обид. Счастливо оставаться. /Владимир /Маяковский. 12.IV.30 г.».

Кроме всего прочего, проводили исследование пистолета и гильзы, оказалось, что стреляли не из того пистолета, который нашли возле Маяковского... Опять возникло множество догадок и споров...

Лучше отнесемся с уважением к последней просьбе поэта: «...пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил».

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898)

Могила находится совсем рядом с могилой Маяковского. На постаменте черный крест.

Выдающийся деятель отечественной культуры Павел Михайлович Третьяков посвятил свою жизнь одной цели — собиранию произведений русской школы живописи: «Моя идея была, с самых юных лет, наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь». И он действительно создал первый русский общедоступный музей.

Третьяков — коренной москвич, купец, получил домашнее образование и, по его словам, «с юности беззаветно любил искусство». Первые его приобретения — еще случайные и незначительные — относятся к 1853 году, в

следующем году он покупает девять картин старых голландских мастеров — они до самой смерти Третьякова украшали его жилые комнаты. Но, не имея на первых порах опыта и разносторонних знаний в области искусства и руководствуясь глубоким патриотическим чувством, Третьяков решил сосредоточиться на собирании работ современных ему русских художников.

Годом зарождения его галереи принято считать год, когда были приобретены картины «Искушение» Н.Г. Шильдера (1856) и «Финляндские контрабандисты» В.Г. Худякова. Затем последовала покупка работ И.П. Трутнева, А.К. Саврасова, К.А. Трутовского, Ф.А. Бруни, Л.Ф. Лагорио, блистательного портрета итальянского археолога М. Ланчи кисти К. Брюллова и др. Позже в письме к Репину он писал: «Я задался целью по возможности собрать всех русских художников».

С самого начала коллекционирования Третьяков имел ясное представление о цели своего труда. В завещании, составленном в 1860 году, всего через четыре года после покупки первых картин, он писал: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие». Убежденность Третьякова, его вера в свое дело кажутся удивительными, если вспомнить, что он закладывал основы галереи в то время, когда русская школа живописи как самобытное и значительное явление лишь смутно вырисовывалась в тени, отбрасываемой великой художественной традицией Запада. Могучее древнерусское искусство было полузабыто, произведения

русских художников рассеяны по частным коллекциям, дома и за границей, когда не было еще ни Репина, ни Сурикова, ни Серова, ни Левитана, тех их картин, без которых невозможно сейчас представить русское искусство.

По мнению М.В. Нестерова: «...не появись в свое время П.М. Третьяков, не отдайся всецело большой идее, не начни собирать воедино Русское Искусство, судьбы его были бы иные: быть может, мы не знали бы ни «Боярыни Морозовой», ни «Крестного хода», ни всех тех больших и малых картин, кои сейчас украшают Государственную Третьяковскую галерею. Тогда, в те далекие годы, это был подвиг...» Сам Третьяков в начале 1860-х так говорил о принципах отбора произведений: «...мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес — дайте мне хотя лужу грязную, да чтобы в ней правда была, поэзия, поэзия во всем может быть, это дело художника».

В характере Третьякова сердечная отзывчивость и доброта сочетались с требовательностью, прямотой, твердой деловой хваткой. Десятилетиями он материально поддерживал художников, помогал Крамскому, Перову, Ф. Васильеву и столь многим другим, что их даже трудно перечислить; опекал училище глухонемых, был организатором приюта для вдов и сирот неимущих художников. Чуткость к искусству, всегдашняя искренность, готовность оказать материальную и нравственную поддержку, а главное, одушевлявшая Третьякова высокая цель снискали ему глубокое уважение и любовь художников. Все самое честное и передовое в искусстве того времени тянулось к Третьякову, помогало ему. Некий молчаливый уговор художников о

предоставлении права первого выбора Третьякову ставил его вне конкуренции с другими коллекционерами. Многолетние дружеские связи соединяли его с Крамским, Репиным, Перовым, Стасовым, Ярошенко, Максимовым, Поленовым, Суриковым, Прянишниковым и другими.

Дом в Замоскворечье, «в Толмачах», купленный в 1851 году, где было положено начало галерее, постепенно разрастался и перестраивался вместе с ростом коллекции и уже с 70-х годов широко посещался публикой. И дом этот, и бесценные собрания искусства были переданы Третьяковым в дар городу Москве в качестве общедоступного публичного музея. В 1918 году по декрету о национализации, подписанному В. И. Лениным, галерея получила свое теперешнее название «Государственная Третьяковская галерея», чем было увековечено имя ее основателя.

Ирина Ненарокомова: «Павел Михайлович вечно был погружен в дела. Но именно дела и поддерживали силы коллекционера, без них он не представлял жизни. Дважды в день он непременно бывал в своей галерее. 15 августа 1893 года «Московская городская галерея имени братьев Третьяковых» торжественно открыла свои двери. Из каталога, изданного тиражом в 5000 экземпляров, явствовало, что галерея имеет 22 зала, в которых размещены 1276 картин, около 500 рисунков, 10 скульптур русской школы — коллекция Павла Михайловича, и 84 картины и рисунка иностранных живописцев, собранных Сергеем Михайловичем (теперь его собрание находится в Музее изобразительных искусств и частично в Эрмитаже). Внушительный итог тридцатипятилетнего собирательства».

Дело его жизни — великий подвиг, а сам он заслужи-

вает благодарности, памяти и уважения как герой, раскрывший перед нами мир русского искусства.

Похоронен на Даниловском кладбище, в 1948 году прах перенесен на Новодевичье кладбище.

Фадеев Александр Александрович (1901—1956)

От могилы Третьякова далее вбок.

Фадеев (Булыга) Александр Александрович — прозаик, критик, теоретик литературоведения, общественный деятель. Автор романов «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из Удэге», теоретик «социалистического реализма», Фадеев, выполняя волю партийных вождей, громил А.П. Платонова, М.М. Зощенко, А.А. Ахматову и др., участвовал в репрессиях, а потом терзался муками совести. Уничтоживший собственный талант, осознавший пустоту, к которой пришел, Фадеев превратился в алкоголика.

На конференции Союза писателей, состоявшейся после XX съезда партии, Фадеева назвали тенью Сталина. Тогда же впервые прозвучала цифра — 600 писателей, подвергшихся репрессиям.

По мнению Виталия Вульфа, много лет дружившего с Ангелиной Степановой, женой писателя, Фадеев, «бесспорно, несет моральную ответственность за ту кампанию космополитизма, которую он проводил, будучи генеральным секретарем Союза писателей. Коллеги осуждали Фадеева за то, что он Анну Ахматову и Бориса Пастернака называл «пошлостью советской литературы» и клеймил их на всех собраниях Союза писателей. Но утверждение, что его руки

по локоть в крови, безосновательно. Ведь Фадеев возглавил Союз писателей только в конце тридцатых. О том, что будет арестован Всеволод Мейерхольд, Фадеев узнал за пять месяцев до того, как тот оказался в тюрьме. И все эти месяцы, встречаясь с Мейерхольдом, Фадеев хранил эту тайну в себе. С другой стороны, Александр Александрович был одним из тех, кто в 1940 году голосовал за то, чтобы выдвинуть Ахматову на Сталинскую премию, кто хлопотал перед Вышинским о персональной пенсии для нее и о том, чтобы она получила свое жилье. За несколько часов до смерти Фадеев разговаривал со своей сестрой. Он говорил: «Они думают, что я что-то могу сделать, а я ничего не могу».

До сих пор бытует такая история. Домбровский выпивал с руководителем Союза писателей Фадеевым. Руководитель спросил:

— Вам деньги не нужны?

— Александр Александрович, вы со мной пьете и деньги предлагаете, а завтра попросят у вас санкцию на мой арест, и вы дадите.

Глаза Фадеева остекленели:

— Ну, это мы сейчас с вами обсуждать не будем...

О причинах самоубийства писателя до сих пор спорят. О том, чтобы уйти из жизни, Фадеев подумывал не раз. Родная сестра Ангелины Иосифовны, выполнявшая обязанности личного секретаря писателя, вспоминала, как за несколько лет до трагедии она зашла в кабинет Фадеева и увидела на столе бутылку водки, записку и наган... Валентина Иосифовна устроила скандал, обругала Фадеева и спрятала пистолет. Тогда все обошлось.

Поговаривали, что все дело в пьянстве — пить Фадеев начал с шестнадцати лет, а сын Михаил уверен, что писате-

ля погубила власть, точнее, разочарование в ней. «После смерти Сталина и разоблачения культа личности папа остался в полном одиночестве. От него все отвернулись. Это был уже не тот Фадеев, который свято верил в правильность партийного курса».

У Никиты Хрущева свой взгляд на суицид писателя, о котором можно узнать из его воспоминаний: «...во время репрессий, возглавляя Союз писателей СССР, Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов. Достаточно было кому-нибудь написать, что в магазине продают плохую картошку, и это расценивалось уже как антисоветчина... Трагедия Фадеева как человека объясняет его самоубийство. Оставаясь человеком умным и тонкой души, он, после того как разоблачили Сталина, не смог простить себе своего отступничества от правды... Он изжил себя и к тому же боялся встретиться лицом к лицу с теми писателями, которых он помогал Сталину загонять в лагеря, а некоторые вернулись потом восвояси...»

Другой аспект трагедии Фадеева заключался в жестоком творческом кризисе. Кончилась неудачей его работа над романом «Черная металлургия», ибо материалы, которыми пользовался писатель, оказались фальшивыми. В какой-то момент Фадеев почувствовал, что уже не в силах написать ничего свежего, яркого, по-настоящему значительного.

Да еще тени жертв, видимо, стали преследовать Фадеева...

Что бы там ни было, после XX съезда КПСС, чувствуя невозможность продолжать свою жизнь, Фадеев 13 мая 1956 кончает жизнь самоубийством. Медицинская комиссия, назначенная правительством, заявила, что эта траге-

дия случилась в результате расстройства нервной системы вследствие хронического алкоголизма.

Только в 1990 году было опубликовано предсмертное письмо Фадеева. Вот отрывок: «В ЦК КПСС. Не вижу возможности дальше жить. Так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, — физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет... Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить... Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл. И я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни. Прошу похоронить меня рядом с матерью моей. Александр Фадеев».

Последняя воля покойного исполнена не была, его похоронили на Новодевичьем кладбище.

Шукшин Василий Макарович (1929–1974)

Выходите на дорогу, идете к выходу и почти у конца 1-го участка поворачиваете направо.

Писатель, сценарист, актер, кинорежиссер. Всем нам хорошо известны снятые им фильмы: «Калина красная»,

«Печки-лавочки», «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Странные люди». Первая роль В. Шукшина — в трогательном фильме М. Хуциева «Два Федора». В разные годы выходили его книги: «Сельские жители», «Там, вдали», сборник рассказов «Характеры», книга «Беседы при ясной луне».

Детство у него было тяжелое. Отца репрессировали, и мать даже хотела отравить себя и детей, но одумалась и вышла замуж повторно. Но только начала налаживаться жизнь, как грянула война. «Второй отец» Шукшина ушел на фронт, а через год принесли похоронку.

Так и стал тринадцатилетний Василий Макарович главным кормильцем в доме. По воспоминаниям очевидцев, Шукшин рос мальчишкой замкнутым, что называется, «себе на уме». В общении со сверстниками он держал себя строго и требовал, чтобы те называли его не Васей, а Василием. Те, естественно, не понимали подобных просьб и частенько насмехались над товарищем. В таких случаях Шукшин поступал соответственно своему характеру — убегал в протоки Катуни и скрывался на ее островах по нескольку дней.

Лет в пятнадцать к Василию пришла первая любовь. Это была четырнадцатилетняя девочка из их села Маша Шумская. Как и все деревенские пары, они сидели на лавочке до рассвета, гуляли по берегу, мечтали и даже поженились... Но когда он уехал «покорять Москву», полюбил другую. Мария никогда не держала на него зла. Уже гораздо позже, после его смерти, она скажет: «Почему-то я всегда о нем помнила. Иногда глаза закрою, а он у меня в глазах стоит. И даже с открытыми глазами я все равно его вижу — молодого, веселого... И чем это объяснить, даже не знаю».

Окончив учебу по специальности радиста, Шукшин в 1950 году попал в одну из частей Черноморского флота, дислоцированную в Севастополе. Однако в 1953 году у него обнаружилась язвенная болезнь желудка. По рассказам самого Шукшина, ему стало плохо прямо на палубе. Его скрутила такая адская боль, что он едва не потерял сознание. Видя это, врач приказал нескольким матросам срочно доставить его на берег. На море в это время разыгрался шторм. Но иного выхода не было, и Шукшина положили в шлюпку. Позже В. Шукшин так вспоминал об этом: «Вот так раз — и вверх, а потом вниз проваливаешься. А боль — прямо на крик кричал: «Ребята, ребята, довезите!» Стыдно, плачу, а не могу, кричу. А они гребут. Не смотрят на меня, гребут. Довезли».

В 1955 году Василий едет в Москву поступать на сценарный факультет ВГИКа. Шукшин представил на суд экзаменаторов свои рассказы, которые были записаны в толстую амбарную тетрадь. Так как почерк у Шукшина был очень мелкий, а тетрадь была очень толстая, девушки в приемной комиссии читать написанное поленились, решив про себя, что этот абитуриент типичный графоман. Однако, чтобы не обижать его, решили посоветовать: «У вас фактурная внешность, идите на актерский».

Вот что рассказывал бывший сокурсник Шукшина кинорежиссер А. Митта: «Тут от студентов Шукшин узнал, что есть еще и режиссерский факультет. А он понятия не имел, что есть такая профессия — режиссер. Думал, что для постановки фильма собираются артисты и договариваются между собой, как снимать. Оказалось, что режиссер — хозяин картины, главный человек. Тогда он подал на режиссерский».

Говорят, что на экзамене М.И. Ромм попросил Шукшина:

— Расскажите мне о Пьере Безухове.

— Я «Войну и мир» не читал, — простодушно сказал Шукшин. — Толстая книжка, времени не было.

— Как же вы работали директором школы? Вы же некультурный человек! А еще режиссером хотите стать!

И тут Шукшин взорвался:

— А что такое директор школы? Дрова достань, напили, наколи, сложи, чтобы детишки не замерзли зимой. Учебники достань, керосин добудь, учителей найди. А машина одна в деревне — на четырех копытах и с хвостом... А то и на собственном горбу... Куда уж тут книжки толстые читать...

Вгиковские бабки были счастливы — нагрубил Ромму, сейчас его выгонят. А мудрый Ромм заявил: «Только очень талантливый человек может иметь такие нетрадиционные взгляды. Я ставлю ему пятерку».

Многие рассказывают о пристрастии Шукшина к спиртному. А вот что вспоминает о тогдашнем состоянии мужа Л. Федосеева-Шукшина: «Вася мог две-три недели пить, был агрессивный, буйный. Я выгоняла из дома всех, кого он приводил. На себе его не раз притаскивала... Когда же родилась Маша (в 1968 году), он бросил на время пить. Дети его спасли...» Действительно, дети его спасли... Позже, когда Маша подросла, с Василием Макаровичем произошел случай, после которого он навсегда завязал со своей пагубной привычкой.

Однажды Шукшин отправился с Машей гулять. По пути встретил приятеля, зашел с ним в забегаловку, выпили, разговорились. Про дочку, которую оставил на минутку у

входа, забыл напрочь, а когда вспомнил и выскочил на улицу, ее уже нигде не было. В панике обежал весь район, все дворы и подъезды... Пока бегал, дал себе зарок: если найдет дочь — в рот не возьмет больше ни капли. Дочку он наконец нашел. Свое слово он сдержал, до самой смерти не нарушив зарок ни на Новый год, ни на день рождения...

Последний год жизни Шукшина складывался для него на редкость удачно как в плане творческом, так и личном. В 1973 году вместе с семьей он переехал в новую квартиру, выходит новый сборник его рассказов «Характеры», в Большом драматическом театре Г. Товстоногов решается ставить спектакль по пьесе Шукшина «Энергичные люди».

И, наконец, он ни на день не забывал о своей давней мечте — поставить фильм о Степане Разине. Свое твердое обещание помочь ему в этом деле дал С. Бондарчук, но взамен этой помощи он уговорил Шукшина сняться в его новой картине «Они сражались за Родину». Шукшину в нем предстояло сыграть роль бронебойщика Лопахина. Съемки должны были проходить в августе—октябре 1974 года на Дону.

К началу октября Шукшин практически полностью завершил роль Лопахина, и ему оставалось отсняться в последнем эпизоде. 4 октября он должен был вернуться в Москву.

Ю. Никулин вспоминал: «Удивительное совпадение. За день до смерти Василий Макарович сидел в гримерной, ожидая, когда мастер-гример начнет работать. Он взял булавку, опустил ее в баночку с красным гримом и стал рисовать что-то, чертить на обратной стороне пачки сигарет «Шипка». Сидевший рядом Бурков спросил:

— Что ты рисуешь?

— Да вот видишь, — ответил Шукшин, показывая, — вот горы, небо, дождь, ну, в общем, похороны...»

Бурков обругал его, вырвал пачку и спрятал в карман. До конца своих дней он хранил у себя эту пачку сигарет с рисунком Василия Макаровича.

Несмотря на этот мистический эпизод, Шукшин 1 октября был в нормальном состоянии, внешне выглядел хорошо. В тот день он позвонил с почты поселка Клетская домой в Москву, интересовался делами дочерей. После звонка домой Шукшин вместе с Бурковым сходил в баню, потом вернулся на теплоход «Дунай». Затем до глубокой ночи смотрели по телевизору хоккейный матч СССР—Канада.

Но ночью у него прихватило сердце. Врача на корабле не было...

Г. Бурков так рассказывал об этом: «Я постучался к Шукшину. Дверь была не заперта. Но я не вошел, а от двери увидел... рука, мне показалось, как-то... Я чего-то испугался... Стал трясти за плечо, рука как неживая... потрогал пульс, а его нет. Шукшин умер во сне».

«От сердечной недостаточности», — сказали врачи.

Попрощаться с выдающимся писателем, режиссером и актером собралось огромное количество людей. К концу панихиды гроб был весь в ветках калины. Почти каждый, пришедший проститься с Шукшиным, оставлял веточку с красными ягодами, а многие клали в гроб крестики и иконки.

После смерти Шукшина в народе внезапно поползли слухи о том, что умер он неестественной смертью, мол, ему помогли это сделать. Эти слухи циркулировали даже в ки-

нематографической среде. Бондарчук однажды признался, что какое-то время считал, что Шукшина отравили. Но эти слухи никакого реального подтверждения так и не нашли.

Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952)

От могилы Шостаковича выходите на дорогу, доходите до конца 1-го участка. Идете к церкви. Поворачиваете и — прямо.

Александра Михайловна Домонтович родилась 1 апреля 1872 года в богатом трехэтажном особняке в семье полковника Генерального штаба. Женился он лишь в сорок лет, на женщине с тремя детьми, которая ушла от мужа. Так что Шура была ее четвертым ребенком, но для отца — первым и любимым. Ее называли «дитя любви». В девочке перемешалась русская, украинская, финская, немецкая и французская кровь.

Ее имя овеяно легендами с самого детства, она одна из самых загадочных женщин Советской России, которая до глубокой старости сводила с ума мужчин.

Впервые она влюбилась в шестнадцать лет — в партнера по танцам Ванечку Драгомирова. Ей казалось, что она влюблена, но, когда Ваня попытался ее убедить, что они должны быть вместе навеки, Шурочка подняла его на смех. Ваня пустил себе пулю в сердце.

Некоторое время спустя блистательный адъютант императора Александра III сорокалетний генерал Тутолмин просил руки Шуры, но получил решительный отказ. Затем был троюродный брат, черноволосый красавец и весель-

чак, молодой офицер Владимир Коллонтай. Сопротивление родителей только подтолкнуло Александру оформить брак, но жить они стали «коммуной», вместе с Зоей и Саткевичем. Вот только влюбился Саткевич именно в Коллонтай...

Именно в это время Александра понимает: роль жены не для нее, и она погружается в чтение, пишет о Финляндии, о проектируемых реформах, об экономике, о рабочем движении... Быстро приобретает новые связи. А в 1905 году Коллонтай обнаружила в себе еще один талант — талант оратора, включившись в агитационную работу нелегалов. Эта революционная деятельность не осталась без внимания властей, и она бежит, прощаясь с Петербургом, как оказалось, на восемь лет.

Мировая война застала ее в Германии, она бежала в Швецию. Но за активную антимилитаристскую пропаганду, в частности за публикацию антивоенной статьи в одном из шведских журналов, в ноябре 1914 года она была арестована шведской полицией, доставлена в крепость Мальме и выслана из страны по личному указу короля Густава V. В Норвегии у нее началась депрессия, она много писала о своем одиночестве и ненужности, но в этот момент ее приглашают с лекциями в США, к тому же сам Ленин поручил ей перевести его книгу и издать там. Она объехала 123 города и в каждом прочитала по лекции, а то и по две. «Коллонтай покорила Америку!» — писала газета.

Газеты следили за каждым ее шагом, про ее вдохновенные речи на митингах складывались легенды. Толпа всюду встречала ее восторженными криками. Ораторский успех побудил Ленина доверить ей самое трудное — воз-

действовать на матросов, которые совершенно не поддавались большевистской агитации.

Коллонтай отправилась на военные корабли. Ее встретил председатель Центробалта матрос Павел Дыбенко, богатырь и бородач с ясными молодыми глазами. Он на руках перенес Шуру с трапа на катер. И влюбился. Но счастья Александра Павлу не принесла, она тоже с ним расстается, а он стреляется, к счастью, рана оказалась не смертельной: вместо сердца пуля попала в орден Красного Знамени.

Коллонтай была инициатором создания и заведующей женотделом ЦК РКП(б), целью которого была борьба за уравнение в правах женщин и мужчин, борьба с неграмотностью среди женского населения, информирование о новых условиях труда и организации семьи.

С 1923-го по 1952 год — до последнего дня жизни — выполняла ответственную работу: была советским послом в Норвегии, Мексике, Швеции, советником Министерства иностранных дел.

Международная популярность Коллонтай определялась ее незаурядной личностью. Внешне привлекательная, всегда элегантно одетая, с хорошими манерами и особым шармом, она знала себе цену и никогда не роняла достоинства. Высокообразованная марксистка, изучившая экономические и социальные проблемы, крупный исследователь и теоретик женского вопроса, борец за равноправие женщин, великолепный оратор. Александра Михайловна свободно говорила на семи языках. Читала же газеты на всех европейских языках. В том числе на нидерландском, румынском, греческом, чешском и других. Она была и очаровательной женщиной, и бизнесменом, и дипломатом, и

поэтом одновременно. Обаяние Александры Михайловны было огромно. Она обладала редким даром входить в контакт с людьми, окружать себя талантливыми помощниками.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что Александра Михайловна своим талантом, знаниями и неукротимой энергией продемонстрировала миру способность женщины выполнять самые сложные государственные, политические и общественные функции.

В ней чудесным образом сочетались природная грация, аристократические манеры и эрудированность.

Особенно тяжело Коллонтай было улаживать крайне напряженные отношения между Советским Союзом и Швецией. Нелегко ей далась подготовка мирного договора с Финляндией. Это было время напряженного труда, тревожных раздумий, порой бессонных ночей. В одном из писем Александра Михайловна писала: «...Я не вижу дня, не знаю, когда день кончается, когда начинается. Не забудьте, ведь мы живем здесь среди определенно враждебной обстановки. Здесь не просто работа, а вечное «преодоление». Живешь настороже, как на плавучем острове, среди океанской зыби. Нет гроз и бури, но зыбь не прекращается. Кто не жил в такой обстановке, тот не поймет всей ее напряженности».

17 марта 1945 года Александра Михайловна прилетела в Москву. Больная (в 1942-м она перенесла инсульт), с парализованной рукой, постаревшая, она мало чем напоминала женщину, сводившую когда-то с ума мужчин. Во Внуково ее встречали внук Владимир и машина «Скорой помощи». «Где больная?» — спросил приехавший на ней врач. «Больных здесь нет!» — гордо ответила Коллонтай.

В конце жизни Коллонтай в дневнике сама себе задала вопрос: «Что я больше всего ненавижу?» И тут же на него ответила: «1) фарисейство и хамство, 2) жестокость и всяческую несправедливость, 3) унижение человеческого достоинства».

Будучи выдающимся политиком, она всю жизнь одновременно оставалась просто женщиной. Любящей и страдающей, счастливой и несчастной одновременно.

Последние годы она провела в одиночестве, круг друзей и знакомых сузился до предела. Прекратилась и дружеская переписка, которая всегда доставляла ей удовольствие. Писать было некому... Возникли проблемы и с назначением «товарищу Коллонтай» партийной пенсии, оказалось, что ее дипломатических заслуг для этого недостаточно, а свой партийный стаж с 1915 года она доказать не могла — документы оказались утерянными. Она писала письма Сталину и разнокалиберным чиновникам, но они оставались без ответа. Ей все труднее было двигаться, на улицу ее вывозили в коляске.

Александра Михайловна Коллонтай умерла от сердечного приступа, не дожив пяти дней до своего 80-летия. О ее смерти написали все крупнейшие газеты мира, в Советском Союзе скромный некролог был помещен только в «Известиях».

На гражданской панихиде, проходившей в тесном конференц-зале Министерства иностранных дел, вспомнили, что она была единственной в мире женщиной-послом. Похоронили Александру Коллонтай на Новодевичьем кладбище — на «аллее дипломатов». Рядом с Литвиновым и Чичериным.

Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941)

Возвращаетесь на перекресток, идете вдоль 4-го участка, поворачиваете налево у Громыко, идете до могилы.

Московская комсомолка Зоя Космодемьянская пришла проходить подготовку профессиональных разведчиков и диверсантов.

Ей задали стандартные вопросы:

— Согласна пойти в тыл к гитлеровцам, чтобы убивать их?

— Да, согласна!

— Попадешь к ним в лапы, сумеешь сохранить военную тайну?

— Да, сумею!

Из воспоминаний Артура Карловича Спрогиса в послевоенные годы:

«Нам следовало набрать две тысячи добровольцев, а к кинотеатру «Колизей» пришли три тысячи. Зоя была слишком юной, хрупкой и... красивой. Представьте: появляется такая в населенном пункте, занятом врагами. Естественно, у немцев сразу проснется интерес. В наши планы такое не входит. Но Зоя оказалась настойчивой — она осталась на ночь возле нашего кабинета. Твердо мне заявляет: «Хочу воевать за Родину!» Вздохнул я и зачислил Космодемьянскую...»

Группа мальчишек и девчонок, в основном того же возраста, что и Зоя, прошла подготовку. Официально это сверхсекретное заведение именовалось войсковой частью 9903. На курсантах — теплая гражданская одежда. Зоя в

своем домашнем пальто. За плечами мальчишек и девчонок — вещевые мешки с продовольствием, толом, боеприпасами, бензином. У мальчишек они достигали в весе 19 килограммов, у девчонок — поменьше. У девочек на армейских ремнях под пальто и ватниками — пистолеты.

Вот дословный текст первого задания группы, в которую входила Космодемьянская: «Вам надлежит воспрепятствовать подвозу боеприпасов, горючего, продовольствия и живой силы путем взрыва и поджога мостов, минирования дорог, устройства засад в районе дороги Шаховская—Княжьи Горы. Задача считается выполненной, если: а) уничтожить 5—7 автомашин и мотоциклов; б) уничтожить 2—3 моста; в) сжечь 1—2 склада с горючим и боеприпасами; г) уничтожить 15—20 офицеров».

Из воспоминаний одного из бывших начальников разведшколы, полковника в отставке Афанасия Мегеры:

«В тылу у врага ребята могли отдыхать лишь на рассвете и днем, по возможности под хвойными деревьями, чтобы меньше вымокнуть при снегопаде. Боец должен был вытоптать углубление в снегу, застелить еловым лапником и ложиться на 2—3 часа спать. Просыпались они от холода. За сутки они проходили до 20 километров».

А вот какую инициативу проявила Зоя в своем первом походе. В лесу, под деревьями, вблизи большой дороги, по которой то и дело в сторону Москвы мчались немецкие мотоциклы, валялся проржавевший металлический трос. Зоя предложила его протянуть поперек дороги. Вскоре в темноте на него наткнулся вражеский мотоциклист. Девчонки подбежали к нему, свалили на землю, придушили, забрали с собой его полевую сумку. Уже после возвращения в Москву

узнали от начальника майора Спрогиса о том, что в сумке у гитлеровца были ценные карты и планы предстоящих боевых немецких действий на подступах к столице.

Второе боевое крещение для Зои оказалось последним.

Кроме поджога жилищ, в которых располагались наступавшие на Москву фашисты, нужно было еще уничтожить в деревне Петрищево аппаратуру германской армейской радиоразведки. Жуков готовил в те дни наше знаменитое контрнаступление под Москвой. Он настоятельно требовал от Главного разведывательного управления хотя бы на какое-то время вывести из строя этот германский армейский радиоцентр. С этой задачей умело справилась наша национальная героиня Зоя Космодемьянская!

...Поздним вечером 28 ноября 1941 года разведчиков оставалось только трое: Зоя, комсорг разведшколы Вася Клубков и Борис Крайнов.

Примерно в 2 часа утра 27 ноября Василий Клубков, Зоя Космодемьянская и Борис Крайнов вошли в Петрищево с трех сторон: с севера, в центре и с юга. Вскоре в двух местах заполыхали дома, рядом с которыми стояли немецкие грузовики. Клубков тоже бросил одну из бутылок, которая почему-то не разбилась. Увидев поблизости часового, он побежал к лесу, но был пойман двумя другими немецкими солдатами, которые и притащили его к своему командиру подполковнику Рюдереру. Ему-то Клубков и рассказал, что по окончании операции должен был встретиться с Зоей и Борисом в лесу (последний по какой-то причине ушел в глубь леса, в то время как Зоя доверчиво ждала товарищей в условленном месте).

Лишь через несколько месяцев в разведшколе узнали

о трагедии, произошедшей 28—29 ноября в Петрищеве. В Кунцеве, где размещалась разведшкола, нежданно-негаданно появился... ее бывший комсорг. Объяснял начальству, что, дескать, попав в плен, бежал. Но чекисты сумели его вывести на чистую воду. Признался, что перешел на сторону врага, выдал Зою, рассказал немцам все о разведшколе, перевербовался и возвратился, чтобы работать на врага. Он дал подробные ответы на вопросы следствия, поведал о нечеловеческих пытках, коим была подвергнута великая дочь России, оставшаяся верной воинской присяге.

Немцы в течение трех часов били Зою ремнями и палками, прижигали ее лицо спичками и несколько раз выводили босиком на мороз. Тем не менее, по свидетельству Евдокии Ворониной (хозяйки дома, в котором все это происходило), девушка не только отказалась «узнать» Клубкова, но и себя назвала Таней. Более того, несмотря на все издевательства, она ни разу не попросила своих мучителей о пощаде.

Поскольку немцы согнали на казнь Зои почти всех жителей деревни Петрищево, мы доподлинно знаем ее последние слова, которые она бросила в лицо своим палачам: «Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!» Зная, что наступают последние секунды ее жизни, она еще и подбадривала своих соотечественников: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь...»

Больше месяца тело Зои провисело на площади — фашисты не разрешали его снимать. В ночь под Новый год пьяные солдаты искололи мертвую партизанку штыками.

Есть даже фотоснимки, сделанные в Петрищеве 29 ноября 1941 года, когда подвергали девушку нечеловеческим

пыткам, а затем вешали. Только пять из них общеизвестны. Остальные же, 13 штук, вот уже 62 года хранятся в секретных фондах. Они настолько страшны, что даже матери девушки-героя, ныне покойной, так и не были показаны.

Четыре раза раскапывалась могила нашей героини. Это было связано с тем, что останки дважды захоранивались за деревенской околицей, а затем их переносили сначала в центр восстановленного после войны Петрищева, а потом в последний раз, после кремации, на правительственное Новодевичье кладбище в Москве.

На 86-м километре Минского шоссе, неподалеку от Петрищева, установлен памятник со словами: «Зое, бессмертной героине советского народа». Но сколько их было, таких же девчонок, которых в 1941-м послали на верную смерть и которые сами пошли на нее! За день до казни Зои не менее трагически погибла ее подруга из той же диверсионной группы — Вера Волошина. Значит, монумент Зое Космодемьянской был задуман как напоминание о подвиге десятков и сотен ее сверстников, а она сама стала символом той эпохи, когда считалось нормой сначала думать о стране, а уж потом о собственном благополучии.

Орлова Любовь Петровна (1902—1975)

Возвращаетесь обратно на дорогу, по ней метра два вперед и поворот направо (3-й участок).

Любовь Орлова была из дворянского рода, ее отец был потомком Рюриковичей, а мать, Евгения Николаевна Сухотина, имела родственные связи с Львом Толстым. Однаж-

ды, еще девочкой, Любе посчастливилось увидеть великого писателя, и тот даже подарил ей книжку «Кавказский пленник», на которой сделал надпись: «Любочке от Льва Толстого».

Родители хотели, чтобы дочь стала профессиональной пианисткой, и в семилетнем возрасте отдали ее в музыкальную школу. Но, по одному из семейных преданий, ее судьбу узнали еще в детстве. Однажды в их доме гостил Ф.И. Шаляпин, которому показали оперетту «Грибной переполох», поставленную любительским детским театром. После окончания представления Шаляпин поднял Любу на руки и произнес пророческую фразу: «Эта девочка будет знаменитой актрисой!»

В 1926 году она вышла замуж за видного партийного чиновника Андрея Берзина. Их совместную жизнь не назовешь долгой — 4 февраля 1930 года Берзин был арестован, и Орлова больше никогда не видела своего первого мужа.

Взлету сценической карьеры Орловой способствовал роман с руководителем МХАТа Михаилом Немировичем-Данченко, сыном основателя театра.

Но Орлова очень хотела сниматься в кино. Она вспоминает: «Работа в театре не приносила мне полного удовлетворения, и я все время мечтала о кино. Я попыталась осуществить свою мечту — сняться в фильме и отправилась на киностудию. Оказалась перед режиссером — человеком с взглядом решительным и суровым. Когда он поглядел на меня беспощадным, профессиональным взором, я почувствовала себя как бы сплюснутой между предметными стеклами микроскопа.

— Что это у вас? — строго спросил режиссер, показывая на мой нос.

— Родинка, — пролепетала я.

— Не годится! — решительно сказал режиссер.

Я поняла: в кино мне не сниматься. Я дала себе клятву именно так и поступить».

Хорошо, что женщины почти никогда не исполняют своих клятв, а действуют по велению сердца!

В 1934 году к ней пришла слава — она снялась в фильме «Веселые ребята». Несмотря на присутствие на съемках в Гаграх жены и маленького сына, режиссер Александров увлекся молодой актрисой. Сразу после съемок они поженились. Детей у них не было. Однажды внучатая племянница спросила свою знаменитую тетю, почему так получилось. «Знаешь, — ответила Орлова, — это ведь постоянный страх — дети. Сначала боишься забеременеть, потом рожать, а дальше до гроба — страх за ребенка». Когда точно такой же вопрос задали Александрову (уже после смерти Орловой), он сказал: «Сначала она не хотела, а потом не могла».

Про Орлову никогда не ходило грязных сплетен. Более того, внимательные зрители отметили тот удивительный и редчайший в киноискусстве факт, что ни в одном фильме того времени героини Любови Орловой не целуются!

Любовь Орлова была кукольно красива: рост 158 сантиметров, талия 43 сантиметра — и на советских тружениц вовсе не походила. Однако именно это делало ее популярной, в психиатрии даже открыли новую болезнь, названную синдромом Орловой. «От нее исходила... такая дивная прелесть, какую мне, уж поверьте моему слову, просто

не приходилось встречать у других актрис. Ни у кого не было такой грации, такого легкого веселого шика — своего, природного», — вспоминала Фаина Раневская.

Всю жизнь Орлова боролась за то, чтобы выглядеть на экране красивой. С годами это превратилось чуть ли не в маниакальную болезнь. Особой бедой великой артистки были ее руки... В годы Гражданской войны ее родители держали корову, которая была единственным средством пропитания для семьи. Орловой приходилось развозить тяжелые бидоны с молоком по Москве. В память о трудном детстве навсегда остались покрасневшие сухие руки со вспухшими венами. Как же она их стеснялась!

Как это часто случалось с хорошими картинами, «Веселые ребята» были поначалу запрещены. Нарком просвещения и начальник Отдела пропаганды ЦК зарубили фильм на корню. Фильм был назван «хулиганским и контрреволюционным». Но помог случай. Фильм посмотрел Максим Горький и порекомендовал его Сталину. Сталин после просмотра выразился так: «Посмотрел — точно в отпуске побывал...» Других рецензий не требовалось, и все цензурные преграды были отменены.

Затем были фильмы «Цирк», «Волга-Волга». Успех был сногсшибательным, Иосиф Виссарионович очень любил «Волгу-Волгу».

В 1938 году супруги решили построить дачу во Внукове, на это нужны были средства. Орлова стала требовать астрономических гонораров за выступления. Однако, несмотря на теплое отношение к ней Сталина, контролирующие органы не дремали: в газете «Советское искусство»

появилась статья о ней под заголовком «Недостойное поведение».

После войны на чешской киностудии был снят фильм «Весна», который имел успех на заграничных фестивалях. Любовь Орлова с мужем разъезжают по миру, всем своим видом демонстрируя торжество советской демократии. В личных друзьях звездной пары числятся многие мировые знаменитости, в частности Чарли Чаплин. Однако в самом СССР у них практически нет настоящих друзей. Среди киношной братии ходили разговоры о том, что великая любовь Орловой и Александрова не что иное, как легенда, которую они сами усиленно пестуют.

Было ли у актрисы так называемое хобби? Да, было. Это ее дом, ее страсть. Изготовление стеганой обивки мебели, спинок кровати, кресел, тумбочки, которым она занималась сама, требовало невероятной усидчивости и терпения.

В начале 1970-х годов Александров приступил к съемкам фильма по своему сценарию. Картина под названием «Скворец и Лира» рассказывала о судьбе двух советских разведчиков (их роли в фильме сыграли сам Александров и Орлова). Судьба этого последнего фильма Орловой сложилась печально: художественный совет киностудии посчитал его слабым и запретил к прокату.

Неудача с последним в ее жизни фильмом очень сказалась на здоровье Орловой. Вскоре у нее начались страшные боли в почках. Орлова считала, что у нее камни. Однако настоящий диагноз был гораздо серьезнее — рак поджелудочной железы. Александров попросил ничего не говорить жене. «Пусть думает, что у нее камни». Врачи для убедительности вручили актрисе якобы ее камни, ко-

торые на самом деле извлекли во время операции у другого больного.

23 января 1975 года, в день рождения своего мужа, Любовь Орлова внезапно потеряла сознание. Ее тут же отвезли в больницу, где через три дня она скончалась. И в день ее рождения — 29 января — состоялись похороны.

«Мое творчество известно всем, моя жизнь не касается никого», — говорила Любовь Орлова.

...Под бой курантов двое выходили из дома — как бы из прошедшего года — и шли по расчищенной тропинке вперед, до тех пор, пока не вступали в Новый год. Такая была у них примета — только вперед, по заснеженному лесу, вперед — все 365 очередных дней. В лесу у них была особая скамья, на которой они сидели несколько минут, выпивали по бокалу шампанского и возвращались домой. Всегда вдвоем — Люба и Гриша... Звездная пара, над которой не властно время...

Барто Агния Львовна (1906—1981)

Выходите на дорогу, идете прямо. Одну тропинку пропускаете, на другую поворачиваете. Идете метров пять, видите гранитный горизонтальный памятник.

Эти волшебные имя и фамилия, должно быть, известны каждому ребенку. Книги Агнии Барто переиздаются, продаются, покупаются и читаются до сих пор.

Агния Львовна родилась в Москве, в семье ветеринарного врача. За нее еще в детстве решили, что она вырастет балериной, и она действительно достигла в этом успехов.

Но на выпускных экзаменах в училище после самих экзаменационных выступлений показывали концертную программу, и это изменило ее будущее. Когда юная черноглазая красавица с пафосом читала стихи собственного сочинения под названием «Похоронный марш», пытаясь быть похожей на Анну Ахматову, Луначарский с трудом сдерживал смех. А через несколько дней он пригласил ученицу в Наркомпрос и сказал, что она рождена писать веселые стихи. Много лет спустя Агния Барто с иронией говорила, что начало ее писательской карьеры было довольно оскорбительным. Конечно, в юности очень обидно, когда вместо трагического таланта в тебе замечают лишь способности комика.

Но времена меняются, а любимые стихи детства остаются. Ведь стихи «Идет бычок, качается» были в биографии каждого советского ребенка. Когда на открытии Недели детской книги собирались дети и Агния Львовна начинала читать стихи, весь зал тут же подхватывал и скандировал с ней вместе.

Еще она написала мемуары, сценарии к фильмам «Подкидыш», «Слон и веревочка», «Алеша Птицын вырабатывает характер».

Но мало кто знает подробности ее биографии. Например, о том, что она пережила личную трагедию, но не отчаялась. Вот как это было. 4 мая 1945 года. Солнце, радость, предвкушение Победы... Гарик, сын от первого брака, вернулся домой раньше обычного и решил покататься на велосипеде. Агния Львовна не возражала. Казалось, ничего плохого не могло случиться с пятнадцатилетним подростком в тихом Лаврушинском переулке. Вдруг —

звонок в дверь: «Гарик погиб. Его сшибла машина». Подруга Барто Евгения Таратура вспоминает, что Агния Львовна в эти дни полностью ушла в себя. Она не ела, не спала, не разговаривала. Как бы там ни было, после смерти сына Агния Львовна обратила всю материнскую любовь на дочь Татьяну. Но не стала меньше работать — даже наоборот. Она говорила: «Если я в день хоть несколько строчек не напишу, я чувствую себя бездарностью».

Мало кто знает еще и о том, как она помогла встретиться тысячам людей, потерявших друг друга. Все началось с поэмы «Звенигород» — рассказа о детях, потерявших родителей во время войны. Поэму Агния Барто написала после посещения реального детского дома в подмосковном городке Звенигороде. В тексте, как обычно, она использовала свои разговоры с детьми. После выхода книги ей пришло письмо от одинокой женщины, во время войны потерявшей свою восьмилетнюю дочь. Обрывки детских воспоминаний, вошедшие в поэму, показались женщине знакомыми. Она надеялась, что Барто общалась с ее дочерью, пропавшей во время войны. Так оно и оказалось: мать и дочь встретились спустя десять лет.

В 1965 году радиостанция «Маяк» начала транслировать передачу «Ищу человека». Поиск пропавших людей при помощи СМИ не был изобретением Агнии Барто — такая практика существовала во многих странах. Уникальность советского аналога заключалась в том, что в основе поиска лежали детские воспоминания. «Ребенок наблюдателен, он видит остро, точно и часто запоминает увиденное на всю жизнь, — писала Барто. — Не может ли детская память помочь в поисках? Не могут ли родители уз-

нать своего взрослого сына или дочь по их детским воспоминаниям?» Этой работе Агния Барто посвятила девять лет жизни. Ей удалось соединить почти тысячу разрушенных войной семей.

В 1970-м умер ее муж, Андрей Владимирович. Последние несколько месяцев он провел в больнице, Агния Львовна оставалась с ним. После первого сердечного приступа она боялась за его сердце, но врачи сказали, что у Щегляева рак. Казалось, она вернулась в далекий сорок пятый: у нее снова отнимали самое дорогое. Она пережила мужа на одиннадцать лет. Все это время не переставала работать: написала две книги воспоминаний, более сотни стихов. Она не стала менее энергичной, только начала страшиться одиночества.

Агнии Барто стало плохо утром 24 марта. Она вызвала врача и сказала, что, видимо, отравилась сырым молоком. Врач выписал лекарство, не усмотрев ничего опасного. Прошло два дня. Барто становилось хуже. Снова вызвали врача. На этот раз решено было сделать кардиограмму. И вот тогда обнаружилось, что у нее инфаркт. Ее увезли в больницу. Она все время просила, чтобы ее перевели в другую палату, где она могла бы работать. Она уверяла, что чувствует себя довольно хорошо. А 1 апреля при очередном кардиографировании просто пошла прямая линия на экране. После вскрытия врачи были потрясены: сосуды оказались настолько слабыми, что было непонятно, как кровь поступала в сердце последние десять лет.

Однажды Агния Барто сказала: «Почти у каждого человека бывают в жизни минуты, когда он делает больше, чем может». В случае с ней самой это была не минута — так она прожила всю жизнь.

Скрябин Александр Николаевич (1872—1915)

Выйдя на дорогу, идете прямо, и справа будет высокий серый памятник Скрябину.

Александр Николаевич Скрябин — великий русский композитор, пианист, педагог. В его музыке Россия слышала свое настоящее, прозревала свое будущее... Музыка Скрябина самобытна и глубоко поэтична. В ней ослепительное ликование и хрустальная лирика, утонченный артистизм и порыв к радости, счастью, свету...

Скрябин родился в Москве 6 января 1872 года. А уже в три года (по воспоминаниям тетушки) он часами просиживал за инструментом. К роялю мальчик относился как к живому существу, и сам их мастерил в детстве — маленькие игрушечные рояли...

Мать Александра была очень талантлива, ее даже взялся обучать Антон Рубинштейн, но он впоследствии был просто поражен музыкальными способностями ее сына.

Начались регулярные музыкальные занятия в классе Н.С. Зверева, у которого в ту пору уже учился Сергей Рахманинов. Два этих мальчика составят славу русской музыки, хотя поклонники их творчества будут разводить композиторов по разные стороны баррикады, да и сами композиторы перестанут общаться.

Музыку Скрябин стал сочинять в семь лет — он написал оперу, назвав ее именем девочки, в которую был тогда влюблен.

В 1888 году Скрябин поступил в Московскую консерваторию. Там же начались его регулярные концертные вы-

ступления. Любимым его композитором был Шопен, играл он также Листа, Бетховена, Шумана. Стремление совершенствоваться в исполнительском мастерстве привело к первой серьезной трагедии, наложившей отпечаток на всю жизнь Скрябина. Не посоветовавшись с учителем, он переусердствовал в самостоятельных упражнениях и «переиграл» руку. С большим трудом с помощью врачей удалось восстановить ее способности, но прежняя виртуозность, конечно, была утрачена. Этот срыв повлиял на психику композитора.

Скрябин начинает рано и успешно гастролировать. Первая поездка за границу — Берлин, Дрезден, Люцерн, Генуя. Затем Париж. Рецензенты, как и публика, благосклонны к нему. «Он — весь порыв и священное пламя... Он раскрывает в своей игре неуловимое и своеобразное очарование славян — первых пианистов в мире!» — утверждали многие.

Параллельно Скрябин много пишет. В 1897 году закончены его знаменитая Вторая соната (всего их будет 10) и Концерт для фортепьяно с оркестром.

Кончался XIX век и вместе с ним — старый уклад жизни. Скрябин же остался верен самому себе. «Искусство должно быть праздничным, — говорил он, — должно поднимать, должно чаровать». Но на деле музыка его оказалась столь новой и непривычной, столь дерзкой, что, например, исполнение его Второй симфонии в Москве 21 марта 1903 года превратилось в форменный скандал. Мнения публики разделились: одна половина зала свистела, шикала и топала, а другая, встав возле эстрады, бурно аплодировала. «Какофония» — таким словом назвал симфонию

Н.С. Римский-Корсаков. Но Скрябин не отчаялся, он верил в преобразующую силу искусства, верил в творческую личность, способную создать новый, прекрасный мир. «Иду сказать им, — писал он в эти годы, — чтобы они... ничего не ожидали от жизни, кроме того, что сами по себе могут создать... Иду сказать им, что горевать не о чем, что утраты нет. Чтобы они не боялись отчаяния, которое одно может породить настоящее торжество. Силен и могуч тот, кто испытал отчаяние и победил его».

В 1903 году Скрябин пишет свою знаменитую Четвертую сонату для фортепияно, в которой передано состояние неудержимого полета к манящей звезде. Такова и Третья симфония, названная композитором «Божественной поэмой» (1904). Преодолев трагизм бытия, человек становится богоравным — тогда и открывается перед ним торжествующая красота мира.

Но рядом с грандиозным, как бы сверхчеловеческим, в музыке Скрябина звучало нежное, интимное. Это была тончайшая лирика, поэзия хрупких чувств и настроений, их прихотливые переменчивые нюансы, поэзия томления и истомы, тревоги и судорожного поиска.

«Поэма экстаза» триумфально шествует по европейским столицам, а Скрябин уже в лихорадке новой работы — он пишет своего «Прометея» («Поэму огня», 1910). «Прометей» считается центральным образом всей музыки Скрябина — ведь этот титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и даровавший его людям, так был похож на скрябинского творца! Для исполнения своей музыкальной феерии композитору понадобилось расширить оркестр, включить хор, фортепьяно, а кроме того, ввести в партиту-

ру нотную строку, обозначавшую цветовое сопровождение, для чего он придумал специальную клавиатуру... Такое было впервые в истории музыки, хотя некую, пусть условную связь музыкального звука и цвета установили еще древние греки.

Премьера нового симфонического произведения стала главным событием русской музыкальной жизни. Это произошло 9 марта 1911 года в Петербурге, в зале Дворянского собрания, том самом, который теперь принадлежит Петербургской государственной филармонии. Дирижировал знаменитый Кусевицкий. За фортепьяно был сам автор. Успех был огромный. Через неделю «Прометей» был повторен в Москве, а затем зазвучал в Берлине, Амстердаме, Лондоне, Нью-Йорке. Светомузыка — так было названо изобретение Скрябина — заворожила тогда многих.

Этот хрупкий, небольшого роста человек, вынашивавший титанические замыслы и отличавшийся необыкновенной работоспособностью, обладал, несмотря на известную заносчивость, редким обаянием, привлекавшим к нему людей.

Были у него и свои маленькие чудачества — долгие годы поглаживал пальцами кончик носа, полагая, что таким образом избавится от курносости, был мнителен, боялся всяческих инфекций и на улицу без перчаток не выходил, не брал в руки денег...

Под впечатлением от философии Е.П. Блаватской, захватившей тогда воображение многих, писал некую «Мистерию», в которой должно было принять участие все человечество. Скрябин мечтал о новом синтетическом жанре, где сольются не только звуки и цвета, но также запахи и

пластика танца. «Но как ужасно велика работа, как ужасно она велика!» — с беспокойством восклицал он. Возможно, он стоял на пороге, перешагнуть который еще никому не удавалось...

Странно и то, что «Мистерия» так и не была записана. Сохранились лишь нотные отрывки из так называемого «Предварительного действа» к «Мистерии».

В 1914 году Скрябин посетил Лондон, где был исполнен его «Прометей» и где композитор дал авторский концерт. В Лондоне впервые проявились признаки заболевания, которое стало причиной столь ранней его смерти. Превозмогая боль, причиняемую фурункулом на верхней губе, он блестяще выступил, вызвав рукоплескания сдержанной английской публики. Концерты к тому же должны были принести средства, необходимые для осуществления его главной идеи — постановки «Мистерии». Скрябин мечтал купить в Индии землю для постройки храма, который бы стал реальной «декорацией» его грандиозных творческих замыслов.

2 апреля 1915 года Скрябин дал последний концерт. Он почувствовал себя плохо. Вновь, как и в Лондоне, началось воспаление на верхней губе. Состояние резко ухудшалось. Не помогло и операционное вмешательство. Поднялась высокая температура, началось общее заражение крови, и 14 апреля утром Александр Николаевич скончался.

...Пустяк, нарыв на верхней губе, инфекция, которой Скрябин так боялся. Странная смерть, как наказание за гордыню, за попытку превзойти Творца. Разве он не помнил, как обошлись с Прометеем боги Олимпа...

Андрей Белый (1880–1934)

Обходите могилу Скрябина с правой стороны, идете по тропинке вглубь до конца. Перейдя на параллельную тропинку, справа увидите маленькую черную колонну с белой вазой на верху — это и есть надгробие Бугаеву (Андрею Белому).

Андрей Белый — человек, наделенный, по свидетельству современников, чертами гениальности, — поэт, прозаик, теоретик, критик, мыслитель, прокладывавший во всех сферах творчества небывалые пути, один из создателей русского символизма, о котором Александр Блок сказал, что он «неизмерим».

Смерть писателя была осознана современниками как завершение целой эпохи. Но им же было очевидно, что созданная Белым проза оставила глубокий след в творчестве многих, способствовала появлению так называемой «орнаментальной прозы». Магию поэтического слова Белого испытали на себе Маяковский, Хлебников, Есенин, Цветаева, Ахматова, Заболоцкий, Пастернак, который, определяя гениальность Белого как «разгулявшуюся вхолостую», тем не менее постоянно, вплоть до «Доктора Живаго», тяготел к его текстам.

«Время в мире Белого было не тем, что у нас. Он мыслил эпохами», — говорил великий русский актер Михаил Чехов. «Мне Вечность — родственна», — так оценивал Белый сам себя.

Будущий писатель родился в Москве, но, строго говоря, родился тогда не Андрей Белый, а, как известно, Борис Бу-

гаев. И произошло это в семье ученого-математика, профессора Московского университета Николая Васильевича Бугаева, в доме, который и ныне стоит на воспетой поэтами московской улице. «Выходишь в вечность... на Арбат», — как сказал Андрей Белый в поэме «Первое свидание», где Москве и москвичам посвящены прочувствованные лирические строки. Мать занималась музыкой и пыталась противопоставить художественное влияние «плоскому рационализму» отца. Суть этого родительского конфликта постоянно воспроизводилась Белым в его позднейших произведениях.

Учась в университете, сдавая экзамены по физике и ботанике, просиживая часами в химической лаборатории, Борис отводил душу в запойном чтении старых и новых философов, современных западных писателей. В конце 1890-х годов увлекается новейшей драматургией Г. Ибсена, Г. Гауптмана, М. Метерлинка, напряженно изучает оккультные науки и философию А. Шопенгауэра, интересуется буддизмом, но более всего проникается идеями Вл. Соловьева и Ф. Ницше.

На 1900 год, последний год XIX века, пришлось окончательное решение студента-естественника Московского университета Бориса Бугаева стать писателем. Именно в этом году создана первая из его четырех «симфоний» — «Северная» или «Героическая». Критика не оценила по достоинству симфонические эксперименты Белого. Их жанр дальнейшего развития в литературе практически не получил.

Кстати, псевдоним — Андрей Белый (белый — священный, утешительный цвет, представляющий собой гар-

моническое сочетание всех цветов) — помог Борису Бугаеву сочинить Михаил Сергеевич Соловьев, отец друга Сергея, в семье которого Борис бывал едва ли не каждый день. В доме Соловьевых тогда бывали старший брат Михаила Сергеевича философ Владимир Соловьев, его сестра — поэтесса Поликсена Соловьева, философы, историки, позднее — Брюсов, Мережковский, Зинаида Гиппиус. Именно в этой семье были восторженно поддержаны первые литературные опыты Бориса Бугаева.

Очень трепетно Андрей Белый относился к чувству любви. С Ниной Петровской (женщина с трагической судьбой) он разошелся только потому, что хотел служить чистым идеалам, а не предаваться плотской любви. А 1905 год считается началом нового периода жизнетворчества Белого, прошедшего под знаками поначалу идеалистически-мистериальной, затем — драматически-надрывной, а под конец — безысходно-трагической любви к жене Александра Блока Любови Дмитриевне Менделеевой-Блок.

Белый и Блок тогда близко дружили, но... Любовь Дмитриевна была объявлена воплощением соловьевской Вечной женственности, Девой радужных ворот, Прекрасной Дамой. Мистерия мистерией, но вот удержаться в рамках ритуального почитания Прекрасной Дамы Белый не смог. Более того, в какой-то момент он сумел увлечь и Любовь Дмитриевну своими планами устроения их будущей совместной жизни. К весне 1906 года отношения внутри рокового треугольника достигли крайнего напряжения. Любовь Дмитриевна рассталась с Белым на десять месяцев, чтобы все обдумать и принять окончательное решение. Летом Белого, нервы которого были взвинчены до

предела, посещали мысли о самоубийстве. В сентябре произошло окончательное объяснение: Белого резко и безжалостно отвергли. Он на грани умопомешательства уезжает за границу, где в течение двух последующих лет постепенно отходит от удара. Затем он женится на юной Асе Тургеневой, а в 1918 году Белый получил письмо от Аси из Дорнаха, в котором она уведомила его о своем решении расстаться с ним. Но Белый не потерял надежду удержать свою «королеву» и поехал в Германию. В октябре 1923 года Андрей Белый следом за Клавдией Николаевной Бугаевой, ставшей на весь остаток жизни самым близким для него человеком, возвращается в Москву.

Вообще Андрей Белый нравился женщинам, особенно в молодости. Вот как вспоминает о Белом-студенте писатель Борис Зайцев: «Особенно глаза его запомнились — не просто голубые, а лазурно-эмалевые, «небесного» цвета, с густейшими великолепными ресницами, как опахала, оттеняли они их. Худенький, тонкий, с большим лбом и вылетающим вперед подбородком, всегда немного голову закидывая назад, по Арбату он тоже будто не ходил, а «летел».

Умер Андрей Белый, по одной из версий, «от солнечных стрел», от последствий солнечного удара. Так, как предсказал себе сам в стихотворении «Друзьям» в 1907 году. С этой поэтически-мифологической причиной соседствует медицинская — запущенный артериосклероз и ряд кровоизлияний в мозг. Одно из них вполне могло быть вызвано солнечным ударом. Но последнее, ставшее роковым, случилось после прочтения предисловия Каменева к вышедшей в конце 1933 года книге «Начало века». Предисловие это — обвинительный акт, не оставляющий Белому

ни малейшего шанса на существование в советской литературе. Попытка стать советским писателем не удалась.

Белый же мистик — согласно воспоминаниям бывших при нем друзей — пережил в последний миг, уже на больничной койке, «второе рождение», но сознательно выбрал уход из этого мира: «Мне предстояло выбрать жизнь или смерть. Я выбрал смерть».

Вернадский Владимир Иванович (1863—1945)

От могилы Белого направо, проходите четыре тропинки, поворачиваете направо (за могилой Рябовой), идете почти до конца.

Это русский ученый, пророк, мыслитель, ученый-энциклопедист, русский космист, создатель учения о ноосфере, основоположник комплекса современных наук о Земле — геохимии, биогеохимии, радиогеологии, гидрогеологии и др., создатель многих научных школ.

«Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я сознаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь — как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Я почувствовал в себе демона Сократа» (из дневника).

Он родился весной 1863 года в Петербурге. «Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь в библиотеке отца». Маленького Володю интересовало все, что связано с приро-

дой. Среди книг — «История крупинки соли», «Великие явления и картины природы», описание путешествий... Детство и юность Владимира Ивановича проходили в атмосфере вольнодумства. «Мальчиком, — вспоминал впоследствии он, — я помню очень много рассказов о декабристах от отца и Е.М. Короленко». В семье «был культ декабристов и резко отрицательное отношение к самодержавию и крепостному праву».

Окончил одно из лучших в России учебных заведений — Петербургскую классическую гимназию. Вернадский самостоятельно изучал европейские языки и впоследствии читал научную литературу на 15 языках, а некоторые статьи писал на английском, немецком и французском. Очень много читал, увлекаясь естествознанием, но в первой самостоятельной работе обратился к истории славян.

В 1881—1885 годах учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, где общался с такими учеными, как В.В. Докучаев, Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, Н.П. Вагнер.

Творческие интересы В.И. Вернадского были очень широки. Он был не только геологом, но и занимался биологией, изучением почв, природных вод, метеоритов, проблем радиоактивности. Из 416 опубликованных трудов 100 посвящено минералогии, 70 — биогеохимии, 50 — геохимии, 43 — истории наук, 37 — организационным вопросам, 29 — кристаллографии, 21 — радиогеологии, 14 — почвоведению, остальные — разным проблемам науки. Общей характерной чертой исследований ученого является фундаментальность. Поэтому его труды и идеи не потеряли актуальности и практического значения и в наши дни.

Более 20 лет, с 1890-го по 1911 год, Вернадский преподавал в Московском университете, где складывались его научные интересы.

Еще ему удалось организовать экспедицию Н.А. Кулика в Сибирь, на место упавшего в 1908 году Тунгусского метеорита.

14 июля 1921 года Вернадского арестовали и привезли в тюрьму на Шпалерную. Унижения, грязь, переполненная камера... На следующий день, на допросе, он понял, что его пытаются обвинить в шпионаже. К удивлению охранников, Вернадский был освобожден. Чуть позднее выяснилось, что Карпинский и Ольденбург послали телеграммы Ленину и Луначарскому, Семашко и помощник Ленина Кузьмин распорядились освободить Вернадского.

В 1922—1926 годах читал курс лекций в Сорбонне во Франции и в 1926 году вернулся на родину. Говоря о «своей идеологической чуждости основам капиталистического строя», он подчеркивал, что «отнюдь не является сторонником социалистического или коммунистического строя», полагая, что в будущем человечество ожидает что-то новое. Вот одна из записей из его дневника: «В большевизме есть идейная сторона, но она так чужда сознательно действенным силам, что, в конце концов, чувствуется ими только как дикая разрушающая сила».

Вернадский написал однажды: «Где искать опоры? В бесконечном творческом акте, в бесконечной силе Духа... Нет ничего хуже апатии, нет ничего вреднее и ужаснее безразличия, серой будничной жизни».

Многие идеи Вернадского оказались пророческими. Не всегда у современников он находил понимание, но после

Второй мировой войны люди проникли в космос и в глубины Земли, создание авиации, компьютеров и компьютерных сетей объединило мир и расширило возможности каждого получать информацию. Но одновременно человек интенсивно загрязнял окружающую его природу, почвы, воды, атмосферу. Появились экологические проблемы, о возможности которых в начале XX века никто не задумывался. «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление», — писал В.И. Вернадский в работе «Научная мысль как планетное явление».

В 1936 году Вернадский принял идею Э. Леруа о ноосфере как продолжении, новом состоянии биосферы, новой эпохе, которая должна наступить в истории Земли и всего космоса. «Человечество, взятое в целом, — писал Вернадский в 1944 году, — становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера... [Человек] может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше».

В течение последних двух лет Владимир Иванович работал над своим самым большим, обобщающим трудом «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Замысел работы поражает своим размахом. После смерти В.И. Вернадского над этой рукописью работала А.Д. Ша-

ховская, а после ее смерти — К.П. Флоренский. С его предисловием и под его редакцией книга вышла в 1965 году.

В феврале 1943 года Вернадского постигло большое несчастье — умерла Наталья Егоровна. Они прожили «душа в душу и мысль в мысль» пятьдесят шесть лет.

Утром 25 декабря 1944 года Вернадский встал из-за стола, пошатнулся, не смог удержать равновесия и упал. Произошло кровоизлияние в мозг. Когда-то то же самое случилось с его отцом, и ученый всю жизнь боялся повторить его судьбу. Вернадскому было суждено прожить еще 13 дней. Так и не приходя в сознание, он умер 6 января 1945 года.

Позади у него были восемьдесят два года жизни. Годы исканий, открытий, служения. Служить можно тому, чему предан, а он был предан науке. Вернее, то была не просто наука, но нечто большее — невидимая суть вещей, Природа, закон жизни...

Ученик Вернадского академик А.Е. Ферсман писал о нем: «Десятилетиями, целыми столетиями будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его — открываться новые страницы, служащие источником новых исканий».

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953)

Выходите на дорогу, поворачиваете на следующую тропинку — идете по ней до высокой черной плиты.

Сергей Сергеевич Прокофьев — композитор, пианист и дирижер, народный артист РСФСР.

Заниматься музыкой начал с 5 лет под руководством матери. Среди многих историй о Сергее Сергеевиче Прокофьеве особенно интересна одна, рассказанная им самим в начале краткой автобиографии. Она о поступлении в Петербургскую консерваторию: «Вступительный экзамен прошел довольно эффектно. Передо мной экзаменовался мужчина с бородой, принесший в качестве всего своего багажа романс без аккомпанемента. Я вошел, сгибаясь под тяжестью двух папок, в которых лежали четыре оперы, две сонаты, симфония и довольно много фортепианных пьес. «Это мне нравится!» — сказал Римский-Корсаков, который вел экзамен». А ведь Сергею тогда было всего 13 лет!

В 1909 году окончил консерваторию по классу композиции, в 1914 году — дирижирования и фортепиано.

Становление Прокофьева как композитора протекало в противоречивой, сложной обстановке, отмеченной интенсивными поисками новых тем и выразительных средств во всех областях искусства. Присматриваясь к новым течениям, отчасти испытывая на себе их влияние, Прокофьев вместе с тем стремился к независимости и самостоятельности. Произведения, написанные за предреволюционное десятилетие, охватывают почти все жанры.

Уже в ранний период выявляются характерные черты творческого облика Прокофьева — активное отношение к жизни, оптимизм, энергия и воля. Обширен диапазон тем и образов: тонкий лиризм романсов на слова Ахматовой и напряженная экспрессия «Игрока»; живописность и поэтичность сказки «Гадкий утенок» для голоса и фортепиано и стихийная сила оркестровой «Скифской сюиты»; ост-

рый гротеск «Сарказмов» и скоморошья сказочность балета «Сказка про шута...».

В январе 1916 года Прокофьеву пришлось пройти через испытание, заставляющее вспомнить о вечере премьеры «Весны священной» Стравинского. Это было первое исполнение «Скифской сюиты», которой он сам дирижировал. Публика громко выражала свое возмущение «диким произведением». Рецензент «Театрального листка» писал: «Прямо невероятно, чтобы такая, лишенная всякого смысла пьеса могла исполняться на серьезном концерте... Это какие-то дерзкие, нахальные звуки, ничего не выражающие, кроме бесконечного бахвальства». Прокофьев стоически выдерживает такого рода критические оценки и реакции зала. Присутствуя на публичных выступлениях Д. Бурлюка, В. Каменского, В. Маяковского, он привыкает к мысли, что новаторские тенденции в любом искусстве не могут не вызывать бурных реакций публики, имеющей свои, устоявшиеся вкусы и считающей всякое их нарушение посягательством на личность, достоинство, приличия.

Весной 1918 года Прокофьев направляется через Японию в США. Пребывание за рубежом вместо предполагаемых нескольких месяцев продолжалось 15 лет. В своих воспоминаниях Прокофьев пишет: «Из Иокагамы, с чудесной остановкой в Гонолулу, я перебрался в Сан-Франциско. Там меня не сразу пустили на берег, зная, что в России правят «максималисты» (так в то время в Америке называли большевиков) — народ не совсем понятный и, вероятно, опасный. Продержав дня три на острове и подробно опросив: «Вы сидели в тюрьме?» — «Сидел». — «Это плохо. Где же?» — «У вас, на острове».— «Ах, вам

угодно шутить!» — меня впустили в Соединенные Штаты». Первые четыре года композитор проводит в поездках по Америке и Европе (главным образом Франции) в связи с постановкой своих сценических сочинений и сильно расширившейся концертной деятельностью. В 1922 году он живет в Германии, а с 1923 года — в Париже.

Зарубежный период творчества Прокофьева отмечен активным интересом к театральным жанрам. В последние годы пребывания за рубежом творческая активность Прокофьева стала снижаться — давал о себе знать длительный отрыв от родины. «В ушах моих должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего мне здесь недостает: свои песни, мои песни». В 1932 году он принимает решение окончательно возвратиться на родину.

Сразу по возвращении на родину в творчестве Прокофьева наступил период расцвета. За время странствий страна изменилась и в этот раз «приняла» Прокофьева.

Говоря о музыке С. Прокофьева, хочется упомянуть всемирно известные произведения: комическую оперу «Любовь к трем апельсинам», «Классическую симфонию», балет «Шут», детскую сказку для чтеца и оркестра «Петя и волк», балеты «Ромео и Джульетта» и «Золушка», оперу «Война и мир», душераздирающую музыку к фильму Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»... С. Прокофьев также был автором семи симфоний, девяти сонат, нескольких инструментальных концертов, кантат, фортепианной музыки разных жанров и других произведений.

Известно много интересного, связанного с Прокофьевым. Вот один из случаев. Как-то раз молодой Прокофьев

играл в «Бродячей собаке» — знаменитом кафе петербургской богемы. Находившийся там в этот вечер молодой Маяковский сидел за одним из столиков и что-то увлеченно рисовал. В конце вечера Прокофьев получил шарж на себя с такой надписью: «Уважаемый Сергей Сергеевич, который играет на самых нежных нервах уважаемого Владимира Владимировича...»

В 1948 году музыка Прокофьева наряду с произведениями других крупнейших советских композиторов была объявлена «формалистической», «чуждой советскому народу». От этого удара Прокофьев не оправился до конца жизни.

Творчество Прокофьева составило эпоху в мировой музыкальной культуре XX века. Он вошел в историю как композитор-новатор, в его произведениях преобладает эпическое начало. Самобытность музыкального мышления, свежесть и своеобразие мелодики, гармонии, ритмики, инструментовки композитора открыли новые пути в музыке и оказали мощное воздействие на творчество многих советских и зарубежных композиторов. В 1955—1967 годах изданы 20 томов собраний музыкальных сочинений композитора.

Прав был Илья Эренбург, когда писал: «Это был большой человек, и потомки не смогут понять трудного и славного времени, которое мы еще вправе назвать нашим, не вслушиваясь в произведения Сергея Прокофьева и не задумываясь над его необычайной судьбой».

Прокофьев умер в один день со Сталиным, его смерть прошла почти незамеченной.

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938)

Выходите на дорогу и сразу видите памятник.

Творческое восхождение Шаляпина началось с певчего в старинной церкви Святого Варлаама в Казани. «...Не хватает человеческих слов, чтобы выразить, как таинственно соединены в русском церковном пении два полюса радости и печали, и где между ними черта, и как одно переходит в другое. Церковная песня живет неразрывно с той простой равнинной песней, которая, подобно колоколу, сотрясает сумрак жизни...» — писал в своих воспоминаниях Федор Иванович Шаляпин.

Однако никто из домашних, да и сам Федор не смотрел на эти занятия серьезно. Гораздо больше его увлекали тогда незатейливые представления известного всей Казани потешника, гимнаста и акробата Яшки Мамонтова. «Очарованный артистом улицы, я стоял перед балаганом до той поры, что у меня коченели ноги и рябило в глазах от пестроты одежды балаганщиков». Умение веселить публику казалось Феде верхом искусства.

Но главной страстью Шаляпина стал театр, и это третья составляющая траектории его судьбы. В Казанский городской театр он попал случайно — кто-то подарил билет стоимостью в 20 копеек. Это случилось, как зафиксировали биографы, 17 мая 1883 года. В этот день шла пьеса П.П. Сухонина «Русская свадьба». Что Шаляпин почувствовал, оказавшись впервые в театре, поведал он сам в своих воспоминаниях: «Я до глубины души был потрясен зрелищем и, не мигая, ни о чем не думая, смотрел на эти

чудеса... Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым».

А вскоре пятнадцатилетний Шаляпин обратился в дирекцию театра в Казани с просьбой прослушать его и принять в хор. Но из-за мутации голоса на прослушивании он спел чрезвычайно плохо. Вместо Шаляпина в хористы приняли какого-то долговязого девятнадцатилетнего парня с чудовищным «окающим» говором. Свое первое фиаско Шаляпин запомнил на всю жизнь, а этого долговязого конкурента надолго возненавидел. Спустя годы в Нижнем Новгороде Шаляпин познакомился с Максимом Горьким, которому и рассказал о своей первой певческой неудаче. Услышав рассказ, Горький рассмеялся:

— Дорогой Феденька, так это ж был я! Меня, правда, скоро выгнали из хора, потому что голоса у меня вообще не было никакого.

Но вскоре Шаляпин все же попал в хор. Стоит заметить, что Шаляпин — далеко не баловень судьбы. Прошел через трущобы Казани, голодное, трудное детство. Случилось так, что в годы своих скитаний он попал в Тифлис. Четыре дня без денег, пристанища бродил по городу. И тогда Федор решился: увидев на витрине оружейного магазина пистолеты, он собирался войти, сделать вид, что выбирает оружие, нажать на курок и покончить с собой.

И тут... его окликнул знакомый голос итальянца — актера Понти, с которым Шаляпин играл на одних театральных подмостках. Узнав о трагедии Федора и его решении, Понти повел его домой, отогрел, накормил, приютил — до лучших времен. И времена эти скоро настали. Шаляпин стал много выступать и добрался до Большого театра.

Первое же появление Шаляпина на сцене Большого было встречено бесконечными громовыми аплодисментами. Оно превратилось в сплошной триумф, какого, по словам современников, давно не видели стены этого театра. Очарованная успехом Шаляпина дирекция стала одно за другим вводить в репертуар те произведения, в которых Шаляпин добивался наибольшего успеха. В 1901 году Большой театр поставил «Бориса Годунова», «Псковитянку», «Моцарта и Сальери» — все те вещи, которые прежде высокомерно отвергались казенной сценой. После того как в них блеснул Шаляпин, они уже казались признанной классикой, ни в чем не уступавшей европейским оперным шедеврам.

В те же годы начала расти европейская слава Шаляпина. В 1900 году он получил приглашение от миланского театра «La Scala» исполнить партию Мефистофеля. И в дальнейшем, по мере того как росла его слава, Шаляпин все больше времени отдавал гастролям, которые в коммерческом отношении были гораздо выгоднее, чем выступления по контракту. В 1907 году дирекции императорских театров стоило больших усилий заключить с ним договор.

Специально для Шаляпина французский композитор Массне пишет в 1910 году оперу «Дон Кихот», и Шаляпин, вдохновленный Сервантесом, сумел внести в свою роль огромный внутренний трагизм. И в дальнейшем Дон Кихот оставался одной из лучших его ролей.

Во время революции дом Шаляпина часто подвергался ночным обыскам. Искали бриллианты и золото. Однажды конфисковали серебряные ложки и вилки, а также двести бутылок французского вина. Шаляпин пожаловался Зиновьеву:

— Я понимаю — революция... И, в сущности, я не против обысков, но нельзя ли обыскивать меня в удобное для меня время, с восьми до девятнадцати, например?

С началом Первой мировой войны гастроли Шаляпина прекратились. Вплоть до 1920 года он безвыездно прожил в России. Но в 1920 году зарубежные гастроли возобновились. После многолетнего перерыва его концерты в Европе и Америке имели триумфальный успех. В апреле 1922 года Шаляпин на короткое время приехал в Петроград и в последний раз выступил в «Борисе Годунове». Тогда по городу поползли слухи, что Шаляпин покидает Россию навсегда. Мариинский театр осаждался днем и ночью. Для бедных студентов услышать знаменитого певца было несбыточной мечтой.

После бурного совещания молодежь «пустила шапку по кругу», собрала из карманов всю имеющуюся наличность и засела за послание к Федору Ивановичу: петроградские студенты покорно просят великого Шаляпина дать им возможность единственный раз в жизни увидеть и услышать его. И подпись: от имени и по поручению студенческой братии Валериан Кесснер из Тифлиса.

Перехватили швейцара театра. Опытный швейцар, найдя удобный момент, перекрестившись, постучал в уборную артиста. Получив разрешение, вошел, почтительно поклонившись, подал конверт. Прочтя послание, он расправил листок и красным гримерным карандашом наискосок написал: «Ложу студенчеству!»

Еще вспоминали, как среди артистов разгорелся спор о том, что такое искусство. Шаляпин незаметно удалился в другую комнату. Потом внезапно распахнул дверь, стал на

пороге смертельно бледный, со взъерошенными волосами, дрожащими губами, с полными ужаса глазами и произнес:

— Пожар!

Поднялась паника, крики... Но Шаляпин вдруг рассмеялся:

— Теперь вам понятно, что такое искусство?..

Разумеется, никакого пожара не было.

Шаляпин осел во Франции. В Париже у него была огромная квартира, занимавшая весь этаж дома, возле Биаррица — большое имение. Однако он проводил здесь мало времени. Последние шестнадцать лет его жизни прошли в непрерывных гастролях по всему свету. Он находил абсолютное признание на всех континентах и во всех странах, куда его забрасывала судьба. Только в СССР он не приезжал никогда. В 1927 году советское правительство лишило его звания народного артиста.

Число даваемых концертов было огромно. Между тем, начиная с 1936 года, здоровье Шаляпина стало быстро разрушаться. Летом 1937 года врачи определили у него болезнь сердца и эмфизему легких. Из крепкого мужчины он превратился в старика. В начале 1938 года появились признаки злокачественного малокровия, а в апреле Шаляпин скончался от лейкемии.

Находясь в эмиграции, Шаляпин очень сильно скучал по России и по своей малой родине — Казани. Он написал в своем завещании: «Где бы я ни умер, даже за границей, пусть меня похоронят на Волге...» Но похоронен Шаляпин был на парижском кладбище Батиньоль. А 29 октября 1984 года состоялась церемония перезахоронения праха великого русского певца на Новодевичьем кладбище в Москве.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924)

От могилы Шаляпина идете прямо до ответвления дороги направо (у серебряного витого креста), поворачиваете и еще раз поворачиваете направо, на вторую тропинку. Идете метров десять. Слева видите черную вертикальную плиту с профилем Валерия Брюсова.

Валерий Яковлевич Брюсов, по характеристике Горького, — «самый культурный писатель на Руси», русский поэт, прозаик, литературный критик, переводчик и величайший мистик.

Родился в 1873 году в Москве в зажиточной купеческой семье. В четыре года, по газетам он научился читать. Родители мальчика были сторонниками рационального воспитания и вместо игрушек покупали ему модели паровых машин и физические приборы. Ребенок читал не сказки, а очерки биографий великих людей и книги научного содержания, он мог часами рассматривать зоологический атлас и читать Брема, рано познакомился с Габорио, позднее увлекся Ж. Верном, Ф. Купером, М. Ридом, Г. Эмаром.

В автобиографии Валерий Яковлевич, вспоминая детские годы, писал: «Первые мои впечатления в детстве — это портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так остались висеть до самой его смерти. Это были первые имена больших людей, которые я научился лепетать. А следующее имя великого человека, которое я выучил, было имя Дарвина. И, наконец, четвертое имя — Некрасов, поэзия которого была долгое время единственно знакомой мне поэзией».

В одиннадцать лет Валерия отдали в частную гимназию Ф.И. Креймана, затем в гимназию Л.И. Поливанова, а в 1892 году Брюсов поступил в Московский университет, где углубленно изучал не только историю и философию, но и литературу, искусство, древние и современные языки. Одновременно он искал свое место в поэзии. В своем дневнике в 1893 году Брюсов записывает: «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его... Надо... найти путеводную звезду в тумане... это декадентство... оно идет вперед... будущее принадлежит ему... вождем буду я!..»

Прекрасный организатор, обладающий большим вкусом и умением привлекать для работы разных авторов, Брюсов в 1894—1895 годах издает три выпуска сборника «Русские символисты», которые стали первой декларацией модернизма в России, но на участников сборника обрушился поток насмешек и жесточайшей критики. Всего прочнее к литературному имени Брюсова пристало знаменитое однострочное стихотворение: «О, закрой свои бледные ноги». Эта выходка, как особенно характерное выражение декадентского озорства, приобрела огромную известность, и гомерический хохот, вызванный ею, сразу связал с «новыми течениями» представление о литературном ломании. Однако критика не разглядела в юном декаденте и проблесков настоящего дарования. Вот как отвечал поэт: «Печатая свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству».

Брюсов всячески подчеркивал право художника на

создание мира мечты, пусть даже фантастической. «Поэтическое произведение, — писал он, — в своем идеале таково, что оно будет доступно только автору».

Затем поэт издает сборник «Шедевры», в котором намечаются основные мотивы дальнейшего творчества — мир одинокого человека и большого города, любовь, искусство и природа с ее первозданной красотой. А сборник «Третья стража» стала событием русской литературы. В 1903 году Брюсов издает одну из своих лучших книг — «Граду и миру». Широта мысли, накал страстей, разнообразие стихотворных размеров выдвинули поэта в ряд крупнейших поэтов своего времени. В этот же период был создан ежемесячный журнал нового искусства «Весы», который первое время полностью делал поэт — от составления номера до читки корректур. Также Брюсов переводил армянскую поэзию.

Примерно с 1908 года Валерий Брюсов становится морфинистом. Он старался завязать, но не смог, морфий сделался ему необходим до конца жизни.

Поэт имел обыкновение влюбляться пламенно, но так же быстро и остывать. Вот из книги Владислава Ходасевича: «Его роман с Ниной Петровской был мучителен для обоих, но стороною в особенности страдающей была Нина. Закончив «Огненного Ангела», он посвятил книгу Нине и в посвящении назвал ее «много любившей и от любви погибшей». Исчерпав сюжет и в житейском, и в литературном смысле, он хотел отстраниться, вернувшись к домашнему уюту. Желание порвать навсегда он выказывал с нарочитым бездушием».

А сразу после отъезда Нины Петровской Брюсов по-

знакомился с начинающей поэтессой Надеждой Григорьевной Львовой, написал книжку стихов почти в духе Игоря Северянина и посвятил ее Наде. Выпустить эту книгу под своим именем он не решился, и она явилась под двусмысленным названием: «Стихи Нелли. Со вступительным сонетом Валерия Брюсова». Брюсов рассчитывал, что слова «Стихи Нелли» непосвященным будут понятны как «Стихи, сочиненные Нелли». Так и случилось: и публика, и многие писатели поддались обману. И опять Владислав Ходасевич: «С ней отчасти повторилась история Нины Петровской: она никак не могла примириться с раздвоением Брюсова — между ней и домашним очагом. С лета 1913 года она стала очень грустна. Брюсов систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве. В конце ноября, кажется 23-го числа, вечером, Львова позвонила по телефону Брюсову, прося тотчас приехать. Он сказал, что не может, занят. Часов в 11 она звонила ко мне — меня не было дома. Поздним вечером она застрелилась. Брюсов на другой день после Надиной смерти бежал в Петербург, а оттуда — в Ригу, в какой-то санаторий. Он вернулся в Москву, залечив душевную рану и написав новые стихи, многие из которых посвящались новой, уже санаторной «встрече»...»

Октябрьскую революцию поэт приветствовал и решительно встал на сторону советской власти.

Он занимает особое место среди мистиков, признавших национальный характер большевистской революции, но антихристианская мистика, демонизм овладели Брюсовым задолго до большевистской революции. Брюсов погружается в черную магию, оккультизм, спиритизм. Им ов-

ладевает жажда разрушения окружающего мира. В одном из своих писем Горькому Брюсов писал о том, с каким наслаждением он будет разрушать старый мир. «Лучшие мои мечты, — признавался Брюсов, — когда все это будет сокрушено». Ему совершенно чужды идеи страдания ради воскресения, смерти ради жизни и т.п. Для него Россия вершит мировую расплату с христианским миром с помощью грубой силы, которой никто не может противостоять.

Поэт-новатор, певец русского модернизма, энциклопедически образованный человек, драматург и переводчик, прекрасный организатор умер в Москве от тяжелого воспаления легких 9 октября 1924 года. Из воспоминаний Владислава Ходасевича: «Прочитав известие о смерти Брюсова, я думал, что он покончил с собой. Быть может, в конце концов так и было бы, если бы смерть сама не предупредила его».

Утесов Леонид Осипович (1895—1982)

Возвращаетесь на дорогу между 3-м и 4-м участком, идете прямо до конца 9-го участка. Могила Леонида Утесова справа.

Леонид Утесов — комический актер, пародист, автор фельетонов и стихов, музыкант, основатель и руководитель прославленного оркестрового коллектива, именовавшегося в разные годы и теа-джазом, и джаз-оркестром, и просто джазом, и Государственным эстрадным оркестром РСФСР.

Некоторые музыкальные критики упрекали его в отсутствии голоса. Утесов неизменно отвечал: «Я пою не голо-

сом, я пою — сердцем». От одного лишь упоминания его имени на лицах людей расцветали улыбки, в душах рождалось какое-то особенное тепло, а в памяти начинали звенеть мелодии его песен.

Настоящее его имя — Вайсбейн Лазарь Иосифович. «Я решил взять себе фамилию, которой никогда еще ни у кого не было, то есть просто изобрести новую, — писал потом артист. — Естественно, что все мои мысли вертелись около возвышенности. Что же есть еще на земле выдающееся, мучительно размышлял я, стоя на Ланжероне и глядя на утес с рыбачьей хижиной. Боже мой, подумал я. Утесы, утесы!» Так появился Леонид Утесов!

С детства Утесов страстно любил музыку. В три года, затаив дыхание, подолгу простаивал на лестничной площадке, слушая, как сосед, скрипач Гертберг, репетирует: «Папа тоже любил музыку, хотя и не лежал рядом со мной под дверью у Горшберга. Когда приходили гости, он ласковым тихим голосом говорил: «Ледичка, а ну-ка!» Я уже знал, что должен петь арию Ленского. В фонографе не очень четко были слышны некоторые слова, так я пел, как слышал: «Куда, куда вы увалились, златые пни моей весны?» И эти «пни» приносили солидный гонорар: за исполнение папа давал мне три копейки — для начинающего певца немалые деньги. Правда, в то время я еще не знал, как разнообразно его можно истратить. Я еще ни о чем не мечтал».

Вскоре, аккомпанируя себе на гитаре, уже выступал с песнями на углу Дегтярной и Спиридоновской, у здания еврейского училища. И чаще всего пел «Раскинулось море широко».

А затем Утесов собирает инструментальный коллек-

тив — музыканты оркестра под его руководством превращались в актеров, а концерт — в самый настоящий спектакль.

Кинематографическая биография Леонида Осиповича Утесова началась в Одессе. В 1919 году дебют в роли адвоката Зарудного в фильме «Лейтенант Шмидт — борец за свободу» и фильм «Торговый дом «Антанта и К°», затем уже в Ленинграде, фильм «Карьера Спирьки Шпандыря»: «В этом фильме Утесов играл по-эстрадному броско, явно используя краски своих одесских ролей, оставаясь под комедийной маской афериста признанным любимцем публики».

Участие Утесова и его оркестра в съемках фильма Г. Александрова «Веселые ребята» окончательно изменило его отношение к песне. С этой киноленты начинается становление и развитие нового созданного им жанра — «песенный джаз», как определили его критики того времени, который являл собой гармоничный синтез песни и джаза.

Леонид Утесов достиг небывалых успехов в актерском мастерстве. Его программа «От трагедии до трапеции» включала в течение одного вечера проявление всех разновидностей актерского мастерства. Афиши, расклеенные по городу, сообщали: «Палас-театр приглашает всех желающих на показательный синтетический вечер-спектакль Леонида Утесова». Основной призыв гласил: «От трагедии до трапеции Утесов показывает все...» Представление начиналось в восемь часов вечера и длилось до двух часов ночи.

В годы войны коллектив Утесова, подготовив программу «Бей врага!», дает представления на фронтах. В репер-

туаре — новые песни на военную тему, написанные молодыми тогда композиторами Никитой Богословским, Аркадием Островским, Марком Фрадкиным и др. Теперь мало кто помнит, что до сих пор популярные песни той поры — «Темная ночь», «Бомбардировщики» и т.д. — впервые были исполнены коллективом Утесова.

Леонид Осипович получал очень много писем. Особенно он любил письма от моряков. Видимо, какая-то нереализованная мечта глубоко затаилась в его сознании — на сцене он появлялся порой в форме матроса Черноморского флота.

Органической частью его натуры всегда был юмор. Анекдоты, розыгрыши, смешные афоризмы давали ему возможность распахнуться, выразить себя, облегчить душу. Например, когда Утесову было 80 лет, кинорежиссер Леонид Марягин пригласил его на премьеру своего фильма (в нем звучала песня в исполнении Леонида Осиповича). Марягин назвал имена членов группы, сказав, что и Утесов — в составе этого творческого коллектива, и он, Марягин, рассчитывает сотрудничать с ним долгие годы. Зал взорвался аплодисментами. Утесов встал и в ответ рассказал анекдот, по его словам, подходящий к случаю: «80-летнего старика приговорили к 25 годам тюремного заключения. Приговоренный прослезился и, обращаясь к судьям, сказал: «Граждане судьи, благодарю вас за оказанное доверие!»

...Но жизнь неумолима. Наступила старость, которая принесла и болезни, и горькие раздумья. «Каким я был, таким я не остался», — печально говорил он. В 1962 году умерла жена. 5 декабря 1966 года ему стало плохо на концерте в ЦДСА, и вскоре он распрощался со сценой. Живя

на пенсии, он писал мемуары, занимался фотографией, иногда принимал друзей, очень часто слушал симфоническую музыку и особенно старые пластинки.

Он умер 9 марта 1982 года в подмосковном санатории «Архангельское».

...Как-то, за два года до смерти, Утесов поставил пластинку с песней М. Табачникова «Перевал» в собственном исполнении. Речь в ней шла о пройденной жизни и о том, что наступает время спускаться с достигнутых вершин. Он слушал самого себя и плакал, повторяя слова песни: «Ничего не копили для черного дня, не ловили, не рвали из рук. Наша совесть чиста, милый друг».

Образцов Сергей Владимирович (1901—1992)

Стоя возле памятника Утесову, вы уже видите памятник Образцову, он справа.

Образцов Сергей Владимирович — выдающийся театральный деятель, актер и режиссер, народный артист СССР, Герой социалистического Труда, профессор Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского, президент Международного союза кукольников UNIMA, президент советского центра этой организации, лауреат Государственной премии СССР...

Екатерина Михайловна, внучка Образцова, вспоминает: «Первую куклу, ее звали Би-Бо-Бу, дедушке подарила его мама, купив в китайском магазинчике. Би-Бо-Бу, рассказывают, был в таком цветастом халатике, и головка надевалась на палец. Дедушке тогда было лет пять, и он тут же

начал показывать сценки, вылезая отовсюду — из-за стула или дивана, чем очень пугал младшего брата. Всю жизнь он был очень любознательным. Его интересовало буквально все: птички, рыбки, газонокосилка на даче — все, что попадало в поле его зрения. Он считал, что старый тот, кто лежит на диване и вспоминает о прошлом, а молодой — кто грезит будущим».

В 1918 году С.В. Образцов становится студентом Высших художественно-театральных мастерских, учеником А.Е. Архипова и В.А. Фаворского, но через несколько лет поступает в Музыкальную студию Московского Художественного театра, и с 1922 года он, актер МХАТа-2 , постигает тайны актерской профессии и режиссуры, играя рядом с Берсеневым, Гиацинтовой, Бирман. С середины 30-х годов приобретает известность как артист эстрады, создатель пародийного жанра «романсов с куклами». Объектом его пародий становилась пошлость, характерная для исполнения некоторых эстрадных актеров, и обывательское мещанство («Минуточка», «Мы только знакомы, как странно», «Налей бокал», «Мы сидели с тобой», «Хабанера» и др.).

Его театр начинался в маленькой комнатке, когда у назначенного художественным руководителем государственного театра кукол молодого Сергея Образцова не было репертуара, он позвал к себе в артисты последнего петрушечника России Ивана Зайцева. В воспоминаниях старшего поколения зрителей наверняка сохранились фрагменты из спектаклей «Волшебная лампа Аладдина», «По щучьему велению», «Дон Жуан», «Пиковая дама», «Буратино», «Маугли», голос Сергея Владимировича, читающего: «Ехали медведи на велосипеде...»

В 1931 году С.В. Образцов создал уникальный театр кукол и более шестидесяти лет был его бессменным руководителем. Он много сделал для разработки теории и методики театра кукол, определения его жанровых особенностей, изобретения новых систем кукол, вырастил и воспитал несколько поколений блистательных актеров, режиссеров, сценографов, художников и драматургов театра кукол, которые и сегодня работают в сотнях театров нашей страны, в десятках стран мира.

Театр кукол им. Образцова, что на Садово-Самотечной улице в Москве, начинается со сказочных часов на фасаде. Ровно в 12 дня, когда они исполняют мелодию «Во саду ли, в огороде», перед театром замирают прохожие и водители, чтобы поглядеть на выплывающие из глубин механизма забавные фигурки. А уж про детей и говорить нечего: они задирают головы, смеются и просят родителей купить им билеты «на Образцова».

Говорят, что театр начинается с вешалки, но театр Образцова начинается с музея театральных кукол. Зрители приходят в него задолго до начала спектакля и с интересом рассматривают уникальную коллекцию. Выставка кукол, занявшая фойе театра, всегда вызывала большой интерес и огромное количество вопросов со стороны посетителей. Сергей Образцов лично проводил экскурсии перед спектаклями, читал лекции по истории кукольного театра, участвовал в проведении конференций и семинаров. Благодаря общению с кукольниками на конференциях, гастролям по стране и зарубежью в музей стали стекаться материалы по театрам многих стран мира. Театральный музей — это и одно из крупнейших в мире собраний кукол

(около 3000) всех известных систем от античности до наших дней, где нет ни одной копии — все подлинники, и самая полная и единственная в России библиотека, где собрана вся известная литература о куклах.

Образцов умел создавать самые смешные номера из самых простых в мире кукол. «Шарики» — один из лучших номеров Сергея Владимировича. Под куплеты романса «Мы сидели с тобой...» две руки, на указательные пальцы которых надеты два шарика, перевоплощаются в парочку влюбленных. Они проживут, переживут и проиграют все перипетии любовной страсти. А потом Образцов убаюкивает маленького Тяпу. Сделав собственными руками перчаточную куклу-ребенка в самом начале творческого пути, Образцов не расставался с ней всю жизнь. Черты Тяпиного лица напоминают лицо самого кукольника, называвшего куклу «самым старым ребенком в мире».

Поставленные им спектакли «Необыкновенный концерт», «Божественная комедия», «Дон Жуан», «По щучьему велению», «Король-Олень» и др. вошли в золотой фонд отечественного и мирового театрального искусства, до сих пор идут на сцене театра кукол.

Система режиссерской, актерской работы, изложенная С.В. Образцовым в его книгах «Актер с куклой» (1938), «Моя профессия» (1950), — уникальное достояние эпохи. Свое богатейшее литературно-теоретическое наследие он завещал нам также в книгах: «Эстафета искусств», «По ступенькам памяти», «Моя кунсткамера», «О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон» (1956), «Театр китайского народа» и др. Все эти книги хранятся в библиотеке театра.

С.В. Образцов — создатель жанра документального киномонолога, автор фильмов «Кинокамера обвиняет», «Удивительное рядом», «Невероятная правда», «Кому он нужен, этот Васька».

Сергей Владимирович Образцов принадлежал к тем художникам, которые пытались очеловечить этот поистине «железный двадцатый век». Он был убежден в том, что искусство — самый великий дипломат, способный сблизить интересы разных народов, разделенных тысячами километров.

Жизнь Образцова — это череда встреч и впечатлений от спектаклей Федора Шаляпина, от игры молодого скрипача с «пугающей фамилией Ойстрах», от звездных, пьянящих джазом и степом гастролей музыкальной студии МХАТ в Америке, от общения с Гордоном Крэгом и от короля Лира Михоэлса, и так далее, и так далее. Его друзьями, знакомыми были Гордон Крэг, Соломон Михоэлс, Чарли Чаплин, Джим Хенсон, Жерар Филип, Жан-Поль Сартр, учителями — Станиславский и Немирович-Данченко. В доме Сергея Владимировича каждый день бывали гости...

В конце своей насыщенной событиями жизни он мечтал поставить два спектакля — «Ромео и Джульетта» и «Фауст».

«Это человек феноменального вкуса, изумительных творческих сил, и, главное, единственный. Во всем мире нет другого Образцова. Он сам изобрел свою профессию, сам создал целую отрасль искусства, и его куклы, по-моему, талантливее многих живых артистов». Так возвышенно об Образцове говорил другой великий сказочник — Корней Иванович Чуковский.

Бондарчук Сергей Федорович (1920—1994)

Заходите за могилу Образцова (по направлению к стене), справа белый памятник Сергею Бондарчуку.

Сергей Бондарчук родился 25 сентября 1920 года в селе Белозерка Одесской области. Впервые проявить свой нрав Сергею Федоровичу Бондарчуку пришлось сразу после окончания школы. Отец, Федор Петрович, человек очень строгих правил, предложил сыну пойти учиться на инженера. Но Сергей заявил, что давно принял решение стать артистом. На это отец воскликнул: «Сын председателя колхоза, потомка запорожских казаков, будет «комедиантом»?! Не бывать этому!» Однако после, наверное, тысячного отказа отец сдался. «Об одном прошу, сынок, — сказал он перед отъездом, — будь актером, а не комедиантом!» Сергей пообещал...

Свою звездную карьеру Бондарчук начинал, ночуя на столе директора Киностудии им. Горького. Провинциальному мальчику негде было жить в Москве. Мастером его вгиковского класса был Сергей Герасимов, и дипломной работой Бондарчука стала роль Валька в фильме Герасимова «Молодая гвардия» (1948).

Во время съемок «Молодой гвардии» Сергей Бондарчук женился на начинающей актрисе Инне Макаровой. Они прожили вместе 10 лет. В 1950 году у них родилась дочь Наташа, ставшая впоследствии актрисой и кинорежиссером.

Вот что вспоминал о Сергее Самсон Самсонов, увидев его впервые во ВГИКе: «Вошел молодой человек в сапо-

гах, галифе и гимнастерке без погон. Волосы в цвет воронова крыла, смуглый, кареглазый, с пылающим взглядом. Сущий цыган. Глаза у него были такие, что словами не передать. В его глазах всегда горел огонь: он то ярко пылал, то как-то угасал, и просто сверкали зрачки. Такой выразительный взгляд меня сразил сразу».

Бондарчук всегда бил в десятку. Он снялся в главной роли в фильме «Тарас Шевченко» в 1952 году и получил премию на МКФ в Карловых Варах. На родине он так понравился товарищу Сталину, что тот назвал его «истинно народным артистом». Наутро после правительственного просмотра Бондарчуку дали звание народного. Он стал самым молодым народным артистом СССР, минуя все промежуточные звания.

Следующей заметной удачей Бондарчука стала роль доктора Дымова в «Попрыгунье» (по рассказу А.П. Чехова, режиссер С.И. Самсонов), где проявилась лирическая сторона дарования актера.

В том же году Сергей Бондарчук познакомился со своей будущей супругой актрисой Ириной Скобцевой. Тогда она еще была студенткой Школы-студии МХАТ. Это произошло на вернисаже лауреата Сталинских премий Василия Ефанова. Художник написал тогда портрет Скобцевой и пригласил ее на выставку. Войдя в зал, она увидела, что перед ее портретом стоит Сергей Федорович Бондарчук. Он обернулся и увидел Ирину, словно сошедшую с холста...

Затем были съемки фильма С.Ю. Юткевича «Отелло» (1956), в котором Сергей Бондарчук играл главную роль. Романтически яркое исполнение трагедийной классиче-

ской роли принесло Бондарчуку признание не только на родине, но и за рубежом.

Удачей Бондарчука стало то, что он сразу нашел свою тему. Утвердившись как мастер советского кино, Бондарчук уверенно обратился к эпическому жанру. Великая Отечественная война глубоко потрясла его. Всю свою жизнь он фактурно лепил образ сильного одухотворенного человека — солдата, защитника Родины. Судьба целого народа и драма отдельного человека выписаны с равной силой в его шедеврах.

Сергей Бондарчук — художник с размашистым почерком. Он не захотел ограничиться рамками актерской профессии. Его режиссерский дебют — фильм «Судьба человека» по М. Шолохову.

В начале 1960-х годов Бондарчук приступил к съемкам киноэпопеи «Война и мир», четыре серии которой стали уникальным явлением для художественной и производственной практики советского кино. В этом фильме он выступил также как сценарист и исполнитель роли Пьера Безухова. Бондарчук поставил своей задачей не просто проиллюстрировать толстовский шедевр, но дать равноценное кинематографическое воплощение философским воззрениям писателя, а также исторически точно воспроизвести на экране ход военных действий и картины народной жизни начала XIX века. Затем были «Ватерлоо», «Они сражались за родину», «Степь», «Красные ворота», «Борис Годунов».

Тяга к созданию эпопей сыграла с Сергеем Бондарчуком в конце жизни злую шутку. Он стал первой российской жертвой продюсерского кинематографа.

К съемкам фильма «Тихий Дон» знаменитый режиссер приступил в конце 80-х годов прошлого века. Отсняв весь материал, режиссер намеревался приступить к монтажу. После передачи пленки в студию перед Сергеем Федоровичем просто захлопнулись двери: больше его не допускали к пленке. Через некоторое время продюсеры объявили себя банкротами, а фильм, не смонтированный, достался итальянскому банку в качестве компенсации. На долгое время в России о существовании этого фильма просто забыли. Кроме того, на режиссера так повлияла сложившаяся ситуация, что он просто угас. Как рассказывала в интервью Ирина Скобцева, супруга Бондарчука, во многом это приблизило его смерть... Чудовищно запутанному юридическому скандалу не было видно конца. Попытки вернуть фильм делали вдова Бондарчука Ирина Скобцева, его сын Федор, министр культуры Михаил Швыдкой... В конце концов подключился Первый канал и, по слухам, лично президент Путин. Только тогда материалы удалось забрать у банка.

Сергей Бондарчук умер 20 октября 1994 года, но последний его фильм все же появился на наших экранах — дело отца закончил сын, Федор Бондарчук...

Н. Михалков: «...в этом мире годы и десятилетия бесконечной волной будет жить то, что сделал этот человек. Мощный. Искренний. Лукавый. Да, он лукавил, но он лукавил с безбожниками. А душа его всегда светла. Сергей Федорович может быть спокоен. Есть его семья, есть его товарищи, есть Россия. Россия, склонившаяся в благодарном поклоне за все то, что им создано».

Леонов Евгений Павлович (1926–1994)

Могила напротив памятника Бондарчуку.

Милый, добрый, мягкий, смешной — иначе о Евгении Леонове не говорят. На долю замечательного актера выпало множество комических ролей. Он учил людей улыбаться, хотя сам частенько бывал грустным.

Леоновы жили в коммунальной квартире на Васильевской улице, занимая две небольшие комнаты. Родители Евгения была гостеприимными хозяевами, и поэтому их дом был вечно полон. Постоянно приезжали близкие и дальние родственники, и все чувствовали себя здесь легко и свободно. Леонов позднее вспоминал: «У мамы было нечто такое, что меня, мальчишку, удивляло — мама умела рассказывать так, что все смеялись, в квартиру набивалось много-много людей».

Жизнь в искусстве у Евгения складывалась сложно, долгое время он играл эпизодические, третьеплановые роли и на сцене и в кино.

Звездный час Евгения Леонова наступил в 1961 году, когда на экраны вышла комедия Владимира Фетина «Полосатый рейс». В этой картине актер сыграл скромного буфетчика Шулейкина, волей судьбы выдающего себя за укротителя тигров.

Сама исходная ситуация фильма таила в себе множество возможностей для эксцентрической комедии. Фильм получился веселым, динамичным, насыщенным головокружительными трюками, правда, он был начисто лишен психологических нюансов, его персонажи не более чем узна-

ваемые комедийные маски. За исключением недотепы Шулейкина. Леонов играл блистательно, с наслаждением, не боясь откровенного фарса, в то же время казавшись трогательным в своем наивном простодушии. Именно эта роль принесла актеру поистине всенародную славу, в одно мгновение превратив его в самого любимого комедийного актера советского кинематографа.

Еще один интересный факт. В этой картине Евгений Леонов первым из советских актеров снялся в обнаженном виде. Как он вспоминал позднее: «Я первым из актеров показал свой мощный зад советскому народу». А как это происходило — уже отдельная интересная история. Вот как все было: тигры есть тигры, и сниматься с ними Леонов мог, только отгородившись пуленепробиваемым стеклом. Перед съемками оградили ванну, в которой должен был купаться Леонов, причем он лично проверил стекло на прочность. Но когда установили освещение, оператор заявил, что стекло будет давать блики и зритель сразу обо всем догадается. Режиссер решил стекло убрать, но Леонову об этом не говорить. Как только Леонов разделся и плюхнулся в ванну (под ней спрятали дрессировщика), стекло незаметно убрали и впустили в павильон тигра, который сразу направился к артисту и стал его обнюхивать. Тот открыл глаза и... Остальное зрители видели: Леонов ахнул, голышом выскочил из ванны и бросился бежать, роняя хлопья пены. Так что игры тут не было — все произошло самым натуральным образом.

Евгений Павлович вспоминал: «Когда вышел на экраны «Полосатый рейс», многие решили, что теперь уже я прописан постоянно в цехе комиков и мне за его пределы

шагу ступить не дадут. По правде сказать, я и не очень огорчался. Я всегда любил комедии и хотел играть в веселых фильмах и в спектаклях. Интересную драму я предпочту плохой комедии. Но хорошей комедии буду верен всю жизнь... Но как бывает в жизни иногда — самое интересное предложение получаешь там, где его совсем не ждешь. Когда раздался звонок из Ленинграда и родной голос режиссера Фетина сообщил, что для меня есть роль в его новом фильме, я не без ужаса подумал: каких еще хищников придется мне укрощать? И вдруг слышу: по рассказам Шолохова... «Донская повесть»... Шибалок... Я, конечно, не соглашаюсь, он обижается. Ладно, говорю, приеду, поговорим, а сам думаю: худсовет не допустит. И, естественно, худсовет «Ленфильма» возражает: «Только что «Полосатый рейс» — и вдруг «Донская повесть», что же общего? Где логика?» Но режиссер и меня убедил, и худсовет...»

А еще Леонов был верующим, вот отрывок из интервью:

— Ваше отношение к Богу?

— Для кого-то Бог на небе, а для кого-то в собственном сердце. И этот Бог в сердце не дает опуститься ниже определенного человеческого уровня... Он не позволит ударить ногой собаку, обидеть старика, плохо относиться к родителям...

Немалую популярность актеру в те годы добавила и мультипликация. В 1969 году он озвучил всеми любимого Винни-Пуха в одноименном мультфильме Ф. Хитрука. Впоследствии этот мультперсонаж стал визитной карточкой Евгения Леонова.

Большинство картин Леонова вошли в золотой фонд

отечественного кино. Причем это были фильмы совершенно различных жанров («Белорусский вокзал», «Джентльмены удачи», «Карусель», «Афоня», «Старший сын», «Шаг навстречу», «Обыкновенное чудо», «Кин-дза-дза»...)

Страшное несчастье произошло с Евгением Леоновым летом 1988 года. В то время театр Ленком был на гастролях в Германии, в Гамбурге. Леонов играл там роль Подсудимого в спектакле «Диктатура совести». На третий день после спектакля ему стало плохо. Врач, приехавший на «Скорой», сказал, что Леонова необходимо отвезти в больницу. По дороге у Евгения Павловича остановилось сердце...

Вспоминает Ванда Леонова: «Врачи не знали, чем это вызвано: ведь у Жени был целый букет болячек. Сахарный диабет, плохие сосуды, сердце... Слава богу, это случилось в Германии — у нас бы он умер. Его подключили к аппаратуре. Сердце забилось. В госпитале перед операцией ему сумели сделать шунтирование (перешивание сосудов), отключили аппаратуру. Но сердце не выдержало, последовал обширный инфаркт. На его фоне и шла операция, которая продолжалась 4,5 часа».

Евгений Леонов пролежал в коме шестнадцать суток. Все эти дни с ним рядом находились жена и сын. Андрею так и сказали: «Сиди и беседуй с ним и с Господом. Если Он тебя услышит наверху, отец вернется». Вместе с ним всем сердцем был и весь советский народ. Простые люди ставили в церквях свечки за то, чтобы их любимый артист вернулся.

Он вернулся. А спустя четыре месяца уже репетировал главную роль Тевье-молочника в новом спектакле «Поминальная молитва». 21 октября состоялась премьера. По

окончании спектакля толпы восхищенных зрителей шли к сцене с охапками цветов и, передавая их Леонову, говорили: «Живите долго! Здоровья вам и счастья!»

29 января 1994 года Евгений Леонов ушел из жизни. Его жена Ванда рассказывала: «Он зашел в комнату и сказал: «Сейчас Андрюшенька появится, надо будет собираться в театр». Надел рубашку, стал переодевать брюки — театральный костюм у него был дома — и вдруг пошатнулся и упал. Я думала, что он на штанину наступил. Закричала: «Женя, ты что?», подбежала к нему, а он выпрямился, и все. В одну секунду его не стало. Приехали врачи, сказали, что это — тромб».

Вечером того рокового дня в Ленкоме должен был состояться спектакль «Поминальная молитва» с Леоновым в главной роли. Когда зрителям объявили, что спектакль не состоится из-за смерти актера, ни один из них не сдал свой билет. Из ближайшего храма принесли свечи, и народ весь вечер простоял с ними у театра.

Артем Боровик (1960–2000)

От могилы Леонова идете направо.

Смерть президента холдинга «Совершенно секретно» и ведущего одноименной программы Артема Боровика вызвала резкий резонанс в обществе: об этом печальном событии много говорили и продолжают говорить, много писали и продолжают писать.

Артем родился в семье журналиста и решил пойти по стопам отца. После МГИМО Артема распределили на рабо-

ту в МИД. Но Артем не принял лестного предложения. Пришел в деканат, поблагодарил и отказался: «Я всегда мечтал быть журналистом». И пошел литсотрудником в международный отдел «Советской России».

Воспоминания его отца: «...Его командировкой была поездка по дорогам Смоленщины, по которым трагическим летом 1941 года отступали наши солдаты. Те дороги были в сознании Артема во многом связаны с именем молодого Константина Симонова, который шел по ним вместе с войсками. Помню, как-то ночью Артем вдруг позвонил по телефону из Вязьмы и сквозь телефонный треск с волнением рассказал, что ему удалось найти тот «старый дом», в котором «одну лишь ночь» жил военный корреспондент «Красной Звезды» Константин Симонов со своими фронтовыми друзьями и где они перед боем дали друг другу клятву верности. Те стихи Артем, конечно, знал наизусть:

...В ту ночь, готовясь умирать,
Навек забыли мы, как лгать,
Как изменять, как быть скупым,
Как над добром дрожать своим.
Хлеб пополам, кров пополам —
Так жизнь в ту ночь открылась нам...

Для Артема побывать в том доме значило присоединиться к той фронтовой клятве. Он следовал ей всю жизнь».

Артем Боровик несколько раз был в Афганистане. Очерки Артема из Афганистана вызвали бурю. В них впервые была сказана неприкрытая правда о той бессмысленной войне. Но афганские очерки Артема вызвали не только одобрение. Они вызвали и волну нападок со стороны

тех, кто по тем или иным причинам не хотел, чтобы правда об афганской войне стала известна людям.

Еще одно воспоминание Генриха Боровика о сыне: «Самой горячей точкой для него оказались не война в Никарагуа и не участие в афганских боях. Самой горячей точкой для него стало место руководителя холдинга «Совершенно секретно».

У него было удивительно развито чувство гражданственности, чувство долга перед людьми и перед страной. Это чувство и определяло его позицию как редактора, издателя, руководителя популярнейшей телевизионной программы. 1 сентября 1999 года он пришел в свою родную 45-ю московскую школу на встречу со старшеклассниками и очень серьезно говорил о том, что значит быть гражданином своей страны. Вспомнил слова Джона Кеннеди: «Не спрашивай страну, что она может сделать для тебя. Спроси страну, что ты можешь для нее сделать».

В одном интервью журналист спросил у Артема, не боится ли он расправы от тех преступников, которых он вывел на чистую воду.

Он ответил: «Если журналист сумел написать правду, его жизнь не пропала даром».

Последнее интервью Артема Боровика прозвучало на канале НТВ в ночь с 6 на 7 марта 2000 года. Около часа от одного из телезрителей пришел на пейджер странный и страшный вопрос: «Если вы такой честный, почему же вы до сих пор живы?..»

А 9 марта в 8 часов 40 минут «Як-40» при отрыве от взлетной полосы на скорости более 200 км/ч неожиданно резко накренился влево и крылом зацепил бетон взлетной

полосы. Лайнер развернуло на 180°, и он рухнул приблизительно с высоты 50 метров. На место трагедии сразу же прибыли спасатели, но спасти никого не удалось.

«Журналисты холдинга «Совершенно секретно», занимавшиеся расследованием причин авиакатастрофы, в которой 9 марта погиб Артем Боровик, считают, что авария не была случайной». Однако эксперты ЛИИ имени Громова, проводившие исследование причин трагедии, пришли к выводу, что катастрофа (несмотря на то что самолетом управлял высококвалифицированный пилот) произошла в результате ошибки экипажа.

При ударе о землю самолет разломился надвое, пассажиров разметало по полю, и только двое остались на своих местах: первый пилот и Артем Боровик. Летчика зажало в кабине. Артем, единственный пассажир, который пристегнулся перед взлетом, тоже оказался заблокирован в искореженном пассажирском салоне. Спасатели приехали мгновенно, но почему-то без необходимого в таких случаях снаряжения. Тело Артема извлекли только через четыре часа. А вдруг его можно было спасти? Эта мысль не дает покоя родным.

Он мечтал о создании благотворительного фонда, который помогал бы журналистам, работающим в жанре независимого расследования. Фонд создан, но уже после гибели Боровика. И носит его имя. Фонд выплачивает стипендии наиболее талантливым студентам факультетов журналистики России.

Артем Боровик планировал в 2000—2002 годах создать политическую партию социалистической (умеренно левой) ориентации. А по некоторым данным, в 2004 году

он намеревался баллотироваться на пост Президента России. По мнению сотрудников редакции, в стремлении Артема Боровика стать Президентом Российской Федерации не было ничего удивительного. Глава холдинга «Совершенно секретно» обладал самыми разнообразными талантами, чем выгодно отличался от статусных лидеров политического процесса в современной России. Ему были органически чужды серость и бездарность.

Артем Боровик: «Это моя страна, и молчать я не буду».

Сенкевич Юрий Александрович (1937–2003)

Идете далее направо.

Рискованные плавания по океану на папирусных лодках, год жизни в Антарктиде, подготовка к космическому полету, участие в экспедиции на Эверест... Трудно поверить, что столько необыкновенных приключений выпало на долю одного человека. А человек этот — бессменный ведущий «Клуба путешественников» Юрий Сенкевич.

Страсть к путешествиям он впитал, по-видимому, еще в раннем детстве — его любимейшими книгами были «Робинзон Крузо», «Граф Монте-Кристо», произведения Александра Грина. Но на путешественника не учат ни в школе, ни в институте, поэтому в 1954 году он — по стопам родителей и деда — поступил в Военно-медицинскую академию.

Так и получилось, что поначалу он был врачом и даже хотел проводить испытания в космосе (и прошел полный курс подготовки к космическому полету), но вместо этого

его отправили в антарктическую экспедицию на станцию «Восток». Экспедиция длилась целый год! «Надо сказать, испытания были жуткие. Разреженность воздуха и по содержанию кислорода — как на высоте 4000 метров над уровнем моря, давление — 450 мм ртутного столба, среднегодовая температура — минус 55 градусов. Три дня у нас было минус 80!» Кроме того, ежедневно видеть друг друга, не имея возможности уединиться, тоже было нелегко. Так что и ссорились, и мирились. А для расслабления существовали торжественные ужины. Перед началом трапезы повар входил в кают-компанию и спрашивал: «Как будем разводить (спирт)?» Разводили по широте, на которой находилась станция, — 79-й градус южной широты. После этого напиток выставлялся на мороз, и в результате полярники пили тягучую, как ликер, жидкость.

Кроме основной работы врача в экспедиции добавилась еще одна — он получил предложение от главного редактора журнала «Дружба народов» вести путевой дневник. Так он стал известен в литературных кругах как веселый и очень остроумный автор...

В 1969 году норвежский ученый Тур Хейердал начал формировать экспедицию на папирусной лодке через Атлантику.

На лодке «Ра» Сенкевичу приходилось порой сталкиваться с совершенно неожиданными проблемами... Скажем, если дело касалось мытья посуды, то нельзя было угадать, как отреагирует на предложение поучаствовать в этом мероприятии африканец Абдулла Джибрин — то ли согласится, то ли вообразит, что его дискриминируют как чернокожего. Приходилось мириться и с тем, что на обед

порой готовились столь экзотические блюда, что желудок просто отказывался их переваривать.

Это путешествие оказалось коротким. Когда строили лодку — взяли да и обрубили загнутую корму, которая была необходима, чтобы ее не заливало волной прибоя. Когда это поняли, корму надставили, но целостность конструкции уже была нарушена, и через месяц после выхода в открытый океан корма стала неотвратимо погружаться в воду, а «Ра» превращаться в субмарину. «Мы предприняли отчаянные попытки к спасению. Под рулевым мостиком находился спасательный плот из пенопласта, рассчитанный на шесть человек (к слову, нас на лодке было семеро), который мы распилили и укрепили на корме. Это помогло продержаться еще недели две, прежде чем мы послали сигнал SOS. На наш призыв откликнулась яхта какой-то американской миллионерши. Прошло три-четыре дня, мы вот-вот должны были встретиться с нашими спасителями. И, искренне радуясь этому, отправили за борт все лишнее — бочку с солониной, глиняные кувшины с водой, даже хлеб, не предполагая, что ожидание встречи растянется еще на пять дней. Эти пять дней были не самыми лучшими в нашей жизни...»

К счастью, весь экипаж «Ра» остался жив. А потом были более успешные экспедиции на суднах «Ра-2», «Тигрис»...

В 1973 году, после смерти первого ведущего и создателя «Клуба кинопутешествий» Владимира Шнейдерова, Юрия Сенкевича пригласили сначала принять участие в этой передаче, а позже — стать ее постоянным ведущим.

И именно таким его запомнили — добрым волшебником, все знающим и подмечающим, дружелюбным, необыкновенным...

Увлеченный рассказчик, отважный путешественник, он сделал передачу одной из самых любимых зрителями. Со съемочными группами он побывал во многих странах, на всех континентах Земли. К нему, участнику многих сложных и уникальных экспедиций, приходили на передачу всемирно известные путешественники: Тур Хейердал, Жак-Ив Кусто, Бернгард Гржимек, Гарун Тазиев, Яцек Палкевич, Владимир Чуков, Федор Конюхов и многие другие.

В последние годы жизни, будучи руководителем и ведущим программы «Клуб путешественников», Юрий Александрович реализовал свою идею тематических передач — работал над рубрикой «Телевизионный атлас России», считая, что «мы не знаем Россию, а для того, чтобы любить страну, надо ее знать». Юрий Александрович Сенкевич, как обладатель самой долгой карьеры телеведущего, даже был занесен в Книгу рекордов Гиннесса.

Вот несколько ответов Юрия на интересные вопросы:

— *Есть ли места, где вы еще не бывали?*

— Сколько угодно! Стран на планете Земля — двести с лишним, а я был только в 125. Кроме того, в каждую страну можно ездить по многу раз. Даже в нашем Подмосковье можно столько нового и интересного узнать!

— *Можно ли сказать, что период великих географических открытий прошел?*

— Конечно, прошел. Но дело все в том, что открытия бывают разные. Вот я недавно посмотрел ленту BBC «Живая природа» об орлах — там такие потрясающие съемки,

просто обалдеть можно: сколько нужно было затратить времени и средств, чтобы все это снять! Это разве не открытие?!

— *Какое ваше любимое место на Земле?*

— Самое любимое место и в России, и в мире — это Камчатка. Там уникальная природа. Я вообще больше заинтересован ездить по стране, чем за границу. Мы остались фактически единственной программой, которая дает какой-то положительный образ современной России.

Несмотря на колоссальную загруженность, Юрий Александрович никогда не жаловался на здоровье. И вдруг как гром среди ясного неба: 18 апреля 2002 года у него случился инфаркт. Говорили, что он произошел из-за того, что Юрий Сенкевич слишком переживал по поводу смерти своего друга — известного путешественника Тура Хейердала. В апреле 2003 года произошло новое несчастье: на съемках в Танзании Сенкевич попал в страшную аварию. У него оказались сломаны шесть ребер...

А умер Юрий Сенкевич на своем рабочем месте, во время работы над передачей 25 сентября 2003 года. У него стало плохо с сердцем, и его не успели даже отвезти в больницу.

Он не осуществил лишь одну заветную мечту: попасть на острова Россиян — это часть архипелага Туамоту в Тихом океане. Когда-то эти двадцать островов на другом конце света носили имена Кутузова, Аракчеева, Суворова, Милорадовича и других наших соотечественников. А вот вторую мечту — посетить место своего рождения, Монголию, — он осуществил совсем незадолго до смерти...

Он жил, творил и верил в лучшее. Его часто спрашива-

ли: «После всего увиденного вам не бывает скучно жить обычной жизнью?» На что он отвечал: «В моем лексиконе слово «скучно» отсутствует...»

Быков Ролан Антонович (1929–1998)

От могилы Сенкевича направо до конца участка, затем — опять направо (к стене). После поворота на следующую тропинку идете метров восемь, видите черное надгробие с крестом наверху — памятник Ролану Быкову.

Он родился в Киеве осенью 1929 года в семье красного командира и красавицы из интеллигентной семьи. По словам самого актера и режиссера, от отца он унаследовал склонность к бунтарству и лихости, а от матери — любовь к искусству.

Его отец Антон Быков — колоритнейшая личность. Беспризорник со стажем, в Первую мировую войну добрался «зайцем» до фронта, воевал с австрийцами, попал в плен, бежал. В Гражданскую сражался у Буденного в Первой конной, дорос до эскадронного командира. И вот этого славного отчества сына лишили! Правда, на бумаге. Когда подошло время получать паспорт, выпивший милиционер переврал имена и отца, и сына. Вместо Ролана Антоновича в паспорте у Быкова значился Роланд Анатольевич, да еще с другим днем рождения.

На сцену его в четыре года привела «авторитетная старшая подруга». На прослушивании его спросили:

— Что умеешь?

— Ничего.

— А зачем пришел?

— Хочу кино бесплатно смотреть!

(Подруга утверждала, что в самодеятельность принимают всех желающих смотреть кино «на халяву».)

Со сцены, куда его все же вытолкали, Быков, запинаясь и путаясь, читал стихи про волны, корабли и морских волков. Кто такие «морские волки», он не знал, поэтому на этих словах страшно зарычал. Зал ответил овацией. «Кланяйся», — зашептали из-за кулис. «Не буду!» — гордо ответил Ролан. «Надо!» — приказала подруга. А как? Наверное, как бабушка перед иконой. Бухнулся Ролан на колени — и лбом об пол хрясь! Это был триумф.

В 1947 году Ролан окончил школу и... пошел в артисты. Пошел, надо сказать, с размахом! Документы подал во ВГИК, в ГИТИС и в Школу-студию МХАТ одновременно. И везде получил от ворот поворот. Одним не подошел ростом, другим — дикцией. В общем, мечта рушилась на глазах. От отчаяния чуть не кинулся под трамвай. Но, слава богу, по совету приятеля кинулся в «Щуку».

А потом Ролан Быков решил открыть театр. И, что самое интересное, сделал это. Без всяких официальных бумаг и разрешительных документов открыл самодеятельный Студенческий театр при МГУ. В 1957 году за такое административное самоуправство светила решетка. Но Быков строил свой авантюрный расчет на несогласованности действий разных щупальцев партийно-государственного спрута: «Я решил, что как-нибудь проскочу: ЦК подумает, что МГК разрешил, МГК посчитает, что это дело комсомола, комсомол спишет на профсоюзы... Главное, чтобы красную ленточку Яблочкина перерезала!» Легендарная ак-

триса действительно приехала на открытие и с помощью ножниц узаконила существование незаконнорожденного театра. Ролан Быков сумел собрать очень талантливый коллектив, поставить несколько ярких спектаклей, получить огромное признание у коллег и публики.

К тому времени он уже сыграл в кино несколько заметных ролей и пришел на «Мосфильм» в качестве актера и режиссера. Среди актерских работ тех лет наиболее запомнились и полюбились зрителю роли Ролана Быкова в картинах «Шинель» по Гоголю, «Звонят, откройте дверь», «Я шагаю по Москве», в телефильме «Вызываем огонь на себя». В начале 60-х годов состоялся и режиссерский дебют Быкова — весьма легкомысленная, но талантливая комедия «Семь нянек». Тогда еще Ролан Быков не знал, что очень скоро его имя и творчество станут навсегда символом детского кинематографа. Это произошло, когда вышла на экран его выдающаяся режиссерская работа — эксцентрическая комедия «Айболит-66».

Картина «Айболит-66» гениально сочетает в себе уникальный кинематографический эксперимент с доступностью содержания. Фильм оказался броским по форме, очень смешным, очень музыкальным, очень глубоким по смыслу.

Следующей картиной Быкова-режиссера стала лента «Внимание, черепаха» — о том, как дети спасают черепаху, заблудившуюся в районе танковых учений. Чуть позже Ролан Быков решил повторить эксперимент «Айболита» и сделал для детей изысканную по форме картину «Автомобиль, скрипка и собака Клякса». Фильм получился очень хорошим. Но «Айболита» все же не превзошел.

Однако в эти годы окончательно определились жизненные и творческие цели Ролана Быкова — он посвятил себя искусству для детей. Правда, он еще снимался как актер во вполне взрослых лентах: «Комиссар», «Мертвый сезон», «Служили два товарища», «Проверка на дорогах», «Большая перемена», «Серые волки», играл и в сказках: «Приключения Буратино», «Деревня Утка»... Но вершиной его творчества стала режиссерская работа (как оказалось, последняя) — честный, жесткий, драматичный и необычайно талантливый фильм о подростках — «Чучело», где главные роли сыграли юная тогда Кристина Орбакайте и неподражаемый Юрий Никулин. За этот фильм Ролан Быков сражался отчаянно, не жалея сердца. Общество впервые увидело реальность своего будущего — своих детей. Отражение получилось прямое и жестокое.

Ролан пытался разгадать тайну детства: «Детство содержит в себе, может быть, главную тайну жизни. Вспомните свое детство: день начинался рано утром, еще до школы было время и для приготовления уроков, если вчера не успел, или — в магазин для матери сходить. Потом громадный день в школе, разделенный как экватором большой переменой. Потом — еще целый день после школы, целый божий день, а еще были вечер и ночь, и тайком от матери удавалось продлить день, заглянуть в этот взрослый сумрак, услышать то, чего не позволяли, и лишь потом нырнуть в постель. А сейчас день, как очистка от семечки: встал — лег, встал — лег, встал — лег — с Новым годом!.. Встал — лег, встал — лег — с Новым годом!..»

Так рассуждал взрослый человек, который, как ребенок, сумел вместить в свою жизнь невероятно многое: во

время «перестройки» он организовал и возглавил Всесоюзный центр кино и телевидения для детей и юношества (ныне — Фонд Ролана Быкова), одно время даже возглавлял банк, увлекся компьютерной графикой, сочинил несколько песен, написал две книги стихов, прозу... Казалось, энергии Ролана Быкова нет предела.

Но предел был. Врачи нашли у него рак легких. Он умирал в больнице, до последнего дня пытался еще что-то сочинить, написать, создать. Он хотел снять картину о Великой Отечественной войне...

Незадолго перед смертью он ответил на вопрос журналиста: «Что держит?.. Любовь. Любовь к жизни, к людям. Я когда-то вообще думал, что люблю всех...»

Евстигнеев Евгений Александрович (1926—1992)

Возвращаетесь на дорогу, проходите поворот к могиле Сенкевича, а на следующую тропинку поворачиваете и идете метра четыре. Памятник в виде черной плиты полукругом.

О том, чтобы стать актером, он не думал, просто для души занимался в самодеятельности, играл в джазе. Это мать сделала все, чтобы сын даже не помышлял о театре. Тому была семейная история, которая ее сильно пугала (старший сводный брат по отцу, комик в провинциальном театре, рано умер, и Марии Ивановне казалось, что это роковая профессия).

Женя был очень музыкален, виртуозно играл на разных инструментах: на гитаре, на рояле, хоть на вилках. И вот однажды в кинотеатр, где играл его джаз-оркестр,

пришел директор театрального училища, узнав от одного актера, что там необыкновенный ударник.

Парень действительно был странный. Он вытворял с барабанными палочками нечто невообразимое, заслоняя целый оркестр. После того как оркестранты отыграли очередную композицию, Виталий Лебский подошел к музыканту и спросил его: «Молодой человек, не хотите ли вы стать драматическим актером?» На что Евстигнеев простодушно ответил: «Я не знаю». — «Тогда вот вам мои координаты, и я жду вас у себя», — и вручил парню бумажку с адресом училища.

Через два дня после этого Евстигнеев пришел по указанному адресу.

А в 28 лет Евстигнеев поехал покорять Москву, где его сразу же приняли на третий курс Школы-студии МХАТ.

Чуть позже он знакомится со своей первой женой Галиной Волчек: «Он разговаривал так, что некоторые обороты его речи можно было понять только с помощью специального словаря (например, «метеный пол» в его понимании — пол, который подмели, «беленый суп» — суп со сметаной, «духовое мыло» — туалетное мыло и т.д.). Внешне мой избранник выглядел тоже странно: лысый, с длинным ногтем на мизинце, одет в бостоновый костюм лилового цвета навырост (а вдруг лысеющий жених вытянется), с жилеткой поверх «бобочки» — летней трикотажной рубашки с короткими рукавами, у воротника поверх «молнии» величаво прикреплялся крепдешиновый галстук-бабочка. Таким явился Женя в мой дом».

А самый счастливый его брак оказался третий, с Ириной Цывиной.

Коллеги считали Евстигнеева «инстинктивным гением», нутром знавшим все тонкости ремесла. Он редко обсуждал с режиссерами роль, просто дочитывал сценарий до конца и говорил: «Все понятно. Осталось только выучить текст». И этим удивлял всех: как человек из простой семьи, выросший в рабочей слободке Нижнего Новгорода, с лету воплощался в немецкого интеллигента доктора Плейшнера или в мировое светило профессора Преображенского?

Сам Евстигнеев говорил о себе так: «Я всю жизнь набирал мастерство. Постепенно. У меня не было творческих взлетов или провалов. Работал, двигался. Я — характерный актер, потому и роли играл разные, преимущественно не главные. Считаю, что актер должен уметь и хотеть играть все, то есть как профессионал я должен уметь и хотеть играть и Шекспира, и Шкваркина. Другой вопрос — надо ли актеру давать играть все, что он ни пожелает, но уметь он обязан».

И все-таки в кино актер снимался не так часто, как ему того хотелось. Еще реже его приглашали на главные роли. Не случайно одно время Евстигнеева даже называли «королем эпизода». Первой его большой работой в кино стала роль начальника пионерского лагеря Дынина в фильме режиссера Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Подобную же самоуверенную, но совершенно не вписывающуюся в простую житейскую ситуацию личность режиссера самодеятельного театра Евстигнеев сыграл и в картине Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля». Затем были роли Калачева в «Зигзаге удачи», Корейко в «Золотом теленке», Воробьева в фильме «Старики-разбойники»... До сих пор невозможно себе

представить кого-либо другого, кроме Евстигнеева, в роли Корзухина в фильме «Бег» или профессора Плейшнера в фильме «Семнадцать мгновений весны».

Последней работой Евстигнеева в кино стало его участие в исторической телеэпопее «Ермак», однако картина была смонтирована только в 1996 году, уже после смерти актера.

В. Краснопольский вспоминает: «В фильме «Ермак» есть слова: «Купцам Строгановым велеть новое войско царево для похода в Сибирь подготовить». Это последний его кадр. После этих съемок он подошел ко мне и сказал, что должен уехать в Англию на операцию. А буквально через 10 дней нам сообщили, что его больше нет».

Он сказал перед отъездом: «У меня столько сил и энергии, я столько еще могу сделать, а сердце, как двигатель в старой машине, не тянет. Надо только двигатель отремонтировать, и все будет в порядке». Он хотел привести себя в форму и решился ехать в Лондон.

И вот 1 марта 1992 года Евгений Евстигнеев сыграл спектакль, а второго улетел с Ириной в Лондон. Там ему должны были делать операцию на сердце. Один из его знакомых уже делал такую же операцию и у этого же врача — знаменитого Тэрри Льюиса. Этот знакомый рассказывал, что на четвертый день после операции уже ходил по лестнице и пил коньяк. Казалось, Евгений Александрович относился к предстоящему легко.

В клинике ему сделали небольшое обследование — коронарографию. Чувствовал он себя хорошо, попросил есть. Но тут вошли Тэрри Льюис и — в качестве переводчика — врач нашего посольства. Льюис взял бумагу и

принялся рисовать, а посольский врач — переводить его слова: «Завтра мы будем вас оперировать, но у нас принято предупреждать пациента о возможных последствиях операции. — Он нарисовал сердце с четырьмя сосудами. — Три из них забиты, а четвертый забит на девяносто процентов. Ваше сердце работает только потому, что в одном сосуде есть десять процентов отверстия. Вы умрете в любом случае, сделаете операцию или нет».

Эти слова оказались решающими. «Евгений Александрович весь похолодел. Я держала его за руку, — вспоминала Ирина. — Я увидела, как он покрылся испариной и стал тяжело дышать. Что-то стало происходить в его сознании, он испугался этого нарисованного сердца. Я заговорила с ним, стала его утешать, и в это время какие-то люди, которых я не успела рассмотреть, оторвали меня от его руки и быстро куда-то повели. Я успела заметить на экране, где шла кардиограмма, прямую линию».

Воображение артиста заставило его проиграть свою смерть.

Операция длилась четыре часа. Потом врач вышел и сказал: «Операция закончена, но ваш муж умирает. Операцию провели блестяще, но нужна пересадка сердца». «Ну, так сделайте!» — закричала Ирина. Врач холодно ответил: «Нельзя, это обговаривается заранее. Поэтому мы отключили его от всех аппаратов...»

Ирина: «Я не перестаю искать объяснений его смерти. Она была абсолютно нелогична, абсурдна. Ведь я видела это своими глазами — спокойный, веселый человек умер сразу после того, как ему нарисовали его сердце и сказали: вот так вы можете умереть.

И я нахожу единственный ответ: его гениальное воображение. Так же, как он мог представить себе любую страну, выйдя на полчаса на улицу, так же он представил себе свою смерть... Он вошел в нее, как в очередную роль...»

Шнитке Альфред Гариевич (1934—1998)

Вернувшись на дорогу, поворачиваете на следующую тропинку слева. Памятник в виде высокого серого камня с вырезанным в нем крестом.

В 1958 году Шнитке окончил Московскую государственную консерваторию им. П.И. Чайковского, в 1960-м был принят в Союз композиторов, в 1961-м окончил аспирантуру при консерватории по классу композиции и занялся преподавательской деятельностью (инструментовка, чтение партитур, полифония, композиция).

В середине 60-х годов сложился индивидуальный стиль Шнитке в музыке. Критики отмечали его могучий талант, свободное владение всем существующим сегодня разнообразием жанров и невероятную трудоспособность. Каталог произведений Шнитке включает 70 названий, не считая ранних сочинений и прикладной музыки.

Хотя музыку для кино Альфред Шнитке начал писать с 1961 года, впервые его музыка в кино прозвучала в фильме «Вступление» — этой работой он активно начал заниматься после 1972 года, когда был вынужден выйти из Союза композиторов. Он сочинил музыку более чем к шестидесяти фильмам, в том числе «Ты и я», «Восхождение», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Экипаж»,

«И все-таки я верю», «Маленькие трагедии», «Агония», «Прощание»...

Очень рано пришло к Шнитке широчайшее международное признание. Премьеры его произведений всегда становились мировым культурным событием, их исполняли крупнейшие оркестры Европы и США под управлением величайших дирижеров современности.

В то же время в российских музыкальных кругах существовала и стойкая оппозиция Шнитке. Эти люди считали его «ненастоящим» композитором, дутой знаменитостью, поднятым на щит падким на скандалы Западом.

Между тем неуемная творческая активность Шнитке негативно сказывалась на его здоровье. Кроме того, он сильно переживал за своего сына Андрея (родился в середине 60-х), который страдал врожденным пороком сердца, что требовало особого внимания со стороны родителей.

Шнитке порой спал по 3—4 часа в сутки. В июне 1985 года он уехал отдыхать в Пицунду, в Дом творчества кинематографистов, и именно там у него случился первый инсульт. Стоит отметить, что судьба оказалась благосклонной к великому композитору. Порази его правосторонний инсульт, он бы навсегда потерял музыкальную одаренность. При левостороннем инсульте он мог лишиться речи, но этого тоже не произошло. «В 1985 году я за полгода закончил шесть сочинений, и все сочинения длинные. И я сейчас не понимаю, как я мог тогда все это успеть сделать. У меня было ощущение страшно быстро прошедшего времени, которое ускорялось, ускорялось и понеслось, и вот на пределе этого произошел инсульт, и начался новый круг в развитии, когда, при всех неудобствах, я опять вернулся к

прежним ощущениям времени. Я стал каждый момент времени, каждый час расценивать не столько с точки зрения взаимосвязи, а опять стал ощущать самоценность каждого момента, независимо от связи. На меня иногда буквально до слез действует фраза умирающего Бетховена: «Я чувствую, что стою только у самого начала». Я вдумываюсь в эти слова, в ощущение человека, у которого столько всего есть. Но он сам видит, как много еще могло бы быть сделано». (Из беседы Шнитке с Геннадием Цыпиным.)

Удивительны музыка и судьба Альфреда Шнитке. Более половины своих сочинений он написал в последние тринадцать лет жизни, будучи тяжело болен. Космическая энергия музыки Шнитке пронзала слушателей — в ней есть особое притяжение, она недоступна, как небо, и так же близка, как звезды на нем.

В 1990 году Шнитке на год уехал работать в Берлин. Но вскоре ему предложили работу в Гамбурге, и творческая командировка Шнитке затянулась. А затем в его судьбу вмешались непредвиденные обстоятельства. Шнитке перенес в Германии второй инсульт, его долго лечили немецкие врачи. Видимо, чувствуя, что каждый день может оказаться для него последним, Шнитке решил принять германское гражданство.

С каждым днем здоровье композитора ухудшалось. В июне 1994 года Шнитке перенес третий инсульт. Только любовь жены, находившейся рядом, и современная медицина помогли ему выкарабкаться с того света. Но ситуация все равно была серьезной — Шнитке практически полностью парализовало, и отныне его вторым домом стала гамбургская клиника. Медики создали специальный ап-

парат, при помощи которого подвешенной парализованной рукой Шнитке фиксировал звуки, рожденные его сознанием и слухом. Эти записи затем «доводили до ума» сотрудники музыкального издательства Сикорского. В таком состоянии Шнитке написал свое последнее произведение — Девятую симфонию, посвященную Геннадию Рождественскому.

Сразу после выхода в свет Девятая симфония Шнитке была отмечена международной премией «Глория».

В начале лета 1998 года состояние Шнитке ухудшилось. Врачи подозревали, что у него воспаление легких, и перевели его в другую больницу. Однако там диагноз не подтвердился, и композитора вернули в Гамбург. Это был последний переезд Шнитке — 3 августа в 8 часов утра он скончался.

«Хотя вся моя жизнь есть музыка, — говорил композитор, — я прекрасно понимаю, что есть в жизни нечто еще более важное, чем то занятие, которому вся эта жизнь посвящена. Я бы, например, религию поставил выше, и не в плане сравнения, сколько я сознательного времени употребил на работу и сколько на молитвы. Ведь я вообще не молился сегодня или мало думал об этом, но очень важно, чтобы жизнь была проникнута тем ощущением, постоянным и всеобщим ощущением, что есть нечто еще большее, чем вся ваша жизнь с ее содержанием. Хорошо было бы, если бы религия давала свет. Мы чувствуем, что оттуда этот свет может идти и идет, но мы ежесекундно сами этот свет гасим или искажаем. Если вы, медитируя, представите себе внутренним взором тот самый путь в бесконечность со светом в конце, когда вы увидели этот свет и начали

теоретически его осознавать, в этот момент свет гаснет, его опять нет, вы опять отброшены назад. Это не значит то, что вы в духовном мире, как в нашем реальном, можете шагнуть — и вы уже там. Вы никогда не будете там! Вы можете только вечно это видеть... Вы никогда не получите билета туда, потому что там решено: осознанное вами немедленно потеряло первозданную мотивировку. Момент осознания уже стал опасностью. И в этом кругу все время, приближаясь и удаляясь от вашей бесконечно перед вами витающей цели, вы и живете. Но как только вы перестанете ту цель иметь в виду, вот тогда вы пропали. Хотя вы никогда ее не достигнете при жизни. Туда невозможно получить билет. Но рваться за этим билетом, рваться к этому билету человек обязан все время, иначе он умирает».

Райкин Аркадий Исаакович (1911–1987)

От могилы Шнитке налево.

Аркадий Райкин — замечательный актер, вдохновитель и создатель Театра миниатюр, который теперь носит его имя.

Аркадий Райкин был легендой своего времени и своей страны. Миллионы людей смеялись и плакали, радовались и огорчались вместе с героями Райкина, узнавали его персонажей в реальной жизни.

Аркадий Райкин — это почти полувековая история сатирического и юмористического разговорного жанра на советской эстраде. По мнению Геннадия Хазанова, Аркадий Райкин — «это не просто конкретный человек, это по-

нятие, символ, это, если хотите, явление... Мне довелось видеть не так уж много артистов этого же жанра, что и Райкин. Таких артистов вообще очень мало в мире. Но, кроме того, я честно скажу, что не видел и не знаю ни одного артиста, который по мощи, по силе дарования и обаяния, по совершенно магнетическому воздействию на зал мог бы приблизиться к Райкину хоть на какое-нибудь расстояние».

Родился он в Риге. В 1929 году работал лаборантом на Охтинском химическом заводе. В 1935 году Аркадий Райкин окончил Ленинградский театральный техникум, куда поступил вопреки желанию родителей. По распределению актер попал в ленинградский ТРАМ (Театр рабочей молодежи), который вскоре был переименован в Театр имени Ленинского комсомола.

Одновременно с игрой в театре Аркадий Райкин дебютировал в кино, снявшись в 1938 году в фильмах «Огненные годы» и «Доктор Калюжный», но подлинным его призванием стала эстрада. Сначала он выступал с эстрадными номерами, позже стал конферансье. Признание пришло к артисту в Москве в ноябре 1939 года, когда Аркадий Райкин стал лауреатом 1-го Всесоюзного конкурса артистов эстрады, выступив с номерами «Чаплин» и «Мишка».

Аркадий Райкин вспоминает: «Мне Сталин четырнадцать раз подряд аплодировал. И все четырнадцать — вставал. Сталин смеялся, аплодировал с энтузиазмом. Затем встал, и все, кто был за столом, тоже встали. Сталин предложил тост за Райкина, и все выпили. Тут я возьми да скажи: «Товарищ Сталин, могу и других типов показать». Он вроде удивился, но кивнул. Гости уселись, а я стал показывать

номер за номером. После каждого нового сюжета Сталин вставал, гости тоже хлопали в ладоши стоя. И так четырнадцать раз». Это было на банкете по случаю 60-летия Сталина в 1939 году.

В этом же году он был принят в труппу Ленинградского театра эстрады и миниатюр и уже через три года, в 1942 году, стал художественным руководителем этого театра.

Началась Великая Отечественная война. Райкин со своими актерами постоянно выезжает на фронт. Именно на фронте впервые появились у него сатирические миниатюры, в основном на политическую тему. «За четыре года мы, — вспоминал позднее Райкин, — проехали много тысяч километров по всем фронтам от Балтики до Кушки, от Новороссийска до Тихого океана...»

После войны в Театре миниатюр появляются новые спектакли, написанные талантливым писателем-сатириком В. Поляковым: «Приходите, побеседуем» (1946), «Откровенно говоря...», «Любовь и коварство» (1949). В июле 1950 года у Райкиных рождается сын Костя. Хоть война давно кончилась, но жизнь у семейства Райкиных попрежнему была тяжелой, о чем Аркадий Исаакович вспоминает: «Как всегда, театр был в постоянных разъездах. Случалось, что я просыпался, не понимая, где нахожусь».

Вместе со Жванецким Райкин поставил в 1969 году программу «Светофор», в которой впервые прозвучали легендарные миниатюры «Авас», «Дефицит», «Век техники». В числе других программ Райкина также: «Любовь и три апельсина», «От двух до пятидесяти», «Избранное-73», «Его величество театр», «Плюс-минус», «Лица», «Мир дому твоему».

В 1968 году Райкину присвоили звание народного артиста СССР, после 33 лет непрерывной работы театра и самого Райкина, после того как его театр объездил все уголки Советского Союза. Затем последовал очень нелегкий период в жизни Райкина — он ставит спектакль «Плюс-минус», который состоит из неизвестных цитат Ленина. Зрители спектакль восприняли восторженно, но после доноса в ЦК на первых рядах стала располагаться комиссия... Аркадий Исаакович позже рассказывал: «Костюмы одинаковые, блокноты одинаковые, глаза одинаковые, лица непроницаемые... Все пишут, пишут... Какая тут, к черту, сатира? Какой юмор?..» Через неделю вызвали артиста в ЦК, посоветовали Райкину «поменять профессию»... У Райкина инфаркт, после которого он стал совсем седым. В Москве и Ленинграде ему запретили выступать. Театр отправили на длительные гастроли в Петрозаводск. Лишь в 1971 году Райкин вернулся в Ленинград — приближалось его 60-летие. Чтобы снизить огромную всенародную любовь к артисту, в 1971 году в КГБ СССР была сочинена история, вполне одобренная властями, будто бы Аркадий Райкин отправил в Израиль гроб с останками матери и вложил туда золотые вещи! Райкин в очередной раз слег в больницу.

В 1974 году Центральное телевидение наконец обратило внимание на Райкина. С его участием начались съемки сразу двух телефильмов: «Люди и манекены» и «Аркадий Райкин».

Чешские кинематографисты сделали фильм «Человек со многими лицами», посвященный гастролям театра и Аркадию Райкину. Английские режиссеры сняли фильм, показанный в Англии. Критик лондонской газеты «Таймс»

писал: «Это было настоящее зрелище, подлинное открытие, такое выступление, которого мы не видели давно. Одна из самых больших заслуг Райкина состоит в том, что он представляет собой полную противоположность отвратительным, «смешным до тошноты» комикам, которых мы в таком изобилии импортируем из Соединенных Штатов. У Райкина есть что-то от Чарли Чаплина: удивительная способность живо и наглядно изображать эмоции, способность создавать образы, которые не нуждаются в пояснении. Он обладает даром проникать в самую глубь человеческих чувств... Мне никогда не приходилось видеть такой игры!»

В 1981 году театр Райкина переезжает в Москву. Меньше чем через год после переезда появился новый спектакль, теперь уже московского театра Райкина, — «Лица» (1982), а в 1984 году — «Мир дому твоему». Но силы Райкина истощались, он часто и подолгу болел. Иногда на сцене сдавала память, утрачивалась легкость движений, но всегда сохранялась атмосфера полного единения с залом, на протяжении полувека сопутствовавшая каждому выходу на сцену этого великого артиста.

Умер выдающийся артист 20 декабря 1987 года в Москве.

Папанов Анатолий Дмитриевич (1922—1987)

Идете от могилы Райкина по тропинке в глубь участка.

Свой путь в искусство Анатолий Папанов начинал в клубе завода «Каучук». Здесь Толя Папанов начинал постигать законы сценического искусства. Прослушивал но-

вичков руководитель студии известный вахтанговский актер Василий Куза. Его смутила папановская речь, но в студию он его зачислил. При первых же отчаянных бомбежках Москвы погибло здание Театра им. Вахтангова и вместе с ним заслуженный артист РСФСР Василий Васильевич Куза...

«Я попал на передовую юношей, лишь год назад окончившим школу, — рассказывал Анатолий Дмитриевич. — Мои ровесники вынесли на своих хрупких плечах огромную ношу. Но мы верили в победу, жили этой верой, испытывая ненависть к врагу. Перед нами был великий пример Чапаева, Павки Корчагина, героев фильма «Мы из Кронштадта», по нескольку раз виденных фильмов о Максиме, «Семеро смелых». Искусство кино воздействовало на нас неотразимо... Мы спорили, строили планы, мечтали, но многие мои товарищи погибли на моих глазах. Разве забыть, как после двух с половиной часов боя от сорока двух человек осталось тринадцать?..»

В начале 1942 года едва не погиб и сам Папанов. Во время одного из боев на Юго-Западном фронте рядом с ним разорвался снаряд. К счастью, несколько осколков просвистели у него над головой, и только один из них угодил ему в ногу. Однако ранение было тяжелым. После него Папанов около полугода пролежал в госпитале и с третьей группой инвалидности был комиссован из армии.

Вернувшись в Москву в октябре 1942 года, Папанов подал документы в Государственный институт театрального искусства им. А. Луначарского.

Воспоминание жены Папанова, Надежды Юрьевны Каратаевой: «Новенький студент был высокий молодой че-

ловек в линялой гимнастерке, в военной форме. Он был раненый, сильно хромал и ходил с палочкой. Студента звали Толя Папанов. Взрывом изуродовало правую ногу, даже два пальца оторвало. Когда он пришел поступать в наш институт, набор студентов уже закончился. Михаил Михайлович Тарханов ему сказал: «Ну, милый мой, ты опоздал. Может быть, тебя на второй курс сразу записать? Там у них мужиков совсем нет. Даже этюды играть не с кем». Так Папанов оказался на втором курсе. Он много занимался с педагогом по движению и сам постоянно разрабатывал ногу. И результаты сказались — Папанов стал ходить без палочки, он даже научился прекрасно танцевать». В институте Папанова ругали еще и за речь. Настаивали изменить, а он никак не мог — потому что прикус у него был неправильным. И это замечательно, что не исправил — все до сих пор восхищаются этим голосом...»

Осенью 1945 года Папанов и Каратаева окончили ГИТИС. В спектакле «Дети Ванюшина» он играл Константина, который по возрасту был моложе артиста, а в комедии Тирсо де Молины «Дон Хиль — Зеленые Штаны» — глубокого старика. Экзамен Папанов сдал на «отлично». После этого его пригласили сразу в три прославленных столичных театра: в Малый, в Театр имени Вахтангова и МХАТ. Однако он от этих предложений вынужден был отказаться. Дело в том, что его жену распределили в Клайпеду, и он предпочел поехать с ней.

Затем была Москва, но роли всегда одни: «Кушать подано», — это угнетало Папанова, и он начал пить... Пил до первой своей большой роли в спектакле «Поцелуй фей». После спектакля он сказал: «Все, я больше не пью». И как

отрезал. Банкеты, фуршеты — он ставит себе боржоми, в театре все знали, что Папанов не пьет.

Не менее трудно, чем в театре, складывалась актерская судьба Папанова и в кинематографе. Но наконец его приглашают на съемки фильма «Человек ниоткуда». Юрий Яковлев, партнер Папанова по фильму «Человек ниоткуда», вспоминает: «На первых пробах я увидел человека, который стеснялся, боялся, переживал неуверенность в том, что способен осилить сложнейшую актерскую трансформацию в кино, и я подумал, как мне будет трудно с таким партнером. После второй и третьей проб мне стало казаться, что партнерский альянс с Папановым может состояться. Толя раскрепощался в личном общении со мной и другими партнерами, стал веселым и добрым, много и сочно шутил. Я любовался его ребяческими проявлениями, которые его как личность очень украшали. Я был рад, что мои опасения остались далеко позади, и наше творческое партнерство на многие годы переросло во взаимные дружеские симпатии». Но премьера фильма состоялась только через 28 лет, когда Папанова уже не было в живых.

В 1964 году, после выхода фильма «Живые и мертвые» по роману Константина Симонова, к Папанову пришла всесоюзная слава. Роль генерала Серпилина опрокинула довольно прочно устоявшееся мнение о Папанове как об актере комедийно-сатирического направления с некоторыми драматическими задатками.

Затем кинематографическая судьба Папанова была насыщена ролями самого различного плана. Среди фильмов с его участием: «Берегись автомобиля», «Дайте жалобную книгу», «Иду на грозу», «В городе С.», «Золотой теленок»,

«Служили два товарища», «Виринея», «Адъютант Его Превосходительства», «Бриллиантовая рука», «Возмездие», «Белорусский вокзал», «Страх высоты», «Двенадцать стульев» и др.

Много ролей давали и в театре.

В 1967 году Папанов впервые озвучил Волка в знаменитом мультфильме Вячеслава Котеночкина «Ну, погоди!» и с тех пор стал кумиром миллионов советских детишек.

В личной жизни Папанов был примерным семьянином. Всерьез говорил: «Я однолюб: одна жена, один театр». А Анатолий Гузенко вспоминал: «Он был человеком невероятной скромности».

В 1979 году Папанов впервые выехал в США. Правда, вначале он отказывался, потому что не хотел ехать без жены, и только когда и ей разрешили поехать — согласился. «Я была членом партии и везде старалась найти что-то негативное. Однажды во время экскурсии мы накупили пирожков. Я, довольная, говорю: «Видишь, у них пирожок стоит доллар, а у нас всего 10 копеек». А Папанов мне в ответ: «Правильно рассуждаешь, Надя. Если учесть, что после нашего пирожка и лечение бесплатное...» — рассказывала Надежда Юрьевна.

Анатолий Дмитриевич мечтал попробовать себя и в драматургии. Однажды он целое лето, весь отпуск корпел над пьесой, затем прочитал умному человеку и принял его совет к театральному писательству больше не возвращаться.

В 1986—1987 годах Папанов снимался в картине режиссера Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего». Съемки фильма проходили в Карелии, в 180 километрах от Петрозаводска, в довольно глухой деревне,

расположенной на полуострове. Вот что рассказывает об этих съемках режиссер А. Прошкин: «Неделю мы работали нормально. И никаких неожиданностей не предвиделось, поскольку деревня изолирована с трех сторон водой. Через неделю наступает первый съемочный день А. Папанова. Он приехал вовремя, начинаем снимать, и... Ничего не могу понять: куда ни направим камеру, в видоискатель лезут посторонние лодки. Много моторок. И все движутся в нашем направлении. Стреляем из ракетницы, кричим против ветра в рупор — бесполезно: со всех сторон на нас несутся моторные лодки. Приближаются, причаливают, и мы видим: в каждом суденышке по два-три ребенка с дедом или бабкой, в руках у каждого ребенка почему-то книжка или тетрадка. И все, оказывается, приехали на встречу с «Дедушкой Волком». Мы сдались и прервали съемки. Он каждому что-то написал, для каждого нашел свои слова. Я наблюдал эту сцену, видел по лицам этих детишек, что они на всю жизнь запомнят встречу с человеком бесконечно доброго сердца...»

Это были последние съемки Папанова. Вернувшись в Москву, он решил принять душ, а вода была только холодная... И сосуды не выдержали. Врачи поставили диагноз — сердечно-сосудистая недостаточность...

Капица Петр Леонидович (1894—1984)

От могилы Папанова идете далее влево до конца тропинки, поворачиваете на следующую тропинку справа и идете метров пять. Надгробие Капицы в виде массивной горизонтальной плиты.

Советский физик Петр Леонидович Капица родился в Кронштадте — в военно-морской крепости, расположенной на острове в Финском заливе неподалеку от Санкт-Петербурга, где служил его отец Леонид Петрович Капица, генерал-лейтенант инженерного корпуса. Его мать Ольга Иеронимовна Капица была известным педагогом и собирательницей фольклора.

Студенческие годы и начало преподавательской работы Капицы пришлись на Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. Это было время бедствий, голода и эпидемий. Во время одной из таких эпидемий погибла молодая жена Капицы — Надежда Черносвитова, с которой они поженились в 1916 году, и двое их маленьких детей.

Еще в институте Капица начинает делать открытия, например разработал метод измерения магнитного момента атома в неоднородном магнитном поле. И ему советуют ехать за границу.

Приехав в Великобританию, он обратился к известному физику Эрнесту Резерфорду с просьбой принять его на стажировку в Кавендишскую лабораторию в Кембридже. Резерфорд поначалу отказал, так как лаборатория, по его словам, была переполнена сотрудниками (их и так около 30 человек). Тогда Капица спросил мэтра, к какой точности тот стремится в своих экспериментах. «Допустима 2—3-процентная погрешность», — ответил Резерфорд. «В таком случае, — сказал Петр, — один лишний исследователь не будет заметен, он будет поглощен допустимой неточностью опыта». Остроумная реплика и раскованность молодого ученого в сочетании с его вполне приличным английским пленили Резерфорда, так Капица стал его со-

трудником. Этот эпизод Капица вспоминал часто, Резерфорд же его забыл. Когда маститого ученого спрашивали, что заставило его принять Капицу, он отвечал: «Я не помню, что именно, но я очень рад, что это сделал».

В Кембридже Капица работал 13 лет. Здесь он осуществил цикл фундаментальных исследований, за которые уже в 1923 году получил степень доктора философии. Молодой экспериментатор в 1922 году основал в Кембридже научный семинар, названный позже «Клубом Капицы». В 1925 году он стал заместителем директора Кавендишской лаборатории, в 1926 году возглавил собственную Магнитную лабораторию, а в 1930 году начал строительство мощной лаборатории на средства, завещанные химиком и промышленником Людвигом Мондом. Эта лаборатория была торжественно открыта 3 февраля 1933 года.

В это время он занимается созданием мощных электромагнитов, изучает проблему физики низких температур, а вершиной его творчества становится установка для сжижения гелия.

С 1926 года Капица часто приезжал в СССР и беспрепятственно возвращался в Англию. В Кремле его считали советским ученым, находящимся в «длительной заграничной командировке».

Ничто не предвещало грозы, когда 1 сентября 1934 года Петр Леонидович вновь приехал в СССР вместе с супругой Анной Алексеевной, дочерью известного академика, математика и механика А.Н. Крылова, для участия в Менделеевском съезде. Британские друзья предупреждали Петра, что его исключительное положение не может продолжаться бесконечно. Но ученый не внял этим словам.

На этот раз за каждым шагом ученого следили сотрудники НКВД, сообщавшие своему начальству подлинные и вымышленные «антисоветские» высказывания Капицы. Немало доносчиков было также среди ученых. При этом надо отметить, что Капица любил шутки, розыгрыши, словом, производить впечатление. Когда его однажды попросили дать свой домашний адрес, он ответил: «Англия, Капице».

Личность Капицы оказалась в центре внимания кремлевских лидеров. Была даже образована (разумеется, секретно) специальная правительственная комиссия, которой предстояло решить его судьбу. 16 сентября эта комиссия, в которой председательствовал член Политбюро ЦК ВКП(б) В.В. Куйбышев, приняла решение: «Исходя из соображений, что Капица оказывает значительные услуги англичанам, информируя их о положении в науке СССР, а также и то, что он оказывает английским фирмам, в том числе военным, крупнейшие услуги, продавая им свои патенты и работая по их заказам, запретить П.Л. Капице выезд из СССР». Как видим, в постановлении, по существу, отдавалось должное научному потенциалу Капицы и в то же время не было ни слова по поводу его «антисоветизма».

После яростной, но безрезультатной стычки с официальными лицами в Москве Капица был вынужден остаться на родине. Резерфорд и другие друзья Капицы обращались к советскому правительству с просьбой разрешить ему выезд для продолжения работы в Англии, но тщетно. Анализируя создавшееся положение, Капица заметил: «Руководить — это значит не мешать хорошим людям работать».

В 1935 году Капице предложили стать директором вновь созданного Института физических проблем Академии наук СССР, но, прежде чем дать согласие, Капица почти год отказывался от предлагаемого поста. На этом посту, за исключением небольшого перерыва, он оставался до конца своей жизни. Резерфорд, смирившись с потерей своего выдающегося сотрудника, позволил советским властям купить оборудование лаборатории Монда и отправить его морским путем в СССР. Переговоры, перевоз оборудования и монтаж его в Институте физических проблем заняли несколько лет.

Несмотря на то что взаимоотношения ученого с советскими властителями отнюдь не были столь уж безоблачными, он активно и мужественно использовал свое уникальное положение гениального физика, исследования которого были крайне необходимы военно-промышленному комплексу, для защиты своих коллег от репрессивной машины, для критики пороков системы. Капица был далек от диссидентства, он не бросил открытый вызов тоталитаризму. Его стиль был иным: он сочетал смелость и прямоту, когда речь шла о людях науки, арестованных органами, с прагматизмом во взаимоотношениях с властями.

Капица был удостоен Нобелевской премии по физике в 1978 году «за фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур». Свою награду он разделил с Арно А. Пензиасом и Робертом В. Вильсоном. Представляя лауреатов, Ламек Хультен из Шведской королевской академии наук заметил: «Капица предстает перед нами как один из величайших экспериментаторов нашего

времени, неоспоримый пионер, лидер и мастер в своей области».

Вот несколько известных фраз Капицы: «Наука должна быть веселая, увлекательная и простая. Таковы же должны быть и ученые», «Средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения», «Главный признак таланта — это когда человек знает, чего он хочет».

В молодости Капица, находясь в Кембридже, водил мотоцикл, курил трубку и носил костюмы из твида. Свои английские привычки он сохранил на всю жизнь. В Москве, рядом с Институтом физических проблем, для него был построен коттедж в английском стиле. Одежду и табак он выписывал из Англии. На досуге Капица любил играть в шахматы и ремонтировать старинные часы. Умер он 8 апреля 1984 года.

Левитан Юрий Борисович (1914–1983)

От могилы Капицы сворачиваете вправо и идете до конца участка. Затем поворот налево, и третья могила напротив стены — Левитана.

Этот тембр и эти интонации не спутаешь ни с какими другими! «Говорит Москва!» Говорит Юрий Левитан!

А ведь Юрий Левитан и не предполагал, что он станет диктором, он мечтал стать артистом. Пробовал даже поступать в кинотехникум, получил направление в Москву, но отношения с кино из-за забраковавшей семнадцатилетнего паренька приемной комиссии не сложились. Так бы и

вернулся он в родной город Владимир, не попадись ему на глаза объявление о наборе в группу радиодикторов.

Там все решил голос — четкий, поставленный, завораживающий. Не зря же в детстве ребята прозвали Юрия Трубой. Так Левитан был зачислен в группу стажеров Радиокомитета, чтобы вскоре стать диктором № 1.

Первое время Левитан занимался тем, что разносил по кабинетам различные бумаги, готовил коллегам чай и бутерброды, а по ночам усиленно избавлялся от «володимирского» говора.

В ночь, когда стажер Левитан впервые получил доступ к микрофону, у приемника оказался Сталин. Услышав Левитана, он тут же набрал номер телефона тогдашнего председателя Радиокомитета СССР и сказал, что текст его завтрашнего доклада на открывающемся утром XVII съезде партии должен прочесть диктор, который только что передавал статьи из «Правды»...

В 12 часов дня в студию привезли запечатанный пакет со сталинской речью. Белого от волнения Левитана провели в студию, где он в течение пяти часов читал священный текст, не сделав при этом ни одной ошибки. На следующий день девятнадцатилетний юноша стал главным диктором Советского Союза.

Именно он объявил о начале войны. «В то воскресное утро двадцать второго июня я был дома, — рассказывал Юрий Левитан. — Вдруг звонок телефона: «Срочно, немедленно приезжайте на работу». Голос очень тревожный. Что там могло произойти? Я тут же помчался в Радиокомитет. Меня поразили лица сослуживцев: растерянные, мрачные, суровые. Кто-то из женщин плакал. И только тут я

впервые услышал слово, которое перевернуло жизнь миллионов людей, перечеркнуло их планы, надежды, мечты, — «война».

В редакции не умолкали нервные, прерывистые зуммеры:

— Киев бомбят, вы слышите меня?

— Говорит Каунас. Город горит.

— Над Минском немецкие самолеты!

И среди этих лихорадочных звонков резко и требовательно зазвонил кремлевский телефон: «Готовьтесь. В двенадцать часов будет важное правительственное сообщение».

В полдень я объявил выступление В.М. Молотова, и вся страна узнала о случившемся: «Война». А потом правительственное заявление предстояло читать мне.

Заявление — несколько печатных страничек. А читать их — нет сил. К горлу подкатывает комок. Я замолкаю. Молчу секунду, вторую, третью. Из аппаратной тревожно замигал сигнал: «Почему молчите?» Я снова включил микрофон...»

Потом на протяжении всех четырех лет Левитан сообщал стране о ситуации на фронтах. Маршал Рокоссовский как-то сказал, что голос Левитана был равносилен целой дивизии. А Гитлер считал его врагом рейха № 1. Главнокомандующий Сталин значился под номером 2. За голову Левитана даже было обещано 250 тысяч марок, а специальная группа СС готовилась к заброске в Москву, чтобы ликвидировать диктора.

Однажды пятисотграммовая бомба угодила в Радиокомитет. Передачи прервались. Фашистское радио тотчас же

объявило: «Большевистский радиодом разрушен! Левитан мертв!» Однако, к счастью, бомба не взорвалась. И уже через четверть часа в эфире снова звучал голос великого диктора.

Как ни странно, всеми любимого диктора почти никто не знал в лицо. Вот наступил день, когда Юрию Борисовичу Левитану предстояло прочитать приказ о победе. Он должен был прозвучать в эфире 9 мая в 21 час 50 минут. Левитан получил эти две странички текста в Кремле, положил их в боковой карман пиджака и направился в студию. Она находилась тут же, через площадь. Диктор вышел из Спасских ворот Кремля и ахнул. На Красной площади бушевало настоящее людское море. Кругом радостные лица, поцелуи, объятия.

«Несколько метров мы взяли с боем, — рассказывал Левитан. — Ну а дальше никак. «Товарищи, дайте пройти, — умоляем мы, — нам срочно, по делу». А нам отвечают: «Да что вы! Какие там сегодня дела! Сейчас Левитан приказ читать будет. Стойте, как все. Смотрите и слушайте».

Что тут было делать?! Пришлось вернуться в Кремль, договориться с комендатурой, позвонить на радио, и приказ № 369 прозвучал из кремлевской студии...

И в послевоенное время Левитан оставался главным диктором СССР. Он извещал страну о самых важных государственных событиях. Так, 5 марта 1953 года Левитан объявил о смерти Иосифа Сталина. Кстати, на протяжении нескольких десятилетий именно голос Левитана сообщал стране о кончине очередного коммунистического лидера. В 1961 году торжествующий голос Левитана сообщил миру

о полете в космос первого человека (см. статью «Юрий Гагарин»).

Начиная с 70-х годов Юрий Левитан почти не выходил в прямой эфир. Начальство считало, что голос Левитана ассоциируется у населения с какими-то чрезвычайными событиями. Мол, не читать же диктору, объявлявшему о начале войны или салюте в честь Дня Победы, сводки об итогах уборочной.

И Левитан, которому первому среди дикторов присвоили звание народного артиста СССР, стал озвучивать кинохронику, читал закадровые тексты к художественным фильмам, записал для истории Сообщения Информбюро (во время войны выступления Левитана никто, разумеется, не записывал). А еще с удовольствием встречался с ветеранами, для которых его голос был так же свят, как сама память о минувших боях.

Однако, несмотря на всенародное обожание, личная жизнь у Левитана не сложилась. От него ушла жена, и он остался с дочерью Наташей и тещей, которая боготворила бывшего зятя.

В 1983 году Левитана пригласили на празднование 40-летия Курской битвы. Он вышел на трибуну и, почти не заглядывая в текст, начал читать сообщение о победоносном завершении одного из самых кровопролитных сражений Отечественной войны. Неожиданно голос диктора стал глуше, между словами возникли непривычно длинные паузы, зал услышал усиленное микрофонами, учащенное и тяжелое дыхание выступавшего. Пальцы Юрия Борисовича спасительно вцепились в трибуну и мелко подрагивали.

Он дочитал последнюю в своей жизни сводку Совинформбюро до конца.

Теряя сознание, сошел с трибуны, сделал несколько шагов до кулис и уже там упал на руки стоявших за сценой людей...

Уже есть поколение, которое вживую никогда не слышало Левитана, но все равно знает, как звучит этот голос, олицетворявший собой все самое важное прошедшей эпохи...

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971)

Идете налево вдоль стены (если стоять лицом к памятнику Левитана), проходите под аркой, и еще немного — прямо.

Развенчал культ личности Сталина, провел ряд демократических преобразований и массовую реабилитацию политических заключенных, улучшил отношения СССР с капиталистическими странами и Югославией, начал первые программы массового жилищного строительства (знаменитые хрущевки)...

В сентябре 1953 году Хрущев был избран первым секретарем ЦК. На XX съезде КПСС выступил с докладом о культе личности И.В. Сталина. Сохранилась история, как на одной из встреч после XX съезда КПСС Н.С. Хрущеву пришла записка из зала с вопросом: как могли допустить репрессии, что делали для их прекращения партийные руководители? Никита Сергеевич попросил встать того, кто послал записку. Никто не поднялся. «Мы боялись так же, как и тот, кто спрашивает об этом».

14 октября 1964 года Пленум ЦК, организованный в отсутствие Хрущева, находившегося на отдыхе, освободил его от партийных и государственных должностей «по состоянию здоровья». После этого Никита Хрущев фактически пребывал под домашним арестом.

Отправленный на персональную пенсию Хрущев жил на даче, недалеко от Москвы, работал в огороде, много читал, диктовал свои воспоминания, впоследствии изданные в США.

Заговор против Хрущева не вызвал противодействия в обществе. Этот противоречивый человек, при котором травили Б.Л. Пастернака и громили художников-абстракционистов, но позволили напечатать «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, человек, развенчавший сталинизм, но не изменивший сущность режима, отправлявшего в сумасшедший дом своих упорных противников, не мог получить объективного признания в массовом сознании.

Партийно-бюрократические круги не могли ему простить реформаторства, лишавшего их устойчивости; интеллигенция — безграмотных оценок событий общественной и культурной жизни, особенно в области литературы и искусства; военные — сокращения их численности, снижения пенсий и расходов на военные нужды; рабочие и крестьяне — наступления на приусадебные участки, снижения жизненного уровня.

...Вспоминают, что, когда в тот роковой день летели в столицу, Никита Сергеевич вышел из своего салона в общий и принялся нервно расхаживать, чем-то расстроенный.

Потом вдруг сказал:

— Майор! Приказываю экипажу лететь на Киев! В столице — заговор!

Майор был многоопытным, вероятно, имел какие-то особые инструкции от своего начальства и сделал вид, что ничего не понимает.

Хрущев сел в кресло и на какое-то время впал в оцепенение, затем, будто осененный гениальной идеей, вскочил и закричал:

— Ребята! Вы все — Герои Советского Союза! Летим на Киев. Там — наше спасение...

Окончательно убедившись в тщетности посулов, Хрущев удалился в свой салон и до приземления не появлялся.

На аэродроме самолет с первым лицом государства бесконечно маневрировал с одной рулежной дорожки на другую, затем долго не подавали трап... А вместо традиционного лимузина вождя ожидал... облезлый «ЗИЛ» охраны.

После отставки Хрущева его имя более 20 лет было фактически под запретом.

В семейной жизни Никита Сергеевич был суров и аскетичен, и до его отставки у него даже не было собственной квартиры — казенное жилье, казенная мебель. Роскоши не было. Единственное, чего было много, так это детей — пятеро. В его семье было не принято выражать чувства — целоваться, называть друг друга нежными именами, считалось, что в этом есть какая-то фальшь, нечто показное.

Сергей Хрущев, сын С.Н. Хрущева, вспоминает: «У отца были две любимые рюмки — одна высокая, узенькая, граммов на 25, я ее помню еще по Киеву, а другая большая, солидная. Ею он любил похвастаться, так же как и немецким чайным стаканом с ручкой. Внутри она была заполнена

стеклом, и для жидкости оставалось несколько миллиметров наверху. Издали рюмка выглядела налитой до краев. Эту рюмку ему подарила в один из приездов в гости к нам на дачу жена американского посла Джейн Томсон, сказавшая, что отцу часто приходится бывать на приемах. Эта рюмка очень удобна, когда нужно поднимать бокалы».

Воспоминания Рады Никитичны, дочери Хрущева: «Отставка породила большое количество житейских проблем: где жить? какую назначат пенсию? Мама в это время была в Карловых Варах, лечилась. Между прочим, вместе с Викторией Петровной Брежневой. Потом она мне рассказывала с иронической усмешкой о том, как они вместе услышали о папиной отставке по радио. Мама сказала: «Ну вот, Виктория Петровна, теперь вы меня будете приглашать в Большой театр в ложу». На что Виктория Петровна промолчала. И, конечно, такого приглашения никогда не последовало.

У нас с мужем были и свои проблемы. Алексея в тот же день сняли с должности главного редактора «Известий». Дома он взял первую попавшуюся книгу, сел за стол и так просидел целый месяц. Он прекрасно понимал, что самостоятельно пытаться устроиться на работу бесполезно.

А я работала (и по сей день работаю) в журнале «Наука и жизнь». Может быть, решающим фактором было то, что отец, последний раз разговаривая с Брежневым по телефону, попросил: «Я бы не хотел, чтобы это отразилось на моих детях». Брежнев пообещал.

На пенсии отец много читал — русскую классику, главным образом занимался огородом — это ему всегда было интересно. Приезжал ко мне на дачу, собирал грибы. В лес

он всегда брал с собой раскладную табуреточку. А вообще у него было ощущение, что он находится в тюремной изоляции — под охраной и под бдительным контролем.

Подтверждение этому — его похороны. Отец заранее знал, что так будет, говорил: «Они меня боятся».

Похороны помню смутно, как в тумане. Подъезжаем к Новодевичьему, пустая улица, оцепление, теснящее толпу...

Чего боялись власти? Думаю, просто хотели как можно больше унизить Хрущева. На кладбище есть маленькая площадь, где можно установить гроб, попрощаться. Даже этого сделать не разрешили. Гроб пронесли к могиле, поставили прямо на выкопанной земле. У кого хватило смелости, тот сказал несколько слов. Это были люди, непричастные к политике, — друзья моего брата, мои товарищи».

Над могилой установлен черно-белый памятник работы скульптора Эрнста Неизвестного, символизирующий неоднозначность «славного десятилетия» правления Хрущева.

Кинорежиссер М.И. Ромм сказал о Хрущеве: «Пройдет совсем немного времени, и забудутся и Манеж, и кукуруза... А люди будут долго жить в его домах. Освобожденные им люди... И зла к нему никто не будет иметь — ни завтра, ни послезавтра. И истинное значение его для всех нас мы осознаем только спустя много лет».

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971)

За могилой Хрущева тропинка (чтобы на нее попасть, надо обойти памятник Хрущеву слева), в конце тропинки будут могилы Твардовских.

Александр Трифонович Твардовский — автор знаменитой поэмы о войне «Василий Теркин», редактор самого «смелого» журнала — «Новый мир».

Александра Твардовского можно, пожалуй, по праву назвать народным поэтом. И не только потому, что детство и юность он провел в деревне. Его поэзия вобрала в себя лучшие черты русского фольклора: искренность чувств и простоту выражения мыслей

Твардовский никогда не жаловался на судьбу и даже писал в одном из своих стихотворений:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

Но так же, как и многие его современники, он прожил очень непростую жизнь, которая пришлась на самые тяжелые для России годы — революцию, коллективизацию, войну, сталинский террор.

Пройдя через все эти трудные годы, Твардовский не только стал большим поэтом, но и остался честным человеком. Поэтому до сих пор исследователи творчества поэта продолжают изучать его биографию, чтобы понять истоки той силы, которая помогла ему стать нравственной опорой для своих современников.

Писал стихи он с самого детства. Впоследствии Твардовский отмечал, что писал он тогда очень плохо, его стихи были беспомощны и подражательны. Но самым губительным для него и для других его сверстников-поэтов был недостаток общей культуры и образования. Когда Твардовский приехал в Смоленск, ему было уже во-

семнадцать лет, а образование — только неполная сельская школа. Вот с таким багажом Твардовский и вступил в поэзию. «Поверхностная начитанность, некоторая осведомленность в «малых секретах» ремесла питала в нас опасные иллюзии», — писал он потом в своей «Автобиографии».

Эти иллюзии и привели молодого поэта в Москву. Он приехал сюда после того, как в журнале «Октябрь» появилось несколько его стихов и кто-то из критиков отметил их в своем обзоре. Однако реальность оказалась не такой блестящей, как это представлялось издалека. В Москве, как и в Смоленске, было трудно устроиться на работу, и редкие публикации не спасали положения. Тогда Твардовский вернулся в Смоленск и решил серьезно заняться своим образованием. Его приняли в педагогический институт без вступительных экзаменов, но с обязательством за год изучить и сдать все предметы за среднюю школу. Он не только выполнил свое обязательство, но и в первый же год догнал своих однокурсников. Известность к нему пришла только после публикации в 1936 году поэмы «Страна Муравия».

Военный путь А.Т. Твардовского начался с осени 1939 года, он принимал участие в походе Красной армии в Западную Белоруссию, после этого — в финской войне и, наконец, в Великой Отечественной войне.

С 1940 года и до самой победы поэт не прерывает своих литературных занятий и работает над «Фронтовой хроникой». Ее герой еще не солдат, а тот же крестьянин, волей судеб попавший на войну. Из этого цикла и выросла поэма «Василий Теркин».

Ее замысел возник у Твардовского еще во время финской войны, когда он вместе с группой других писателей, работавших в газете «На страже Родины», решил завести в газете «уголок юмора» и придумал фельетонный персонаж — Васю Теркина, который имел у бойцов огромный успех и стал фольклорным персонажем. По поводу чего Твардовский заметил: «Откуда пришел — туда и уходит». Но только пройденные им тяжелые военные дороги превратили Теркина в настоящего народного героя. Интересно отметить, что новая поэма Твардовского заслужила похвальный отзыв даже такого взыскательного критика, как И.А. Бунин, который к тому же был категорично настроен против советской власти. Вот его слова: «Это поистине редкая книга — какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный, народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова».

Военные впечатления легли в основу и следующей поэмы Твардовского — «Дом у дороги», которая вышла в 1946 году. В противоположность «Теркину» в ней звучит мотив неизбывной печали и скорби о потерях. В том же 1946 году поэт создает своеобразный реквием погибшим — стихотворение «Я убит подо Ржевом».

В послевоенное время Твардовский продолжает работать над крупными произведениями и создает свою главную в этот период поэму «За далью — даль». В ней поэт стремится к честному разговору с читателем, но уже прекрасно понимает, что это невозможно.

Последние годы жизни он посвятил лирической по-

эзии. Однако и в ней чувствуется, что он намеренно уходит от когда-то любимой им социальной темы и не пишет о том, что его волнует, только потому, что его мысли все равно не дойдут до читателя. Поэт чувствует, что он не в состоянии что-либо изменить в этом мире, и ощущает свою ненужность.

В 1950 году Твардовский был назначен главным редактором журнала «Новый мир», но уже через четыре года его сняли, а еще через четыре, в 1958 году, вернули обратно. Именно в это время «Новый мир» становится центром, вокруг которого группировались писатели, стремившиеся к честному отображению действительности. Тогда же Твардовский сумел напечатать знаменитую повесть «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и добивался публикации его романа «Раковый корпус».

Несмотря на то что Твардовский и сам имел немалую власть и влияние, ему постоянно приходилось испытывать на себе все усиливающееся давление консервативных сил. В 1970 году он был в очередной раз снят с должности главного редактора, да и сама редакция подверглась фактическому разгрому. А.И. Солженицын так отозвался об этом событии: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище — его страсть — его журнал».

После ухода из журнала все больше стала давать о себе знать болезнь, поэт уехал к себе на дачу под Москвой, где и провел последние дни.

Скончался Александр Трифонович Твардовский 18 декабря 1971 года.

Бернес Марк Наумович (1911–1969)

Выходите на дорогу, идете по направлению к выходу метров пятнадцать, у могилы Топчиева поворачиваете на тропинку и, пройдя немного, окажетесь на могиле Марка Бернеса.

Марк Бернес с детства мечтал о карьере актера. И оказался в своем желании очень упорным — он расклеивал афиши на улицах, ходил по улицам с транспарантом, приглашавшим на очередную премьеру харьковского драмтеатра. Через какое-то время 16-летнего Бернеса представили старосте театральных статистов. Его дебют состоялся в «Мадам Помпадур», где он выступил в образе безмолвного кельнера. Ему казалось, что все смотрят только на него. Так оно и было: у взволнованного дебютанта прямо на сцене отклеились огромные войлочные бакенбарды.

Впрочем, Марк готов был работать в театре кем угодно — помогал рабочим сцены, бутафорам, осветителям, суфлерам. До того как стать артистом, он прошел в театре весь путь, узнал театральную изнанку.

В 17 лет Марк Бернес сбежал в Москву с бутербродами в кармане, уверенный, что его ждут в Малом театре. Где, собственно, находится Малый, он узнал на Курском вокзале от просвещенного носильщика. Самое удивительное, что в Малый его приняли с первого захода. Правда, поручаемые ему роли не отличались многословием: третий слуга, второй копейщик, «неизвестный в трактире»... Все в

таком духе. Через полгода он перешел в другой театр. Переход не отнял много времени: достаточно пересечь Театральную площадь, чтобы оказаться в Большом. Затем были еще несколько театров, но всегда те же роли на выходах.

Он делал свою биографию сам, не надеясь на актерский случай и везение. В 1937 году Николай Погодин прочитал сценарий «Человека с ружьем». Роли для молодого Бернеса, дружившего с драматургом, там не оказалось. И тогда он ее выдумал: полностью сочинил своего Костю Жигулева, блондина, опоясанного пулеметными лентами. Сочинил его по репликам, изобретательно и хитроумно наращивая объем роли, и в конце концов спел мгновенно прославивший его городской романс Павла Арманда «Тучи над городом встали». С чего он взял, что его персонаж должен вдруг запеть в серьезном фильме? Этого не знал никто. Просто Бернес так чувствовал. Просто он умел убеждать.

Это было время, когда одно появление на экране могло сделать актера всенародным любимцем. Так и случилось с Бернесом, получившим за эпизодическую роль вместе с орденом «Знак Почета» всенародное признание.

Мгновенный и вертикальный взлет, после которого режиссеры стали воспринимать Бернеса как счастливый талисман, гарантирующий успех. Сценаристы вместе с композиторами начинают писать на Бернеса. Он снимается в «Большой жизни» и «Истребителях», в которых встречается с Никитой Богословским, сочинившим для него «Любимый город может спать спокойно...». А спустя два года в

«Двух бойцах» он спел «Темную ночь» и «Шаланды, полные кефали...». В том, что Бернес родился и вырос в Одессе, были уверены почти все.

В апреле 1958 года Бернес выступал на концерте, посвященном очередному комсомольскому съезду, на котором присутствовал Хрущев. Выступления были строго регламентированы — Бернесу отводилось две песни. После второй зал начал бисировать. Бернес кланялся, уходил за кулисы и снова появлялся на сцене — зал не унимался. В очередной раз уйдя со сцены, Марк Наумович начал искать организаторов, чтобы спросить дозволения спеть на «бис». За кулисами никого не оказалось, те, кто отвечал за концерт, в панике разбежались, боясь взять на себя ответственность за «регламент». Бернес вынужден был уйти под несмолкаемые овации. Знал бы он, как используют эту ситуацию некоторые «заинтересованные стороны». А они стали возмущаться поведением «зазнавшегося» артиста, не пожелавшего «спеть для народа».

Вскоре после этого у Бернеса произошла «встреча» с гаишниками. Возвращаясь домой, он успел проскочить на зеленый свет, но постовой посчитал иначе. За берНесовской «Волгой» пустились в погоню. Был составлен протокол — и банальный дорожный инцидент возвели в ранг уголовного преступления. Реакция последовала незамедлительно — газетные статьи, вышедшие с небольшим интервалом: «Пошлость на эстраде», «Звезда на «Волге».

Вскоре в квартире артиста надолго замолчал телефон. Прекратились звонки с киностудий, приглашения на кон-

церты. Но больнее всего была реакция людей, которые еще вчера подобострастно заглядывали ему в глаза, а теперь отворачивались при встрече.

Это был страшный период в жизни Марка Наумовича. Незадолго до этого от рака умерла его жена Паола. Он остался один с трехлетней дочерью Наташей и домработницей. Двойной удар обернулся инфарктом. Он почти не выходил на улицу. О том, что Бернес, в сущности, живет в нищете, знали немногие. За четыре года он не снялся ни в одном фильме, принял участие в считаном количестве концертов.

Лишь в начале 1961 года «темная ночь» вокруг Бернеса начала понемногу рассеиваться. Пошли приглашения на съемки и озвучивание. 1 сентября 1961-го, когда Наташа пошла в первый класс, он познакомился с молодой женщиной, сын которой тоже стал первоклассником. Звали ее Лилия Бодрова...

Среди песен Бернеса есть одна, которую, наверное, не имеет права петь никто. И не потому даже, что это последняя записанная им — смертельно больным человеком — песня. Просто ее слова практически созданы Бернесом на основе текста Гамзатова, который и помещал ее потом в этой редакции. Чтобы записать «Журавлей», уже не встававший с кровати Бернес поднялся, зная, что идет на свою последнюю в жизни запись. Вернувшись, сказал жене: «Кажется, хорошо...»

Его считали мнительным, уверяли, что он выдумывает себе болезни, нарочито хватаясь за сердце. Когда у не-

го случился инфаркт, многие были уверены, что это инсценировка.

О его скверном характере ходили легенды. Он отпугивал композиторов и поэтов с той же легкостью, с какой и влюблял их в себя. Они мечтали, чтобы Бернес спел их песни. Писали для него тексты, а потом проклинали себя за то, что связались с «привередливым Марком», который будил их по ночам звонками, требуя изменить очередную строку, изводя убийственным аргументом: «Вы написали, а мне петь!» И они переделывали, корежили — как считали, а потом включали в свои сборники эти стихи в бернесовской редакции — иначе было уже невозможно: именно в этой редакции песни пела «улица» — высшая награда для композиторов и поэтов-песенников.

Августовским утром 1969 года на панихиде в Доме кино не было ни речей, ни траурных маршей. Бернес отпевал себя сам. Звучали четыре его песни: «Три года ты мне снилась», «Романс Рощина», «Я люблю тебя, жизнь» и, конечно, «Журавли».

Четыре песни повторялись без пауз по кругу...

Первоначально Бернеса должны были похоронить на Ваганьковском кладбище. Новодевичье, на котором Бернес хотел быть похоронен, «полагалось» только народным артистам СССР, а указ о присвоении Бернесу этого высшего звания вышел только через три дня после его смерти. Но для любимца публики было сделано исключение...

Рихтер Святослав Теофилович (1915—1997)

Пройдите налево до стены и долго идите вдоль нее, пока не увидите памятник Рихтеру.

Всемирно известный пианист, один из величайших музыкантов современности. Творчеству Рихтера были присущи глубина и масштабность интерпретации, исключительная сила волевого и эмоционального воздействия на слушателей.

Репертуар пианиста был огромен. Он включал произведения И.С. Баха, В.А. Моцарта, Й. Гайдна, Л. Бетховена, К. Дебюсси, М. Равеля, А. Берга, Ф. Шуберта, Р. Шумана, Ф. Шопена, Ф. Листа, И. Брамса, К. Шимановского, концерты П.И. Чайковского, Э. Грига, А. Дворжака, М.П. Мусоргского, С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина, С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича и других композиторов XX века. Выступал в ансамбле со многими известными инструменталистами и певцами, с Квартетом им. А.П. Бородина, а также с крупнейшими оркестрами мира под управлением выдающихся дирижеров...

Музыкой Рихтер начал заниматься под руководством своего отца — пианиста и органиста. В детстве и юности много импровизировал. Он начал играть в 8—9 лет, но никогда не играл гаммы, сразу начал учить Первый ноктюрн Шопена: «Папа был в ужасе, а мама говорила: пусть занимается, как хочет, и я играл все, что хотел: «Тангейзера», «Лоэнгрина».

Получилось так, что до поступления в консерваторию

Святослав Рихтер нигде не учился, и к нему сначала относились настороженно. Но вот что вспоминает Генрих Нейгауз: «Он сыграл Бетховена, Шопена, и я прошептал окружающим: «По-моему, он гений».

Окончив консерваторию, он играл, играл, играл...

Рихтер много гастролировал в разных странах мира. Наиболее интересным своим турне считал огромную концертную поездку по России в 1986 году, когда он, путешествуя на поезде от Москвы до Владивостока, давал по дороге концерты, в том числе в маленьких городах. Последний свой концерт Рихтер сыграл в Любеке (Германия) в марте 1995 года.

Он всю жизнь посвятил музыке, но сам же и опроверг слухи о том, что он играет по двенадцать часов в сутки: «Я давно уже решил, что три часа работы в день станут моей нормой, которой я и старался, по мере возможности, держаться. Давайте считать. Множим 365 на 3 и получаем 1095. Однако приходилось наверстывать дни, проведенные в автомобильных путешествиях, когда я не прикасался к клавишам, дни, требовавшие многочасовых репетиций, время, не использованное по болезни или по причине нерасположения к работе, а также перерывы».

Вообще о Рихтере ходило много слухов, например, что он терпеть не мог расстроенных инструментов. Даже написали как-то, что при виде старого фортепиано его лицо исказила такая мука... А сам Рихтер никогда не обращал внимания на то, на каком рояле или фортепиано он играет, — мог приехать в отдаленную деревню и сесть за тот инструмент, который был в местном клубе.

Но на самом деле он терпеть не мог других вещей — когда им восхищались и спрашивали о матери.

Как-то в гримерку Рихтера зашел поклонник и принялся целовать ему руки. Пианист, по воспоминаниям видевших это, чуть не завизжал от ужаса. И в ответ бросился целовать руки этому человеку. Он смертельно боялся восхищений. Слыша их, замыкался и лишь вежливо улыбался в ответ. А на друзей, которые падали перед ним на колени и начинали аплодировать, обижался. «Ну почему они так себя ведут? — говорил он. — Мне от этого становится так больно!» Когда кто-нибудь из критиков говорил, что концерт прошел гениально, Рихтер отвечал: «Гениальным может быть только творец. А исполнитель может быть талантливым и вершины достигает только тогда, когда выполняет задуманное художником».

Рихтер был удивительно неприхотливым человеком. Приехав поступать в Московскую консерваторию, какое-то время жил в квартире своего педагога Генриха Нейгауза, где спал... под роялем. На протяжении всей жизни его самым любимым блюдом была жареная картошка.

А не любил он говорить о матери потому, что с ней связана главная трагедия его жизни. Семья музыканта жила в Одессе. Отец работал в оперном театре, мать замечательно шила. Когда к Одессе подходили немцы, семье предложили уехать в эвакуацию, но мать неожиданно для всех отказалась. По законам военного времени отца Святослава Теофиловича (немца) арестовали и расстреляли. А мать музыканта неожиданно вышла замуж за некоего Кондратьева, за которым ухаживала перед войной. Только

много лет спустя Рихтер узнал, что этот Кондратьев только на словах был тяжелобольным человеком. На самом деле он, потомок влиятельного царского чиновника, лишь притворялся инвалидом и ждал, когда же советской власти придет конец. Именно он и написал донос на отца, а ведь когда-то Святослав спас ему жизнь... Спас жизнь, как оказалось, убийце своего отца.

Все военные годы он жил ожиданием встречи с матерью. «Вы не представляете, какая у меня мама, — говорил он друзьям. — Я только скажу что-нибудь — она уже смеется. Я только подумаю о чем-то — она уже улыбается».

Когда музыкант узнал о предательстве матери, он замкнулся в себе. Это была самая страшная катастрофа его жизни, пережить которую он так и не смог. «У меня не может быть семьи, — решил он для себя. — Только искусство».

О смерти матери музыкант узнал от Кондратьева за несколько минут до начала своего концерта в Вене. Это было единственное неудачное выступление пианиста. «Конец легенды», — писали на следующий день газеты.

Кроме музыки, больше всего на свете Рихтер обожал природу. Самыми красивыми местами на Земле считал Оку и Звенигород. Когда кто-то из немецких журналистов задал ему вопрос: «Вам, наверное, приятно, находясь на вашей родине, Германии, видеть великую реку Рейн?», Рихтер ответил: «Моя родина — Житомир. И Рейна там нет».

За несколько месяцев до смерти: «...Я не играю для

публики, я играю для себя, и чем лучше играю для себя, тем лучше воспринимает концерты публика. У меня было 80 концертных программ, я их играл наизусть, а однажды подумал: надо внимательно смотреть в ноты, тогда будешь играть, как написано, и стал играть по нотам. Я готов сыграть и в школе без гонорара, играю в маленьких залах без денег, мне все равно... Сейчас я старый человек. Я бы хотел играть Скарлатти, Шенберга, но уже нет сил. Прокофьев больше всего любил Гайдна. Я тоже: он какой-то свежий, я люблю Гайдна больше, чем Моцарта. Сил мало, хотя вот недавно выучил Второй концерт Сен-Санса, я его очень боялся. Для старого человека — неплохо. Я ведь человек холодный, несмотря на весь мой темперамент. Себя я хорошо знаю — есть вещи, которые мешают не в музыке, а в жизни. Я себе не нравлюсь. Все».

Ельцин Борис Николаевич (1931–2007)

От могилы Рихтера доходите до арки (слева), поворачиваете направо и сразу видите впереди трехцветный памятник Ельцину.

Все 1990-е годы вошли в историю России как эпоха Ельцина. Первый раз он был избран Президентом РФ 12 июня 1991 года, а 3 июля 1996 года — переизбран на второй срок.

Ельцин сам положил конец своей политической карьере, когда досрочно ушел в отставку. Причем сделал он это

в присущей ему эффектной манере, объявив о сложении президентских полномочий в неожиданном новогоднем обращении к народу в полдень 31 декабря 1999 года. По Конституции должность исполняющего обязанности главы государства в случае его ухода в отставку занимает Председатель правительства, которым на тот момент был Владимир Путин. Через три месяца Путин избавился от приставки «и.о.», став полноценным Президентом страны по итогам выборов.

Ельцин — единственный российский лидер, кто попросил прощения у своих соотечественников за свои ошибки.

То, что сделал Ельцин, будучи у власти (а это были громадные изменения), сейчас оценивается крайне противоречиво.

Но это уже политика, а в последнее время мы видели его как раз в сугубо «человеческом» обличье — читающий на скамейке пенсионер, азартный болельщик, строгий дед, любящий прадед, вернувшийся в лоно семьи муж и отец. Да и в последние свои президентские годы он мало походил на парадный портрет первого Президента России.

Вот отрывок из интервью, возможно, последнего, взятого на 75-летний юбилей:

— *Какие качества вы считаете важными для политика?*

— Две вещи наиболее значительны. Ум и воля. Нет, три: ум, воля, человечность. Ум — чтобы двигаться в правильном направлении и принимать правильные решения. Воля — чтобы эти решения реализовывать.

— Согласны ли вы с тем, что с годами человек становится мудрее?

— Это безусловно. Например, я стал по-другому ценить дом, домашний уют, семью, наши с Наиной удивительно дружные, теплые отношения. Я радуюсь, когда к нам в дом приезжают Лена с Ванечкой, Таня с Машенькой. Неожиданно для меня выяснилось, что именно моя дружная семья — это и есть настоящее человеческое счастье.

— Что вы делаете по вечерам? Какой последний фильм смотрели, какую книгу прочитали недавно?

— Я много читаю. У меня не было такой возможности, пока работал, времени не хватало. Хотя в студенческие годы тоже горы книг прочитывал, пытался ни одной новинки не пропускать. Что из последнего? Мемуары жены академика Ландау «Как мы жили». Или еще одна, только закончил «Литературный пасьянс» Владимира Набокова. Фильмами, впрочем, как и книгами, меня снабжает Татьяна. Обычно пару раз в неделю привозит стопку книг и несколько новых, только что вышедших DVD. Последнее, что я видел, — «Мастер и Маргарита». Я слежу за главными спортивными событиями. Не пропускаю теннис. Сейчас идет австралийский теннисный чемпионат, встаю в три утра, чтобы наших в прямом эфире смотреть.

— Что для вас Бог? Совесть? Судьба? Любовь? Или что-то другое?

— Для меня Бог — это то создание, которое знает, что творится у меня в душе. И я хочу верить, что Бог видит, что помыслы мои были чисты. Я хотел, чтобы люди были

счастливы, чтобы они были свободны, чтобы Россия была сильной, достойной, цивилизованной страной. И не было у меня иных целей.

Известно, что к середине 1990-х годов у Ельцина резко ухудшилось здоровье. Сведения о том, что у президента серьезные проблемы с сердцем, впервые просочились в прессу в конце 1995-го — начале 1996 года. Еще в октябре 1995-го Ельцин, возможно, перенес инфаркт миокарда. В сентябре 1996 была официально признана болезнь президента. Ельцин прошел обследование консилиума врачей, после которого было объявлено о предстоящей ему операции на сердце.

25 сентября 1996 Ельцин прошел обследование еще одного консилиума врачей, в котором участвовал 88-летний кардиохирург из США Майкл Дебейки, оперировавший в свое время в Москве президента АН СССР М. Келдыша. М. Дебейки первым использовал аппарат «искусственное сердце». По мнению Дебейки, умственная деятельность Ельцина могла протекать в обычном режиме — реально было продолжать работу с документами и проводить рабочие встречи, однако физические нагрузки ему категорически противопоказаны. Реабилитационный период, по мнению Дебейки, займет до двух месяцев. 5 ноября 1996 года Акчурин провел операцию аортокоронарного шунтирования. Накануне операции президент подписал указ о передаче своих полномочий на время проведения операции Черномырдину. Было объявлено, что операция прошла успешно. Тем не менее в течение нескольких месяцев со-

стояние здоровья президента оставалось неустойчивым, и фактически управление страной находилось в руках Черномырдина и Чубайса. Президент вернулся к активной деятельности в середине февраля 1997 года.

По словам кардиохирурга, срок жизни Ельцина после операции можно считать «с медицинской точки зрения хорошим результатом». «Но сколько бы человек ни прожил, потеря всегда печальна, и мне ужасно жаль, что так произошло», — отметил кардиохирург после смерти Ельцина.

Ельцин скончался 23 апреля на 77-м году жизни в Центральной клинической больнице из-за прогрессирования сердечно-сосудистой полиорганной недостаточности.

Кио Игорь Эмильевич (1944–2006)

Слева от могилы Ельцина.

Игорь Кио — известный иллюзионист, которого называют «загадкой XX века», «королем волшебников». Заслуженный артист России, заслуженный деятель искусств Грузии, он был удостоен Международной премии «Оскар» (Бельгия), которая ежегодно вручается с формулировкой «Лучшему артисту». Игорь Кио был членом ассоциации «Братство волшебников» (США).

У каждого искусства есть свои легенды. В цирках России почти семьдесят лет такой легендой остается известная цирковая династия Кио. Грандиозные иллюзионные

трюки, феерическое зрелище, актерское обаяние, гарантированные аншлаги — все это, вместе взятое, и есть феномен Кио.

Игорь был младшим сыном Эмиля Кио, и ему предстояло продолжить семейное дело. Будущего артиста отец вывел на сцену еще ребенком, где тот выступал в номерах лилипутов. «Я в детстве никогда не мечтал, что стану летчиком или шофером. Я нисколько не сомневался, что буду заниматься только отцовским делом». Конкурировать с цирком мог лишь футбол: с 13 лет он занимался в школе футбольной молодежи у самого Константина Бескова, был талантливым центральным нападающим. Но уже в пятнадцать лет Кио-младшему приходилось подменять заболевшего отца на выступлениях. В 1965 году Эмиль Теодорович умер, и 21-летний Игорь занял его место.

Поначалу он стремился в точности воспроизводить стиль отца, но с годами у него появилась возможность вводить в выступления собственные номера — «Моды», «Аквариум», «Рояль в воздухе», «Сундук Гудини», «Появление Медвежонка», «Лев в воздухе», ставшие такими же популярными, как и классические трюки Эмиля Кио. Вскоре Игорь Кио пошел дальше: он расширил свое шоу до полноценной эстрадной программы с артистками балета и музыкальными номерами.

Нам кажется это парадоксальным, но Игорь, заставляя нас поверить в чудо, сам относился к чудесам только с научной точки зрения. «Насчет чудес — так их и впрямь нет. Это я утверждаю как человек, который занимается их мас-

совым производством», — сказал как-то Игорь Кио. Он знал, о чем говорил.

На гастролях зрители просили его то снять порчу, то поставить на ноги паралитика. Веру в то, что он творит чудеса, вызывало внутреннее спокойствие человека, с раннего детства знавшего, что чудес не существует. Все профессиональные секреты ему растолковал отец. Еще ребенком он узнал, что «чем сложнее номер, тем проще его секрет», что существуют только три вида иллюзии — «исчезновение, появление, превращение», что нет никакого гипноза, а только самогипноз людей, жаждущих обмануться.

В течение 30 лет работы Игорь Кио ежегодно давал по 500—600 представлений. В 1989 году ушел из Союзгосцирка и создал фирму «Шоу-иллюзион Игоря Кио». Артист работал и на телевидении: был автором программы «Новогодний аттракцион», ведущим «Утренней почты», трех цирковых обозрений «Рандеву на Цветном бульваре», вел цикл «Все клоуны».

Знание — синоним печали. Игорь Кио резко отзывался и о цирке как таковом, «искусстве вчерашнего дня, которое никого не интересует и никому не нужно». «Поезд ушел: знаменитый российский цирк почил, как и весь Союз. А то, что есть, по сути, живой труп».

По его мнению, нужны «синтетические шоу-спектакли с использованием передовых технологий». Нужен режиссерский цирк, в качестве образца Игорь Кио называл знаменитый «Cirque du Soleil». «Перед входом в их шапито — стеклянная бочка типа аквариума, где резвятся акулы и

обнаженные девушки. В чем фокус — секрет фирмы. Нужно лазерное шоу, водная феерия и т.д. Артисты же украшают действо, а не показывают личные достижения. Публике нужен шоумен, а не рекордсмен».

Но даже трезвое знание не убивает способности мечтать. Игорь Кио мечтал об идеальном, волшебном театре, где без всякой вешалки по Станиславскому пальто зрителя само повисало бы в воздухе. В 1962 году тайком от своих родителей и родителей невесты женился на 32-летней Галине Брежневой. Брак был оформлен за три часа, продлился девять дней. После чего их развели по указанию власть имущих — у Кио конфисковали паспорт, а выдали уже без штампа. Со второй супругой прожил 11 лет. От этого брака у Игоря Кио есть дочь — Виктория Игоревна. Начинала она с дрессировки собак, потом вышла замуж за балетмейстера и стала солисткой балета. Третья супруга Игоря Кио — Виктория Ивановна Кио. Она также принимала участие в шоу и являлась его ассистенткой. Именно ее Игорь Кио сжигал в одном из своих знаменитых фокусов.

Игорь Кио скончался 30 августа 2006 года.

«В последнюю нашу встречу мы с Игорем вспоминали ушедших из жизни друзей. Галю Брежневу — его первую жену — помянули, — поделилась работница цирка на Цветном бульваре. — Игорь тогда пожаловался, что очень плохо себя чувствует, и сказал, мол, скоро и он там будет... на небесах».

Похоронили Игоря Кио на Новодевичьем кладбище. Именно там, где покоится прах его отца, родоначальника

цирковой династии Эмиля Кио. Говорят, что это было пожелание самого Игоря Эмильевича.

Кио был настоящим волшебником. Даже сейчас не хочется верить, что его не стало. Наверное, это очередной фокус...

Горбачева Раиса Максимовна (1932–1999)

От могилы Ельцина налево по дороге до стены колумбария.

Жизнь этой женщины всегда была в центре внимания. Ее появление на публике в качестве первой леди в стране у многих вызывало осуждение. Однако на Западе Раиса Горбачева совершила настоящую революцию, показав всему миру, как может выглядеть советская женщина...

Раиса Горбачева (в девичестве Титаренко) родилась 5 января 1932 года в городе Рубцовске Алтайского края в семье железнодорожного инженера. В 1950 году поступила в Московский государственный университет на философский факультет. В студенческом общежитии на Стромынке, на берегу Яузы, селили по 8—14 человек в комнате. Все кое-как одетые и зимой и летом обутые в одни и те же ботинки. Рае родители прислали в подарок ее первое настоящее пальто — папа выиграл по облигации тысячу рублей. Шикарное по тем временам, с каракулевым воротничком, каким-то чудом добытое в сельпо, пальто это запомнилось ей на всю жизнь. А в остальном она жила,

как и все ее подруги. Здесь, в общежитии, и состоялась ее первая встреча с Мишей Горбачевым.

Михаил Горбачев вспоминал спустя годы со свойственной его речи особинкой:

«Тогда было поветрие — учить бальные танцы. Ребята из комнаты мне сказали: Мишка, там такая девчонка!.. Я пошел, увидел и начал преследовать. Второй курс у меня, у нее — третий. Мне двадцать, ей девятнадцать... У нее случилась драма на личной почве, в отношения вмешались родители, она была в размолвке, переживала и была разочарована... Мои домогательства были встречены холодно... Мы полгода ходили рядом, держась за руку. Потом полтора года — когда уже не только за руку держались. Но все-таки мужем и женой стали после свадьбы».

Родительского благословения на брак с Горбачевым она не спрашивала, уведомив мать с отцом в последний момент. Свадьба получилась студенческая, без обручальных колец. Но костюм на женихе и платье невесте были совершенно новыми — деньги на них на комбайне заработал Михаил. Будущий Генсек в то лето ездил покорять целину.

После окончания университета в 1955 году вместе с Михаилом Горбачевым поехала в Ставропольский край, где они прожили 23 года.

Рассказ дочери: «Когда родители оканчивали университет, мама заболела ревматизмом. Папа навещал ее в больнице, ухаживал. Врачи ставили диагноз «сердечная недостаточность» и не разрешали рожать. Потом, когда мама заболела лейкемией, была в коме и у нее не работал мозг — сердце работало. Оно, наоборот, оказалось здоро-

вым... А тогда, после университета, родители уехали на юг, на папину родину. Там маме стало гораздо лучше. И родилась я».

Когда в 1978 году муж стал главой государства, Раиса ужасно волновалась и спрашивала Михаила Сергеевича, как ей теперь себя вести. «Для нас ничего не изменилось, — отвечал он. — Веди себя, как и раньше». Но «как раньше» уже не получалось...

И действительно: едва появившись на телеэкранах, Раиса Максимовна вызвала стойкое любопытство у мужчин и острую неприязнь у большинства женщин всего Советского Союза. Людям на самом деле казалось, что она слишком часто меняет наряды, слишком настойчиво «лезет в кадр»...

Как бы то ни было, но первая леди СССР сломала традицию, в силу которой жены высших советских руководителей оставались за кадром общественной жизни.

Она стояла у истоков созданного в конце 1980-х годов Советского фонда культуры. Именно при ее поддержке и непосредственном участии осуществлялись его многочисленные культурные программы. Она сумела убедить всех, что музей Марины Цветаевой просто необходим. Музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, музей частных коллекций, музей семьи Бенуа в Петродворце, музей Рерихов получали поддержку Фонда.

Занималась также благотворительной деятельностью, была почетным председателем международной ассоциации «Гематологи мира — детям», лично патронировала Центральную детскую клиническую больницу в Москве.

В 1997 году создала клуб, который стал последним ее увлечением и общественным делом. Главной целью клуба было обсуждение социальных проблем: роли женщины в современной России, положения незащищенных слоев общества, особенно детей.

Несомненно, личность Горбачевой вызывала большой интерес и за рубежом. В момент ее появления на политическом небосклоне иностранные газеты пестрели заголовками: «Единственная из кремлевских жен, которая весит меньше своего мужа!», «Коммунистическая леди с парижским шиком!». Дальнейшие события показали, что интерес к первой леди СССР с годами не ослабевал. В 1988 году Раисе Горбачевой была присуждена премия «Женщины мира», в 1991 году — премия «Леди года». Было отмечено, что супруга Президента СССР выступила в глазах мировой общественности как «посланница мира», а также подчеркнута ее решительная поддержка замыслов Горбачева.

...После беловежского сговора и добровольной отставки Горбачева она исчезла из поля зрения широкой общественности. Горбачевы жили на даче, которую российское правительство предоставило Президенту СССР в пожизненное пользование. В своей книге «Жизнь и реформы» Михаил Сергеевич писал, что жена два месяца болела. По некоторым сведениям известно, что Раиса Максимовна перенесла инсульт, вызвавший паралич руки и половины лица.

Горбачева умерла от лейкемии — рака крови, когда ей было 67 лет.

Вот как Горбачев вспоминает о последних днях жены:

«За 60 дней, что мы не расставались в мюнстерской клинике, полностью перебрали пережитое. Она спрашивает: «Моя жизнь кончилась?» И смотрит в глаза, как всегда. Знала, что врать ей не могу. Я и не врал. Однако и всей правды не в силах был выговорить. Произнес только: «У тебя очень тяжелая болезнь крови». — «Рак?» — «Я не знаю. Но ты старайся, не сдавайся. Мы это одолеем». К Раисе в палату нельзя было приносить прессу, чтобы не попала инфекция. Однажды я нарушил запрет. Это были как раз «Известия». Две колонки под заголовком «Леди Достоинство». Прочитал их вслух, и вдруг она заплакала. Прошептала: «Выходит, надо умереть, чтобы меня поняли...» Колоссальная сила духа, сложнейший внутренний мир, Вселенная. Откуда в ней, выросшей в тайге, в вагончиках, в простой среде строителей дорог, вечно кочующих, как цыгане, такой аристократизм? Откуда эта сдержанная гордость, захватившая меня с самых первых встреч? Ее невольно чувствовали все».

К годовщине смерти первой леди СССР вышла книга «Раиса», составленная из дневников, интервью, статей, большого числа писем и телеграмм, шедших рекой в семью Горбачевых. «Когда я наконец пришел в себя, то обнаружил, что стол, подоконники в ее кабинете — все в бумагах. Она начала работать над книгой. Я нашел план этой книги. Тридцать три главы. И красной ручкой написано название: «О чем болит сердце», — вспоминал Михаил Сергеевич.

Троекуровское кладбище

Филиал Новодевичьего. Площадь Троекуровского кладбища составляет 20,82 га. Название свое кладбище получило от бывшего села Троекурово, владения бояр Троекуровых в конце XVII — начале XVIII века. Основано кладбище было в 1962 году.

В 1975 году исполком Моссовета принимает решение «О строительстве пускового минимума мемориального Троекуровского кладбища». В этот период на кладбище производят захоронения ответственных работников ЦК партии.

Целью создания похоронного дома-некрополя «Троекурово» стало захоронение известных людей, оставивших неизгладимый след в политике, искусстве, спорте и общественной деятельности.

На сегодняшний день общая площадь похоронного дома-некрополя составляет 40,82 га, в том числе: Троекуровское кладбище — 20,82 га, Кунцевское — 16,62 га, Рублевское — 3,38 га.

На Троекуровском похоронены: поэт Генрих Сапгир, мастер спорта по самбо Иван Ярыгин, Василий Гроссман, Анна Политковская, Любовь Полищук, легендарная укротительница львов И.Н. Бугримова, Ольга Власова, Анастасия Георгиевская, Леонид Губанов, Наталья Гундарева,

Юрий Медведев, Элем Германович Климов, Татьяна Снежина, С.Ф. Ахромеев, Е.С. Велтистов, В.Б. Носик, Сергей Супонев, С.М. Самсонов...

Это кладбище очень ухожено: там газоны, цветники, альпийские горки...

Как добраться
От м. «Кунцевская» автобусом 612; от м. «Теплый стан» автобусом 781.
Открыто Троекуровское кладбище ежедневно с 9.00 до 19.00.

Дедюшко Александр Викторович (1962–2007)

От входа идете прямо почти до церкви, далее поворачиваете направо. У семьи Дедюшко пока деревянные кресты.

Популярность пришла к Александру Дедюшко после «спецназовских» сериалов. Для них он подходил по всем параметрам: у него была спортивная фигура, подходящая «волевая» внешность и хорошие актерские данные.

Вот воспоминания самого Александра о детстве: «Я отличался самостоятельностью. Когда мне было три года, я самостоятельно ушел вечером из дома к бабушке, которая жила далеко от нас. Искали меня долго... А еще был весьма эмоциональным, сентиментальным ребенком, очень сопереживал всему происходившему на экране. Когда в

«Сорок первом» умирал герой Олега Стриженова, я плакал...»

Когда пришло время, Александр стал поступать во все московские театральные училища, но не прошел. И тогда его сразу взяли в училище в Горьком. Так началась студенческая жизнь, так появилась любовь, ставшая первой женой. «Людмила училась на курс старше меня. Очень яркая, эффектная девушка — жгучая брюнетка с синими глазами, чувственными губами, большой грудью — Голливуд отдыхает! У нее были бойкие поклонники со старших курсов. А я был человеком сдержанным, молчаливым. Тем не менее избранницу свою как-то «отбил», и вскоре мы поженились. Поехали на ее родину в Тольятти, где и сыграли скромную свадьбу».

Как говорил впоследствии сам Дедюшко, «нас развела жизнь»: Александра направили работать во Владимир, а Люду — в Новомосковск. Хотя у них и родилась дочь Ксения, они разошлись, но остались друзьями: «И теперь я со своей нынешней семьей частенько приезжаю к ним в гости на шашлыки».

В 33 года Александр Дедюшко приехал покорять столицу. Устраивается даже во МХАТ Олега Ефремова, но быстро понимает, что перспектив у него там нет. К тому же у Александра появляется новая семья. Потом были рекламные ролики, массовки. Эпизодическая роль начальника патруля в армейской комедии «ДМБ». И, наконец, первая серьезная роль — в «Директории смерти».

В конце 90-х годов начинается «запойное» время отечественных «спецназовских» сериалов, а фактура у Алек-

сандра — лучше не придумаешь. Звездным часом Александра Дедюшко стала роль в сериале Игоря Талпы «Оперативный псевдоним».

Выбить себе первую роль было не просто. «Мне хотелось состояться как актеру по-настоящему, хотя именно съемки в рекламах и помогли нам выжить. Самым «дорогим» для меня стал ролик о газировке, который с размахом снимался и в Москве, и в Лондоне. На гонорар я купил 20-метровую комнату, в которой мы втроем и живем. И вот меня пригласили в «Оперативный псевдоним» — опять же на маленькую роль. Прочитав сценарий, я как-то сразу стал думать о главной роли — ну мой это герой! Мне безумно захотелось сыграть его. Поэтому, как только я встретился с Игорем Талпой, то, набравшись смелости, тут же предложил: «А может, мне главную роль сыграть? Я смогу!» Очевидно, такая напористость чем-то понравилась режиссеру, и меня пригласили на пробы. Кстати, там я должен был представить моего персонажа в бомжеватом виде, да к тому же пьяного. Я даже несколько дней не брился, чтобы лучше войти в образ. И вошел-таки — меня утвердили».

Далее были такие известные зрителям ленты, как «Сармат», «Парни из стали», «Сломанная стрела» и др.

Это была счастливая, талантливая семья. Множество планов, идей, проектов — Александр только-только начал строить загородный дом. Увы, многочисленным планам уже не суждено сбыться. Их оборвала нелепая случайность или, может быть, судьба...

Нет, весь он не умрет!
Душа в любимых фильмах,
В экранах оживет...
И тленья избежит!

Так перефразировали пушкинский «Памятник» поклонники популярного киноактера Александра Дедюшко, узнав о трагедии, произошедшей вечером в субботу во Владимирской области. В страшной автокатастрофе погибла вся актерская семья — сам Александр, его жена Светлана и 8-летний сын Дима.

В тот день семья Дедюшко гостила у друзей на Владимирщине. С Владимирской областью у Александра вообще многое связано. Здесь он играл в местном театре драмы, познакомился с будущей женой Светланой, сюда постоянно ездил, пока супруга не перебралась в Москву. У трагично завершившейся поездки была своя подоплека. В последнее время ходили активные слухи о близкой дружбе Александра с партнершей по «Танцам со звездами» Лианой Шакуровой, чем, естественно, была недовольна супруга. Визит на родину был своего рода «примирительным». Александр, Света и 8-летний сын Дима гостили у друзей. Домой отправились в субботу под вечер. Дедюшко был абсолютно трезв.

Трагедия случилась в 22.00, на 109-м километре трассы Москва—Уфа, на скорости 120 км/час. Автомобиль, управляемый Дедюшко внезапно вылетел на встречную полосу и угодил под колеса ехавшей дальнобойной фуре «Скания». Ударившись о тяжеловес, иномарка Дедюшко вылетела в кювет. Александр, Светлана и Дима погибли на

месте... После того как стражи порядка вытащили из салона тела погибших, машина воспламенилась и сгорела.

Почему произошла катастрофа? Версии бытуют разные. По одной информации, актер ехал на приличной скорости и попросту не справился с управлением при обгоне. К тому же на машине была «летняя» резина, что увеличивает риск заноса, тем более что был гололед. По другим данным, в этот момент ему стало плохо с сердцем, хотя здоровье у Дедюшко было отменное. По третьей версии, актер мог просто задремать.

Актер спешил на вокзал — там его ждали мать и сестра. Александр не хотел, чтобы его родные волновались на вокзале. Но произошло самое страшное: «В полном неведении его престарелая мама несколько часов прождала на вокзале, волновалась, но предположить самого худшего не могла, пока не поступил роковой звонок на ее телефон».

Сестра погибшего считает, что были знаки, предупреждающие о трагедии. Так, незадолго до роковой аварии Александр Дедюшко купил и подарил без повода два букета цветов: один — бывшей жене Людмиле Томилиной, другой — супруге Светлане. Женщины почему-то решили пересчитать цветы — у обоих оказалось четное число. «Он словно прощался с ними, — рассказала двоюродная сестра Лариса. — И лишь сейчас мы понимаем, что цветы были предупреждением, но тогда никто в это не хотел верить».

А в актерской среде говорят, что какой-то рок навис над теми, кто работал над фильмом «Сармат», — за рулем

своей машины погиб режиссер Игорь Талпа, не прошло и месяца, как погиб актер Руслан Нурбиев, во время съемок фильма — монтажер и звукорежиссер.

После трагедии сразу вспомнилось, что Александр осенью начал чего-то бояться, например, без всяких внешних причин отказался от главной роли в боевике, где его герой умирает, поручил трюк каскадеру, хотя до этого сам выполнял номера гораздо сложнее...

Александр Дедюшко всегда говорил, что никогда не расстанется со Светланой, они будут жить долго и счастливо и умрут в один день...

Ваганьковское кладбище

Это кладбище является одним из выдающихся московских памятников нашей истории и культуры.

Располагается оно в западной части столицы (ул. Сергея Макеева, 15). Это одно из самых больших кладбищ в черте города.

Своим появлением Ваганьковский некрополь обязан эпидемии чумы 1771 года. По Указу Сената было запрещено хоронить умерших больных на городских и церковных погостах, а велено было «отвести для них особые кладбища за городом... И построить на оных на первый случай хотя бы небольшие деревянные церкви».

В то время Москва была куда меньше по размеру, и новое кладбище образовали к западу от краснопресненской заставы близ села Ваганьково. Если до революции привилегированными московскими кладбищами являлись Новодевичье, некрополи Донского и Новодевичьего монастырей, то на Ваганьковском находили последнее прибежище главным образом бедное городское население, мелкие чиновники, представители интеллигенции (художники, писатели, артисты и ученые), а также обитатели ночлежек Москвы, часто умиравшие прямо на улицах. Пышных купеческих памятников, саркофагов и склепов на кладбище почти нет.

Примерно с середины XIX века начались захоронения людей, оставивших след в отечественной истории, науке, культуре, а в последней трети XX века Ваганьковское клад-

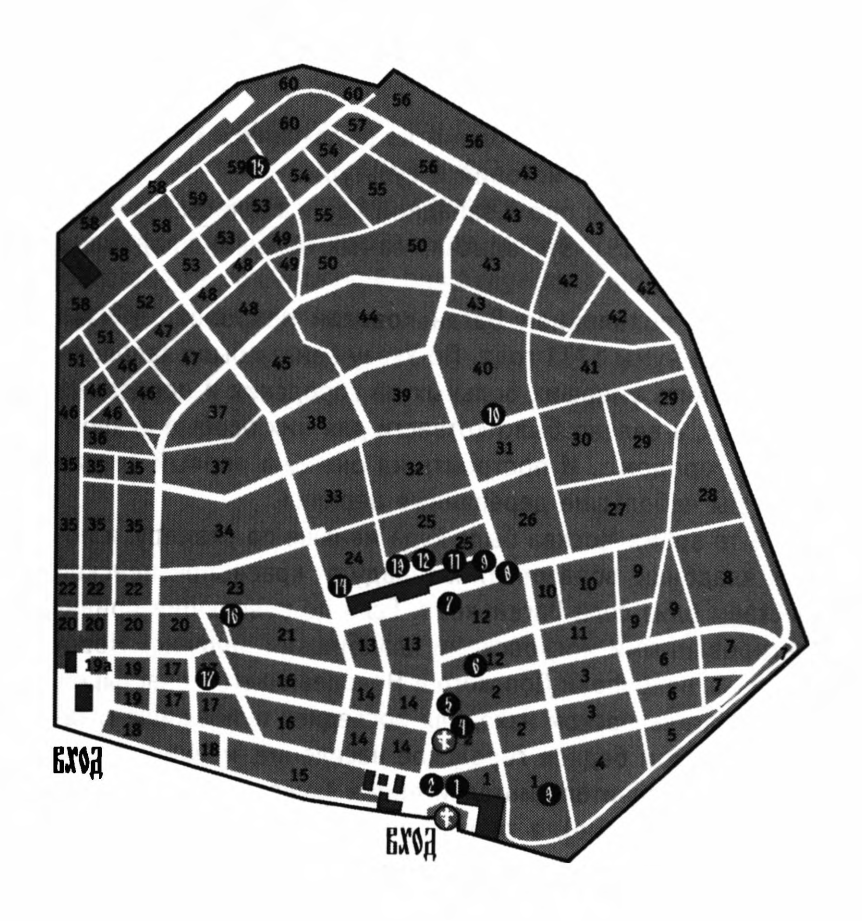

ВХОД
ВХОД

Схема Ваганьковского кладбища

1. Высоцкий В.С.
2. Листьев В.Н.
3. Сонька Золотая Ручка
4. Енгибаров Л.Г.
5. Абдулов А.Г.
6. Даль О.И.
7. Филатов Л.А.
8. Ворошилов В.Я.
9. Вицин Г.М.
10. Миронов А.А.
11. Танич М.И.
12. Тальков И.В.
13. Яшин Л.И.
14. Окуджава Б.Ш.
15. Бауман Н.Э.
16. Суриков В.И.
17. Есенин С.А.

бище стало третьим после Кремлевского и Новодевичьего некрополей.

В 1822—1824 годах на кладбище была возведена церковь Воскресения Словущего (архитектор А.Г. Григорьев).

За последнее десятилетие удалось установить, что на Ваганькове похоронено более 80 декабристов, народников, участников революции 1905 года и Октябрьской революции, более 50 Героев Советского Союза и два дважды Героя, около 30 Героев Социалистического Труда, более 360 ученых, свыше 160 литераторов! Да и немало покоится артистов, музыкантов и композиторов (свыше 350).

На Ваганьковском кладбище в братской могиле погребены жертвы Ходынской катастрофы — 1389 человек (по официальным данным), задавленные в толпе во время торжеств по случаю коронации Николая II. В другой братской могиле покоятся останки воинов — участников Великой Отечественной войны.

Ваганьковское кладбище уже давно закрыто для первоначальных захоронений москвичей, разрешаются только захоронения родственников (до 2000 в год) и — по решению городских властей — первичные захоронения лиц, имеющих особые заслуги перед народом.

Как добраться

Выходите из метро «Улица 1905 года» (на колонне табличка «К Ваганьковскому кладбищу») — и прямо.

Часы работы: ежедневно, зимой — с 9.00 до 18.00, летом — с 9.00 до 19.00.

Высоцкий Владимир Семенович (1938—1980)

Справа от входа.

Высоцкий — актер, поэт, певец, композитор...

Есть потери, смириться с которыми невозможно. В иных случаях проходят десятилетия, в других — даже века, но время эту тоску не лечит. Наступает день памяти, 25 июля, и снова и снова крутится проклятый вопрос: почему это случилось так рано?

С 1964 года и до конца жизни Высоцкий был актером Театра на Таганке, сыграл более 20 ролей. Снялся в 30 фильмах. Им написано более 600 стихов и песен.

Высоцкий как-то сказал: «Что приходит первое на ум — это желание работать... Как можно больше работать. И как можно чаще ощущать вдохновение. И чтобы что-то получалось...» А любимый его афоризм был: «Veni, vidi, vici», то есть «Пришел, увидел, победил».

Если бы он мог, он работал бы круглые сутки. Сон — 3—4 часа, остальное — работа. Песни свои он писал в основном ночью. Приходил домой после спектакля и садился за работу. Марина ставила перед ним чашку с чаем и тихо садилась в углу. Иногда она засыпала, и тогда, уже под утро, Высоцкий будил ее, чтобы прочесть строки, написанные за ночь.

Однажды с Высоцким приключился забавный случай. Во время отдыха в Сочи в гостиничный номер Высоцкого заглянули воры. Вместе с вещами и одеждой они прихватили и все документы, и даже ключ от московской квартиры. Обнаружив пропажу, Высоцкий отправился в ближайшее

отделение милиции, написал заявление, и ему обещали помочь. Но помощи не понадобилось. Когда он вернулся в номер, там уже лежали похищенные вещи и записка: «Прости, Владимир Семенович, мы не знали, чьи это вещи. Джинсы, к сожалению, мы уже продали, но куртку и документы возвращаем в целости и сохранности».

Но была у постоянной, почти без отдыха, работы и оборотная сторона — Высоцкий неимоверно уставал. А отдых необходим каждому человеку. Высоцкий нашел свой выход — в последние годы он часто «уходил в пике», то есть злоупотреблял алкоголем, а потом и наркотиками. Как считают друзья Высоцкого, эти срывы были для него какой-то формой разрядки. К сожалению, они же стали причиной его ранней гибели.

Вот несколько воспоминаний врача-реаниматолога НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского Леонида Сульповара, одного из тех, кто в июле 1980-го делал все, чтобы спасти великого барда:

«У него в последнее время был такой настрой — или вылечиться, или умереть. Дальше так он существовать уже не мог.

23 июля я дежурил. Ко мне приехали, сказали, что Володя совсем плохой. Мы поехали туда. Состояние Володи было ужасным. И мы договорились, что заберем Володю 25 июля. Он был в очень тяжелом состоянии, но впечатления, что он умирает, не было.

Ну, а двадцать пятого... Мне позвонили... И я вместо дежурства поехал туда. Народу было уже много. За мной ходил Туманов: «Нет, ты скажи, от чего умер Володя?» Позже по этому поводу точно заметил Смехов: «Он умер от

себя...» Потом я присутствовал при обсуждении, где хоронить. Отец настаивал: «Только на Новодевичьем!» Начали пробивать, пытались связаться с Галиной Брежневой, но она была где-то в Крыму. Второй вариант — через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова. С большим трудом удалось переубедить отца — тогда Новодевичье кладбище было закрытым, и хоронить там народного поэта и певца... Поехали на Ваганьковское. Директор кладбища чуть не заплакал, когда ему предложили деньги: «За кого вы нас принимаете? Высоцкого! Да любое место...»

25 июля Высоцкий стонал, хватался за сердце. Говорил матери:

— Мама, я сегодня умру...

Вызвали Анатолия Федотова, тоже часто помогавшего Владимиру «выходить из пике».

Врач приехал к Высоцкому — ему было очень плохо, Федотов остался дежурить у его постели, но уснул. Когда врач проснулся, было уже поздно. Где-то в половине пятого утра наступила остановка сердца на фоне инфаркта. Федотов вызвал реанимацию, хотя было ясно, что ничего сделать нельзя. Вызвал для успокоения совести.

Однажды Высоцкий выступал на Пятигорской студии телевидения. «Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?» — спросил его журналист Валерий Перевозчиков. Высоцкий ответил: «Я вам скажу... Может быть, я ошибусь... Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней и часов творчества? Вот такой я хотел бы задать себе вопрос. Вернее, знать на него ответ».

К сожалению, ответ на этот вопрос был бы неутешите-

лен. До смерти Высоцкого оставалось чуть более 9 месяцев, самый магический срок — срок зарождения новой жизни.

Из воспоминаний Марины Влади: «Мы приезжаем на кладбище, на песчаную площадку, где в последний раз можно тебя поцеловать. Мне все труднее справляться с нервами. От вида искаженных болью лиц мне снова хочется захохотать. Может быть, я слишком много плакала?.. Я последняя наклоняюсь над тобой, прикасаюсь ко лбу, к губам. Закрывают крышку».

...25 июля 1980 года. Высоцкого хоронила, казалось, вся Москва, хотя официального сообщения о смерти не было — в это время проходила Московская олимпиада. Только над окошком театральной кассы было вывешено скромное объявление: «Умер актер Владимир Высоцкий». Ни один человек не сдал обратно билет — каждый хранит его у себя как реликвию...

«Кому сказать спасибо, что — живой!» — написал Высоцкий в своем известном стихотворении. Высоцкий жив и сегодня благодаря его стихотворениям, драматургическим произведениям, киноролям, песням...

Листьев Владислав Николаевич (1956—1995)

Слева от могилы Высоцкого.

Одним из самых громких преступлений 90-х годов явилось убийство известного тележурналиста Владислава Листьева.

Листьев был первым генеральным директором телекомпании «Общественное российское телевидение» (пер-

вый канал), до этого вел самые популярные телепередачи: «Поле чудес», «Тема», открыл телепроекты: «Угадай мелодию», «Час пик». Он стал одним из самых популярных людей в стране. Став гендиректором ОРТ, начал разработку новой концепции Первого канала, хотел прекратить размещение на нем рекламных роликов. Очевидно, его инициативы устраивали не всех...

Влад Листьев был застрелен 1 марта 1995 года в подъезде своего дома на Новокузнецкой улице в Москве. Ему было только 38.

Влад поставил свою машину «Мазду» в угол двора, где у него было свое место, и вошел в подъезд... Их квартира находилась на третьем этаже пятиэтажки. Листьев успел сделать несколько шагов вверх по лестнице. Навстречу быстро спускался человек. Первый выстрел попал Владу в предплечье, второй оказался более метким — пуля угодила в голову. Журналист упал уже мертвым на площадке между первым и вторым этажами. На часах было 21.05. Потом появилась версия, что стреляли в спину.

«Семейная» версия очень интересовала сыщиков. Но вскоре эта версия была отвергнута следствием. Сразу выдвинулась другая: Влада «убили за рекламу». То есть за многомиллионные прибыли, которые позволял получать группе людей существовавший в «Останкино» порядок. Следователи говорили, что разрабатываются разные версии — ведь неизвестно, кого убили: журналиста, политика, бизнесмена...

Касаясь расследования этого дела, генпрокурор России Владимир Устинов в 2005 году заявил: «К сожалению, не все преступления раскрываются. Они должны раскры-

ваться по горячим следам». Этими словами он будто подвел черту под делом Листьева: никого не найдут, никого не арестуют. Стоит заметить, что объем материалов следствия составляет более 200 томов!

Немного о жизни Влада.

В мае 1956 года в Москве, в семье Зои и Николая Листьевых, родился мальчик. Роды были тяжелыми, не обошлось без хирургического вмешательства — мальчика тащили щипцами, отчего на его висках еще долгое время сохранялись метины. Сына назвали Владиславом.

Разлад в семье начался с того, что Зоя Листьева потихоньку пристрастилась к алкоголю. Стала приходить домой нетрезвой, по выходным устраивала веселые «вечеринки». Николай Иванович терпел из-за сына, но однажды случилось непоправимое. Когда Владислава не было дома, отец достал из шкафа припрятанные деньги и отдал их жене:

— Это на мои похороны.

— Опять твои дурацкие шутки, — огрызнулась Зоя.

Но Николай не шутил. Через полчаса после этого разговора он покончил с собой.

Влад уже учился в легкоатлетической школе-интернате и, в отличие от своих одноклассников, домой по выходным не спешил. Он все чаще задумывался о своем будущем: было понятно, что с матерью жить не сможет.

Тогда же он встретил свою первую любовь — Лену Есину, в школе они занимались у одного тренера. В 1977 году молодые люди поженились. Однако это была странная свадьба — на ней не было никого из друзей и знакомых жениха и невесты. Причиной тому был нелегкий характер Лены. Тетка Влада вспоминала, как за празднич-

ным столом мама невесты, Лидия Есина, якобы сказала ей: «У моей дочери невыносимый характер. Если Влад вытерпит, я для него все сделаю».

После окончания интерната Влад решил не посвящать себя спорту и готовился к поступлению на журналистский факультет МГУ: изучал языки, читал литературу, публиковался в многотиражке. Через год он уже был студентом университета.

Это время было для него сущим адом — характер жены проявился. Но Влад, как в свое время его отец, решил не обращать внимания на капризы жены — ведь он ждал появления первенца.

Роды у Лены были тяжелыми, мальчик родился слабым. «Ничего, выходим», — успокаивали медсестры. Но через несколько часов малыша не стало.

Лена очень тяжело переживала потерю ребенка, с ней случались нервные срывы. Родственники вспоминают, что они стали часто ссориться. Листьев даже пытался покончить с собой.

Влад ушел от Лены, когда она снова ждала ребенка. Родственникам он признавался в своих подозрениях, что жена беременна не от него. Однако Валерия (так Лена назвала дочь) каждый год 1 марта кладет на его могилу цветы...

На Московской олимпиаде 1980 года Влад познакомился со студенткой МГУ Татьяной и вскоре сделал ей предложение, а уже в 1982 году в семье Влада и Тани родился мальчик, которого в честь отца назвали Владиком. Родители находились на седьмом небе от счастья. Но словно злой рок висел над Листьевым. В три месяца малыш за-

болел гриппом. Болезнь дала осложнения, мальчик потерял зрение и слух. Влад показывал сына лучшим врачам, даже откладывал деньги на лечение за границей. Но приговор врачей всегда был одним — шансы на выздоровление практически равны нулю.

Мальчик прожил всего шесть лет и умер тихо, во сне.

Это был удар, который разрушил семью Влада и Татьяны. Хотя они и прожили еще несколько лет вместе, понимания между ними больше не было. После смерти сына Листьев был близок к помешательству. И хотя в семье уже рос второй ребенок, Саша, ничто не могло отвлечь Влада от мыслей о старшем сыне.

Листьев даже предпринял вторую попытку самоубийства — в загородном доме он вскрыл себе вены. Но перед покушением на самоубийство Влад позвонил своей крестной попрощаться. И если бы «Скорая», вызванная Надеждой Ивановной, опоздала хотя бы на десять минут, Листьева бы не спасли.

Владислав на несколько лет ушел в запой...

В 1987 году Влад Листьев стал одним из ведущих новой телепередачи «Взгляд». Это была настоящая удача — молодой талантливый журналист наконец нашел себя в профессии. Но увлечение Влада алкоголем продолжалось, и на новом месте работы у Листьева начались проблемы.

Неизвестно, что было бы с Листьевым дальше, если бы он не встретил в своей жизни Альбину Назимову. Альбина убедила Листьева бросить пить, Влад закодировался. Альбина бросила работу и с головой погрузилась в дела мужа: ежедневно присутствовала на съемках телепрограмм,

до поздней ночи вместе с Владом монтировала передачи, ни на секунду не оставляя его без присмотра.

Благодаря ей он и стал генеральным продюсером телекомпании «ВИД».

Влад Листьев запомнился всем красивым, умным человеком с обаятельной улыбкой, мягким голосом и тонким юмором. Влад Листьев был не просто журналистом, он был профессионалом от Бога. Он делал настоящее честное телевидение.

Сонька Золотая Ручка (1855–1921)

Огибаете могилу Листьева, доходите до угла 1-го участка, идете прямо по дороге до 4-го участка (там указатель «К могиле Юрия Гуляева»), поворачиваете и идете метров пятнадцать. Около красной гранитной плиты снова поворачиваете направо и уже видите памятник.

Осенью, зимой, весной и летом на Ваганьковском кладбище недвижимо стоят эти элегантные и могучие пальмы. А под пальмами — статуя девушки без головы. Это, говорят, лихие уральские парни постарались: ночью, напившись, полезли целоваться с изваянием и случайно оторвали у девушки голову.

Памятник, как считается, волшебный, помогает от всяких напастей, в основном безденежного характера. О чудодейственности его судить трудно, но то, что людская тропа сюда не зарастает, — это факт. С памятника можно читать, как с листа. Он весь испещрен просьбами и пожеланиями, а то и мольбами. А лежит здесь удивительная жен-

щина, гроза толстосумов и огромный криминальный талант Сонька Золотая Ручка.

К сожалению, документов, свидетельствующих о жизненных перипетиях Софьи Блювштейн, больше известной как Сонька Золотая Ручка, сохранилось мало. О ней много говорят, да вот что из этого правда — неизвестно.

Вот одна из версий ее жизни.

Сонька родилась в 1846 году в среде торговцев, скупавших краденое, — барышников, ростовщиков и контрабандистов.

В 1864 году, когда ей исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за торговца-бакалейщика И. Розенбанда. В Варшаве до наших дней сохранился акт о ее бракосочетании. Через полтора года молодая женщина сбежала от мужа с дочерью и пятьюстами рублями.

С 1868-го по 1874 год Софья еще несколько раз выходила замуж. Одним из ее мужей был известный карточный шулер и вагонный вор Михель Блювштейн, чью фамилию она будет носить до конца своих дней. На уголовном поприще Софья заявила о себе достаточно рано. Известны мелкие кражи, когда ей было 13—14 лет.

В сохранившихся документах полиции Софья Блювштейн описана следующим образом. «Рост 153 см, худощавая, лицо рябоватое, волосы русые, карие подвижные глаза, нос умеренный с широкими ноздрями, губы тонкие, подбородок овальный, бородавка на правой щеке». Любопытно, но в других описаниях она предстает то брюнеткой, то огненно-рыжей женщиной.

Софья Блювштейн не получила образования, но жизнь, полная приключений и опасностей, превратила эту особу

в одну из самых образованных женщин своей эпохи. Она свободно говорила на немецком и французском языках. Аристократы России и европейских стран принимали ее за светскую даму. По этой причине она без особого труда путешествовала по Европе и представлялась то баронессой, то графиней, то виконтессой... Ее принадлежность к аристократии сомнений ни у кого не вызывала.

Известно о случаях, где Сонька проявила благородство по отношению к бедным людям, которые пострадали от ее деяний. Однажды она узнала из газет, что одна из обворованных ею женщин — бедная вдова простого служащего. После смерти мужа вдова получила единовременное пособие в пять тысяч рублей. Золотая Ручка, как только узнала в газетной заметке свою «клиентку», тут же поспешила на почту. Сонька переправила бедной вдове сумму, превышающую сумму украденных денег, и сопроводила денежный перевод письмом: «Милостивая государыня! Я прочла в газете о постигшей вас беде. Я сожалею, что моя страсть к деньгам послужила причиной несчастья. Возвращаю вам ваши деньги и советую впредь поглубже их прятать. Еще раз прошу у вас прощения. Шлю поклон вашим бедным малюткам».

«Работая» в гостинице, Сонька присмотрела один из номеров. Открыв дверь, она вошла в комнату, слабо освещенную свечкой, стоявшей на столе. Сонька осмотрелась. На кровати она увидела спящего в одежде поверх покрывала молодого человека. Золотая Ручка подошла к столу, где обычно хранятся портмоне, часы и другие приятные принадлежности клиентов гостиницы. Но на столе, рядом со свечой, лежали лишь какие-то бумаги и револьвер.

Сонька взяла письма в руки. Они были адресованы полицмейстеру, городскому прокурору, хозяину гостиницы и матери. Из писем она узнала о том, что молодой человек решил покончить с собой. Оказалось, что этот юноша потратил казенные 300 рублей на лечение тяжелобольной сестры. Он просил спокойно принять весть о его самоубийстве как единственное средство от бесчестья. Сонька положила рядом с письмами 500 рублей одной купюрой и вышла.

В ноябре 1885 года Золотая Ручка все же была уличена в нескольких кражах ювелирных изделий на большую сумму. Охраняли ее самые подготовленные надзиратели. Дело Блювштейн вызвало большой ажиотаж в России. Зал, где проходило заседание суда, не смог вместить всех желающих. Приговор был строг — каторга. Отправка на Сахалин.

В день отхода парохода вся набережная Карантинного мола была усеяна народом. Одесса пришла прощаться с Сонькой Золотой Ручкой. Высокое начальство захотело поближе рассмотреть знаменитую воровку. После недлительного разговора градоначальник пожелал Соньке успешного пути и пожалел сахалинское начальство. Растроганная таким вниманием Сонька решила сделать прощальный подарок губернатору. Она протянула губернатору руку с золотыми часами с накладным гербовым орлом на крышке.

— Спасибо, — вяло поблагодарил Соньку губернатор, глядя на болтающуюся пустую цепочку на своем пиджаке, и тут же под веселый смех матросов поспешил сойти на берег.

На Сахалине криминальный талант Соньки не давал ей жить без «дела». Она сплотила вокруг себя отъявленных

головорезов и стала планировать преступные операции против состоятельных поселенцев.

В мае 1891 года Сонька Золотая Ручка совершает побег. Этот побег стал в своем роде легендарным. Пропажу Золотой Ручки заметили сразу. В погоню бросили два отряда солдат. Один отряд гнал беглянку по лесу, другой поджидал ее на опушке. Погоня продолжалась несколько суток. Из леса на опушку выбежала фигура в солдатском платье. Издерганный ожиданием командир отряда скомандовал «Пли». Раздался залп тридцати ружей. Стрельба велась на поражение. Но фигура за мгновение до выстрелов упала на землю. Тридцать пуль просвистало над головой.

— Не стреляйте! Сдаюсь! — раздался отчаянный женский голос.

Это была переодетая в солдата Сонька Золотая Ручка.

Официально она стала числиться содержательницей квасной. Варила великолепный квас, построила карусель, набрала среди поселенцев оркестр из четырех человек, отыскала среди бродяг фокусника, устраивала представления, танцы, гулянья, во всем копируя одесские кафешантаны. Неофициально торговала водкой, скупала и перепродавала краденые вещи, организовала игорный дом. Полицейские чины сетовали, что проводят у нее обыски три раза в неделю — днем и ночью, но как и где ей удавалось хранить водку, никто не знал. Проверяли даже пол и стены — безрезультатно.

На Сахалине про нее ходила масса легенд. Долгое время держалось мнение, что это вовсе не Сонька, что это «сменщица», подставное лицо, которое отбывает наказание, в то время как настоящая Золотая Ручка продолжает

свою неуловимую деятельность в богатой Европе. Известен тот факт, что даже высокое сахалинское начальство не могло до конца поверить, что наказание на каторге отбывает Софья Блювштейн.

О последних днях Золотой Ручки на Сахалине ходит множество легенд. Но многие историки сходятся во мнении, что, уже больная, Сонька решилась на новый побег. Говорят о том, что это был жест отчаяния, последний рывок к свободе. Сонька прошла всего около двух верст. Силы ее оставили, и она упала без сознания. Ее нашли конвойные при обходе. Спустя несколько дней, не приходя в сознание, она умерла в тюремном лазарете.

Легенда гласит, что умерла Сонька Золотая Ручка в преклонном возрасте.

Похоронена Сонька (что тоже у многих вызывает сомнение) на Ваганьковском кладбище, вот на этом самом месте. Надгробный памятник на деньги одесских, неаполитанских и лондонских мошенников был заказан у миланских зодчих и доставлен в Россию.

Енгибаров Леонид Георгиевич (1935—1972)

Возвращаетесь обратно к церкви, обходите ее. У входа в церковь поворачиваете налево (если стоять лицом к церкви), выходите на дорожку между участками.

Прежде чем посвятить свою жизнь цирку, Енгибаров перепробовал несколько других профессий. Окончив среднюю школу, он поступил в Институт рыбного хозяйства, а через полгода перевелся в Институт физкультуры. Про-

фессионально занимался боксом и к середине 50-х годов сумел достичь на этом поприще хороших результатов. На первенстве Москвы по боксу в сезоне 1952—1953 годов Енгибаров одержал 9 побед и потерпел одно поражение.

В 1955 году в Государственном училище циркового искусства открывается отделение клоунады, и Леонид принимает решение поступить на него. Его принимают. По мнению тех, кто видел Енгибарова в те годы, уже в училище четко определилась его творческая индивидуальность как мастера пантомимы. В нем сразу разглядели будущего мастера.

А потом на Европейском конкурсе клоунов в Праге Енгибаров получил первую премию (кубок Басса).

Енгибаров создал эстрадный театр пантомимы и вскоре выпустил в свет спектакль «Звездный дождь». Главным его атрибутом был смешной зонтик. Енгибаров не расстался с ним и здесь, на Ваганьково.

Уже с первых своих шагов на арене Енгибаров стал вызывать у публики и коллег по профессии самые противоречивые отзывы. Публика, которая привыкла в цирке развлекаться, а не размышлять, была разочарована таким клоуном. И многие коллеги Леонида вскоре стали советовать ему сменить амплуа «думающего клоуна». Стоит отдать должное Енгибарову, он не отрекся от избранного пути и доказал свою правоту.

Вскоре популярность Енгибарова у зрителей стала огромной, он по праву стал считаться одним из лучших цирковых артистов Советского Союза.

В начале 1972 года с ним произошел случай, как нельзя лучше характеризующий отношение к нему простой

публики. Леонид приехал в Ереван и пошел в родной для него цирк. В тот момент там уже шло представление, и, чтобы не мешать, Енгибаров тихонечко прошел в директорскую ложу и сел в углу. Однако кто-то из актеров узнал о его присутствии, и вскоре уже весь коллектив был оповещен об этом. Поэтому каждый из выходящих на арену артистов считал своим долгом сделать приветствующий жест в сторону директорской ложи. Это не укрылось и от зрителей, они стали шептаться между собой и все чаще оглядываться в сторону ложи. В конце концов инспектору манежа не оставалось ничего иного, как прервать представление и объявить на весь манеж: «Дорогие друзья! Сегодня на нашем представлении присутствует клоун Леонид Енгибаров!» Не успело стихнуть эхо этих слов под сводами цирка, как весь зал в едином порыве поднялся со своих мест и разразился оглушительными аплодисментами.

Леонид писал свои миниатюры, репризы, а также сочинял новеллы...

Вот пара отрывков из книги Леонида Енгибарова «Последний раунд»:

«Здоровье у клоуна должно быть отменное, богатырское, жаботинское, так как в цирке вас подстерегает масса сюрпризов.

Вы будете дышать пылью, поднятой метлами униформистов.

На вашу голову будут падать с купола трапеции, блоки, гайки и другие предметы с плохо закрепленных воздушных аппаратов. За кулисами вас будут кусать собаки и медведи, готовящиеся к своему выходу, а поэтому очень чувствительные и нервные.

В цирковом буфете вас будут так кормить... лучше заранее наметить часы для посещения терапевта.

Звездный дождь...

Я подарю тебе звездный дождь. В жизни каждого человека бывают звездные дожди, чистые и удивительные: если не дни, то хоть редкие часы, полные звездного света, или хотя бы минуты, пусть даже мгновения, бывают, обязательно бывают, стоит только вспомнить...

Помнишь, когда ты совершила самый гордый поступок...

День и час, когда ты увидела человека, ставшего самым любимым...

Миг восторга от встречи с искусством...

Счастливые минуты смеха, развеявшие горе и боль...

И многие-многие, сверкнувшие прозрением мгновения нашей жизни люди называют звездными.

Я дарю тебе звездный дождь.

Взгляни, его капли я принес тебе в ладонях».

«Клоун с осенью в душе» — так называли Енгибарова благодарные зрители.

За месяц до смерти клоун говорил о своем самочувствии, что здоров, полон сил, на пенсию не собирается.

Марина Влади в своей книге о Владимире Высоцком рассказывает со слов мужа о смерти Леонида Енгибарова. Будто бы упал он на улице, а мимо проходили люди, считая, что валяется пьяный. Никто не вызвал «Скорую помощь». На самом деле все было иначе.

Лето в год его смерти выдалось в Москве невероятно жаркое. Горели в области торфяники. Москва была задымленной. Дышалось всем тяжело.

За день до смерти Леонид Енгибаров позвонил Владимиру Шахиджаняну, попросил о встрече. В тот же день он

звонил Ролану Быкову, Олегу Стриженову и Юрию Белову. Он был возбужден, сверхироничен и чем-то очень раздражен. В разговоре переходил с крика на шепот и с шепота на крик. То рассказывал о планах, то говорил, что ничего не выйдет.

На следующий день он довольно рано пришел домой. Жаловался матери на недомогание, начал что-то читать, потом схватился за сердце и закричал: «Мама, у меня все горит в груди, помоги мне!»

Мать Леонида Енгибарова вызвала «Скорую помощь». Приехала молодая не то докторша, не то фельдшерица. Она поставила странный диагноз — отравление и тут же уехала. Артист мучился от боли и во время одного из приступов внезапно попросил у матери: «Дай холодного шампанского, мне станет легче!» Видимо, он и его мама не знали, что шампанское сужает сосуды. Ему стало еще хуже. И снова вызвали «Скорую»... Врач сделал укол, но было поздно, он умер на руках у врача. Ему было всего 37 лет.

Вскрытие показало: обширный инфаркт миокарда. В тот день печатали Большую советскую энциклопедию, девятый том. Том, в который впервые была включена заметка о Леониде Енгибарове.

Абдулов Александр Гаврилович (1953–2008)

От церкви немного идете по направлению к колумбарию — видите крест (возможно, уже памятник) Абдулову.

Александр родился в театральной семье. Отец — режиссер театра в Фергане, мать — гример. Мама Александ-

ра вспоминает: «У меня уже были два сына, и третьего мальчика я никак не хотела. Как узнала, что снова мальчишка, пошла на медкомиссию, решила делать аборт. Но врачи, чтобы уговорить меня рожать, сказали, что будет девочка». Однако у Абдуловых вновь родился мальчик.

Актерская карьера Александра Абдулова началась в пятилетнем возрасте, когда он вместе с отцом вышел на сцену Ферганского драматического театра в спектакле «Кремлевские куранты». Память об отце, по словам самого актера, — это самое прекрасное, что у него было в жизни. Отец воспитал в Александре отношение к театру как к Храму.

Несмотря на то что актерская стезя Абдулову была предопределена, в юности он о ней не помышлял — занимался музыкой и спортом. Музыкальными кумирами для него всегда служили «Beatles». Актер этого никогда не скрывал и в последнем своем авторском фильме «Бременские музыканты и С°» еще раз продемонстрировал свою любовь к великим музыкантам. Главной мыслью этого фильма и даже девизом Александр считал строки из знаменитой песни: «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету...» Актерское братство, взаимовыручка, самоотверженность для него — не пустые слова, а жизненное кредо.

За время работы в кино актер снялся более чем в 120 фильмах: «Обыкновенное чудо», «С любимыми не расставайтесь», «Карнавал», «Ищите женщину», «Чародеи», «Самая обаятельная и привлекательная», «За прекрасных дам», «Формула любви», «Десять негритят», «Гардемарины, вперед!»...

Сам Александр Абдулов не помнил, во скольких филь-

мах снялся. «Около ста», — обычно говорил актер, проживший на съемочных площадках больше тридцати лет.

Важной для самого актера была съемка в фильме «Мастер и Маргарита». Вот фрагмент из интервью:

— *Когда к вам в руки впервые попал роман?*

— Я прочитал его, когда он был опубликован в журнале «Москва». Роман произвел на меня впечатление разорвавшейся бомбы. Это моя любимая книга. Там столько мудрости, юмора, света. Я половину книги точно наизусть знаю. Иногда беру роман, открываю на любой странице и читаю.

— *И кто же стал вашим любимым персонажем?*

— Как раз Коровьев. Там все персонажи замечательные, но Коровьев — самая фантастическая придумка Булгакова, он — лакмусовая бумага для всех остальных героев.

— *Вы сами себя на роль предложили?*

— О, у меня было четыре подхода к этой роли. Сначала мне Юрий Кара предложил Коровьева, я отказался. Потом Элем Климов начинал снимать «Мастера и Маргариту» и тоже позвал играть Коровьева, но у него что-то с деньгами не получилось. Вот это как раз было очень обидно. Потом было предложение Бортко в 2000 году. Он меня утвердил, но проект закрылся. Через четыре года Бортко снова меня позвал. Я безумно благодарен ему за то, что он подарил мне встречу с любимой средой, с моим любимым миром.

— *А вы сами-то суеверный человек?*

— Очень!

Как выяснилось в процессе съемок, Абдулов боялся сниматься, даже в разгар съемок решил пойти на хитрость — потребовал повысить ему гонорар за каждый

день съемок вдвое в надежде, что Владимир Бортко откажется. Но режиссер пошел на уступки, и Абдулову пришлось сниматься дальше.

Но на этом актер не остановился. Говорят, что спустя какое-то время Абдулов сказал, что согласится работать дальше только после отслуженного батюшкой молебна — режиссеру пришлось приглашать на съемочную площадку священника.

А в 2007 году Абдулов снимается в фильме «Ниоткуда с любовью, или Веселые похороны» по повести Людмилы Улицкой. Он сыграл там роль смертельно больного художника... Его герой болен неизлечимой болезнью, он задыхается. После премьеры картины у Александра Абдулова обнаружили болезнь со схожими симптомами.

Александр Абдулов попал в больницу в августе 2007 года — у него неожиданно обострилась язва желудка. Актер был немедленно прооперирован. Его перевезли в Москву, а затем он отправился в Израиль на консультацию. Там ему был поставлен диагноз «рак легких».

Задолго до этого актер, будто предчувствуя страшную болезнь, так отвечал на вопросы журналиста:

Вопрос. *Есть ли у вас цель в жизни?*

Ответ. Да. Я хотел бы выжить.

Вопрос. *Верите ли вы в судьбу?*

Ответ. Да, конечно. Как говорится, судьбу на кривой не объедешь.

Вопрос. *Ваше отношение к смерти?*

Ответ. К смерти у меня отношение очень плохое...

Вопрос. *Какой смертью вы хотели бы умереть?*

Ответ. Мгновенной.

Дело в том, что на краю жизни Абдулов оказывался много раз, а друзья даже поговаривали, что у него сильный ангел-хранитель. Например, однажды во время съемок он едва не утонул в проруби, а в сериале «Дело о мертвых душах» чуть не повесился. (Эпизод удалось снять с первого же дубля, но сразу после команды «Стоп» Александр Гаврилович, обрадованный удачной работой, расслабился и забыл о висевшей на его шее петле. Потеряв равновесие, Абдулов качнулся на табуретке, и петля начала затягиваться. Актер успел схватиться за петлю раньше, чем она затянулась, а потом и члены съемочной группы поспешили на помощь. Впрочем, это происшествие не помешало Абдулову сделать еще несколько отличных дублей.)

При входе в театр Александра Абдулова хотели облить кислотой, но он успел увернуться; так же ловко он избежал и удара топора. А однажды он, словно предчувствуя, не сел в самолет, который, взлетев, разбился. Этот билет хранился у него дома в рамке.

Уже после смерти актера произошло еще одно мистическое совпадение. В последней картине «Лузер» Абдулов попросил: «Похороните меня на Ваганьковском».

По словам родных и коллег актера, Абдулов до последнего боролся с болезнью. В феврале 2008 года он планировал вернуться на сцену Ленкома — сыграть Кочкарева в спектакле «Женитьба».

...Но 3 января 2008 года Александр Гаврилович Абдулов ушел из жизни.

Пока Абдулов был в больнице, чего скрывать, все до последнего ждали чуда... Надеялись, что болезнь, как в сказке Шварца, можно будет остановить одним поцелуем.

Ждали, когда любимый герой в одночасье сбросит хворь, как медвежью шкуру, станет красивым и здоровым. Словом, очень узнаваемым и близким.

...Обыкновенного чуда в жизни актера не случилось.

Даль Олег Иванович (1941–1981)

За могилой Абдулова поворачиваете налево, идете, пока не увидите указатель «К О. Далю», следуете указателю. Памятник Далю — высокая серая плита.

Назову несколько фильмов, где сыграл Олег Даль: «Женя, Женечка и «Катюша», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Старая, старая сказка», «Король Лир», «Тень», «Земля Санникова», «Плохой хороший человек», «Вариант «Омега», «Не может быть», «Отпуск в сентябре», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», «Золотая мина», «Приключения принца Флоризеля» и др. Играл в театрах «Современник», Театре на Малой Бронной, Малом театре. Писал эссе, рассказы, стихи.

Олег Даль обычно сам продумывал задачу роли, ее рисунок, фантазировал, импровизировал. К репетициям, а особенно к спектаклям Даль готовился как хирург, от которого зависел исход сложнейшей операции. Его душевный, психофизический аппарат при создании образов был тонким, ювелирным инструментом. Обычное состояние почти всех героев Даля — неприкаянность. Они не могут найти себя в окружающем мире, а главное, найти себя в себе. Им свойственно созерцание и самоуглубление. Во

всех ролях Даль был доверчив и распахнут, обладал особым, трагическим восприятием мира.

Как верно скажет о нем Эдвард Радзинский, «Даль был болен одной из самых прекрасных и трагических болезней — манией совершенства». Он мог бы сыграть гораздо больше, чем сыграл. Он часто отказывался от ролей, не созвучных его мироощущению, да и вообще был очень требователен к творчеству.

По воспоминаниям, оставленным женой артиста Елизаветой Алексеевной, у них дома в туалете лежала огромная пачка сценариев, от которых Даль отказался.

Последние десять лет своей жизни Олег Иванович вел дневник. В нем — только боль и отчаяние. Наиболее часто повторяемые слова: «хамы, сволочи, мещане, бездари». Это те, с кем сталкивала его жизнь. Но самое главное в дневнике — это одна его личная заповедь: «Хранить СЕБЯ! Это ГЛАВНОЕ. Не приспособиться, не обезразличиться». Он не выжил в этом мире, да и выживать было трудно, с каждым годом труднее. Он лечил себя алкоголем — и одновременно разрушал себя. Потом зашился... потом...

Даль был очень чувствителен, он видел, куда катится искусство, и не хотел принимать в этом участия. Вот запись в его дневнике перед уходом из «Современника»: «Уход из театра решен окончательно и бесповоротно! Мозг утомлен безвыходностью собственных идей и мыслей. Нельзя и малое время существовать среди бесталанности, возведенной в беспардонную НАГЛОСТЬ».

Тяжело актеру далось то, что «Утиную охоту» на экранах он так и не увидел. Итак, постоянные срывы участились. Например, когда он был утвержден на главную роль

в картине Александра Митты «Экипаж», в самый последний момент внезапно от съемок отказался. Причем этот отказ был вполне мирно разрешен между актером и режиссером, который нашел на эту роль другого исполнителя — Леонида Филатова. Однако руководство «Мосфильма» посчитало поступок Олега нарушением трудовой дисциплины и издало негласное распоряжение: в течение трех лет не снимать актера в картинах киностудии. Тогда Даль не знал об этом приказе, но очень скоро ему пришлось столкнуться с его последствиями.

В 1980 году режиссер с «Мосфильма» Леонид Марягин приступил к работе над картиной «Незваный друг». Олега позвали на роль, только тогда он уже был уверен, что не допустят. И действительно, его тут же вызывают к Гуревичу, который сразу начинает с оскорблений: «Кто вы такой? Вы думаете, что вы артист? Да вас знать никто не знает. Вот Крючков приезжает в другой город, так движение останавливается. А вы рвач. Вам только деньги нужны». Именно в те дни в дневнике Даля появилась такая запись: «Какая же сволочь правит искусством. Нет, неверно, искусства остается все меньше, да и править им легче, потому что в нем, внутри, такая же лживая и жадная сволочь...» Чуть позднее появилась такая запись: «Ну что ж, мразь чиновничья, поглядим, что останется от вас, а что от меня!» Но режиссер все-таки добился, чтобы Олега утвердили на роль... На его последнюю роль...

Даль все чаще стал думать о смерти. В своем дневнике в октябре 1980-го он записал: «Стал думать часто о смерти. Удручает никчемность. Но хочется драться. Жестоко. Если уж уходить, то уходить в неистовой драке. Изо всех

оставшихся сил стараться сказать все, о чем думал и думаю. Главное — сделать!»

В день рождения В. Высоцкого — 25 января 1981 года — Даль проснулся утром на даче и сказал жене: «Мне снился Володя. Он меня зовет».

О скором приближении смерти Даль говорил не только своим близким, но и друзьям, коллегам по работе. Приведу лишь два примера этих «пророчеств». Первое относится к лету 1978 года.

Вспоминает И. Дмитриев: «Мы снимались в «Приключениях принца Флоризеля». Тема приближающейся смерти в разговорах Олега звучала постоянно. Как-то в Вильнюсе мимо нашего автобуса проехал траурный катафалк с возницей в цилиндре, с раскачивающимися красивыми фонарями. «Смотрите, как красиво хоронят в Литве, а меня повезут по Москве в закрытом автобусе. Как неинтересно».

А однажды он спросил Анатолия Ромашина:

— Толя, ты живешь там же?

Ромашин жил тогда у Ваганьковского кладбища.

— Да, — ответил Ромашин.

— Я скоро там буду, — сказал Даль...»

За год до смерти Олег Даль пошел к астрологу и задал ему два вопроса. Астрологом был молодой и неизвестный тогда Павел Глоба.

— Первый вопрос был о смерти, — говорит Глоба. — Но ответа Даль не хотел. Он сказал: «Если вы там что-то увидите, то лучше мне не говорите».

Второй вопрос был: «А могут ли у меня еще быть дети?» Даль безумно любил детей, мечтал о них.

Вскоре из Киева поступает предложение — Даль едет

на пробы. А «зашитым» ни в коем случае нельзя пить — это равноценно самоубийству.

Актер Леонид Марков вспоминал, что, когда они ужинали в гостинице, Даль ушел в номер со словами «Пойду к себе умирать». Леонид подумал, что это очередная шутка. Наутро его не стало. Олег поднялся к себе в номер, открыл бутылку водки и влил в себя смертельную дозу алкоголя. Тогда многие вспомнили, как на похоронах Высоцкого Даль напугал близстоящих людей, произнеся: «А теперь моя очередь».

На Новодевичьем кладбище принять актера отказались. Похоронили Олега, как он и предчувствовал, а может, и хотел, на Ваганьковском...

Филатов Леонид Алексеевич (1946—2003)

Выходите на центральную аллею, доходите до колумбария. Поворачиваете направо.

Еще будучи учеником 10-го класса средней школы, Леня Филатов сообщил всем знакомым, что поступает на режиссерский факультет ВГИКа. Сомнений в том, что он поступит, у юного Филатова не было — после выпускного бала он приехал в Москву. «Все это было от провинциальной наглости, а не от уверенности в собственных силах, — вспоминал он потом. — Я понял, как огромна Москва и как в ней много таких «гавриков», как я. Выяснилось, что во ВГИКе меня никто не ждет».

Потерпев неудачу в попытке стать режиссером, он по совету своего одноклассника начал сдавать экзамены на

актерский факультет Щукинского училища и был туда принят.

Окончив училище в 1969 году, 22-летний выпускник был приглашен в любимовскую «Таганку», многие его отговаривали: «Тебе тишина нужна, а там все грохочет, гремит, все орут». Но он ни о чем не пожалел и никогда не раскаивался в своем выборе.

О своих первых шагах по «таганковской» сцене сам Филатов вспоминал с большой теплотой и неподдельной самоиронией: «Я мечтал стать мировой знаменитостью, осчастливить собой все человечество и навсегда остаться в памяти благодарных современников. Этого не получилось. И все-таки я счастлив... «Таганка» была для меня самым счастливым местом во всей нашей несчастной стране. Здесь я видел и знал людей, даже о мимолетном знакомстве с которыми можно было только мечтать. Юрий Любимов, Владимир Высоцкий, Юрий Трифонов, Белла Ахмадулина, Федор Абрамов, Сергей Параджанов, Альфред Шнитке, Булат Окуджава... «Таганка» — это университет. Здесь вблизи видел замечательные образцы человеческой отваги, хотя не менее близко сталкивался и с человеческой трусостью. Именно в этом доме я научился жалеть и прощать... Другое дело, что в пору юности я наивно думал, что и весь окружающий меня мир так же нормален и прекрасен, как «Таганка».

Еще в 1970 году Филатов начал сниматься в кино, а к 1973 году сознательно или интуитивно обрел вторую актерскую профессию. Не растраченное на сцене должно было быть востребовано на экране. За годы работы в кинематографе он сыграл главные роли в фильмах: «Избран-

ные», «Грачи», «Забытая мелодия для флейты», «Экипаж», «Город Зеро», «Чичерин», «Успех» и многих других...

В начале 1990-х годов вся энергия и заботы Филатова посвящаются новому увлечению — режиссуре. В 1991 году снял по своему сценарию и сыграл одну из ролей в фильме «Сукины дети».

К исходу 1989 года Л. Филатов уже приобрел всесоюзную славу актерского лидера последнего пятилетия, устойчивый авторитет среди кинодеятелей, почетное звание, должность секретаря Союза кинематографистов, международные премии, фестивальные призы... И наряду с этим — издерганность, подорванное здоровье, неспособность бросить курить в день по нескольку пачек сигарет, разочарованность и обиды.

Серьезные проблемы со здоровьем заставили его в середине 1990-х годов отойти от активной актерской и режиссерской работы. Но многогранность яркого таланта проявилась на другой стезе — литературной. Его всегда, еще в юности, отличала редкостная начитанность. Филатов стал писать стихи, песни, пьесы, пародии.

Фрагмент интервью Валерия Перевозчикова 1991 года:

Вопрос. *Что такое счастье, с точки зрения Филатова?*

Ответ. О, тут я затруднюсь... Вот жена говорит: «Я — твое счастье». Это, в общем, так и есть. Но если пытаться сформулировать... Для меня главное несчастье — когда я не в ладу с самим собой. А это бывает часто. Поэтому те редкие минуты, когда я ощущаю себя адекватным своим представлениям о себе — как бы я хотел поступать и как бы я хотел жить, — вот моменты гармонии и счастья.

Вопрос. *Естественно, вы, как любой человек, думаете о смерти...*

Ответ. Я боюсь смерти. К сожалению, не могу похвастаться, что я вот так легко и лихо готов уйти. Дело еще в том, что я в своем постижении Бога нахожусь пока на уровне философского допуска, а не той веры, которая уже держит тебя на плаву и окончательно убивает в тебе страх перед смертью. Мое же отношение к этому — весьма литературное, я еще не дозрел, поэтому страх смерти во мне присутствует в очень сильной степени. Но все равно он меньше, чем страх за своих близких. Это совершенно точно.

Я иногда думаю — хорошо бы знать день и час ухода, чтобы успеть что-то доделать, потому что я живу достаточно беспечно. Иногда работаю, работаю, работаю, а иногда долго-долго бездельничаю, провожу время в каких-то мечтах, полугрезах... Во всяком случае, как человеку, много думающему о смерти, мне бы хотелось, чтобы она была внезапной и легкой по возможности. Ну и изящной со стороны, как говорил Чехов. Так, чтобы никому не было противно и ни у кого не было бы со мной лишних хлопот.

Вопрос. *Какой вопрос вы хотели бы сами себе задать?*

Ответ. Высоцкого об этом спрашивали. Он ответил: «Сколько мне лет, месяцев и дней осталось на работу». Но это вопрос не к нему, это вопрос к Господу Богу.

С этого интервью ему оставалось еще более 10 лет, которые он, страшно болея, сделал подвигом.

В наше неблагодарное время память о людях стремительно улетучивается. Те, кого еще вчера страна носила на руках, старятся и умирают в безвестности, одиночестве и

зачастую в забвении. Многие из любимцев публики прошлых лет уже умерли 10 и более лет назад, а зритель зачастую об этом даже не подозревает. Поэтому с 1994 года Леонид Филатов стал вести передачу «Чтобы помнили», посвященную известным и любимым артистам, которых уже нет в живых, которых стали забывать.

А в 1997 году Леонид Филатов перенес операцию по трансплантации почек, в ходе которой возникли осложнения, вызвавшие резкое снижение иммунитета. До этого Филатов перенес микроинсульт. В связи с этим даже легкая инфекция способна была привести к тяжелейшим последствиям для его здоровья.

«В августе 2003 года съемочная группа программы «Чтобы помнили» приехала к нему, — вспоминает редактор. — Леонид был таким худеньким, как былиночка. Он возьми да скажи: «Девки, а вы знаете, я скоро умру. Вы меня придите проводить». Мы все замахали руками. «Да ты что такое говоришь? Смотри, какой ты у нас красавец!» — подбадривали мы его. На что он ответил: «Не умничай!» Это было его любимое выражение. Это было предчувствие, которое здорово напугало близких и коллег.

В октябре 2003 года Филатов простудился на одном из концертов, где выступал со своими друзьями и коллегами Владимиром Качаном и Михаилом Задорновым. У Филатова поднялась температура, состояние здоровья ухудшилось, и он был госпитализирован. Врачи поставили Леониду Филатову диагноз «двустороннее воспаление легких».

На протяжении последних 10 дней врачи боролись за его жизнь, но в воскресенье 26 октября 2003 года Леонид Филатов скончался. Ему было 57 лет. Как сообщали рос-

сийские информационные агентства, даже в самые тяжелые дни, когда состояние Леонида Филатова врачи уже называли критическим, он продолжал сочинять стихи.

Ворошилов Владимир Яковлевич (1930—2001)

От могилы Филатова идете влево, затем, когда дорога разветвляется, еще раз поворачиваете налево.

Владимир Ворошилов родился в 1930 году в Симферополе. Его родители не имели никакого отношения к миру искусства. Зато весь Симферополь знал, что его дед великолепно шьет. У его матери было свое домашнее ателье. Еще в 1944 году семья из эвакуации переехала в Москву и поселилась на Кутузовском проспекте. И Володя стал ходить в художественную школу для одаренных детей...

В общей сложности он учился живописи 16 лет! В 1954 году после Академии художеств его по распределению отправили на год в Германию. Художником в театр группы советских войск. И молодому человеку захотелось глотнуть свободы: погулять по ресторанам, магазинам, пообщаться с немками. Чего, в общем-то, делать не следовало. К тому же у него случился конфликт с начальником. В общем, нарушителя спокойствия быстро призвали к порядку. Выгнали из театра и посадили писать лозунги типа «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!». Ворошилов вспоминал то время как самую черную полосу своей жизни. От этой работы он просто сходил с ума. И даже подумывал о самоубийстве. Но все плохое когда-то заканчивается.

Ворошилов вернулся в Москву. Работал в разных театрах: в Малом, во МХАТе, в Оперетте, в «Современнике», на Малой Бронной, в ТЮЗе, в Ленкоме... Стал модным художником-постановщиком.

Да, Пикассо из него не получился. Со временем Ворошилов выбросил кисточки и краски. Картины, которые он рисовал в молодости, не украшают теперь даже стены его дачи. И все-таки иногда жизнь заставляла Владимира Яковлевича вспоминать о своей первой профессии. Както в Париже его прихватила язва. С прибывшим врачом, не знавшим ни слова по-французски, Ворошилов долго не мог объясниться. Тогда он взял в руки карандаш, бумагу, и они начали обмениваться рисунками. Так пациент Ворошилов наконец-то понял, что ему можно есть, а что нельзя.

Стоило ему только появиться в каком-либо театре, как старожилы предрекали: «Ну, все, пришел Ворошилов — ждите взрыва!» Скандальный шлейф тянулся за ним всю жизнь. В 1968 году он оказался на телевидении. Случайно. Решил подработать.

Его первый же крупный проект под названием «Аукцион» встретили на «ура». Ворошилов придумал, по сути дела, первую рекламную телепередачу в прямом эфире. Участники этой игры отвечали на вопросы, связанные с какими-либо товарами: чаем, телевизорами, пушниной... По системе аукциона. Победителю вручали приз. И все бы хорошо, но Ворошилову пришла идея «пустить с молотка» авторскую песню. Очень модную в ту пору, но запрещенную для широкой публики. И разразился скандал. Владимира Яковлевича отстранили от эфиров, «сослали» в подмосковный колхоз на картошку, а потом и вовсе уволили.

Причем с директивой: никогда этому лицу на экране больше не появляться. Ворошилову ничего не оставалось делать, как писать сценарии передач под псевдонимами.

Постепенно он стал работать за кадром. А телевизионный босс Лапин делал вид, что и не подозревает об этом. Поэтому знаменитый ворошиловский ход в «Что? Где? Когда?» являлся поначалу мерой вынужденной. Зачем было раздражать начальство своим присутствием на экране? Таинственный ведущий долгие годы интриговал всю страну. Он создавал свой имидж только при помощи голоса. Его никто не знал в лицо. Но зато какие спектакли он устраивал! К тому же это было его ноу-хау — на телевидении подобным приемом больше не пользовался никто.

Но в конце концов инкогнито не выдержал и рассекретил свою персону.

Владимир Яковлевич жил с мамой, которая оставалась для него самым большим авторитетом. Самые глобальные решения в своей жизни он принимал под ее влиянием. После эфира «Что? Где? Когда?» Ворошилов жаловался коллегам: «Ну вот, друзья, проиграл. Вера Борисовна меня сегодня выгонит из дома».

Ворошилов очень ценил одиночество. Вот его слова на свое 70-летие: «В молодости на свой день рождения я дарил себе себя. В полном одиночестве ходил в рестораны, в кино и был счастлив. Потом наступила текучка, работы по горло, и лучшего подарка я лишился. Но ничего, вот закончу юбилейные игры, уйду с ТВ на пенсию и опять пойду один в ресторан. Обязательно!..»

А вот высказывание Ворошилова в одном из последних интервью: «...Как это ни прискорбно, но программа «Что?

Где? Когда?» уже изжила себя. По крайней мере в ее классическом понимании. Первой и главной ошибкой стало то, что мы стали играть на деньги. Теперь я понимаю, что «интеллектуальное казино» было только началом. Проект погубили деньги... Деньги все портят».

«Что? Где? Когда?» менялась, переходила с канала на канал, ходили слухи о бурных творческих расхождениях, о том, что ИГРА умрет после введения в интеллектуальном казино денежных ставок. Но ИГРА жила.

В 1998 году Ворошилов говорил: «Астрологи предсказали, что этой передаче отпущен срок в 25 лет. Эти 25 лет закончатся в 2001 году». И сказал он это не случайно, Владимир Ворошилов был суеверным человеком. Вот отрывок из интервью:

— *Вы суеверный человек? В приметы верите?*

— Свято! Те приметы, которые я знаю, соблюдаю просто железно. Как-то ночью возвращался с репетиции, шел по одному из темных арбатских переулков. Справа — забор, слева — пустынная улица. И вдруг выбежала черная кошка из-за забора, аккуратно меня обогнула и обратно убежала. Два часа проторчал, пока случайный прохожий не прошел эту «черную» зону. А из нетривиальных — число 22, например, для меня роковое, неудачное. Это у нас по отцовской линии, фамильное.

— *А как же тогда «чертова дюжина»?*

— Тринадцать — самое счастливое число. На полном серьезе.

А насчет «Что? Где? Когда?» предсказание сбылось. Срок вышел.

10 марта 2001 года Владимир Яковлевич Ворошилов

ушел из жизни. В самую последнюю «минуту на обсуждение» судьба ответила первой... и неправильно. Поспешила. Не рассчитала.

Вицин Георгий Михайлович (1918–2001)

За могилой Ворошилова — серая вертикальная плита.

Георгий Вицин родился в Петрограде 23 апреля 1917 года, между двумя революциями. Надо сказать, что с детства Вицин был очень застенчивым мальчиком. В классе, скрываясь от строгого взгляда преподавателя, он вечно прятался за чужие спины. Однако, преодолев закомплексованность, он принял твердое решение стать актером. Для начала Георгий выбрал школьный театр в качестве терапии от застенчивости. «Лечение» начал активно. В детском спектакле исполнял танец шамана так неистово и эмоционально, что получил от преподавателей совет всерьез заняться балетом. Но после школы Вицин решил «всерьез заняться» театром.

В 1936 году Георгий Вицин поступил в труппу театра-студии под управлением великого актера Николая Хмелева. Студию вскоре переименовали в Театр имени Ермоловой, а Вицин занял в труппе заметное положение. «На него» ходили. Покупая билеты, в кассах нередко спрашивали, кто сегодня играет, и, если не Вицин, могли развернуться и уйти. О нем с удовольствием писали театральные критики, и никто тогда представить себе не мог, что актер с такой блистательной сценической карьерой может навсегда покинуть театр ради кинематографа.

Снимался Георгий Вицин в самых разножанровых фильмах и прославился в роли Васи Веснушкина в фильме «Запасной игрок». Перед съемками «Запасного игрока» Вицин целый месяц ежедневно тренировался на стадионе, чтобы «согнать жиры». А на репетиции боксерского поединка он так разошелся, что всерьез атаковал Павла Кадочникова. Кадочников, занимавшийся боксом очень серьезно, среагировал автоматически. В результате Вицин очнулся с трещиной в ребре, но с площадки не ушел, а продолжил съемку, затянув грудную клетку полотенцем.

Зрителям приглянулся герой Вицина — застенчивый, но болеющий за дело, способный совершить благородный поступок.

В фильме «Она вас любит» (где развилась тема истинного, а не показного героизма) по сценарию предполагался сложный трюковой эпизод на водных лыжах. Сниматься должен был дублер, но режиссер решил взять Вицина «на слабо». Вместе со сценаристом они сфабриковали письмо от некой «поклонницы Клавы». Она сообщала, что будет лично наблюдать, как самый смелый актер носится на водных лыжах. В конце письма был прозрачный намек на возможность близкого личного знакомства. Вицин письмо прочел, сниматься согласился, весь эпизод отработал блестяще, но в конце сказал радостному режиссеру: «А вот имя девушке могли бы поинтереснее придумать».

Но тут начался второй период творчества Вицина — «эпоха Труса». Его хрупкая фигура возникла рядом с Моргуновым и Никулиным, создав нелепую сатирическую троицу, высмеивающую пороки общества. Каждый из этих образов был собирательным, обобщающим. Зрители вос-

принимали их как единое существо, что-то вроде комического Змея Горыныча о трех головах, и даже придумали общее имя — ВиНиМор (по первым буквам фамилий). Но какие же разные люди составляли это трио! Клоун от Бога, человек-праздник Юрий Никулин, спокойный, тихий, созерцательно замкнутый Вицин — артист с отличной театральной выучкой и большим киноопытом, и шумный, во все вмешивающийся, часто развязный в общении Евгений Моргунов.

Трус Вицина в комедиях — «Пес Барбос и необычный кросс», «Самогонщики», «Операция Ы», «Кавказская пленница», «Семь стариков и одна девушка» был поэтичным, влюбчивым, мнительным, этаким интеллигентом из коммуналки. Все его дальнейшие герои проходили под той же маской с привычными вздохами, походочкой, с дежурным набором аксессуаров (портфель, галстук, котелок, очки или просто близорукий взгляд).

Более ста фильмов с его участием мы смотрим и не перестаем смеяться над его непревзойденными героями.

Последнюю роль Георгий Вицин сыграл в картине «Хаги-Траггер».

Ему было под 40, когда он с одинаковой убедительностью играл 70-летнего старика в фильме «Максим Перепелица» и 17-летнего героя пьесы Розова «В добрый час!». Конечно, природа постаралась, но и сам актер приложил максимум усилий, чтобы не растерять ее подарков.

Кроме кино, Георгий Вицин много работал над озвучением мультфильмов. К своим кукольным и рисованным персонажам он подходил по системе Станиславского, считая эту часть творчества не менее ответственной и серьез-

ной. Его голосом говорят: домовенок Кузька, заяц («Мешок яблок»), Джузеппе («Приключения Буратино»), жук-музыкант («Дюймовочка») и многие другие.

Иногда выступал на сборных «юморинах» в бывшем Театре киноактера — шутил, что зарабатывает на корм бездомным собакам. Животных действительно любил безумно. Все окрестные обитатели (птицы, кошки, собаки) точно знали часы, когда ОН выходит «на кормление», и собирались перед подъездом. В семье держали двух попугаев и собаку. Одна птичка все время кричала: «Что ты все бегаешь? Пойди, поспи!», а про собаку Вицин на полном серьезе сообщал, что та умеет говорить «мама».

Удивительно, но Вицин, нередко игравший на экране пьяниц, в жизни был человеком абсолютно непьющим. Кроме того, он не курил. Всю жизнь Георгий Михайлович занимался йогой. В те времена в Советском Союзе никто толком и не знал, что это такое, а Вицин системно и регулярно занимался по этой древнеиндийской системе.

Многие режиссеры рвали на себе волосы, когда после команды «Мотор!» Вицин смотрел на часы и вежливо, но твердо заявлял: «Извините, мне надо семь минут постоять на одной ноге и посидеть в позе лотоса». Не обращая внимания на накаленную атмосферу, отходил в сторонку, отрабатывал свою норму и спокойно возвращался к работе.

К такой зацикленности на здоровом образе жизни партнеры относились по-разному. Одни равнодушно, другие скептически, а некоторые высказывались довольно резко. Например, Нонна Мордюкова заявила Вицину: «Разве ты мужик? Не пьешь, не куришь, к женщинам не пристаешь. Ты же труп!» По мнению врачей, чрезмерное увлече-

ние йогой в результате негативно отразилось на здоровье актера.

После обострения болезни сердца 83-летнего артиста положили в районную больницу. Больного поместили в обычную палату. Соседи так обрадовались знаменитому пациенту, что тут же стали требовать от него автографов, шуток и анекдотов. Боль Вицин испытывал дикую, свирепую, жгучую, а внешне ничего не показывал. Если в кино он играл Труса, то в жизни был смелым человеком...

22 октября 2001 года актера не стало. Памятник, который поставлен на его могиле на Ваганьковском кладбище, возведен на народные деньги.

Одно из последних интервью Георгий Вицин закончил так: «Не суетитесь, люди. Жизнь отнимает страшно много времени!»

Миронов Андрей Александрович (1941–1987)

От могилы Ворошилова идете по аллее в глубь кладбища, пока справа не увидите указатель: «К Миронову».

«Миронов ничего не умеет делать вполсилы и потому каждый раз тратится так, будто это первый и последний его выход на сцену».

Григорий Горин писал так: «В Риге на спектакле «Женитьба Фигаро» за несколько минут до веселого финала с куплетами Андрей вдруг пошатнулся и упал на руки подскочившего Ширвиндта... Поспешно дали занавес. Публика, не поняв случившегося, зааплодировала. Это были последние аплодисменты, которые, я надеюсь, он еще слы-

шал...» Последние его слова на сцене были: «Сегодня она оказывает предпочтение мне...» Два дня врачи боролись за жизнь Миронова, однако медицина оказалась бессильна.

Последний занавес. Последние аплодисменты. Тысячи людей на площади Маяковского. Огромная гора цветов на Ваганьковском кладбище...

Миронов родился на сцене и умер на сцене. Это не метафора — здесь буквальный смысл.

7 марта 1941 года Мария Владимировна Миронова, как обычно, играла спектакли в Московском театре миниатюр. Сатирический монолог исполнялся сидя. Врачи, разумеется, рекомендовали в последние месяцы беременности оставить сцену. Но когда истинные артисты слушали благоразумные советы врачей? Первый, дневной спектакль Миронова успела сыграть. Со второго, вечернего, ее прямо со сцены увезли в роддом. По странному стечению обстоятельств именно на этот спектакль пришла целая группа актеров: Хмелев, Тарасова, Ливанов... Актеры приветствовали рождение Актера...

Вообще-то Андрей и родился 7 марта, но его родители решили: «Запишем 8-го. Будет подарок для женщин». Он и действительно стал им — редко какая из представительниц слабого пола могла устоять перед огромным мироновским обаянием.

Андрей Миронов родился в актерской семье. Его отец Александр Менакер начинал свою артистическую карьеру с музыкальных фельетонов, затем стал совмещать исполнительство с режиссурой. Мать Мария Миронова окончила Театральный техникум имени Луначарского и выступала сначала в Театре современной миниатюры, затем —

во 2-м МХАТе и в Московском государственном мюзик-холле.

От других детей Андрея отличала его природная чистоплотность, которая, кстати, осталась чертой его характера на всю жизнь. Между прочим, именно из-за нее в одиннадцать лет не состоялся дебют Андрея в кино. Дело было так.

В 1952 году режиссер А. Птушко приехал в город Пестов снимать фильм-сказку «Садко». Для съемок в массовке он выбрал несколько отдыхавших там детей, в число которых попал и Андрюша Миронов. Мальчику предстояло сыграть нищего, для чего ему выдали в качестве одежды рваную дерюгу. Однако Андрей в силу своей природной чистоплотности не рискнул надеть ее на голое тело. Когда режиссер увидел просвечивающую из-под дерюги модную тенниску с застежкой на молнии, то поднял страшный крик. Мальчика тут же подхватили под локти и буквально вынесли с площадки. Дебют в кино был сорван...

В 1958 году Андрей окончил школу и подал документы в Театральное училище имени Щукина. Удивительно, но в приемной комиссии не знали, что он актерский сын. Первое прослушивание у легендарной Мансуровой было неудачным. Едва Миронов вошел в аудиторию, как из его носа хлынула кровь. И все-таки Андрей сдал экзамены на «отлично»!

Еще в училище Андрей Миронов начинает сниматься, и мы до сих пор пересматриваем и будем пересматривать эти фильмы...

Последней работой Андрея Миронова в кино стала роль мистера Феста в картине «Человек с бульвара Капу-

цинов». О том, как проходили его съемки, вспоминал композитор Геннадий Гладков: «Андрей тогда был грустным, уставшим, часто нервничал, был недоволен съемками. Боялся смотреть отснятый материал и просил меня: «Ты идешь смотреть материал? Давай договоримся: если тебе нравится, позвони, а если нет, то не надо звонить». Переживал и мучился из-за роли с заранее запрограммированным концом. Поэтому и сыграл свою роль в этом фильме серьезно и с большой душевной болью».

Фильм «Человек с бульвара Капуцинов» вышел на экраны страны в 1987 году и стал одним из лидеров проката. Такого стопроцентного успеха у фильма, где снимался Миронов, не случалось со времен «Бриллиантовой руки». Однако сам актер до пика этого успеха так и не дожил...

Первые серьезные признаки болезни у Миронова обнаружились в конце 70-х годов. Как-то во время гастролей одна гадалка сообщила ему: «Вы очень многого достигли, но это не предел. Вы сделаете еще очень много такого, что удивит всех. Но учтите, у вас очень плохое здоровье. Вы должны его беречь». К сожалению, Миронов не принял это всерьез. Осенью 1978 года во время гастролей в Ташкенте у него произошло первое кровоизлияние в мозг. В декабре Миронов вновь появился на сцене в роли Чацкого, и зрители буквально забросали его цветами. Живыми цветами в декабре месяце!

В начале 80-х годов у Миронова внезапно по всему телу пошли страшные фурункулы. Болезнь была настолько тяжелой, что актеру было трудно двигаться.

И вот он, последний спектакль, — финал «жизни на сцене»...

Он сыграет на сцене Присыпкина, Хлестакова, Чацкого, Фигаро, Дон Жуана, Лопахина...

А не сыграет три самые желаемые им роли: Сирано де Бержерака, Жоржа Дюруа из бальзаковского «Милого друга», Обломова...

Уйдя от нас молодым, он останется молодым навсегда.

Танич Михаил Исаевич (1923–2008)

От могилы Миронова возвращаетесь к колумбарию, поворачиваете направо, идете вдоль стены.

Михаил Танич — известный поэт-песенник, патриарх российской песенной поэзии, автор множества поэтических сборников.

Михаил Танич родился в Таганроге 15 сентября 1923 года. Отец обожал спорт, и маленький Миша уже в 5 лет получил заветный подарок — футбольный мяч, настоящее сокровище по тем временам, и гонял его по пустырям Таганрога. «Для меня футбол был всем, — говорил Михаил Танич, — и сладким гоголем-моголем, и сказками Арины Родионовны». Несмотря на то что родители были очень загружены на работе и не всегда могли уделить достаточно времени двум своим детям, поэт считал свое детство светлым и счастливым, давшим ему нравственную закалку на всю жизнь.

Увы, детское счастье Миши было недолгим. Наступили годы ежовщины, годы террора и страха, когда по ночам по улицам сновали черные воронки НКВД и никто не был за-

страхован от ареста. Сначала пришли за его отцом, а вскоре и за матерью.

Четырнадцатилетнего Мишу забрал дедушка.

Когда годам к десяти перед Михаилом встал вопрос, кем быть, в футбольном и чеховском Таганроге могло быть всего два ответа — футболистом или писателем. Несмотря на два больших металлургических завода, мало кто мечтал быть сталеваром. И будущий поэт написал свой первый опус. Это было что-то вроде пьесы в стихах о Павлике Морозове, разумеется, обличавшей кулаков. Может быть, устыдившись этой своей позиции, Танич надолго и беззаветно отдался футбольному мячу.

Аттестат зрелости он получил 22 июня 1941 года...

Миша подал заявление в военное училище. Как он сам признавался, потому что в училище было тепло и давали горячую еду.

Вместо полагающихся шести месяцев Танича продержали в училище целый год и выпустили не лейтенантом, а лишь старшим сержантом. Дало о себе знать пресловутое клеймо сына врага народа.

Хлебнул Михаил Танич войны полной мерой: не раз был контужен и ранен, но по воле судьбы уцелел, дошел до Берлина.

Конец войны встретил в немецком городке Цербсте, родине русской царицы Екатерины Великой. «О том, что закончилась война, нам сказали польские солдаты в конфедератках, и даже наступившая тишина и то, что не надо больше воевать, не сразу принесло ощущение счастья. Ну не могли мы сразу осознать, что каким-то чудом остались

живы. Но ведь остались. И каждый новый день без войны казался нереальным».

«Осмотревшись, поступил в строительный институт, на архитектурное отделение, — вспоминал Михаил Танич, — но проучился недолго. Карательные органы запустили новый сценарий: всех, кто хвалил заграницу, тамошние дороги или радиоприемники, взять на заметку, а еще лучше изолировать.

Я имел глупость где-то брякнуть, что немецкий радиоприемник «Телефункен» лучше наших. Вот я, а за компанию со мной и двое моих друзей, тоже только что демобилизованных из армии, по доносу нашего же студента «загремели» в 1947 году. На следствии не били, но мучили бессонницей, абсолютно не давали спать, чтобы на бесконечных допросах путался в показаниях. А на суде, хоть прокурор и потребовал пять лет, дали почему-то шесть. Хотя никаких доказательств моей вины так и не привели.

И погнали нас этапом в Соликамск на пересылку, где жизнь снова улыбнулась мне. Известный художник Константин Ротов, тоже зэк, бывший до ареста главным художником журнала «Крокодил» (ему поручили оформление наглядной агитации в лагере), взял меня в свою бригаду. Благодаря этому я спасся от лесоповала.

А весь этап, с которым я прибыл в Соликамск, все до одного погибли на этом проклятом лесоповале. Выпустили меня перед самой смертью Сталина. И вот парадокс — в день его похорон у меня, чья жизнь была разрушена этим преступником, из глаз потекли слезы. Все мы были детьми того времени».

Появляются первые стихотворения, первые публикации в московских изданиях, книга «Возвращение», а уже в Москве — первые песни.

После успеха первой же песни автору «Текстильный городок», как говорится, покатило. Вот несколько названий: «Любовь-кольцо», «Что тебе сказать про Сахалин», «Черный кот», «Зеркало», «Как хорошо быть генералом», «Идет солдат по городу», «Черное и белое!», «Возьми меня с собой», «Не забывай», «На дальней станции сойду», «Проводы любви», «Птичий рынок», «Комарово», «Узелки», «Погода в доме»; появились циклы песен: «Песни Анки-пулеметчицы», «Лимита», «Лесоповал».

Танич работал почти со всеми известными советскими композиторами и ведущими артистами эстрады, театра и кино. Композиторы-соавторы — Я. Френкель, В. Шаинский, А. Островский, О. Фельцман, Ю. Саульский, В. Соловьев-Седой, Н. Богословский, И. Николаев, Р. Горобец. Солисты — К. Шульженко, А. Пугачева, И. Кобзон, М. Магомаев, Э. Пьеха, Э. Хиль, В. Леонтьев, Л. Долина, А. Апина и др.

Всего Михаил Танич стал автором 15 книг, включая песенные. Последние датированы 1998 годом: «Жизнь» (стихотворения) и «Погода в доме» (песни), изданная к юбилею поэта.

Хочется привести несколько ответов из интервью, которое он дал на 80-летний юбилей:

— Михаил Исаевич, какая песня положила начало вашей известности?

— Отвечу вопросом на вопрос: «Что такое известность? Как ее измерить?» А вот первая наша с Яном Френкелем песня «Текстильный городок» стала для нас счаст-

ливой — ее запели. Это была тема. Об этом надо было сказать. Сказать за всех. И мы это сказали, и если угадали, то шлягер — это просто. После этого мы решили, что каждую следующую песню будем запускать так же широко, на весь Союз.

— *А на фронте писали стихи, Михаил Исаевич?*

— Писал, конечно, хотя условий для этого не было никаких. Я воевал серьезно, на передовой, иногда впереди пехоты, был командиром расчета противотанковой пушки.

— *Если бы вас попросили написать Гимн России?..*

— Я уже написал гимн. Эта песня называется «Мой дом — Россия». Там такой припев: «Грибного лета дожди косые, родного дома тепло и свет, мой дом — Россия, мой дом — Россия, и лучше дома на свете нет».

А еще мне вчера принес Олег Молчанов, талантливый композитор, музыку, которую он написал на мои стихи. Это тоже песня о Родине, но негромкая. Если вы заметили, я пишу негромкие песни, не о главном, но с моей интонацией: «И если бы ты спросила, а кто я в твоей судьбе, я капля твоя, Россия, росинка в твоей траве».

— *О счастье...*

— Мне очень много в жизни рога ломали, я разного горя видал: и тюрьму, и войну. И всякие личные неприятности, и долгий неуспех в литературе. В Союз писателей меня приняли только в 45 лет. Но самое главное, чем я могу гордиться в жизни, — это любовь людей. Каждый день я слышу объяснения, что меня любят. Это счастье, которое свалилось на меня с неба.

Танич скончался 17 апреля на 85-м году жизни.

Тальков Игорь Владимирович (1956–1991)

Могила находится рядом с могилой Танича. У него памятник в виде большого исписанного креста.

Тальков Игорь Владимирович родился 4 ноября 1956 года. Родители Игоря были репрессированы и познакомились на зоне. Там родился его брат Владимир. После освобождения отцу певца восстановили прописку в Москве, но жилья не предоставили, и поэтому Игорь вырос в подмосковном Щекине...

Еще учась в школе, комсомолец Тальков верил в идею коммунизма, дедушку Ленина и светлое будущее. Его отец и мать вернулись в «большую жизнь» после десяти лет скитаний по лагерям. Родившимся сыновьям, Владимиру и Игорю, они никогда не рассказывали о своем прошлом, ведь детей в школах учили, что в тюрьму сажают только насильников, воров, убийц и предателей Родины.

«Однажды, когда дома у нас собрались гости, Игорь стал вовсю восхвалять Брежнева. Я не выдержала, повернулась к сыну и сказала: «Вот когда тебя самого лбом саданут те, за кого ты сейчас выступаешь, тогда ты поймешь, кто есть кто».

Тальков всегда говорил то, что хотел, но не по глупости, а по внутренней необходимости. Такой у него был характер. Это был прямолинейный, злой, непреклонный и очень талантливый человек.

Когда Талькову исполнилось 18 лет, на площади в Туле он высказал все, что думает о Брежневе, естественно, это был не самый лучший отзыв о правлении Генсека. Талько-

ва затаскали по разным инстанциям, КГБ, собирались посадить. Выручил его друг Анатолий Кондратьев, известный велогонщик, с которым Игорь играл вместе в одной тульской группе, очень популярной в то время. Тогда совместными усилиями удалось избежать суда. Талькова забрали в армию, где он служил в стройбате.

В 1980 году в Москве прошло выступление Игоря в клубе «Найка». После дискотеки к нему подбежал директор клуба, совершенно бледный, и начал лепетать: «Что ты наделал! Ты соображаешь, что ты спел? Ты меня убил!» Больше до 1987 года у Талькова не было возможности публично выступать, он очень переживал, хотел бросить музыку.

В 1988 году ему позвонил Влад Листьев: программа «Взгляд» устраивала большой сборный концерт, Игоря тоже решили пригласить. Но Листьев поставил одно условие: «Споешь только одну песню, «Примерного мальчика», и тут же уйдешь со сцены». Игорь покивал головой. Когда же начался концерт и он дорвался до публики, то тут же выдал зрителям все, что наболело, спел все, что запрещали. О том, что «кто вчера стоял у трона, тот и ныне там: перестроились ублюдки во мгновенье ока, и пока они у трона, грош цена нам», но когда-нибудь «слетит Шароголовый с пьедестала прямо в ад, и ему там черти новый мавзолей соорудят». «Взглядовцы» бегали как ненормальные, не знали, как вытащить его со сцены. А Игорь спокойно допел свои песни и ушел за кулисы. Там к нему подскочил Листьев и закричал: «Теперь ты появишься на телевидении только через мой труп!» Они расстались очень плохо. Но когда Листьева убили, примерно месяца три по первому каналу крутили песни Игоря с титрами: «Памяти друга».

Впервые он спел свою знаменитую «Россию» в 1989-м в программе Владимира Молчанова «До и после полуночи». То есть впервые на широкую телевизионную аудиторию. Наутро он проснулся знаменитостью. Так начался период всенародной любви и славы, но одновременно — выход на максимально высокий уровень риска, в чем сам Тальков прекрасно отдавал себе отчет.

Потом Игорь собирает аудиторию под «Чистые пруды», а поет свои песни с острой социальной тематикой, которые делают его популярным. По словам самого автора: «Песни гражданского содержания — мой метод борьбы с несправедливостью». В этих песнях боль за униженную гордость народа, страдания человека, осознающего глубину трагедии своей Родины. «Россия — боль моей души. Песни — крик моей души» — такими словами автор объяснял свое творчество.

«Песня «Россия» оказалась роковой для Игоря, ею он подписал себе смертный приговор, — считает брат певца Владимир Тальков. — Я сразу сказал ему об этом, да он и сам понимал. Когда песня была окончательно смонтирована, ночью Игорю приснились черные руки, которые пытались его задушить. Вообще вокруг брата всегда было много мистики. Как он с этим жил? Верил в Бога.

Однажды, прогуливаясь после ночной работы рано утром в Коломенском, неподалеку от полуразрушенного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи, Тальков нашел крест. Покореженный, грязный, по-видимому, давным-давно сбитый с куполов. Два километра тащил его на себе до дома. Сказал: «Теперь это мой крест! Пусть отпугивает недругов».

Кого-то наверняка отпугнул. К примеру, деятелей из одиозной «Памяти», старательно примазывавшихся к Талькову, но получивших от ворот поворот. А вот убийц не отвел...»

В 1989 году была организована группа «Спасательный круг». «Тальков максимально усложнил программу и сделал театрализованное представление «СУД», где он судил всех наших вождей, начиная с 1917 года и до нашего времени. Зрители были потрясены всем происходящим на сцене. Конечно, концерты не раз пытались сорвать. Отключали электроэнергию, иногда с аппаратурой вообще непонятно что случалось. Приходилось ставить охрану у центральных распределительных щитов. Бывали такие случаи, что отключали электроэнергию вообще во всем районе или распускались слухи, что он не приедет, и отменялись концерты, а мы этого не знали. В общем, шла подрывная работа, как и во все времена». Последние годы жизни Талькова, работавшего почти двадцать четыре часа в сутки, были наполнены до предела: концерты, работа на двух съемочных площадках (фильмы «Князь Серебряный» и «За последней чертой»), съемки на телевидении, работа в студиях звукозаписи, интервью.

6 октября 1991 года Тальков был убит во время концерта в Петербурге (при невыясненных обстоятельствах). Предполагаемый убийца сбежал и до сих пор находится в розыске.

После убийства вспоминали, что Игорь будто бы знал, как погибнет: «Сын очень торопился жить, брался за все, потому что предчувствовал скорую смерть. Еще в начале 80-х, когда он с коллективом летел на самолете, у того при

посадке не выпускалось шасси. Игорь успокаивал пассажиров тем, что говорил: «Не бойтесь, вы летите со мной, а я в авиакатастрофе не погибну. Меня убьют при большом стечении народа и убийцу не найдут».

Яшин Лев Иванович (1929—1990)

Могила рядом с могилой Талькова.

Единственный в мире вратарь и единственный в мире футболист, награжденный специальным призом еженедельника «Франс-футбол» — «Золотой мяч». Ни один вратарь мира не пользуется такой популярностью. Его игра — это целая эпоха в развитии вратарского искусства.

С детских лет Лев стоял в воротах — сначала дворовой команды, затем школьной, заводской. Его юность пришлась на тяжелое военное время. В 14 лет он уже работал на заводе под лозунгом «Все для фронта, все для победы». Впоследствии этот лозунг трансформировался у спортсмена Льва Яшина в другой — «Все для команды, все для победы!».

После службы в армии выступал за клубную молодежную команду московского «Динамо». Высокий брюнет, рост 190 сантиметров, мускулист и потому, как говорят футболисты, точно держится на ногах.

Обладал прекрасной координацией движений и молниеносной реакцией. Умел предвидеть, как будет развиваться атака, и соответственно выбирать позицию.

Но начиналось все не просто. Осенью 1950 года Яшину пришлось выйти на замену получившего травму Хомича в

принципиальной игре со «Спартаком». Коленки у юноши дрожали... и спартаковец Николай Паршин спокойно сравнял счет. После матча в раздевалку явился некий милицейский чин и повелел убрать «этого сосунка» с глаз долой. До 1953 года Лев сидел в запасе, а когда ненароком появился на поле в игре с тбилисцами, цифры 4:1 в пользу москвичей быстро превратились в 4:4. Хорошо еще Бесков в конце матча забил-таки победный гол. Яшин с горя ушел играть в хоккей с шайбой и даже выиграл с динамовцами Кубок СССР.

И этот неудачник уже в середине 50-х годов вдруг стал лучшим вратарем Союза. А все тренировки, тренировки, тренировки...

По воспоминаниям Валерия Павловича Маслова: «На разминке Лев Иванович мог намертво поймать трудный мяч, мгновенно вскочить на ноги и бросить его во второй мяч, летящий в другой угол. И попадал! Более того, этот трюк он мог проделывать практически в безостановочном режиме на протяжении всей тренировки! Такого я больше никогда не видел!»

Валентина Тимофеевна (жена вратаря): «Всю жизнь помимо футбола он увлекался рыбалкой — до самозабвения. О том, что он неплохо играет за дубль московского «Динамо», я знала от брата, страстного болельщика, и его друзей. Однажды ребята предупредили: «Сегодня Яшин к нам приедет, можем познакомить». Вечером появился, этаким забавным басом представился: «Лев». Длинный, тощий, но симпатичный и, главное, вежливый. В шумных компаниях чувствовал себя как рыба в воде, выпить, когда можно, был отнюдь не дурак и женщин любил... Я его понимала, умела прощать».

Поединки с нападающими — один на один — он выигрывал все. За сборную выступал до 38, провел 78 матчей, 14 сезонов подряд. Наибольшее число встреч за московское «Динамо» — 326. Статистики общественного пресс-центра московского «Динамо» к прощальному матчу Л. Яшина подсчитали все его игры. Их оказалось 812.

По количеству выигранных медалей — рекордсмен среди советских футболистов.

Трижды играл в финалах чемпионатов мира. Яшин вошел в символическую сборную СССР за 50 лет. Был капитаном «Динамо», сборной СССР, сборной УЕФА, сборной ФИФА.

Последний его прощальный 813-й матч состоялся 27 мая 1971 года. В этот год он передал вратарскую эстафету.

По окончании прощального матча Лев Иванович Яшин обратился к трибунам в Лужниках с короткой, нескладной речью. «Спасибо, народ» Именно народ. На трибунах его называли только по имени Лева. Он ушел в ранге национального героя.

Уходил Лев Иванович по-королевски. Непобежденным и непревзойденным. В спортивной прессе сегодня можно прочитать, что тот футбол «безнадежно устарел», но при одном взгляде на хроникальные кадры мгновенно осознаешь, что это совершеннейшая неправда. Яшин и его манера игры в футбол остро современны. Лев Иванович очень болезненно относился к роковым вратарским промахам: «Какой же это вратарь, если не терзает себя за пропущенный гол! Обязан терзать. Если спокоен, значит, конец. Какое бы ни было у него прошлое, будущего у него нет».

Десятилетия работы на износ дали о себе знать: великого вратаря одолевали тяжелые болезни. На празднова-

нии своего 60-летия (его для удобства публики перенесли на август 1989 года) Яшин в последний раз предстал перед публикой, мужественно превозмогая хвори. Потом были тревожные больничные будни...

Потом операция. Вот как вспоминает о ней его жена Валентина Тимофеевна: «Это было жутким несчастьем, бедой для него и для всех, но не трагедией. Так я говорила самому Льву, когда мы встретились в реанимационном отделении госпиталя наутро после операции. Он полулежал на кровати, еще отходил от наркоза. Но уже отдавал себе отчет в происходившем. Увидел меня, заплакал, жестом показал: мол, вот я теперь какой. Я наклонилась к нему, поцеловала в мокрую щеку, прошептала на ухо: «Лева, я знаю, как тебе сейчас больно и на душе тошно. Но тебе же, в конце концов, не всю ногу отрезали. Главное, как ты был мужиком, так им и остался. И я тебя по-прежнему буду любить!» Ну вот, сказала ему это, а он вдруг рассмеялся — сквозь слезы. Вошел хирург, который его оперировал, увидел нас: «А я не знал, что бы такое предпринять, но раз улыбаетесь, значит, будем жить дальше».

Лев Яшин умер в 1990 году после осложнений, вызванных тяжелой операцией.

Окуджава Булат Шалвович (1924—1997)

От могилы Яшина вдоль колумбария налево. В конце участка в углу колумбария камень — памятник Окуджаве.

Он родился и вырос в семье, пострадавшей от сталинских репрессий: отец — крупный партийный работник —

был расстрелян, мать долгие годы находилась в концлагере, погибли многие близкие родственники Окуджавы.

Когда родителей забрали, остался с бабушкой в Москве.

В 12 лет, когда гостил у дяди с тетей в Тбилиси, с Булатом произошла забавная история, о которой он сам рассказывал. Уже тогда он писал стихи, а родственники и друзья восклицали: «Гениально!» Но однажды дядя в шутку спросил Булата: «Почему у тебя нет ни одной книги твоих стихов? У Пушкина сколько их было... и у Безыменского... А у тебя ни одной».

Окуджава задумался и отправился в Союз писателей на улицу Мачабели. Была страшная жара, и остался работать только секретарь, к которому и вошел Булат. Секретарь все выслушал с улыбкой, но в конце ответил: «Книгу?! Вашу?! О, это замечательно!.. Это было бы прекрасно! — Потом помолчал, улыбка исчезла, и он сказал с грустью: — Но, видите ли, у нас трудности с этим... с бумагой... это самое... у нас кончилась бумага... ее, ну, просто нет». Окуджава не расстроился и отправился искать бумагу, но когда дядя все же дал ему бумагу, к счастью, он не смог найти того секретаря.

В 1942 году добровольцем прямо из девятого класса ушел на фронт. Сначала был минометчиком. Воевал под Моздоком. В декабре 1942 года был ранен. Потом в 1986 году Окуджава вспоминал, как это произошло: «Над нашими позициями появился немецкий корректировщик. На его ленивые выстрелы из пулемета никто не обращал внимания. Только что закончился бой. Все расслабились. И надо же было: одна из шальных пуль попала в меня. Можно представить мою обиду: сколько до этого было тя-

желых боев, где меня щадило!» Потом служил радистом в тяжелой артиллерии. Будучи полковым запевалой, в 1943 году на фронте сочинил первую песню «Нам в холодных теплушках не спалось».

Вот еще одно его воспоминание о фронте: «Я был очень смешной солдат. И, наверное, толку от меня было немножко. Но я очень старался делать так, чтобы все были довольны. Я стрелял, когда нужно было стрелять. Хотя честно вам скажу, что не с большой любовью я стрелял, потому что убивать людей — это не очень приятная вещь. Впоследствии, когда я стал писать, первые мои стихи были на военную тему. Много было стихотворений. Из них получились песни. Из некоторых. Это были в основном грустные песни. Ну, потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет».

После XX съезда мать писателя реабилитировали, и им вдвоем вновь разрешили поселиться в Москве.

Поэт изображает войну через призму восприятия и переживания «школяра» — мальчика 30—40-х годов, вчерашнего школьника, мечтающего о героических подвигах и славе, а попавшего в самое пекло войны, хлебнувшего окопных будней, суровой армейской службы. В автобиографической повести «Будь здоров, школяр!» (1960—1961) Окуджава раскрывает сложный внутренний мир героя, его переживания, страх смерти, боли, слезы, ненависть к войне. В основе повести, а затем и киносценария «Женя, Женечка и «Катюша» лежит тема преодоления этого «школярства», взросления героя на войне. Критики в пух и прах разносят фильм, не найдя там патриотизма, один только психологизм...

Тогда же, в 1961—1962 годах, официальная критика осудила и многие песни Окуджавы. По мнению руководства Союза писателей России, «большинство этих песен не выражали настроений, дум, чаяний нашей героической молодежи».

О них же — о молодых на войне — знаменитая песня Окуджавы: «До свидания, мальчики! Мальчики. Постарайтесь вернуться назад!» Так много было в его жизни, что он не мог писать никак иначе — только автобиографически, только о себе. Но как были близки его переживания другим людям, слушавшим и читавшим его.

Постепенно Окуджава отходит от автобиографизма к историзму. Сначала Окуджава сочинил пьесу «Глоток свободы» о Михаиле Бестужеве. Потом появился роман «Бедный Авросимов» о Павле Пестеле. Декабристы привели Окуджаву к Льву Толстому, который в свое время намеревался создать о декабристах роман. Собирая о Толстом материалы, Окуджава заинтересовался, почему жандармы постоянно преследовали писателя. В результате родилась книга «Мерси, или Похождения Шипова», названная автором авантюристическим романом с подлинными фактами. И уже затем появились романы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом».

Всенародную славу Окуджаве принес фильм Андрея Смирнова «Белорусский вокзал», в котором прозвучала лучшая песня поэта. Как признавался уже в 1986 году Окуджава, сначала он не принял предложение режиссера написать для этого фильма песню. «Дело в том, что фильм требовал стилизации текста под стихи военного времени. По мысли режиссера, стихи должны исходить не от про-

фессионала, а от человека, сидящего в окопе и пишущего для однополчан о своих друзьях. Мне казалось, что у меня стилизации не получится, поскольку я всегда стремился писать о войне глазами человека мирного времени. А тут надо было сочинять словно «оттуда», из войны. Но тогда, на фронте, мы совсем по-другому думали, по-другому говорили и по-своему пели. Отыщу ли я слова тех лет? И вдруг «сработала» память. Неожиданно вспомнился фронт. Я как бы воочию увидел этого самодеятельного фронтового поэта, думающего в окопе об однополчанах. И тут же сами собой возникли слова будущей песни «Мы за ценой не постоим...».

Верующим, в привычном понимании этого слова, Окуджава никогда не был, как не был и атеистом — в окопах их не водится. Он исповедовал как религию то, что называется вечными ценностями. Вот как он хотел, чтобы жили: «Давайте жить, во всем друг другу потакая, — тем более что жизнь короткая такая».

«Первая его книга, — вспоминал на вечере Евгений Евтушенко, — мне не понравилась, но было совершенно ясно, что это поэт, обладающий собственным голосом.

Популярность первых его песен росла необыкновенно быстро, но очень скоро на Окуджаву обрушился град уничижительных статей с издевательскими заголовками вроде «Цена шумного успеха», «Ловцы дешевой славы» и прочее. Как-то в концерте встретились Булат и автор оперы «Тихий Дон». После выступления Окуджавы композитор возмутился: «Уберите этого пошляка!» Но кто сегодня вспомнит хотя бы одну музыкальную фразу из «Тихого Дона»? А популярность Окуджавы не убывает, свидетельство

тому — выступление на вечере современных авторов-исполнителей с песнями Булата. Правильно сказал кто-то из них — эти песни живы потому, что они написаны не на злобу дня, а о вечном — человеке и его чувствах».

Да, многих, кто тогда считал себя «лучше», теперь забыли, а памятник Окуджаве стоит себе на Арбате...

Булат Окуджава умер 12 июня 1997 года. Он считал себя человеком со счастливой литературной судьбой.

Бауман Николай Эрнестович (1873—1905)

Идете от угла колумбария (от могилы Окуджавы) в глубь кладбища, по писательской аллее, минуя 33, 38, 45, 48, 53-й участки. В конце 53-го участка поворот направо. Идете по Бауманской аллее, минуя 58 и 59-й участки. В конце второго могила Баумана. Путь не близкий, но оно того стоит. Насладитесь неповторимой атмосферой Ваганьково.

«В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не смог найти ее вовсе, а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения, туда и прямо, куда указывают ему его совесть и убеждения. Не может быть счастлив человек, если он обречен на постоянную борьбу со своим внутренним голосом, если он вступил в сделку со своей совестью. Тогда все внешние блага, вроде богатства, знатности, даже слава не в состоянии заглушить душевных мук, отравляющих каждый шаг жизни.

Только на духовной основе строятся замки счастья, как его каждый понимает. Не может быть одной мерки для всех».

Так писал отцу из Таганской тюрьмы Николай Бауман, человек, имя которого уже много лет носит учебное заведение. И не только оно. Московское Высшее техническое училище (ныне университет) имени Баумана располагалось на второй Бауманской улице, рядом с просто Бауманской, в Бауманском районе Москвы, недалеко от станции метро «Бауманская», Сада имени Баумана, фабрики имени Баумана, памятника Бауману и Бауманского рынка.

Может показаться удивительным то, что многие поколения выпускников с гордостью носят имя «бауманцев», в честь профессионального революционера, ветеринара по образованию, который никогда не был студентом Московского технического училища, а только председательствовал там перед смертью на заседании большевистского «горкома». Тем не менее имя Баумана, в отличие от множества других, не исчезает. И дело тут не только в традиции.

Николай Эрнестович Бауман — одна из ярчайших и во многих смыслах трагических фигур российской истории рубежа XIX—XX веков, а биография его позволяет хорошо себе представить обстановку той эпохи.

Вот коротенький перечень событий его жизни. Первый опыт участия в серьезной революционной организации не был успешным: «Петербургский союз» к моменту прибытия Баумана был уже на грани разоблачения, что вскоре и произошло. 21 марта 1897 года Николай Бауман был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, где пробыл девятнадцать месяцев. До сих пор в музее крепости сохраняется «мемориальная камера» Николая Эрнестовича.

В 1899 году был сослан в Вятскую губернию, откуда в том же году бежал за границу. В городе Цюрихе в 1900 го-

ду познакомился с В.И. Лениным. Бауман стал активным участником подготовки издания, а затем транспортировки газеты «Искра». В конце 1901-го вернулся в Россию. Работал в Московском комитете РСДРП. Был арестован, но бежал. В 1903 году он — делегат II съезда РСДРП от московской организации, по всем обсуждавшимся вопросам поддержавший Ленина. Прозванный за легкость перехода границы Грачом Бауман в 1903 году по поручению Ленина вернулся в Россию для борьбы с меньшевиками и организации большевистской подпольной типографии. В 1904 году был вновь арестован, а в 1905-м вновь освобожден из тюрьмы.

Красивый, образованный, обладавший безупречными манерами, безрассудно смелый и мужественный Николай Бауман был одним из тех, кто самой своей жизнью способствовал распространению революционных идей и популярности образа революционера. Он не отсиживался в эмиграции, как многие деятели, благополучно пришедшие позже к власти, но постоянно вел опасную борьбу в России. О нем ходили восторженные рассказы и даже легенды, имевшие, впрочем, достаточные под собой основания. Один из популярных рассказов того времени — о том, как Николая Баумана спасли от полицейской облавы, выведя из гримерной актрисы Художественного театра в платье горничной.

В октябре, спустя 8 дней после освобождения, Бауман предложил силой освободить заключенных той самой тюрьмы, откуда сам только что вышел. Студенты с восторгом поддержали эту идею и двинулись к Садовому кольцу по Немецкой улице. Сам Николай Эрнестович ехал на извозчичьей пролетке с укрепленным на ней красным транс-

парантом с надписью «Долой царя!». Это кощунственное поведение возмутило рабочего Михалина. Дальнейшие события свидетели-студенты, с одной стороны, и фабричные рабочие — с другой, описывали по-разному. По версии революционеров, Михалин ударил Баумана прихваченным со двора фабрики куском железной трубы, а затем, не дав ему убежать, забил его, уже лежащего и не способного сопротивляться, насмерть.

По версии работников фабрики, Бауман стрелял в Михалина из револьвера, затем пустился бежать, но был сбит с ног отважным рабочим, а убит уже своими соратниками, потому что незадолго до этого повздорил с Лениным. Михалин добровольно явился в полицию, объяснил свои действия тем, что не смог стерпеть «крамолы против батюшки-царя» и пытался вырвать у Баумана флаг. Кстати, его помиловали.

Тело Баумана отнесли обратно в училище, и местный врач констатировал смерть в результате трех проникающих ранений черепа. Возбужденные студенты отказались выдать труп для судебного вскрытия, а это бы точно доказало одну из версий.

Похороны Баумана превратились в мощную политическую демонстрацию, фактически ставшую смотром боевых сил московского пролетариата и сыгравшую большую роль в подъеме революционной борьбы в Москве и перерастании ее в вооруженное восстание. В некрологе, помещенном в газете «Пролетарий», В.И. Ленин писал: «Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!»

Суриков Василий Иванович (1848—1916)

От могилы Баумана возвращаетесь к Окуджаве, идете к углу колумбария, проходите половину боковой стены, поворачивайте у угла 21-го участка направо, проходите почти весь участок и у воинских захоронений увидите могилу Сурикова.

Великий русский художник, лучший мастер русской исторической картины, реалист и новатор. Автор портретов, пейзажей, натюрмортов.

Красноярск, в котором жила семья Суриковых, мало чем отличался от Красноярска давних казацких бунтов. Обычаи, традиции, характеры — все те же: на свадьбах и похоронах — старинные ритуалы, вокруг староверы, на берегу Енисея — языческие игры.

«Помню, как «городок» брали, — рассказывал Суриков. — Городок снежный. И конь черный прямо на меня... Я его потом в картину вставил. Я много «снежных городков» видел. По обе стороны народ, а посреди снежная стена. Лошадей хворостинами — чей конь первый сквозь снег прорвется...»

Мать Сурикова была из торговых казаков — Торгошиных. На всю жизнь запомнил он ее бывший девичий дом, где самый воздух казался старинным, древние иконы, костюмы.

Вася Суриков с пяти лет ездил верхом, с семи уже охотился, участвовал в опаснейших забавах. «На Каче — она под Красноярском с Енисеем сливается — с семиметровой плотины вниз по водопаду ныряли. Нырнешь, а тебя вместе с пеной до дна несет — все бело в глазах...»

Судьба вела Сурикова сквозь невозможные преграды — семейную бедность и дикую провинцию, где само слово «художник» воспринималось как «худо». Видимо, она же, судьба, распорядилась, чтобы рисунки Васи дошли до красноярского губернатора Замятина и енисейского золотопромышленника Кузнецова. Первый послал работы в петербургскую Академию художеств, а второй отправил Василия Сурикова в Петербург, назначив ему стипендию на все время академического учения. «До самого Нижнего на лошадях ехали, пять тысяч верст, — писал матери и брату. — Оттуда по железной дороге. В Москве я только один день провел. Соборы меня поразили...»

За время учебы в Академии художеств Василий писал картины и рисунки, главным образом, на библейские темы, за которые неоднократно получал золотые и серебряные медали и денежные премии. В марте 1874 года Суриков получил первую премию за превосходный живописный эскиз композиции «Пир Валтасара». В том же году он создал первую композицию на тему древнерусской истории «Княжий суд».

В конце 1875 года Суриков оканчивает Академию художеств и получает звание классного художника первой степени. Он принимается вскоре за заказ на роспись четырех панно на тему «Вселенские соборы» в храме Христа Спасителя, чтобы получить деньги и иметь возможность заниматься своим творчеством. Это был первый и единственный заказ, который выполнил Суриков в течение своей жизни.

Всем известны его яркие, с изобилием мелких деталей

картины: «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Взятие снежного городка», «Переход Суворова через Альпы».

Если сравнивать фигуру этого живописца с кем-то из «смежных цехов», то подходящий вариант — со Станиславским. Конечно, Василий Иванович, в отличие от Константина Сергеевича, не был теоретиком и обучающих книг не писал, но его метод вживания в картины вполне сродни знаменитой театральной системе.

Как писались исторические полотна до Сурикова? Важны были аффектация и величественность. Древнерусские сценки выглядели точно так же, как древнеримские или любые другие. И лишь Василий Суриков взялся добиться жизненной достоверности. Но комплимент, которым современники регулярно одаривали его произведения: «Художник будто сам видел», — не представляется точным. Суриков, безусловно, видел — но не то, что появлялось на холсте.

Импульсом для «Утра стрелецкой казни» послужило зрелище зажженных свеч на Ваганьковском кладбище. «Боярыня Морозова» родилась из впечатления от вороны с перебитым крылом на снегу. А типажей для «Покорения Сибири Ермаком» художник искал на Дону, в казачьих станицах. Там живописца сразу признали своим, что и неудивительно: предки его вышли из этих мест. Суриков говаривал не без гордости: «Род мой казачий, очень древний». Представьте, какова была дорога от почти случайных образов до готовых картин. Это и можно назвать вживанием.

Никакой персонаж не может оказаться условным, усредненным — нужен только тот, который нужен.

А если брать параллели из литературы, то сразу вспоминается Гоголь, настоящий мастер детали. А в живописи мастером детали, несомненно, является Суриков. Правда, в картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван» тоже много деталей: складка ковра, катящийся посох, опрокинутое кресло, бархатный валик, лужа крови на ковре. Но все в красных тонах: ковер, валик, обивка стен... И все это хорошо, с любовью выписано, но, как говорил Суриков: «Крови уж больно много...» Вообще Репин с Суриковым были хорошими приятелями, но постоянно ссорились на почве творчества.

Однажды, в 1898 году, Василий Иванович Суриков написал картину, посвященную славному событию — переходу Суворова через Альпы, но, когда он показал ее Репину, тот заявил, что солдаты изображены неправильно: «У них штыки примкнуты, они ж поколют друг друга, не мог Суворов такого допустить, это не по правилам!» «У него все походы были не по правилам», — возмутился Суриков и помчался к военным специалистам, подтвердившим справедливость утверждения Репина. Оскорбленный Суриков заявил, что если они будут скандалить, то он на картине «Утро стрелецкой казни» повешенных стрельцов пририсует с высунутыми синими языками. Специалисты содрогнулись и замолчали. А суворовские солдаты до сих пор с примкнутыми штыками по льду едут...

«Среднего роста, широкоплечий, с густой шапкой русых, с проседью, в скобку подстриженных волос» — таким

увидел Василия Ивановича Сурикова в январе 1913 года известный поэт, художник и критик Максимилиан Волошин. «Скован он был крепко — по-северному, по-казацки. Лицо само разлагалось на широкие, четкие, хорошо определенные планы. Морщины глубокие, резкие, но не слишком заметные на плотной, свежей, сибирскими морозами дубленной коже...»

К героям своих картин Суриков относился совершенно как к живым. Про страшного своего Петра из «Стрельцов» нежно говорил: «Люблю Петруху!» В другой раз просто огорошивал: «А Иоанна-то Грозного я раз видел — настоящего, в Москве, на Зубовском бульваре». Про старых мастеров, вещи которых повидал в поездках по Италии и Испании, рассказывал с упоением: «Видели черно-малиновые мантии у Тинторетто? Кисть у него так и свистит!»

Да и сам Суриков как художник ни на кого в мире не был похож. Замечательно сказал о нем тот же Волошин: «Шел он своей «волчьей» тропой и охотился в одиночку».

Есенин Сергей Александрович (1895—1925)

Доходите от могилы Сурикова до угла воинских захоронений, поворачиваете направо (проходите мимо воинских захоронений), выходите на аллею между 17-м и 16-м участками, проходите (первый) 17-й участок, поворачиваете направо.

28 декабря 1925 года в 10 часов 30 минут в пятом номере гостиницы «Интернационал» (бывшей «Англетер») «был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина. По предъявленным документам повесившимся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель...» (из «Акта осмотра места происшествия»).

Так закончил свой жизненный путь 30-летний русский поэт.

27 декабря 1925 года в ленинградскую гостиницу «Интернационал» пожаловали двое: поэт Вольф Эрлих и его приятельница по фамилии Устинова. Они пришли в гости к поэту — Есенин и Эрлих считались хорошими друзьями.

Они посидели вместе, душевно поговорили. Эрлих с Устиновой засобирались, но Есенин задержал их. Вырвал из блокнотика листок, показал издали: стихи. Потом сложил листок вчетверо и положил его в карман Эрлиху.

Устинова хочет прочесть стихотворение. Есенин останавливает ее: «Нет, ты подожди, останется один — прочитает...» Ладно, на нет и суда нет. Эрлих с Устиновой уходят. Эрлиху как-то больно легко шагается. Он останавливается, хлопает себя по лбу ладонью: забыл портфель! Возвращается. Есенин сидит себе у стола, спокойный, без пиджака, но почему-то в шубе, просматривает старые стихи. Эрлих забирает портфель. Прощаются. Эрлих уходит. Он (что очень сомнительно) прочтет стихотворение только на следующий день

Утром Есенина найдут в петле.

...К концу 1925 года решение «уйти» становится для

Есенина маниакальным. Он ложился под колеса дачного поезда, пытался выброситься из окна, перерезать вену обломком стекла, заколоть себя кухонным ножом. Но только пытается и никогда не доводит дело до конца. Поэтому не исключено, что Есенин совершил очередную попытку самоубийства — на сей раз удачную. Но не исключено, что поэта убили, и убили жестоко.

Самоубийство Есенина у его современников не вызвало никаких сомнений. Все, кто близко знал поэта, были исключительно единодушны — Сергей Александрович добровольно покинул бренный мир. Но прошло 60 лет, и на фоне антикоммунистической истерии стали появляться версии о злодейском убийстве Есенина. На Руси не могут без того, чтобы не считать своих известных поэтов великомучениками, потому как «поэт в России больше, чем поэт».

Разгорелся спор, который по-разному интерпретировал фотографии, снятые в гостинице во время судебно-медицинского осмотра, и посмертные маски. На этих фотографиях, утверждали сторонники версии о насильственной смерти, видна «черная круглая пробоина на лбу». Специалисты по судебно-медицинской экспертизе полагают, что это похоже на «след от пули или удара».

А вот другая фотография и комментарий к ней: «Есенин лежит на диване... волосы взлохмачены, верхняя губа опухшая, правая рука в окоченении повисла в воздухе. На ней следы пореза. И сколько я ни всматривался в фотокарточку, признаков наступления смерти от удушения не видел. Не было высунутого изо рта языка, придающего ли-

цу висельника страшное выражение. Да и удивлял сам факт, что труп положили на диван». На эту тему даже сняли фильм «Сергей Есенин». Со слов Сергея Безрукова, сыгравшего в нем главную роль, цель фильма благородная — посмертно избавить Есенина от «позорного клейма висельника». Цель оправдывает средства, потому авторы фильма, пренебрегая историческими фактами, так все перекрутили, что начинаешь сомневаться в том, что они вообще знакомы с воспоминаниями друзей поэта и внимательно читали самого Есенина.

Да и главные доводы фильма были немедленно опровергнуты судмедэкспертом Сергеем Никитиным, который проделал большое количество интересных экспериментов и научно опровергнул все, на что делался упор в фильме «Сергей Есенин». Вот, например, один из экспериментов: к пластилиновой копии посмертной маски приложили стальную трубу такого же диаметра, как была в гостинице, — 3,7 сантиметра. Отпечаток вдавления точно такой же, как лобная рана у Есенина.

У Есенина были и конфликты с властями... но лишь на почве кабацкого буйства поэта. Есенина 10 раз доставляли в милицию. Но только для «вытрезвления». Цитирую его собрата по перу В. Ходасевича, близко знавшего Есенина: «Относительно же Есенина был отдан в 1924 году приказ по милиции — доставлять в участок для вытрезвления и отпускать, не давая делу дальнейшего хода».

А друзья и знакомые поэта сходятся во мнении, что алкоголизм Есенина и стал первейшей причиной его преждевременного ухода «в ту страну, где тишь и благодать».

Вот выводы Мариенгофа: «Есенинская трагедия чрезвычайно проста. Врачи это называли «клиникой». Он и сам в «Черном человеке» сказал откровенно: «Осыпает мозги алкоголь». Вот проклятый алкоголь и осыпал мозги, осыпал жизнь».

На фоне развивающегося алкоголизма обострились некоторые черты характера, до того присутствовавшие в терпимых дозах. Есенин становился патологически обидчивым, им все чаще овладевали приступы черной меланхолии. В мае 1925 года, увидев поэта, прозаик А. Вронский сказал: «Впервые я остро почувствовал, что жить ему недолго и что он догорает».

Мания смерти в последний год буквально съела поэта. Исследователи его творчества отмечают «около 400 случаев упоминания смерти в произведениях С. Есенина, из них более трети приходится на последние два года, причем в половине этих стихов поэт говорит о своей смерти, о самоубийстве».

«Вот помру, тогда узнаете, кого потеряли. Вся Россия заплачет», — все чаще повторял поэт своим приятелям. И Россия до сих пор плачет. Хочется вспомнить еще и предсмертные слова Галины Бениславской, кстати, похороненной рядом с поэтом: «Самоубилась здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое...» Это слова женщины, любившей Есенина больше, чем жизнь.

Я дала несколько разных версий смерти поэта, хотя, конечно, жаль, что вместо того, чтобы восторгаться стиха-

ми, в который уж раз спорят о его смерти. Как будто это что-то докажет...

Вот прощальное стихотворение Сергея Есенина:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Армянское кладбище

Армянское кладбище находится рядом с Ваганьковским и является сейчас его филиалом.

Армянское кладбище (ул. Сергея Макеева, 12) имеет прямоугольную форму, обнесено высокой кирпичной стеной. Это, пожалуй, одно из самых маленьких (его площадь — менее 4 га), тихих и ухоженных кладбищ Москвы. Основано кладбище в конце XVIII века по ходатайству московской армянской общины, отсюда его название. Хоронили здесь главным образом армянских купцов и ремесленников. В 1815 году почти в центре кладбища построена армяно-григорианская церковь Воскресения, являющаяся памятником архитектуры, охраняемым государством.

На Армянском кладбище могилы братьев Ивана и Иоакима Лазаревых, основателей Лазаревского института восточных языков в Москве в 1815 году. Дворянская семья Лазаревых (Лазарян) сыграла большую роль в истории армянского освободительного движения в XVIII—XIX веках и присоединении Восточной Армении к России, в развитии и укреплении дружественных отношений между двумя народами. Здесь похоронены армянский общественный деятель, историк и публицист XIX века С.И. Назарян; армянский поэт и педагог XIX века С.С. Шах-Азис; юрист, историк и публицист Г.А. Джаншиев, один из издателей (1883) либеральной газеты «Русские ведомости».

На этом кладбище похоронены известные писатели нашего века: М.С. Шагинян, Герой Социалистического Труда, лауреат нескольких премий, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР; В. Ян, выдающийся исторический писатель, автор трилогии «Чингисхан», «Батый», «К последнему морю»; Мария Марич, лучшим романом которой является «Северное сияние» о декабристах и Пушкине; А.П. Платонов, прозаик, критик и публицист трудной судьбы, романы которого «Котлован» и «Чевенгур» только недавно обрели читателя.

Здесь похоронены видный ученый, профессор Л.К. Рамзин, композитор Андрей Бабаев, известный автор лирических песен «Я встретил девушку», «Любимые глаза». Музыканты: Б.О. Сибор, известный скрипач, профессор Московской консерватории; М.П. Адамов, трубач, Герой Труда, профессор Московской консерватории, С.З. Асламазян, виолончелист, народный артист Армянской ССР, профессор Московской консерватории; архитектор А.Н. Душкин, трижды удостоенный Государственной премии СССР, профессор Московского архитектурного института.

Обращает внимание надгробие (или то, что от него осталось) скульптора Н.Н. Андреева на могиле мецената и театрального деятеля Н.Л. Тарасова (1882—1910), друга выдающихся актеров МХАТа Качалова и Москвина, трагически скончавшегося в расцвете молодости и таланта. Об этом надгробии говорится в книге «Русская мемориальная скульптура» (М., 1978): «Андреев Н.Н. (1873—1932), крупнейший русский и советский скульптор, создал надгробие в 1911—1912 годах Н.Л. Тарасову на Армянском кладбище. Этот памятник выразителен и не имеет аналогий в рус-

ском надгробии... Это наилучшее мемориальное произведение выдающегося скульптора». К сожалению, за памятником многие годы никто не ухаживает, бронзовая фигура надгробия утрачена (М.Д. Артамонов).

Как добраться

Идти на это кладбище так же, как на Ваганьково. А если вы идете с Ваганьково, вам надо только перейти дорогу и немного пройти вправо.

Румянцева Надежда Васильевна (1930–2008)

От центрального входа к могиле Румянцевой ведут указатели (входите, идете прямо, затем — налево, прямо, затем — снова налево). Пока на могиле Румянцевой стоит деревянный крест.

Надежда Васильевна была самой яркой и солнечной комедийной актрисой советского кинематографа. Счет ее ролей в кино небогатый — меньше 30, но, несмотря на это, героини Надежды Румянцевой навсегда вошли в сердца зрителей, а некоторые фильмы так просто растащили на цитаты!

Профессию актрисы Надежда Румянцева осваивала во ВГИКе, а параллельно с обучением работала на сцене Центрального детского театра и снималась в кино. Небольшой рост, наивные и распахнутые глаза, неподражаемый голос навсегда определили ее амплуа — «травести». Однако сила ее комедийного таланта была столь велика, что в любой

картине ее «девушки-простушки» затмевали томных и величавых главных героинь.

Дебют Румянцевой состоялся в 1952 году в фильме «Навстречу жизни». Чтобы лучше передать характер своей героини, она пошла в ремесленное училище, где целый месяц изучала токарное дело. На съемках фильма Румянцева должна была прокатиться на моторной лодке. Режиссер спросил, умеет ли она управляться с лодкой, и Надежда соврала, что умеет. Она боялась, что ее лишат роли, если она скажет правду. А эпизод снимался в октябре на Балтике. Лодка перевернулась, и незадачливая актриса оказалась в ледяной воде. Ее удалось вытащить, но съемки пришлось задержать, пока актриса отлеживалась в больнице.

Сниматься ей понравилось, и она с восторгом взялась за новые роли в кино: «Это не только съемки в Москве, но и экспедиции... можно поехать на море, или на Северный полюс, или в пустыню. Я ведь нигде не бывала». Хотя партнеры по ранним фильмам — мальчишки младшего школьного возраста — норовили дергать ее, двадцатилетнюю, за косы и стукнуть портфелем, актриса была довольна этими картинами.

Окончательно в амплуа комической актрисы Надежда Румянцева утвердилась после фильма «Девчата» (1961), сыграв роль поварихи Тоси Кислицыной. Эта роль принесла Румянцевой Гран-при на кинофестивале в Аргентине, а западная пресса тут же окрестила Надежду Васильевну «русской Джульеттой Мазиной» и «Чарли Чаплином в юбке».

Пиком творческих достижений Румянцевой на экране того времени можно считать «Королеву бензоколонки»

Алексея Мишурина и Николая Литуса. В этой картине героиня с гениальной фамилией Добрыйвечер произнесла пророческую фразу: «Я не изменила мечте, я изменила мечту». Прошло четыре года, и актриса поступила так же. Она счастливо вышла замуж и предпочла семейную жизнь съемочной площадке.

Вплоть до 1975-го об актрисе никто ничего не слышал. По стране поползли слухи один страшнее другого. Кто-то говорил, что Румянцева спилась, кто-то — что ее посадили за валютные махинации, кто-то вообще заявлял, что «чудо с косичками» сбежало в Америку. Однако все было гораздо прозаичнее: актриса встретила человека, в которого влюбилась сразу и безоговорочно — армянина по национальности, дипломата по профессии Вилли Вартановича Хштояна — и надолго уехала за границу.

После возвращения на родину Надежда Васильевна была ведущей программы «Будильник» — с тех пор каждое воскресенье миллионы ребят начинали утро именно с этой программы. Голос актрисы звучит и в популярных мультфильмах: «38 попугаев», «Привет мартышке», «Бабушка удава», утенок Дилли из русского дубляжа «Утиных историй» и Куки в «Ловушке для кошек».

Вот несколько воспоминаний людей, которые общались с ней в эти годы. «Мы вместе озвучивали «Утиные истории», — вспоминает актриса Людмила Гнилова. — Шутили, дурачились, говорили утиным голосом по телефону. Надя была по-настоящему добрым человеком, не раз меня выручала. Я могла ей позвонить в любое время дня и ночи. Когда у меня были проблемы, Надя умела сказать что-нибудь простое и смешное — и сразу легче становилось».

«Мы с ней дружили без малого 30 лет, — рассказывает другая близкая подруга Галина Пешкова. — Человеком она была ответственным, удивительно пунктуальным, всегда держала слово. Но самое главное — она ко всему в жизни относилась позитивно! Рядом с ней хотелось радоваться жизни, и своей радостью, любовью к жизни она заражала каждого, кто общался с ней. Надя любила людей, точно подмечала все их особенности. Она даже рассказ об очередном походе в магазин превращала в юмористическую новеллу».

Последние годы актриса почти совсем не снималась, по ее признанию, она не видит на экранах ничего такого, о чем стоило бы пожалеть как об упущенной возможности. Если ей предлагали сценарии, где были криминальные разборки и сцены насилия, она говорила: «Я лучше поеду сажать цветы на даче, чем буду тратить время на такие фильмы. Актер должен нести людям свет, добро, надежду и любовь. Если этого нет, тогда зачем такое кино». Последние годы Надежда Васильевна жила за городом. Она сажала цветы, копалась в огороде. Если ее спрашивали, почему без перчаток, руки ведь будут грязными, повторяла слова матери: «Это же не грязь, это земля!»

Но иногда режиссерам все-таки удавалось ее заинтересовать. Последней полнометражной картиной, в которой снялась Румянцева, стала «Чудная долина». Режиссер фильма рассказала, как проходили съемки: «Мне хотелось снять не просто комедию, а притчу, почти что сказку для взрослых. На главную роль нужна была актриса, которой бы зритель поверил, такая, как Румянцева. И без особой надежды позвонила ей — а вдруг? И она говорит: «Деточ-

ка, приезжайте, мне очень понравился сценарий. Смешной, добрый — я буду работать». Съемки проходили в Крыму. Однажды я выглядываю с балкона, а мимо проходит легкой пружинистой походкой какая-то девочка в шляпке и шортиках. Присмотрелась, а это Надежда Васильевна спешила на пляж. Такой я ее и запомнила: лучистая, светлая актриса и очень хороший, легкий человек».

Перед уходом из жизни актриса долго и тяжело болела, и хотя врачи делали все возможное, чтобы продлить ей жизнь, ее состояние только ухудшалось. Она умерла вечером 8 апреля 2008 года на руках своего супруга — 79-летнего Вилли Вартановича Хштояна.

В 75 лет актрису спросили — заканчивается ли в эти годы жизнь. Она ответила: «Нет, продолжается. И это от тебя зависит, как ты ее будешь строить. Каждый возраст сам по себе прекрасен, появляются разные интересы и разное отношение к жизни. Я всегда вспоминаю дневники Льва Толстого, в которых он написал: жизнь дается человеку на такой короткий срок, что сама по себе она уже огромное счастье. Так что я к каждому дню отношусь как к подарку: жизнь продолжается!»

Платонов Андрей Платонович (1899—1951)

Доходите до церкви и идете по дорожке справа от нее. Надгробие Платонова — черная вертикальная плита.

«Платонов — та страница нашей отечественной словесности, которая и после классики XIX века снова удивила мир, заставила его вздрогнуть и даже растеряться пе-

ред лицом все той же русской литературы, настоятельную необходимость которой испытывает человек любой национальности, если только он стремится к пониманию человечества», — писал Залыгин.

Андрей Платонович Платонов (Климентов) родился 16 августа 1899 года в Воронеже.

С 1914 года как старший в многодетной семье (11 детей) он начинает работать: помощником машиниста, литейщиком на трубном заводе, в паровозоремонтных мастерских. «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться, биться...» — признавался позже Платонов. Мотив паровоза прошел через все его творчество, а трудное детство описано в рассказах о детях.

В 1920 году Платонов принимает участие в работе первого Всероссийского съезда пролетарских писателей (Москва). На вопрос анкеты съезда: «Каким литературным направлениям вы сочувствуете или принадлежите?» — он ответит: «Никаким, имею свое».

Первая проба пера — юношеские стихи, вошедшие в его поэтический сборник «Голубая глубина». «Голубую глубину» заметит в Москве В. Брюсов, выразив надежду, что «прекрасные обещания молодого пролетарского поэта дадут в будущем достойное осуществление».

В 1922—1926 годах Платонов работает мелиоратором в Воронежской губернии и на строительстве электростанции. В автобиографии 1924 года писатель так объяснит свой путь от литературы к жизни: «Засуха 1921 года про-

извела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой».

В письмах к жене Платонов проговаривает свои сокровенные темы. О творчестве и собственной судьбе: «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — «муза» мне не изменит... Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного».

В этот период кристаллизуется поэтика Платонова: двойственность авторской позиции, поиски глубинных смыслов жизни — «вещества существования»; герои — одинокие изобретатели, странники, раздумчивые чудаки. Складывается неповторимая языковая фактура: стиль мастера основан на поэтических приемах и словообразовательном механизме языка, выявляющем скрытое, первичное значение слова. Выразительное косноязычие Платонова не имеет прецедентов в русской литературе, отчасти опираясь на традиции символизма, а также перерабатывая опыт авангарда и газетную лексику своего времени. Сотканные из парадоксов угловатые герои, язык, сюжеты Платонова с трудом обретали признание современников, но успех публикаций вскоре сменяется критическими отзывами, редакторскими купюрами и отказами.

Платонов пишет в это время много, но не все публикуется, например были запрещены к печати «Чевенгур» и «Котлован», где он видит будущее России. По мнению Бродского, Платонов «сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности».

В июне—июле 1931 года Платонов отправляет письма еще двум адресатам — Сталину и Горькому. Ответа не последовало, поток погромных статей только нарастает.

«Могу ли я быть советским писателем, или это объективно невозможно?» — спрашивает Платонов Горького в письме 1933 года. Горький не ответил. Еще в 1929 году он сказал Платонову: «Не сердитесь. Не горюйте... Все минется, одна правда останется».

А Платонов все пишет и пишет...

На рабочем столе писателя в 1937 году оказываются новые рассказы, сценарии, материалы к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году». Сдача романа в издательство «Советский писатель» планировалась в июле 1938 года. В мае 1938 года был арестован единственный сын Платонова, пятнадцатилетний школьник. «Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его», — писал Платонов о сыне в 1926 году. Предчувствие обернулось явью.

Для Центрального детского театра Платонов пишет пьесы и сценарии («Избушка бабушки», «Добрый Тит», «Неродная дочь» и др.), однако ни одна из пьес не будет поставлена при жизни писателя.

В начале 1942 года Платонова утверждают военным корреспондентом в действующую армию, и он уезжает на фронт. За время войны вышло четыре книги Платонова: «Одухотворенные люди», «Рассказы о Родине», «Броня», «В сторону заката солнца».

Виктор Полторацкий, знавший Платонова во время войны, вспоминал впоследствии: «Во внешности Платонова было что-то от мастерового, рабочего человека, в силу

необходимости ставшего солдатом, чтобы защитить свою родину... Говорил глуховатым, низким голосом, спокойно и ровно. Но порою бывал и резок, колюч, всегда абсолютно нетерпим к фальши и хвастовству...»

После войны туберкулез, вызванный ранением, прогрессировал. В паузах между больницами и санаториями Платонов пытался работать. На фотографиях этих лет, даже с маленькой дочкой Машей, он не выглядит счастливым.

Говорят, в эти годы Платонова видели во дворе Литературного института с метлой дворника. Из литературы по разным и понятным причинам его имя исчезает — и надолго.

5 января 1951 года Андрей Платонович Платонов скончался...

Некрополь Донского монастыря (старое Донское кладбище)

Донское кладбище самое старое, оно находится в юго-западной части Москвы (Донская ул., 1). От станции метро «Шаболовская» до него всего минут десять хода. Самые ранние захоронения находятся в Большом соборе. Это надгробия грузинских царевичей — Давида (1688) и его братьев Матвея и Александра (1711). Получается, до них тут никого и не хоронили? Но это, конечно, не так. Тут хоронили еще при основателе монастыря Борисе Годунове.

Во второй половине XVIII века, особенно после указа Екатерины II от 1771 года о запрещении хоронить на церковных кладбищах в черте города, кладбище Донского монастыря стало одним из самых аристократических в Москве. С очень высокими ценами на участки. В XIX веке участок здесь стоил 3 тысячи. В это же время можно было купить приличную корову за 5 рублей.

Кладбище стало местом захоронения русской аристократии и богатого купечества. Здесь нашли последнее пристанище князья Вяземские, Горчаковы, Долгорукие, Оболенские, Прозоровские, Салтыковы, Трубецкие, Урусовы, Хованские, Черкасские, Щербатовы. Можно найти могилы графов Ефимовских, Зубовых, Орловых, Орловых-Денисовых, Паниных, Протасовых, Строгановых, дворян Васильчиковых, Веневитиновых, Глебовых-Стрешневых, Дмитрие-

вых-Мамоновых, Загряжских, Зыбиных.... Также здесь похоронены русские поэты, писатели и философы Я.П. Шаховской, М.М. Херасков, А.П. Сумароков, В.Ф. Одоевский, В.Л. Пушкин, И.И. Дмитриев, А.Н. Аксаков, В.А. Жуковский, А.Г. Майков, П.Я. Чаадаев, архитекторы О.И. Бове, В.И. Шервуд, Н.И. Козловский, историки В.О. Ключевский, Д.Н. Бантыш-Каменский, отец авиации Н.Е. Жуковский.

Интересны надгробия работы И.П. Мартоса, В. Демут-Малиновского, И. Витали. Масонские памятники конца XVIII — начала XIX веков, а также церкви Александра Свирского — усыпальница сенатора А.Н. Зубова (1796—1798), Иоанна Лествичника — усыпальница семьи Терещенко (1898), Иоанна Златоуста — усыпальница Первушиных.

Кладбище уже давно закрыто для захоронений.

Донской монастырь длительное время был филиалом Музея архитектуры им. А.В. Щусева. В некрополе проводились научно-реставрационные работы, содержались в порядке саркофаги XVIII века. Сейчас он возвращен Русской православной церкви.

Открыт некрополь только по субботам и воскресеньям, с 10 до 16 часов (а раньше было и того жестче — с 10 до 14), все остальное время открыт только Большой собор, а боковые дорожки перегорожены и строго охраняются. На дощечке у входа есть просьба одеваться скромнее, когда идешь на некрополь Донского монастыря, и вести себя прилично — это единственное московское кладбище, которое просит к себе уважения.

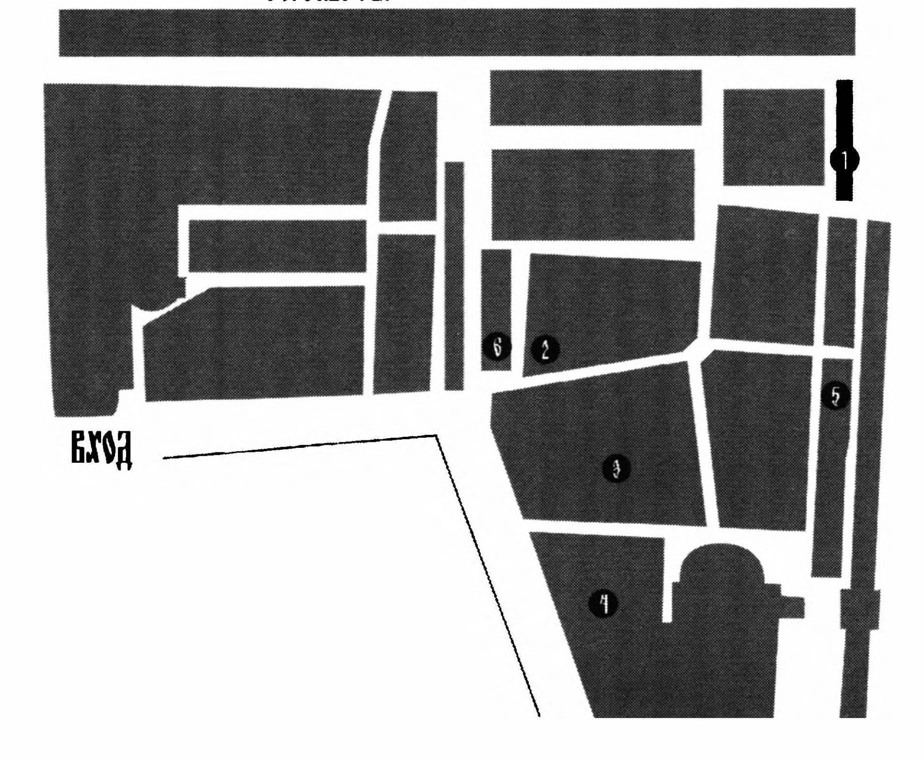

ГОРЕЛЬЕФЫ
1
6
2
5
3
4
ВХОД

Схема некрополя Донского монастыря

1. Деникин А. И.
2. Чаадаев П.Я.
3. Салтыкова Д. И.
4. Одоевский В. Ф.
5. Сумароков А. П.
6. Малый Собор Донского монастыря.

Но кроме прекрасных старинных саркофагов и усыпальниц, на кладбище есть еще две интересные особенности.

Во-первых, при входе вас не смогут не заинтересовать удивительные белые танки «ДД» — «Дмитрий Донской». Все объясняется, конечно, просто. В 1943 году на пожертвования церкви была создана такая танковая колонна, сыгравшая немалую роль в обороне Москвы, хотя об этом в учебниках истории не пишут.

Во-вторых, дальнюю стену кладбища украшают горельефы. Но они не из Донского монастыря. Это горельефы, спасенные в 30-е годы из храма Христа Спасителя перед взрывом. Всего лишь несколько обломков — их, видимо, посчитали недостойными для переселения на новый храм Христа. Но, пожалуй, именно храм недостоин их. Горельефы выполнены на библейские сюжеты, рядом с каждым висит табличка с названием. Вы можете приходить смотреть на них много раз — но они всегда поражают, как в первый. Уходишь и думаешь: «Нет, не может быть, что они такие большие, такие красивые и такие несчастные». Приходишь снова — и убеждаешься: да, они именно такие.

Деникин Антон Иванович (1872—1947)

По пути к могиле Деникина есть отличная возможность осмотреть кладбище и подойти к горельефам.

Его последнее желание — быть похороненным в России после краха коммунизма.

В конце своей жизни он откровенно признавался: «В академические годы сложилось мое политическое ми-

ровоззрение. Я никогда не сочувствовал ни «народничеству» с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны. Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года».

Февральский переворот ошеломил Деникина, человека либеральных взглядов, сторонника конституционной монархии и радикальных общественных реформ: «Не были подготовлены вовсе ни к такой неожиданно скорой развязке, ни к тем формам, которые приняла революция».

Глядя на Керенского, Деникин сказал: «Вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь... поднимите их и преклонитесь перед ними... Если в вас есть совесть!»

Неудивительно, что генерал принял участие в так называемом корниловском мятеже и вместе с другими его руководителями оказался в тюрьме.

Затем Деникин уходит на Дон. В 1918 году Деникин становится во главе Добровольческой армии. К концу года ему удалось сломить сопротивление атаманов донского и кубанского казачества и объединить под своим командованием все антибольшевистские силы. К этому времени умер Алексеев, и Деникин, как самый авторитетный из генералов и старший по должности, занимает вновь создан-

ный пост главнокомандующего вооруженными силами Юга России.

Потом он попадает под начало Колчака, а затем передает место Врангелю, а сам покидает пределы Родины, понимая обреченность «белого дела». В своих воспоминаниях генерал попытался осмыслить события в России — революцию, Гражданскую войну, причину поражения антибольшевистских сил. Многие оценки, приведенные на страницах «Очерков русской смуты», заслуживают того, чтобы быть известными широкому кругу читателей. Например, следующая мысль Деникина: «Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута наряду с примерами высокого самопожертвования всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубинах человеческой души».

В ходе знакомства с жизнью и деятельностью Антона Ивановича Деникина невольно обращаешь внимание на две черты личности генерала, которые неизменно влияли на содержание его мыслей и поступков, — честность и патриотизм. Еще Деникин был глубоко верующим человеком.

Не совсем удачно складывалась личная жизнь Деникина. Он полюбил замужнюю женщину, но обручился только с ее дочерью, когда ему шел уже 45-й год. Впоследствии Ксения Васильевна, которую он нежно любил, делила с ним все тяготы войны. Жена сама стряпала, а генерал ходил нередко в заплатанных штанах и дырявых сапогах.

Уехав за границу, он долго не может найти себе места, и только весной 1926 года Деникин селится в Париже, в

признанном центре русской эмиграции. Там он прожил до мая 1940 года. Деникину пришлось покинуть виллу друзей и провести несколько лет, до освобождения Франции от немецкой оккупации, в холодном бараке, где он, нуждаясь во всем и часто голодая, продолжал работать над своим трудом «Путь русского офицера». Генерал Деникин осуждал политику Гитлера и называл его «злейшим врагом России».

Во время Великой Отечественной войны известного генерала-антикоммуниста пытаются вовлечь в борьбу против Советского Союза. Командование вермахта предлагает ему переехать в Германию и заниматься литературной работой на весьма выгодных условиях. Но Деникин ответил: «Оставаясь непримиримым в отношении большевизма и не признавая советскую власть, я считаю себя и ныне гражданином Российской империи».

В мае 1945 года он вернулся в Париж и вскоре, в конце ноября того же года, воспользовавшись приглашением одного из своих соратников, отправился в США.

Ему принадлежат книги: «Очерки русской смуты» (5 томов), «Офицеры», «Старая армия», «Русский вопрос на Дальнем Востоке», «Брест-Литовск», «Кто спас Советскую власть от гибели?», «Мировые события и русский вопрос», «Путь русского офицера».

Энергия и творческая деятельность не покидали А.И. Деникина до самой его смерти.

Время от времени, а под конец все чаще и чаще давала о себе знать болезнь сердца.

Жизнь подходила к концу. Медленной поступью приближался он к горизонту, за которым лежала великая и

неразгаданная тайна. Как верующий христианин, Антон Иванович не боялся смерти. Одного боялся Деникин, что не доживет до «воскресения» России, не увидит разрушения того зла, борьбе с которым он посвятил все свои силы.

20 июля случился с Антоном Ивановичем сильнейший сердечный припадок. Его сразу перевезли в ближайший город Анарбор и поместили в больницу при Мичиганском университете. Через два-три дня он почувствовал себя немного лучше и попросил жену принести ему рукопись, чтобы продолжать работу над автобиографией.

Но дни его были сочтены. Вскоре повторный сердечный приступ оборвал эту жизнь, полную борьбы и веры. И, несмотря на все удары судьбы, на всю, казалось бы, безнадежность политической обстановки, генерал Деникин, как это ни странно, до последней почти минуты верил в какое-то чудо, ибо последние его слова жене были: «Вот не увижу, как Россия спасется!»

Умер он 7 августа 1947 года в госпитале Мичиганского университета. Похоронен с воинскими почестями на кладбище Эвергрин в Детройте. В 1952 его останки были перенесены на русское кладбище Св. Владимира в Нью-Джерси.

Незадолго до смерти, в августе 1947 года, Деникин передал родным свое последнее желание: после свержения коммунизма гроб с его останками должен быть перезахоронен в России. И вот 3 октября 2005 года прах генерала Деникина был перезахоронен в Донском монастыре в Москве.

Чаадаев Петр Яковлевич (умер 1856)

Железная горизонтальная плита.

Потомкам могила Чаадаева, который «был бы в Риме Брут» (это слова Пушкина), сообщает только один-единственный факт: «Кончил жизнь 1856 года 14 апреля». Не два, как должно быть, то есть «родился тогда-то» и «умер тогда-то», а всего один. Это не от пренебрежения, это — по незнанию. До сих пор не установлено и не будет установлено, наверное, никогда, когда же он, Петр Яковлевич, родился. Считают так: Чаадаев родился в первые годы последнего десятилетия XVIII века.

Зачислившись юнкером в Семеновский полк, он участвовал в войне 1812 года и последующих военных действиях. Служа затем в лейб-гусарском полку, Чаадаев близко сошелся с учившимся тогда в Царскосельском лицее молодым Пушкиным. По словам Лонгинова, «Чаадаев способствовал развитию Пушкина более, чем всевозможные профессора своими лекциями».

Чаадаеву удалось спасти Пушкина от грозившей ему ссылки в Сибирь или заключения в Соловецкий монастырь. Узнав об опасности, он добился в неурочный час свидания с Карамзиным и убедил его вступиться за Пушкина. Пушкин платил Чаадаеву теплой дружбой. В числе «самых необходимых предметов для жизни» он требует присылки ему в Михайловское портрета Петра Яковлевича. Ему посылает он первый экземпляр «Бориса Годунова» и интересуется мнением Чаадаева об этом произведении. Ему же шлет из Михайловского целое послание, в котором

выражает свое страстное пожелание поскорее в обществе Чаадаева «почитать, посудить, побранить, вольнолюбивые надежды оживить».

А тот позорный и страшный момент на Сенатской площади Петр Яковлевич упустил. В 1825 году Чаадаев был за границей — не прятался, просто так получилось. Когда он вернулся, в России все было уже по-другому. С этого же времени фигура Чаадаева выделяется на фоне русской жизни уже не в качестве общественного деятеля или одного из будущих реформаторов России, а в образе мыслителя, философа, блестящего публициста. Вот одна из фраз Чаадаева: «Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие — сердцем создают себе ум: последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств».

Между 1829—1831 годами он создает свои знаменитые «Философические письма». Первое из них (а всего их было 8), опубликованное в журнале «Телескоп» в 1836 году, произвело эффект разорвавшейся бомбы: это был обвинительный акт против собственного народа, как писал Чаадаев, «ни одна великая истина не вышла из нашей среды» и т.п. «Народы — существа нравственные, — утверждал он, — точно так же, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру».

При этом подразумевалось, что чаще всего это урок отрицательный, как наглядно показала история России XX ве-

ка. Властями чаадаевское «Письмо» было воспринято как прямая атака на существующий строй, а его автор, и ранее преследовавшийся за свои связи с декабристами, был насильно подвергнут медицинскому освидетельствованию, «высочайшим указом» объявлен сумасшедшим и навсегда лишен права печататься.

Общественное мнение тогдашней России в целом было не на стороне Чаадаева. Даже его друг Пушкин, защищая в письме философу достоинство Родины, так выразил свою ставшую хрестоматийной мысль: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории «наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». В оправдание Чаадаева следует, однако, сказать, как и сам он неоднократно подчеркивал, что, бескомпромиссно критикуя Россию, он делал это из самых высоких побуждений, опираясь на некую общечеловеческую правду и желая родине только блага. «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами, — говорил Чаадаев. — Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее. Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы».

После Крымской войны (1853—1856), не видя улучше-

ния в положении России, он думал о самоубийстве, но умер от воспаления легких.

Многое было в жизни этого человека, но самое главное он упустил — любовь.

Вообще же Петр Яковлевич не должен лежать здесь. Он завещал похоронить себя у ног одной рано умершей девушки, которую он любил, — сестры декабриста Норова. Но он — здесь, а на ее могиле стоит цилиндрический памятник, как жестокая замена самого Чаадаева.

Ах, да! Фамилия Чаадаев вам ничего не напоминает? Немного похожа на фамилию «Чацкий», не правда ли? Именно Петр Яковлевич, а не сам Грибоедов, как многие считают, — прототип героя «Горя от ума».

Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801)

Кол из серого песчаника, увитый то ли веревкой, то ли змеей.

Придя на Донское, нельзя обойти вниманием этот осиновый кол серого песчаника, обвитый то ли веревкой, то ли змеей. Кто же здесь лежит? А лежит здесь, на этом почтенном кладбище, по какой-то злой иронии судьбы, Дарья Николаевна Салтыкова. Свое земное существование Дарья Николаевна, больше известная как Салтычиха, отяготила серьезно: убийством 139 душ, и это — только официально.

В двадцать шесть лет Салтычиха овдовела и получила в свое полное владение около шестисот крестьян в поместьях, расположенных в Московской, Вологодской и Костромской губерниях. С тех пор и начались ее зверства.

Она запарывала плетьми, забивала жертв поленьями, обливала кипятком, жгла утюгом, травила, подпаливала волосы, кидала с высокого крыльца, вырывала уши горячими щипцами, морила голодом. Иногда вначале калечила; а потом убивала. Иногда убивала сразу. Иногда — не сама. Заставляла других слуг убивать своих же, например, братьев или друзей...

Вместе с тем Салтычиха вела набожный образ жизни. Она делала пожертвования церкви и ежегодно отправлялась в поездки к православным святыням, таким как Киево-Печерская лавра.

Источники расходятся в показаниях — что послужило причиной такой изуверской жестокости Салтыковой? Есть предположение, что припадки стали случаться с ней после того, как ее бросил любовник, капитан Тютчев — дедушка поэта. Сбежал он от нее с молодой и милой блондинкой, после чего Салтычиха стала истреблять всех похожих на разлучницу крепостных, то есть всех светловолосых женщин и девочек. Однако немного не вяжется, поскольку мужчин Салтыкова убивала тоже и вряд ли находила в них какие-то сходства с бывшим любовником, поскольку Николай Тютчев был собою сказочно хорош. По другой версии, более правдоподобной, любовник скрылся от нее уже после, вдоволь наглядевшись на зверства.

Основным предлогом для убийства служила удивительная чистоплотность Дарьи Николаевны. То пол плохо вымыт, то платье не достирано. И вот печальный итог — 139 человек замучено.

Первоначальные жалобы крестьян привели лишь к наказаниям жалобщиков, так как у Салтычихи было влия-

тельное родство и ей удалось подкупить должностных лиц взятками. Но все-таки двум крестьянам, Савелию Мартынову и Ермолаю Ильину, жен которых она убила, в 1762 году удалось передать жалобу только что вступившей на престол Екатерине II. Императрица, увлекавшаяся в то время разговорами о справедливости и перепиской с французскими просветителями, велела Юстиц-коллегии «наикрепчайше исследовать» это дело, которое длилось шесть лет. Проанализировали счетные книги Салтычихи, что позволило установить круг подкупленных чиновников. Следователи также изучили записи о движении крепостных душ, в которых было отмечено, какие крестьяне были проданы, кто был отправлен на заработки и кто умер.

Также оказалось много подозрительных записей о смертях. Так, например, двадцатилетняя девушка могла поступить на работу в качестве прислуги, а через несколько недель умереть. Согласно записям, у Ермолая Ильина (одного из жалобщиков, который служил конюхом) умерло подряд три жены. Некоторых крестьянок будто бы отпускали в родные деревни, после чего они тут же умирали или пропадали без вести.

Изучение архивов канцелярии московского гражданского губернатора, московского полицмейстера и Сыскного приказа выявило 21 жалобу, поданную на Салтычиху ее крепостными. Все жалобщики были возвращены помещице, которая произвела над ними собственный суд.

Дарью Салтыкову взяли под стражу, но она ни разу ни в чем не созналась. Ее уговаривал священник — не созналась. Ее пытали (правда, не совсем ее, а других на ее глазах, убеждая, что она следующая) — не созналась.

И вот в 1768 году Салтычиху приговорили к смертной казни. И не казнили — потому что императрица распорядилась по-другому. Салтыкову лишили дворянства и фамилии, час она простояла у позорного столба с надписью на груди «Мучительница и душегубица», а потом ее отправили в подземную тюрьму Ивановского монастыря. Кроме того, Салтычиху объявили недостойной считаться особой «милосердного пола», вследствие чего постановили впредь именовать «сие чудовище мужчиною». Опять-таки по указу Екатерины.

Салтычиха провела в тюрьме тридцать три года, пока не умерла. Одиннадцать лет она провела практически похороненной заживо, а затем была переведена в камеру, в которой имелось окошко. По воспоминаниям современников, народ специально приезжал в монастырь, чтобы посмотреть на знаменитую мучительницу Салтычиху.

Но, как часто бывает с чудовищами, она все-таки была по-своему привлекательна. Влюбила в себя караульного солдата, родила от него ребенка. Но снисхождения не заслужила. И не раскаялась.

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869)

Похоронен Одоевский через несколько могил от могилы Салтычихи.

Одоевский Владимир Федорович — князь, русский писатель, журналист, издатель, музыковед. Принадлежал к ветви рода Рюриковичей. Отец его служил в должности

директора Московского отделения Государственного банка, мать была крепостной крестьянкой.

Печататься Одоевский начал в качестве переводчика с немецкого. Материалы были опубликованы в «Вестнике Европы» в 1821 году. Там же в 1822—1823 годах публикуются «Письма к Лужницкому старцу», одно из которых, «Дни досад», привлекло своим негодующим настроем внимание А.С. Грибоедова, который познакомился с Одоевским и оставался его близким другом до конца своей жизни.

В юношеские годы Одоевский был дружен со своим старшим двоюродным братом, поэтом и будущим декабристом А.И. Одоевским, как о том свидетельствует его «Дневник студента» (1820—1821): «Александр был эпохою в моей жизни». Брат безуспешно пытался остеречь его от «глубокомысленных умозрений непонятного Шеллинга», однако кузен выказал твердость и независимость в суждениях.

Кстати, Одоевского вполне можно назвать крупнейшим представителем русского романтизма. Высокую оценку Шеллингу Одоевский дает в философском романе «Русские ночи». Роман, по сути дела, представляет собой приговор немецкой философии от лица русской мысли, выраженный во внешне прихотливом и чрезвычайно последовательном чередовании диалогов и притч. Европейская мысль объявляется неспособной разрешить важнейшие вопросы российской жизни и всемирного бытия.

И после этого произведения Одоевский писал много, но, к сожалению, эти произведения почти забыты для массового читателя («Пестрые сказки», «Городок в табакер-

ке», «Сказки и повести для детей дедушки Иринея»...). Одоевский не только занимательный повествователь или, по его собственному выражению, — сказочник, но и научный мыслитель, популяризатор нравственно-философских, экономических и естественно-исторических учений. Постоянно следя за открытиями в науке и за новыми теориями, он в той или другой форме знакомит с ними своих читателей.

Признаки «нашей прирожденной болезни» Одоевский видит в «общенародной лени ума, в непоследовательности и недостатке выдержки» и негодует на то русское свойство, которое он называет «рукавоспустием». «Идеализм в народе, — пишет он, — является большей частью в виде терпимости к другим народам и понимания их». Вместе с тем он до конца верил в русского человека и его богатые задатки: «А все-таки русский человек — первый в Европе не только по способностям, которые дала ему природа даром, но и по чувству любви, которое чудным образом в нем сохранилось, несмотря на недостаток просвещения, несмотря на превратное преподавание религиозных начал, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшение. Уж если русский человек прошел сквозь такую переделку и не забыл христианской любви, то, стало быть, в нем будет прок — но это еще впереди, а не назади».

В начале 1820-х годов Одоевский бывал на заседаниях «Вольного общества любителей российской словесности», где главенствовал Ф. Глинка. К открывшимся после событий декабря 1825-го замыслам заговорщиков, со многими из которых Одоевский был дружен или близко знаком, он отнесся с грустным пониманием и безоговорочным осуж-

дением. Однако николаевскую расправу с декабристами осудил гораздо резче, хотя и был готов безропотно разделить участь друзей-каторжников. Следственная комиссия не сочла его для этого «достаточно виновным», и он был предоставлен самому себе.

Князю Одоевскому принадлежит почин в устройстве детских приютов. Им основана в Петрограде больница для приходящих, получившая впоследствии наименование Максимилиановской; он же был учредителем Елизаветинской детской больницы в Петрограде.

Одоевский является одним из выдающихся наших музыкальных деятелей. Ему принадлежит ряд музыкально-критических и музыкально-исторических статей, заметок и брошюр, а также и несколько музыкальных произведений (романсов, фортепианных и органных пьес и т.д.).

Одним из увлечений Одоевского была древняя русская музыка, он читал о ней лекции прямо у себя на дому. Его советами неоднократно пользовался Глинка, когда писал оперу «Жизнь за царя» (она же — «Иван Сусанин»). Успех оперы был отпразднован там же — у Одоевского — пением шутливого канона: «Веселися, Русь! Наш Глинка — уж не глинка, уж не глинка, а фарфор».

Отстаивая свои общественные и философские взгляды, Одоевский нередко вступал в полемику как с западниками, так и со славянофилами. В письме лидеру славянофилов А.С. Хомякову (1845) он писал: «Странная моя судьба, для вас я западный прогрессист, для Петербурга — отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо

служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине».

Действительно, Одоевский, замечательный писатель-романтик и своеобразный мыслитель, не может быть безоговорочно отнесен ни к одному из двух важнейших направлений русской мысли первой половины XIX века — славянофильству или западничеству. В то же время он никогда не стоял в стороне от этого русского спора и, следуя своим самостоятельным («узким») путем, был его непосредственным участником.

Перед смертью Одоевский был весь в делах — организовывал съезд археологов (археологией он тоже увлекался, как и географией), и во время этого съезда ученики консерватории под его чутким руководством должны были исполнять древнерусские церковные напевы... Старался Одоевский не как для чужих, но милых сердцу археологов, а как для себя родного. Так и получилось. Церковные напевы исполнили, и прекрасно исполнили... но — увы — не на съезде, а на похоронах Одоевского. Немного мистики всегда присутствовало в его жизни.

Сумароков Александр Петрович (1717–1777)

Вернувшись на дорогу, поверните направо. Могила Сумарокова недалеко от стены.

Отец этого популярнейшего драматурга XVIII века был крестником Петра Великого. А сам Сумароков был по долж-

ности вовсе не литератором, потому что тогда такой должности не существовало, а бригадиром. Но здоровое честолюбие постоянно отбрасывало Сумарокова на еще не распаханное поле русской литературы.

В октябре 1747 года Сумароков обратился к президенту канцелярии Академии наук, брату своего начальника, графу К.Г. Разумовскому, с просьбой о разрешении напечатать трагедию «Хореев». Уже в этом прошении определенно высказана мысль об общественном значении его авторства. «К тому, чтоб она была напечатана, — говорит Сумароков, — меня ничто не понуждает, кроме одного искреннего желания тем, чем я могу, служить моему отечеству». Трагедия была напечатана в том же году. Успех, выпавший на ее долю, содействовал распространению в русском обществе более правильного взгляда на театральное искусства и оказал несомненное влияние на создание постоянного русского театра.

Сумароков был человек деятельный: он не только трагедии писал, оды, элегии, критические статьи, притчи, сатиры — он еще основал литературный журнал «Трудолюбивая пчела» (название и к нему самому подходило), и поставил на сцене первую русскую оперу, и управлял театром, но не очень долго.

В годы царствования Екатерины II Сумароков уделял большое внимание созданию притч, сатир, эпиграмм и памфлетных комедий в прозе. Литературную славу получили его трагедии: «Хореев», «Гамлет», «Синав и Трувор», «Артистона», «Семира», «Ярополк и Демиза», «Вышеслав», «Дмитрий Самозванец» и «Мстислав». Уже по названиям видно,

что поэт отдавал предпочтение отечественной тематике, которая помогала ему воспитывать гражданские чувства. Основной конфликт трагедий состоял в борьбе «разума» над «чувствами», в победе общественного над личным. Часто общественно-воспитательная роль трагедий значительно преобладала над изображением живой жизни.

Такие же воспитательные цели преследовали и его комедии: «Пустая ссора», «Чудовищи», «Приданое обманом», «Опекун», «Лихоимец», «Ядовитый», «Нарцисс», «Мать — совместница дочери», «Рогоносец по воображению» и др.

Наиболее глубокими по сатирической и политической остроте были басни (притчи) поэта. Всего он написал их около 400.

Так уж сложилось, что русскому литературному обществу нужно было кого-то донимать и дразнить — этим человеком, видимо, так было угодно судьбе, стал Сумароков. Даже государыня Екатерина поддразнивала, бывало, Сумарокова, называя его «горячей головой». Ломоносов и Тредиаковский донимали его насмешками и злыми эпиграммами. Правда, Сумароков не оставался в долгу. В большинстве случаев непримиримость Сумарокова объяснялась его неуклонным стремлением к истине, как он ее понимал. С сильнейшими вельможами своего времени Сумароков так же спорил и горячился, как и со своими собратьями по перу, и ни шутом у них, ни льстецом не мог быть уже по самой своей натуре

С особенной радостью встретил воцарение Екатерины II. В похвальном слове, написанном по этому поводу, он в сильных выражениях нападал на невежество, ук-

репленное пристрастием и силой, как на источник неправды в жизни. Он умолял государыню исполнить то, что смерть помешала исполнить Петру Великому, — создать «великолепный храм ненарушимого правосудия». Императрица Екатерина ценила Сумарокова, дозволяя печатать его сочинения.

Последние годы жизни Сумарокова, после увольнения с должности директора театра, были омрачены «горькой русской болезнью» — тяжким запоем. И снова: враги смеялись над ним, дирекция театра отказывала ему в праве иметь бесплатное место на представлениях его собственных пьес, сочинения его перепечатывались с нарочными искажениями, его преследовали по долговому обязательству.

Но это еще пустяки по сравнению с его семейной жизнью. Родная мать подала на него жалобу в суд, в которой писала, что он преступник и может убить ее. С первой женой он разошелся. Потом женился на своей крепостной. Снова суд — родственники первой жены, «оскорбленные» таким его поведением, требуют лишить прав его детей от второго брака, чтобы, не дай бог, они не стали дворянами. Не станут — тут вмешается высший суд. Из четырех сыновей один умрет в молодости; трое других утонут, спасая друг друга. Издерганный, спивающийся, осмеянный Сумароков женится третий раз — на сестре своей уже покойной второй жены, тоже крепостной. Зачем женится? Да ни за чем. Ему уже все равно.

Последние годы жизни Сумароков провел в нищете. Дом и имущество продали за долги. «На что писателя

отличного мне честь, коль нечего ни пить, ни есть!» — горько восклицал он. Но при этом Сумароков имел доброе сердце и готов был последним поделиться с бедняком.

Когда он умирает в возрасте 59 лет — но по виду глубоким стариком, — его последнее имущество уходит с молотка. Денег нет даже на похороны. Гроб до кладбища несут на руках актеры Московского театра. Кроме них, провожают прах великого литератора еще только два человека, хотя литературная слава Сумарокова в то время была в зените...

Новое Донское кладбище

Новое Донское кладбище, примыкающее к южной стене монастыря, было открыто в начале XX века, где в 1927 году был сооружен первый московский крематорий с колумбарием. На кладбище имеется братская могила воинов, погибших в 1941—1945 годах и умерших в московских госпиталях, а также две общие могилы (№ 1 и № 2) жертв сталинских репрессий. В одной из них покоится известный режиссер В.Э. Мейерхольд.

Наиболее ранними захоронениями можно считать могилы дочери А.С. Пушкина Марии Александровны Гартунг, послужившей прототипом Анны Карениной в романе Л.Н. Толстого, и председателя I Государственной Думы С.А. Муромцева. После постройки крематория на Новом кладбище стали преимущественно хоронить урны с прахом усопших (и в земле, и в колумбарии).

Вот несколько имен, память о которых еще очень свежа: артисты М. Кристалинская, А. Менакер, С.М. Михоэлс, Ф.Г. Раневская, И.П. Яунзем, дирижер Б.Э. Хайкин, писатель А.М. Эфрос, конструктор ракетной техники М.С. Рязанский, журналист, футбольный комментатор В.С. Синявский...

Раневская Фаина Георгиевна (1896—1984)

Входите на кладбище. Сразу справа будет будка охраны. Пройдя мимо нее, увидите асфальтированную дорожку между участками, идущую в глубь кладбища (т.е. вправо от центральной аллеи). Идите по ней прямо до первого поворота налево. Свернув, идите прямо. Могила Ф.Г. Раневской слева, у самой дороги, заметна издалека.

Фаина Раневская играла в пьесах А. Чехова, А. Островского, М. Горького, И. Крылова, Ф. Достоевского, Л. Толстого. Многим зрителям она знакома по фильмам: «Пышка», «Свадьба», «Человек в футляре», «Мечта», «Весна», «Золушка», «Слон и веревочка» и, конечно же, «Подкидыш».

Фаина Раневская (Фельдман) родилась 27 августа 1896 года в городе Таганроге в состоятельной еврейской семье. Но как признавалась сама Фаина Георгиевна, она не была счастлива в родительском доме: «Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве...» Возможно, причина в ее повышенной ранимости из-за легкого заикания, которым Раневская страдала от рождения. Боясь насмешек, Фаина избегала сверстников, не имела подруг, не любила учиться.

Увлекаться кино и театром она стала рано. Но настоящее потрясение испытала она в 1913 году, когда побывала на спектакле «Вишневый сад» А.П. Чехова, поставленном на сцене Московского Художественного театра, где играли

звезды тех лет. Кстати, псевдоним Раневская именно из этой пьесы. Однажды по дороге домой у Фаины из сумочки выпали деньги, их подхватил ветер, а она смеялась и говорила: «Как красиво они летят!» Ее спутник тогда заметил: «Вы совсем как Раневская».

Как признавалась Раневская, профессию она не выбирала — она в ней таилась. Вот только когда родители узнали о ее намерении стать актрисой, последовал скандал и разрыв с семьей.

Но надеждам Фаины не суждено было исполниться — путь в искусство для нее был долгим и сложным. Играла в массовке, работала. Долго ездила по провинциальным театрам... Страшные годы Гражданской войны... И опять скитания...

Все эти годы Раневскую не покидает мысль о Москве. И с 1930 года начинаются ее странствия уже по московским театрам.

В кино Фаина Раневская дебютировала в 1934 году, будучи тогда актрисой Камерного театра. Начинающий режиссер Михаил Ромм, увидев ее на сцене, пригласил на роль госпожи Луазо в фильме «Пышка» по знаменитой мопассановской новелле.

Как признавалась Раневская, съемки были очень сложными. Отопление не работало — павильоны сохраняли температуру холодильной камеры, и у актеров зуб на зуб не попадал. Постоянная суета, мучительно долгая установка света, шум аппаратуры, вечная неразбериха... После этого фильма Раневская решила в кино больше не сниматься, но своего обещания не сдержала.

И вот, наконец, «Подкидыш». В нем Раневская сыграла самоуверенную, командующую подкаблучником-мужем женщину. Актриса специально для своей роли придумала несколько хлестких фраз. Одна из них — «Муля, не нервируй меня» — стала по-настоящему крылатой. Эта фраза впоследствии преследовала ее всю жизнь. При виде актрисы мальчишки на улице начинали кричать: «Муля, не нервируй меня!»

Все это необычайно раздражало Раневскую, со временем она стала просто ненавидеть роль, принесшую ей популярность. Когда Леонид Ильич Брежнев вручал Фаине Георгиевне Раневской орден Ленина, то и он не смог удержаться, скорчил рожу и пропищал: «Муля, не нервируй меня!» Фаина Георгиевна презрительно пожала плечами и сказала: «Леонид Ильич, ко мне так обращаются только невоспитанные уличные мальчишки!»

Фаине Георгиевне уже присвоили звание народной артистки СССР, когда ею заинтересовался Комитет государственной безопасности. Планировалась, как тогда говорили чекисты, моментальная вербовка в лоб. Начали вербовочную беседу издалека, а Раневская, вслушиваясь в страстный монолог, прикидывала, как бы ей элегантней и артистичней уйти от предложения.

Фаина Георгиевна закуривает очередную «беломорину», хитро прищуривается и спокойнейшим голосом говорит: «Сразу, без лишних слов, заявляю: я давно ждала этого момента, когда органы оценят меня по достоинству и предложат сотрудничать! Я лично давно к этому готова, можно сказать, что это моя мечта с детства. Но... Есть од-

но маленькое «но»! Во-первых, я живу в коммунальной квартире, а во-вторых, что важнее, я громко разговариваю во сне. И вдруг ночью, во сне, я начинаю сама с собой обсуждать способы выполнения вашего задания. Называть фамилии, имена и клички объектов, явки, пароли, время встреч и прочее... А вокруг меня соседи, которые неотступно следят за мной вот уже на протяжении многих лет. И что? Я, вместо того чтобы принести свою помощь на алтарь органов госбезопасности, предаю вас! Я говорю вам о своих недостатках заранее и честно. Ведь между нами, коллегами, не должно быть недомолвок, как вы считаете?» Страстный монолог актрисы произвел должное впечатление.

После этой истории Фаина Георгиевна получила-таки отдельную квартиру, но работать на КГБ отказалась. Поклонникам актрисы так и не довелось услышать о Раневской как об агенте национальной безопасности, равно как никто никогда так и не назвал Фаину Георгиевну матерью и женой.

У нее были поклонники, но не более того. Она ни разу не была замужем. «Все, кто меня любили, — сказала она однажды, — не нравились мне. А кого я любила — не любили меня. Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...»

У нее не было детей. Все свои беременности Раневская обрывала абортом. Возможно, все от того, что Фаина Георгиевна сама была ребенком. Мудрым ребенком. Близ-

кая подруга актрисы Анна Ахматова говорила: «Фаина, вам 11 и никогда не будет 12!»

Когда Раневскую спросили, почему у нее нет семьи, она ответила: «Семья — это очень серьезно, семья человеку заменяет все. Поэтому, прежде чем завести семью, необходимо как следует подумать, что для вас важнее: все или семья».

Многие современники Фаины Георгиевны знали ее как вспыльчивого, порой капризного, часто язвительного человека, но и о доброте и щедрости Раневской до сих пор многие вспоминают со слезами на глазах. Дарить — это было основное качество Фаины Георгиевны. «Мне непонятно всегда было: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства», — говорила великая актриса. Она так и не научилась извлекать выгоду. «У меня хватило ума глупо прожить жизнь», — как-то записала она.

Фаина очень переживала из-за своей старости. «Старость — это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!»

А еще до сих пор ходят легенды о находчивости и «остром языке». Вот несколько примеров. Одной даме Раневская сказала, что та по-прежнему молода и прекрасно выглядит.

— Я не могу ответить вам таким же комплиментом, — дерзко ответила та.

— А вы бы, как и я, соврали! — посоветовала Фаина Георгиевна.

Однажды Раневская поскользнулась на улице и упала. Навстречу ей шел какой-то незнакомый мужчина.

— Поднимите меня! — попросила Раневская. — Народные артистки на дороге не валяются...

И вся жизнь так...

Последний раз на сцену Раневская вышла в октябре 1982 года. Через два года великой — в истинном понимании этого слова — актрисы не стало.

Введенское кладбище

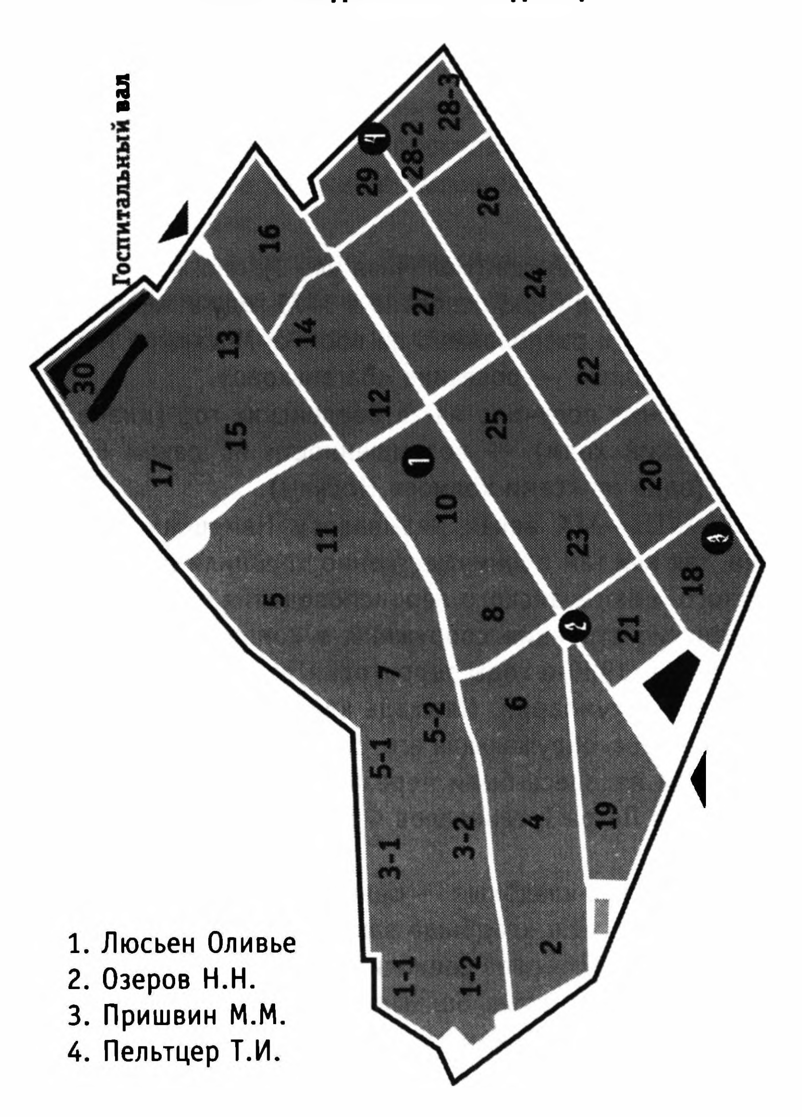
Введенское кладбище (Наличная ул., 1), оно же Немецкое или Введенские горы, основано в 1771 году в период эпидемии чумы и расположено на востоке Москвы, в Лефортово. Кладбище — ровесник «Ваганьково».

Название получило из-за Введенских гор (иначе Лефортовский холм) — возвышенности на левом берегу Яузы (один из «семи холмов» Москвы).

В XVIII—XIX веках называлось Немецким кладбищем, так как там преимущественно хоронили лиц католического и лютеранского вероисповедания. Стена и кладбищенские строения сооружены в конце XIX — начале XX века. В 1960-е годы территория расширена, построена стена-колумбарий. Площадь кладбища — 20 га. Кирпичная стена, окружающая его, сооружена в конце XIX века. Тогда же здесь были перезахоронены останки сподвижников Петра I, генералов Франца Лефорта и Патрика Гордона.

Введенское кладбище — одно из интереснейших кладбищ Москвы. «На кладбище захоронено 54 Героя Советского Союза, 27 Героев Социалистического Труда, 90 революционеров и старых большевиков, свыше 770 ученых, около 300 артистов, композиторов и дирижеров, 95 литераторов, более 80 художников, скульпторов и архитекто-

Схема Введенского кладбища



ров, почти 200 заслуженных врачей, учителей, строителей, заслуженных деятелей культуры, заслуженных мастеров спорта. Погребен «святой доктор» Ф.П. Гааз (1780—1853), жизненным девизом которого было: «Спешите делать добро». Он был главным врачом московских тюрем и много сделал для облегчения участи заключенных. На его могиле оригинальное надгробие с кандалами, висящими по бокам ограды. Говорят, что это надгробие сооружено на медяки, собранные заключенными...» (М.Д. Артамонов). На Введенских горах покоятся многие служители Русской православной церкви.

Во время Великой Отечественной войны на территории Введенского кладбища были похоронены французы — летчики сначала эскадрильи, а затем и авиаполка «Нормандия—Неман», геройски защищавшие небо нашей страны и погибшие в боях на советско-геманском фронте. В 50-х годах их останки были перевезены во Францию, но памятники остались, они и по сей день служат местом встреч ветеранов и всех тех, кто желает отдать свой долг памяти павшим героям.

К сожалению, мало кто знает, что на Введенском кладбище похоронены и другие французы, оказавшиеся в нашей стране не по долгу собственного сердца, а по велению своего императора. Рядом с могилами летчиков расположен простой и одновременно величественный памятник воинам Великой армии, установленный на месте братской могилы французов, умерших в Москве в 1812 году.

Еще на кладбище есть часовня с могилой старца Захария (Зосимы), в которой молятся о счастливом браке и ис-

тинной любви. Советую, пойдя на это кладбище, обязательно взять с собой свечу. Ее вы сможете поставить в часовенке, которая открыта с 10 до 16, кроме понедельника.

Как добраться

К нему проще всего проехать от станций метро «Семеновская» или «Авиамоторная» на трамвае. Или от станции метро «Бауманская».

Часы работы: апрель—сентябрь — с 9.00 до 20.00, октябрь—март — с 9.00 до 17.00.

Люсьен Оливье (1838—1883)

От центрального входа идете прямо до 12-го участка. Дойдя до кирпичной колонки, поворачиваете в глубь участка (налево) и идете до белой дорожки. Памятник высокий черный.

Насчет Оливье есть две легенды.

Первая. В 1812 году русская армия одерживала победу над французскими войсками. Наши солдаты якобы не любили возвращаться с поля боя без трофеев. Результатом любви русской армии к трофеям стал пленный повар Люсьен Оливье. Он приготовил блюдо для офицерского состава. Салат понравился военным. Ему присвоили соответственное название «Оливье» в честь самого повара.

История интересная, но противоречивая. Люсьен Оливье умер в 1883 году. Его жизнь была короткой. Ему удалось прожить всего лишь 45 лет. С учетом этого несложно

определить дату рождения Люсьена. Он родился в 1838 году. Тогда кто же был в 1812 году? Объяснение этому есть.

Люсьен Оливье был не единственным в семье ребенком. Кроме Люсьена, были и старшие братья. О родителях, к сожалению, ничего не известно. Но известно, что династия Оливье славилась своими кулинарными рецептами. Салаты имели превосходный вкус. Соус был изюминкой в приготовлении данных яств.

Вторая. Культовым заведением Москвы XIX века считался трактир «Эрмитаж». Располагался он почти в самом центре Москвы, на Трубной площади. С трех сторон его окружали бульвары — любимое место гуляний столичных жителей. Недалеко тут и до Кремля, да и знаменитые Сандуновские бани расположены неподалеку. «Эрмитаж» хоть и имел в названии плебейский статус трактира, но отличался весьма качественным сервисом, был известен в Москве. Когда же готовил знаменитый повар-француз, то от посетителей не было отбоя. Легкой руке этого «мусье» и принадлежит создание салата, рецепт которого он так никому и не открыл и унес с собой в могилу. Звали его Люсьен Оливье.

По одной из версий, приведенной в «Царскосельской газете», прообразом «Оливье» был «майонез из дичи». Эта холодная закуска готовилась по сложной технологии. Филе рябчика и куропатки отваривали, а из бульона делали желе. Ломтики птицы укладывали на блюдо под соусом «Майонез», между ними клали нарезанные кубики желе, а в центре насыпали горку картофельного салата с маринованными корнишонами. Все это украшалось сваренными вкрутую яйцами, есть которые возбранялось, по-

тому как служили они исключительно для создания соответствующей цветовой гаммы. Каково же было удивление мсье Оливье, когда русские гости считали, что куда как вкуснее перемешать всю эту красоту, чтобы получить идеальную закуску под русский национальный сорокаградусный напиток. «Азиаты!» — подумал француз и в следующий раз сам нарезал кубиками все ингредиенты благородного блюда.

Хотя и говорится, что секрета салата никто не знает, тем не менее основные ингредиенты были известны, и в 1904 году рецептура салата была воспроизведена. Вот его состав: 2 рябчика, телячий язык, четверть фунта паюсной икры, полфунта свежего салата, 25 штук отварных раков, полбанки пикулей, полбанки сои кабуль, два свежих огурца, четверть фунта каперсов, 5 яиц вкрутую. Для соуса: майонез «Провансаль» должен быть приготовлен на французском уксусе из 2 яиц и 1 фунта прованского (оливкого) масла, однако, по отзывам знатоков, это было все-таки не то. Но... попробуйте приготовить.

В.А. Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» писал: «Считалось особым шиком, когда обеды готовил повар-француз Оливье».

Озеров Николай Николаевич (1922–1997)

Возвращаетесь на дорожку, доходите до 8-го участка, проходите его весь, поворачиваете налево, идете прямо до площади, пересекаете ее. Перед вами черный крест на могиле братьев Озеровых.

Голос этого человека знала и любила вся страна. Озеров был неотъемлемой частью советского спорта, и обо всех самых громких победах люди узнавали прежде всего от него.

Николай Озеров родился 11 декабря 1922 года в Москве в артистической семье, с детства проявлял склонность к музыке и знал наизусть все оперные партии, когда-либо звучавшие со сцены Большого театра.

В раннем возрасте Озеров увлекся спортом, взяв теннисную ракетку в руки, когда ему было всего девять лет, а уже в 17 лет стал абсолютным чемпионом Москвы среди юношей.

В 1941 году Озеров поступил на актерский факультет ГИТИСа. Но вскоре началась война. Осенью, когда немцы подошли к Москве вплотную, Озерова решили использовать в одной акции, аналогов которой в истории мирового спорта нет. В Москве тогда осталось только три теннисиста, и, чтобы показать, что столица не боится захватчиков, их стали возить на мотоцикле с одного стадиона на другой, где они играли друг с другом. Эти встречи транслировались по радио на всю Москву.

Как Озерову удавалось совмещать работу в театре и спорт — загадка. Но это факт. Сразу после спектакля он мчался на стадион, брал в руки ракетку или надевал футбольные бутсы (Озеров неплохо выступал за общество «Спартак»).

Получив звание заслуженного мастера спорта и окончив МХАТ, в 1950 году Николай Озеров дебютировал в роли комментатора. Второй по значимости после Синявского спортивный комментатор Виктор Дубинин на сезон 1950

года был назначен старшим тренером московского «Динамо». Его место предложили Озерову. Он согласился и в тот же вечер сидел на футболе, наговаривая комментарий. Ничего не получалось, язык был не в состоянии догнать ни мяча, ни игроков; и тут — как с неба — спустился футбольный бог Вадим Святославович Синявский. Послушал. Взмахом руки показал: «Пойдем, Коля, наверх, в кабину, будем из тебя делать комментатора».

Потом были репортажи из 50 стран, в том числе с семнадцати Олимпийских игр, девяти чемпионатов мира по футболу, тридцати мировых хоккейных первенств, не считая бесчисленных внутренних соревнований.

Когда его спрашивали, как он все совмещает, он отвечал: «Я не делю свою жизнь на какие-то прожитые кусочки. Театр, эстрада, радио, телевидение, кино, спорт — единое целое. Все дополняло друг друга».

В одной из своих книг Николай Озеров вспоминал такой эпизод: «...1952 год. Финляндия. Олимпийские игры. Наша футбольная сборная. Вторым тренером был тогда Михаил Якушин. Неожиданно на последнюю перед ответственным матчем тренировку советской команды приехали тренеры будущих соперников. Михаил Иосифович ничего не сказал незваным гостям, а подошел ко мне и попросил: «Николай, пойди оденься и потренируйся с ребятами. Майку возьми с девятым номером. Пусть гости «знают», какой у нас центрфорвард...» Я вышел «постучать» по воротам вместе с Всеволодом Бобровым и Константином Бесковым. Посмотрев «нового» центрфорварда сборной СССР весом килограммов в сто, тренеры соперников совершенно верно подметили, что он крупного телосложе-

ния, обладает сильным ударом, но малоподвижен. В соответствии с этим, видимо, и произвели изменения в линии обороны. А на следующий день сборная СССР обыграла болгар со счетом 2:1...»

Вот еще один случай из жизни Николая Озерова. Одно время хоккейные телекомментаторы были вынуждены вести свои репортажи, находясь у бортика ледовой арены. Как-то во время репортажа Николаю Озерову шайба угодила в голову. Комментатор упал. Тут же подскочила медицинская бригада и унесла Николая Николаевича в бессознательном состоянии на носилках. В конце матча, несмотря на плохое самочувствие, Николай Озеров под бурные овации трибун с перевязанной головой вернулся на свое комментаторское место и продолжил репортаж...

Он был мастером экспромта, родив замечательную, вошедшую в обиход целых болельщицких поколений фразу: «Такой хоккей нам не нужен!»

Столько восторженности, оптимизма, энтузиазма не было ни у одного комментатора ни до, ни после него. Его было приятно слушать, как музыку, этот бодрый тембр завораживал и заражал.

О личной жизни Николай Николаевич рассказывал неохотно. Известно, что впервые он женился, когда ему было хорошо за сорок.

«В конце 1940-х я был влюблен в одну девушку, собирался жениться, — писал он в своей книге. — От одного ее взгляда сил на корте прибавлялось втрое. Но выяснилось, что мы хоть и долго, но плохо знаем друг друга. Перед каждым матчем я всегда ходил в театр. Думал о пред-

стоящей игре, о своей завтрашней тактике, настраивался, успокаивался. Подруга стала ревновать меня, подозревая, что я хожу на свидания. Однажды за час до решающего матча открылась дверь, вошла она и зло сказала: «Все равно проиграешь». Весь матч я не мог отделаться от этой фразы — и проиграл. Слез моих никто не видел, но они были. Я вернул себе чемпионский титул, но только через четыре года, в 1951 году, пережив бессонные ночи, отчаяние, душевные страдания, неудачи...»

После той истории Озеров мало доверял женщинам. Но в конце 1960-х в его жизни появилась Маргарита — редактор одного из столичных издательств. Они поженились. И в 1970 году 47-летний Озеров стал отцом двойняшек Надежды и Николая (комментатор не мог нарушить семейную традицию, которая пошла от его прадеда, — называть сыновей Николаями).

«В начале 1990-х, когда отец был в Средней Азии, — вспоминает Николай Озеров-младший, — его ужалило в ногу какое-то насекомое. Рана долго не заживала... После одной из перевязок врач вынес приговор — ампутация, потому что начиналась гангрена».

Ногу ампутировали по колено... Озеров больше не мог жить так, как привык, остался без работы. Теперь он редко выходил из дома. Но на многие московские матчи, в том числе теннисные (Кубок Кремля), все-таки приезжал. И увлеченно следил за игрой, сидя в инвалидной коляске. А еще ревностно слушал комментаторов. Чаще всего ворчал, мол, словно некрологи читают...

Вот часть интервью, которое стало одним из последних:

«Были разные мысли, что уже все, никому не нужен... Душа болела... Но помогли друзья — истинные, искренние. Не бросили: письма, телеграммы, телефонные звонки — все это вселяло уверенность. А вот эти костыли, которые помогают мне передвигаться, принесла мне в больницу вдова великого вратаря Льва Яшина Валентина Тимофеевна.

Моя мечта так и не исполнилась. Не суждено мне было провести репортаж о финальном матче чемпионата мира по футболу с участием сборной нашей страны. Увы...»

Как-то знаменитый актер Михаил Ульянов сказал: «Как невозможно себе представить Великую Отечественную войну без голоса Левитана, так мы и не мыслим себе время 50—80-х годов без голоса Озерова, в котором звучали азарт, страсть, завораживающая любовь к спорту. Каждый его репортаж способен пробудить инстинкт болельщика у людей любого возраста».

Только он умел так азартно передавать настроение любого матча, а его восторженное «Го-о-о-о-ол!» обожала вся страна.

Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954)

От могилы Озеровых налево до угла 21-го участка и прямо до 18-го участка. На второй тропинке 18-го участка налево и прямо до большого серого памятника, на котором — девушка-птица. Кстати, напротив вас памятник Васнецову Виктору Михайловичу.

Михаил Пришвин — писатель и фольклорист, ученый-натуралист и фотограф, краевед и журналист, охотник и путешественник...

Неповторимый стиль и язык писателя заворожили наше детство. Именно из его книг дети понимают, что солнце светит не только для людей, но и для зверей, птиц и растений.

В 1883 году он поступил в Елецкую гимназию, из 4-го класса которой был изгнан «за дерзость учителю», заканчивал обучение он уже в Тюменском реальном училище. Получил прекрасное образование в университетских центрах Риги и Лейпцига. За участие в марксистских кружках был арестован в 1897 году, провел год в Митавской тюрьме и был выслан в двухгодичную ссылку в Елец. Увидел воочию результаты революции: голод, разруху, террор и страх. Мучительно переживал разрушение русской культуры. Спасла его только любовь к природе и жизни. Он смог преодолеть давление тоталитарного режима, найти источник светлого мировосприятия.

Его философская концепция, творчество и эстетические воззрения являются продолжением личной жизни, ее высшим синтезом. Только на 67-м году жизни Михаил Михайлович обретет душевный покой, найдя то, что искал всю свою жизнь. «Не очень давно шевельнулось во мне особое чувство перехода от поэзии к жизни, как будто долго, долго я шел по берегу реки, и на моем берегу была поэзия, а на том — жизнь. Так я дошел до мостика, незаметно перебрался на ту сторону, и оказалось, что сущность жизни есть тоже поэзия» — такое открытие сделал М.М. Пришвин в те счастливые годы...

Первый рассказ Пришвина, «Сашок», был напечатан в журнале «Родник» в 1906 году. Увлечение этнографией и фольклором приводит к решению путешествовать по северу (Олонец, Карелия, Норвегия), писатель знакомится с бытом и речью северян, записывает сказы, передавая их в своеобразной форме путевых очерков.

В свое первое путешествие «за волшебным колобком» Пришвин отправился молодым. Чтобы сказку сложить или «сказ» — нечто такое, что интересно послушать и старым и малым.

«В некотором царстве, в некотором государстве жить людям стало плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то, и я сказал старушке:

— Бабушка, испеки ты мне волшебный колобок, пусть он уведет меня в леса дремучие, за синие моря, за океаны.

Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, набрала муки пригоршни с две, сделала веселый колобок. Он полежал, полежал, да вдруг и покатился с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к двери, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота — дальше, дальше... Я за колобком, куда приведет...»

Охота давала Пришвину понимание природы, чувство родственной близости с ней. Товарищи по охоте, исконные жители русских лесов, учили его чистому, как родник, и богатому красками, как осенняя роща, родному русскому языку. «Бывало не раз, устанешь на охоте и заночуешь в лесу, и вот к твоему огоньку придет какой-нибудь человек, и тут, у костра, этот местный человек что-нибудь расскажет. Только через эти слова в лесу кажется, будто это са-

ма природа о себе что-то сказала по-своему. А после вспомнится и то дерево, под которым развел теплинку, и тот ручей, который пел тебе всю ночь. До того мне с первого же раза полюбилось охотиться за такими словами, что однажды я собрал себе котомку ранней весной и вернулся только осенью: мне казалось, что всю весну и все лето я шел за колобком по волшебным северным лесам», — запись из его дневника...

Уезжая, он возвращался домой, чтобы книжки писать. То жил в Переславле-Залесском, на берегу Плещеева озера, то в городишке Талдоме, то в Загорске, то в деревне Костино, то в Усолье, и в других деревнях тоже живал или просто в рыбачьих, в лесных избушках.

Одно время он жил на Гремячей горе, близ Плещеева озера, в том самом дворце, который построил в XVII веке Петр I, совсем еще молодой тогда царь. На Плещеевом озере плавал «потешный» петровский флот. А вокруг обитали герои «Снегурочки», именно здесь они родились: царь Берендей, бог Ярило, Купава, Мизгирь, златокудрый Лель.

«Помню, когда я жил на этом озере, — вспоминал Михаил Михайлович Пришвин, — в одном заброшенном дворце и каждый день, начиная с первых дней весны света, записывал, будто я капитан и земля — мой корабль. И как тосковал я, что я тут один, что не могу созвать людей на этот праздник света, цветов, великолепных дуновений весеннего ветра и всяких чудес...»

Много своих книжек Пришвин написал для детей, но так написал, чтобы и взрослым тоже интересно было прочесть. Он верил, что в каждом человеке до самых преклон-

ных лет где-то внутри остается, живет ребенок, мальчишка или девчонка. С человеком всякое может случиться в жизни, но ребенок в нем сохраняет веру в добро, справедливость и красоту. Чтобы вспомнить в себе ребенка, взрослому нужно отправиться в лес, сесть на пенек, оглядеться и вслушаться в голоса птиц, букашек, ветвей и листьев...

А проблема творческой деятельности ставится и в наиболее крупном произведении Пришвина — двухтомном автобиографическом в основе романе «Кащеева цепь» с примыкающей к нему в качестве эпилога книгой «Журавлиная родина». В романе с реалистической простотой изображен быт полудворянской-полукупеческой усадьбы, царская гимназия, революционные подпольные кружки 90-х годов, Германия с ее университетами, русскими студентами-эмигрантами, омещанивающейся социал-демократией и пр. Центр тяжести произведения, однако, не в этой социально-бытовой живописи, а в проблеме пути и роста творческой личности, проблеме, раскрывающейся в истории жизни.

В своих дневниках писатель поделился самым сокровенным, раскрыв смысл таланта: «Что это значит, талант? Однажды весной я подумал об этом и вот вижу, на высокой елке, на самом верхнем ее пальчике, сидит маленький птичик. Я догадался, что птичик этот поет, потому что клювик его маленький то откроется, то закроется. Но такой он маленький, птичик, что песенка его до земли не доходит и остается вся там, наверху. Птичик этот крохотный пел, чтобы славить зарю, но не для того он пел, чтобы песенка славила птичку. Так я тогда в этом птичике и нашел ответ себе на вопрос: что такое талант. Это, по-моему, есть спо-

собность делать больше, чем нужно только себе: это способность славить зарю, но не самому славиться».

Стоит только вспомнить книги Михаила Михайловича Пришвина, такие как «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Женьшень», «Лесная капель», «Кладовая солнца», «Глаза земли», «Журавлиная родина», «Кащеева цепь» и другие, чтобы понять, какой вклад он внес в литературу...

Умер Пришвин в Москве 16 января 1954 года.

Пельтцер Татьяна Ивановна (1904—1992)

Возвращаетесь почти ко входу на кладбище, поворачиваете направо (если стоять лицом ко входу), идете по мощеной дорожке до стены кладбища. Именно у этой мощеной дорожки вы встретите часовенку старца Захария. За кладбищем видно здание школы — надо дойти до конца этого здания, и вы увидите могилу Пельтцер.

Татьяна Пельтцер родилась в семье замечательного русского актера и режиссера Ивана Романовича Пельтцера. Немец по национальности, он сумел проникнуться настоящим русским духом, стать настоящим русским актером и передать все это своей дочери.

Отец и стал для Татьяны первым и единственным учителем. От отца Татьяна Ивановна унаследовала бесценный дар живого видения мира, необычного и всегда неожиданного восприятия самой жизни.

Свои первые роли на сцене Татьяна Пельтцер сыграла в спектаклях отца. Вспоминали, как в частной антре-

призе в спектакле «Анна Каренина» Татьяна играла Сережу Каренина, и впечатлительных дам выносили из зала без чувств: так на них действовала сцена прощания Анны с сыном.

В конце 20-х годов Татьяна Пельтцер познакомилась с немецким коммунистом и философом Гансом Тейблером. В 1927 году она вышла за него замуж, и вскоре супруги переехали в Германию. Могло случиться и так, что мы больше и не услышали бы о Пельтцер, но при всей любви к мужу и даже несмотря на собственные немецкие корни, Татьяна не смогла долго оставаться вне родины. Прожив с Гансом в общей сложности четыре года, она уговорила его развестись, но они расстались друзьями. Вернув себе прежнюю фамилию, замуж Пельтцер больше так и не вышла.

Она знала, где должна быть — в театре. Но путь в искусство для нее оказался нелегким...

Она устраивается в театр МГСПС (ныне Театр им. Моссовета), но уже в 1934 году ее уволили «за профнепригодность». Когда открывается Театр миниатюр, она идет туда и «оседает» там на семь лет. Это было весело и сложно — новый жанр, репертуара почти не было. Энтузиастам приходилось действовать методом проб и ошибок. Там Татьяна Пельтцер перешла на бытовые роли в маленьких пьесках: управдом, молочница, банщица... Актриса смеялась над своими героинями и в то же время любила их. «У них крепкие руки и доброе сердце», — говорила она. Но ее затмевали звезды Миронова и Зеленая, и переиграть их было не так-то просто.

В кино, как и в театре, у Татьяны Пельтцер тоже было

не гладко. Она дебютировала маленькой ролью в сатирической комедии «Свадьба», затем появилась в драме «Она защищает Родину». А первую свою большую роль, Плаксину в военной мелодраме «Простые люди», Татьяна Ивановна сыграла в 1945 году. Но этот фильм на долгих 11 лет оказался «на полке». А актриса тем временем вновь играла проходные эпизоды...

В 1947 году Татьяна Ивановна переходит в московский Театр сатиры, который на долгие годы стал ее домом, главным театром ее жизни.

Играя много и увлеченно, Татьяна Ивановна наконец получает роль Лукерьи Похлебкиной в спектакле Б. Равенских «Свадьба с приданым». В 1953 году спектакль снимают на пленку и выпускают на экраны кинотеатров страны. К ней приходит первая всенародная известность. В сорок девять лет... А сколько слез и разочарований было до этого...

Еще больший успех принесли ей роли в комедиях «Иван Перепелица» и «Солдат Иван Бровкин» (оба — 1955 г.). В фильме «Солдат Иван Бровкин» роли Евдокии, матери главного героя, отводилось незначительное место. Но как блистательно ее сыграла Пельтцер!

После выхода на экраны этого фильма Пельтцер тут же окрестили «матерью русского солдата» и присвоили звание заслуженной артистки.

Татьяна Ивановна обладала феноменальным чувством правды, знала цену высокой комедии, доходила до немыслимого гротеска, но при этом никогда не фальшивила, щедро одаривая людей своим ласковым вдохновением. Наверное, ей удалось воплотить народную мечту о несо-

крушимой старости, где мудрость дерзко соседствует с юной и озорной жизнестойкостью.

Себя она называла «счастливой старухой». В этом была правда: в семьдесят пять, играя самых разных старух, она прыгала с забора, танцевала на кровле дома, каталась на крыше троллейбуса. Снималась много, говорила, что иначе ее забудут и она «умрет с голоду». Играла мам («Укротительница тигров», «Одинождь один», «Морозко»), бабушек («Чудак из пятого «Б», «Вам и не снилось», «Карантин»), учительниц, уборщиц, медицинских сестер и просто соседок, играла так заразительно, что они иногда затмевали главных героев, откровенно перетягивая на себя внимание зрителя.

Вот только работать с ней было непросто. Она любила довести отношения с режиссером до температуры кипения, но стоило Татьяне Ивановне услышать боевой клич «Мотор!», как все капризы и недовольства куда-то пропадали.

В душе многие коллеги не испытывали симпатии к Татьяне Ивановне Пельтцер. Не любили за прямолинейность, за правду-матку, которую она резала в глаза, за вздорный характер. Замечательный актер Борис Новиков, обидевшись на нее, однажды сказал: «А вы, Татьяна Ивановна, помолчали бы. Вас никто не любит... кроме народа!»

В середине 60-х годов в театр приходит Марк Захаров. Когда он объяснил труппе замысел своего спектакля «Доходное место», в зале раздался громкий голос Татьяны Пельтцер: «Ну что это такое! Когда человек ничего не умеет, он сразу лезет в режиссуру...» Но спектакль у Заха-

рова получился великолепный, и Пельтцер изменила мнение о молодом режиссере, с удовольствием работая с ним.

В 73 года она как будто начала новую жизнь. Захаров поставил в Театре сатиры пять спектаклей — и все с Пельтцер в главной роли. С его уходом в Ленком актрисе стало чего-то недоставать. Между ней и Плучеком начались размолвки...

В 1977 году Татьяна Ивановна со скандалом покинула Театр сатиры и отправилась вслед за Захаровым в Театр имени Ленинского комсомола.

И в 85 лет Пельтцер делала все вопреки рекомендациям врачей: курила, пила крепчайший кофе, все время бегала. У нее был очень крепкий сон. Одна из ее подруг вспоминает, что однажды в открытое окно гостиничного номера влетел голубь и уселся на голову спящей Татьяны Пельтцер, а она даже не проснулась.

В последние годы жизни Пельтцер стала терять память. Огромный скандал тогда вызвала новость о том, что Пельтцер попала в психиатрическую больницу. Причем в простую, районную. Душевнобольные враждебно приняли актрису и жестоко ее избили. Узнав об этом, в Ленкоме приложили усилия, и ее перевели в хорошую клинику.

После Татьяна Ивановна снова вернулась в театр, но это уже был совершенно другой человек. Она с трудом передвигалась, не могла запоминать текст, постоянно путала реплики. Но вся труппа, горячо любящая актрису, хотела, чтобы она играла. Тогда специально для нее Марком Захаровым был поставлен спектакль «Поминальная молитва». Для нее Григорий Горин написал роль старой еврейки Берты. Надо было видеть, как Александр Абдулов, играв-

ший ее сына, выводил Пельтцер на сцену — выводил так бережно, словно она была хрупкой драгоценностью, тонкой китайской фарфоровой чашечкой.

Эта роль была практически без слов, так, пара реплик. Но зрителям не важно было, что она говорит. Зрители были счастливы оттого, что видят ее. Это было счастье со слезами в глазах. Все понимали, что прощаются с великой актрисой.

В 1992 году после нервного перенапряжения Татьяна Ивановна вновь попала в больницу. Там, предоставленная самой себе, неуемная и непоседливая, она упала и сломала шейку бедра. Для 88-летнего человека исход был один...

К работе — как юный пионер — Татьяна Ивановна была «всегда готова!». Даже в свои восемьдесят: лишь позовут, мчалась. На такой случай у нее всегда была наготове «командировочная» сумка с обязательным ковриком для утренней зарядки. А однажды в театре, на репетиции, услышав от молодых жалобы на неустроенность, в сердцах сказала: «Да что вы плачетесь! Живите, и тому радуйтесь! Ведь какое это благо — жить!»

Кунцевское кладбище

Кунцевское кладбище (Дорогобужская ул., 1) сейчас является филиалом Новодевичьего кладбища и предназначено для погребения заслуженных москвичей.

Современная его площадь — 13 га. Кунцевское кладбище делится на Старое и Новое.

Старое кладбище возникло в конце XVII века как кладбище села Спасское на реке Сетунь, и до 1920-х годов оно называлось Сетуньским. В 1920 году оно вошло в черту города Кунцево. Церковь Спаса-на-Сетуни построена в конце XVII века. На Старом кладбище похоронены деятели русской культуры XIX века.

На Новом кладбище — братская могила воинов, погибших в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов и умерших в московских госпиталях, в 1975 году над могилой сооружен Мемориал. Здесь покоятся Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, а также известные писатели — А.Н. Арбузов, А.В. Кожевников, В.В. Липатов, Н.Н. Носов, А.А. Первенцев, Ю.В. Трифонов; поэты С.П. Щипачев, С.С. Орлов, Л.К. Татьяничева; журналисты Т.Н. Тэсс, А.А. Каверзнев, Д. Холодов.

На надгробиях и памятниках можно прочитать имена любимых артистов и режиссеров нашего кино: режиссеров В.П. Басова, Я.А. Протазанова, Г.А. Рошаля, Л.Е. Шепитько, народных артистов СССР и РСФСР Н.И. Боголюбова, И.Ф. Переверзева, Г.А. Стриженова, С.А. Мартинсона,

Л.Б. Мирова. Известных композиторов, дирижеров, хормейстеров и музыкантов: К.Я. Листова, Л.А. Таривердиева, Ю.В. Силантьева, Я.В. Флиэра; известного певца Большого театра А.И. Батурина. Здесь похоронены искусствовед С.И. Зильберштейн — один из основателей Музея частных коллекций в Москве, передавший в музей свою ценнейшую коллекцию; известный полярник Герой Советского Союза К.С. Бадигин; покоритель многих горных вершин В.М. Абалаков; гроссмейстер А.А. Котов.

Как добраться
Проехать к нему можно на автобусах от Киевского вокзала и от станции метро «Кунцевская».
Кладбище работает ежедневно: октябрь—апрель — с 9.00 до 17.00, май—сентябрь — с 9.00 до 19.00.
От Кунцевского кладбища можно пешком дойти до Троекуровского.

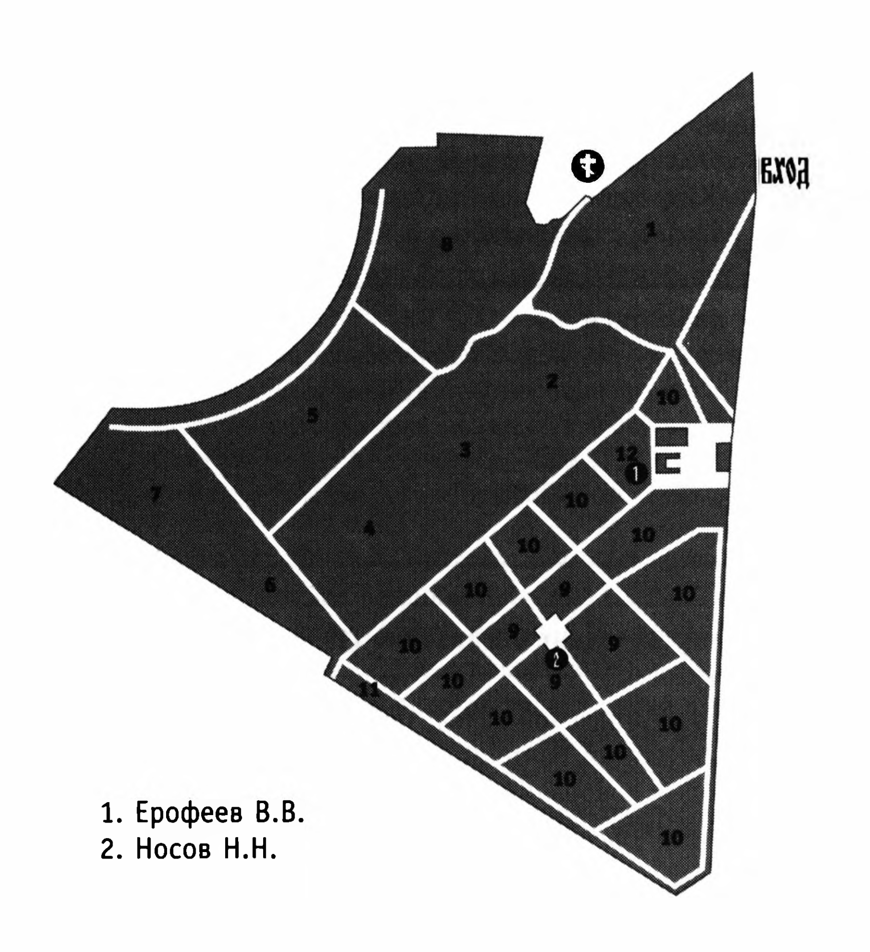
Ерофеев Венедикт Васильевич (1938–1990)

Идете по центральной аллее. Первый поворот дороги налево пропускаете, почти доходите до второго, но у могилы Адриановых поворачиваете и идете по тропинке, пока не увидите могилу Ерофеева, по левую руку.

Детство провел в Кировске (Кольский полуостров), писать, по свидетельству матери, начал с пяти лет.

Сам о своей жизни Венедикт рассказывал так: «Папеньку посадили, у них это было принято: по системе Кагановича сажать! Так что сажали дважды — в 1940-м, по-

Схема Кунцевского кладбища



том в 1946-м. И почему мои глупые сестры скрывают, по какой статье?..

Важно, что в 1954 году отца освободили. Мне он понарассказал такое, что тебе и не снилось. То есть что это такое — быть начальником станции, которую занимают то русские, то финны, то немцы, а потом все снова, и при этом исполнять свои обязанности. А я-то, дурак, когда видел в небе самолеты — то финские, то немецкие, — махал платочком и приплясывал. Мне было ровно три с половиной года.

Отцу было дьявольски плохо занимать должность начальника станции, которая то в одних руках, то в других, и в конце концов стать «предателем родины». Это теперь понять трудно.

С первого по десятый класс у меня не было ни одной четверки, а когда схлопотал одну, мама меня побила по попочке.

Кончил школу и впервые в жизни пересек Полярный круг, поехал поступать в МГУ. Ехал в поезде и про себя пел песню Долматовского «Наш дворец — величавая крепость науки». Когда я пришел в эту «величавую крепость», услышал: «По отделениям! Делай — раз! По отделениям! Делай — три! Руки по швам!» И был немедленно разочарован. Но за три семестра у меня опять не было ни одной четверки. И все же меня отчислили».

А отчислили за непосещение занятий.

Ерофеев обожал Гоголя и считал, что тот оказал на него значительное влияние. А вот Золя (из-за бездушия) и Булгакова (потому что скучно) терпеть не мог.

Работал в Коломне грузчиком, подсобником — на

строительстве московских Черемушек, во Владимире — кочегаром-истопником, милиционером — в Орехово-Зуево. Приемщиком винной посуды — снова в Москве, бурильщиком в геологической партии на Украине — одним словом, сменил профессий не меньше, чем в свое время Михаил Зощенко.

В 1961 году поступил во Владимирский педагогический институт им. Лебедева-Полянского, за отличную успеваемость получил повышенную стипендию. Меньше чем через год был выдворен не только из института, но и из города Владимира за «моральное, нравственное и идейное разложение студентов института». Как рассказывал сам Ерофеев, все произошло из-за Библии, которая мирно лежала у него в общежитии в тумбочке. Вначале долго отчитывали, а потом: «На улице во Владимире ко мне подъехала черная «Чайка», возвели меня на четвертый или пятый этаж какого-то здания: «Берегитесь, Ерофеев, всех людей, с кем вы знакомы, ждут неприятности. Даем двое суток на размышление и на то, чтобы вы покинули нашу область!»

Когда на исходе жизни Ерофеева спросили, что для него Библия, он ответил: «Это то, без чего невозможно жить. Я жалею людей, которые ее плохо знают. Я ее знаю наизусть. Этим могу похвалиться. Я из нее вытянул все, что только может вытянуть человеческая душа, и не жалею об этом. Человека, который ее не знает, считаю чрезвычайно обделенным и несчастным».

Лучшим своим творением, кстати, его прославившим, Венедикт считал повесть «Москва—Петушки». Вот как он вспоминал творческий процесс: «Тогда на меня нахлынуло. Я их писал пять недель и пять недель не пил ни грам-

ма». Путешествие это, включающее псевдосерьезные и откровенно комические размышления и признания, гротескные бытовые зарисовки, видения, фантасмагории и откровения, является как бы адекватным целой жизни, по сути дела, осмыслением советской действительности в религиозно-христианском ключе.

Перу В. Ерофеева принадлежит сочинение «Дмитрий Шостакович», текст которого потерялся, эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», очерк-монтаж «Моя маленькая лениниана», трагедия «Вальпургиева ночь, или Шаги командора».

Фрагмент из интервью Ирины Тотусян:

— *А что было толчком к написанию «Вальпургиевой ночи»?*

— Ко мне опять же приехали знакомые с бутылью спирта. Главное, для того, чтобы опознать, что это за спирт? «Давай-ка, Ерофеев, разберись!» На вкус и метиловый, и такой спирт — одинаковы. Свою жизнь, собаки, ценят, а мою — ни во что. Я выпил рюмку. Чутьем, очень задним, почувствовал, что это хороший спирт. Они смотрят, как я буду окочуриваться. Говорю: «Налейте-ка вторую!» И ее опрокинул. Все внимательно всматриваются в меня. Спустя минут десять говорю: «Ну-ка, налейте третью!» Трясущиеся с похмелья, и ведь выдержали, не выпили, ждут. Дурацкий русский рационализм в такой форме. С той поры он стал мне ненавистен. Это и было толчком. Ночью, когда моя бессонница меня томила, я подумал-подумал об этом метиловом спирте, и возникла идея. Я ее реализовал в один месяц.

— *Почему Венедикт?*

— Это совершенно диковинное дело. Брата моего покойного отца звали Венедиктом. Он с похмелья вместо вина выпил что-то, от чего скончался. И меня в его честь назвали Венедиктом.

— *Вот где истоки «Вальпургиевой ночи»!*

— Если глубоко копаться, да!

В последние годы Венедикт Ерофеев обдумывал пьесу о Фанни Каплан, действие которой должно было происходить в современной Москве, на пункте приема стеклотары. Но многолетняя, мучительная болезнь, почти отнявшая у писателя голос, не позволила осуществиться задуманному. Он умер от рака горла.

На вопрос «Что из написанного дороже всего?», заданный незадолго до смерти, он ответил:

— То, что мне надлежит написать, это гораздо важнее.

К сожалению, написать что-то еще Ерофееву было не суждено...

Носов Николай Николаевич (1908—1976)

Выходите на центральную аллею, идете прямо, пока не доходите до указателя «Колумбарий». Поворачиваете, проходите мимо боковой стены колумбария, выходите на площадку. В конце площадки поворачиваете направо и на вторую тропинку налево.

23 ноября 1908 года в семье актера-эстрадника родился Николай Николаевич Носов. Что ни говорите, а Носов — самая подходящая фамилия для писателя, тем более для детского писателя.

Николай Николаевич Носов был человеком необщительным, замкнутым, но шло это от какой-то особенной деликатности, ранимости и даже неуверенности в себе. Что кажется странным, ведь от природы он обладал весьма разнообразными талантами, о чем свидетельствуют хотя бы его многочисленные увлечения. «В школьные годы мечтал стать музыкантом (кем-то вроде Паганини по меньшей мере), потом забросил скрипку, увлекся химией и вполне серьезно готовился к поступлению на химический факультет Политехнического института. Перед самым поступлением передумал и вместо Политехнического поступил в Художественный... Окончил же Институт кинематографии, потом работал в кино, потом стал детским писателем». Так о своих «метаниях» он напишет в автобиографии.

Разносторонность дарований писателя проявилась еще во время его учебы в гимназии, а затем в школе рабочей молодежи. Молодой человек наряду с занятиями музыкой, пением, любительским театром увлекался и точными науками. Также юноша интересовался химией, шахматами, радиолюбительством, электротехникой, фотографией. Уже в те времена Носов сочинял для рукописного журнала «Икс».

Юность писателя пришлась на непростые времена в нашей истории. Носов успел поработать чернорабочим, торговцем газет, землекопом, косарем, возчиком бревен. В 1927 году он поступает в Киевский художественный институт, а в 1929-м переводится в Институт кинематографии в Москве.

С 1932 по 1951 год Носов работает в качестве режиссера-постановщика мультипликационных, научно-попу-

лярных и учебных фильмов. После съемки в 1943 году нескольких учебных фильмов для Красной армии он был награжден орденом Красной Звезды.

Как писатель Носов дебютировал в 1938 году. Был напечатан его первый рассказ для детей «Затейники». Вскоре рассказы Носова печатаются в одном из самых известных в то время журналов — «Мурзилке». Рассказы «Живая шляпа», «Огурцы», «Чудесные брюки», «Мишкина каша», «Огородники», «Фантазеры» и другие были объединены в сборнике «Тук-тук-тук» и изданы в 1945 году.

Сборники рассказов «Ступеньки» и «Веселые рассказы» (для детей младшего и среднего возраста) вышли в 1947 году. (В «Веселых рассказах» главные герои — неразлучная пара друзей, которые, являясь полной противоположностью, прекрасно дополняют друг друга.) Знание детской психологии и владение доступным и вместе с тем образным языком позволило завоевать прочное признание у детей и взрослых, а также занять достойное место в литературе для младшего школьного возраста.

Имя Николая Носова становится любимым и известным и среди школьников среднего возраста — после публикации повестей «Веселая семейка» (1949), «Дневник Коли Синицына» (1950), «Витя Малеев в школе и дома» (1950). Борьба с собственными недостатками главного героя Вити Малеева, описанная в юмористическом ключе психологически точно, — это то новое, что было отмечено критикой. За повесть «Витя Малеев в школе и дома» Носов был удостоен Государственной премии за 1952 год.

В 50-годах издаются сказки, объединенные в трилогию «Приключения Незнайки», «Незнайка в Солнечном горо-

де», «Незнайка на Луне». Простейшая модель общества представлена в форме детской игры. Автор знакомит маленьких читателей с профессиями или родом занятий своих героев, сводя их характеристику к единственной черте: давая им говорящие фамилии, которые и определяют поведение героев в различных ситуациях (Незнайка, ученый Знайка, доктор Пилюлькин, художник Тюбик, братья Винтик и Шпунтик).

«Этим персонажам я свободно мог давать те черточки характеров, которые требовались по замыслу. Малютки эти, которых я называл коротышками, были удобны тем, что я мог не развивать и не углублять их характеры, загружая повествование ненужными деталями, а снабжать их отдельными черточками, отражать какую-нибудь одну сторону характера, что вполне вязалось с их микроскопичностью и в то же время заостряло, обобщало образ, типизировало его». (Из письма Н.Н. Носова Ю.С. Пухову.)

Исключение составляет роман-сказка «Незнайка на Луне». Здесь в остроумной условной форме автор знакомит юного читателя с основными законами человеческого общества, заменяя в первых двух частях реальные социальные конфликты противоречием между «взрослым» мироустройством и «детским» миросозерцанием героев. А в последней части, охарактеризованной самим автором как научно-фантастическая повесть о последних достижениях и перспективах развития советской науки в области ракетоплавания и телемеханики, — сталкивая юного читателя и с серьезными проблемами возможного конфликта знания и нравственности, цивилизационного и духовного потенциала человека.

Николай Николаевич так умело прятался за маленьких героев, что казалось, будто они сами, без всякого участия автора рассказывают о своей жизни, о горестях, радостях, проблемах и мечтах.

В 1961 году выходят юмористические новеллы «Приключения Толи Клюквина», где автор высмеивает не только детские недостатки, но и пороки взрослых.

Уважение к труду, знаниям, профессионализму, честное и доброжелательное отношение к людям внушаются в произведениях Носова мягко и неназойливо, с теплым, сочувственным юмором, сочетаясь с признанием самоценной личности ребенка и принципов свободного воспитания. Эти черты свойственны и автобиографическим произведениям писателя — «Повести о моем друге Игоре» (1971—1972), написанной в форме дневниковых записей из жизни дедушки и внука, и повести «Тайна на дне колодца».

Созданы кинофильмы по киносценариям Н. Носова: «Два друга», «Дружок», «Фантазеры», «Приключения Толи Клюквина», пьесы «Незнайка учится», «Незнайка-путешественник», «Незнайка в Солнечном городе».

Прозаик, киносценарист, драматург Николай Носов скончался 26 июля 1976 года.

Востряковское кладбище

Востряковское кладбище расположено на юго-западе Москвы в месте пересечения Боровского шоссе и МКАД.

В XIX — начале XX века было кладбищем села Востряково, с 1960 года — в черте города, тогда же территория кладбища была расширена до МКАД.

Значительную территорию на кладбище имеет еврейский участок. На кладбище действует православный храм Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи).

Адрес: г. Москва, ул. Озерная, д. 47. Площадь 131 га.

Здесь похоронены Н.С. Ашукин, Г.Д. Качалин, Д.Э. Розенталь, А.Д. Сахаров, А.А. Шамаро и др., расположена братская могила воинов, умерших от ран в годы Великой Отечественной войны.

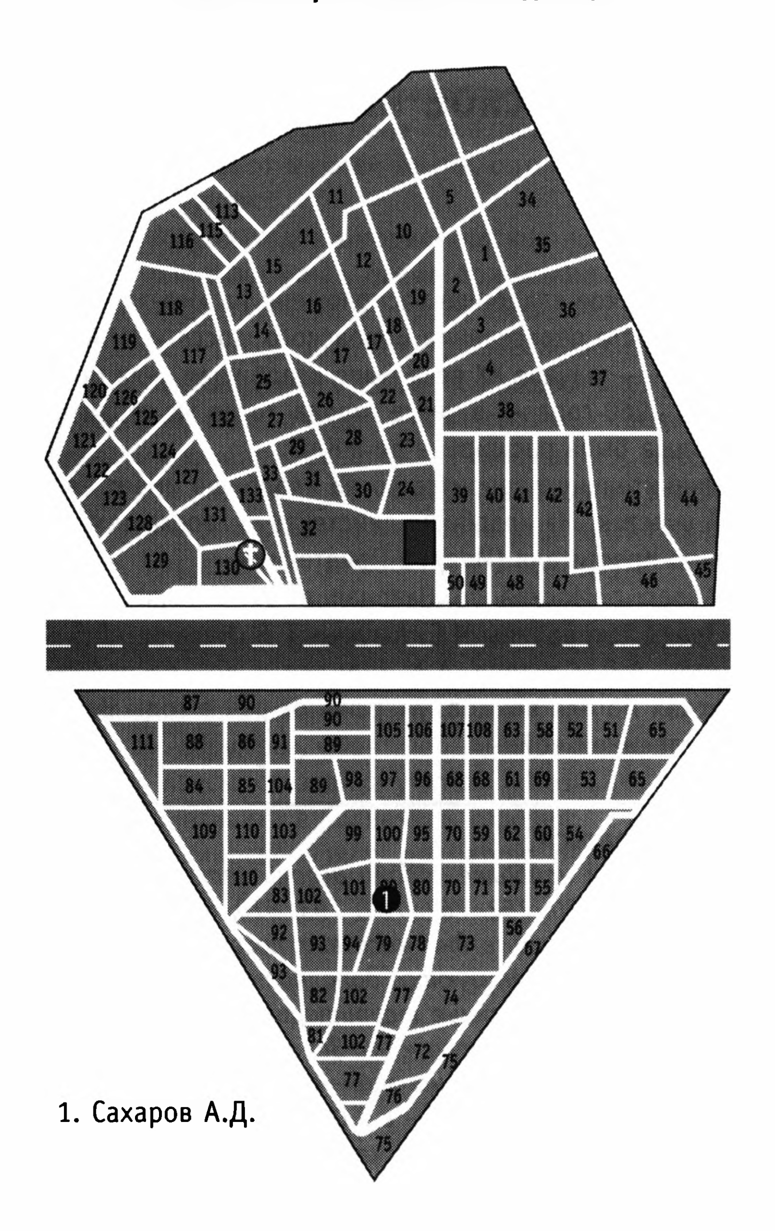
Как добраться

Для проезда наиболее удобно использовать автобусы: № 66, 718, 720, 752, 767, 781, 793, 810, 810с, 816, 830, 830с. Кроме того, в дни массовых посещений кладбищ традиционно организуются дополнительные автобусы-экспрессы, соединяющие территорию кладбища с ближайшей станцией метро «Юго-Западная».

Часы работы: ежедневно, май—сентябрь — с 9.00 до 19.00, октябрь—апрель — с 9.00 до 17.00.

Кладбище разделено на две части.

Схема Востряковского кладбища



1. Сахаров А.Д.

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989)

Идете по центральной аллее кладбища, на втором повороте поворачиваете направо. Идете до указателя «К могиле А.Д. Сахарова». По указателю поворачиваете, идете прямо, проходите перекресток, слева — последнее пристанище ученого.

«Отец» советской водородной бомбы, лауреат Нобелевской премии мира, гениальный физик-теоретик, автор ряда фундаментальных работ об эволюции и строении Вселенной и «сверхзасекреченный» ученый.

Детство Андрея Сахарова «прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — деятельное постоянное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке». В 1938 году Андрей Сахаров с отличием окончил школу и поступил на физический факультет Московского университета. В 1942-м, находясь в эвакуации в Ашхабаде, с отличием окончил МГУ.

В сентябре 1942 года был направлен на большой военный завод в Ульяновске, где работал инженером-изобретателем до 1945-го. Именно здесь, в первый свой рабочий день, он увидит Клаву Вихиреву. Стеснялась она, стеснялся он. Весной, помогая ей вскапывать огород, Андрей понял, что это не дружба, а любовь. Предложение сделал в письменном виде. Она родит Сахарову троих детей и умрет 8 марта 1969 года от рака.

В 1948 году Сахарова включили в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия, руководимую Игорем Евгеньевичем Таммом. «Я примкнул к работе по ядерному оружию, вернее, меня включили в группу, занимавшуюся ядерным оружием. Меня не спросили, хочу я этого или нет, ранее я несколько раз отказывался, желая заниматься чистой наукой, но после того, как меня включили в эту группу, я работал с большим напряжением, считая, что задача, стоящая перед нами, очень важна для страны, для человечества, что необходимо равновесие двух великих держав и тем самым двух систем мира, что именно это послужит гарантией того, что такое оружие не будет применено. Мы исходили из того, что эта работа — практически война за мир».

В 1953 году состоялось первое испытание советской водородной бомбы, а Андрей Дмитриевич Сахаров был избран академиком Академии наук СССР. «Мы стояли на таком помосте, на расстоянии семидесяти километров от точки взрыва. Когда произошел взрыв, на лица пахнуло жаром... потом мы увидели, как по полю к нам приближается ударная волна, пригибая стебли ковыля, выступающие над очень тонким снежным покровом, и тут мы начали обниматься, и «Вышло! Вышло!» — крики раздались. «Все получилось!» В первую очередь было ощущение торжества, потом были другие ощущения, когда мы узнали, что были жертвы, и полностью осознали все последствия того, что произошло».

«В 1953—1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию». С конца 50-х годов Андрей Дмитриевич Сахаров, считавшийся «отцом»

советской водородной бомбы, активно выступал за прекращение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в связи с его выступлениями за ограничение ядерных испытаний возник конфликт с Н.С. Хрущевым. Сахаров был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах («Я очень горжусь тем, что был одним из инициаторов заключения этого договора»), в 1967 году участвовал в Комитете по защите Байкала. Трижды А.Д. Сахарову присваивалось звание Героя Социалистического Труда.

Первые обращения А.Д. Сахарова в защиту репрессированных появились в 1966—1967 годах, а в 1968-м вышла статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». «Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. С 1970-го защита прав человека, защита людей, ставших жертвами политической расправы, выходит для меня на первый план». В 1970-м А.Д. Сахаров стал одним из учредителей Московского комитета по правам человека, высказывался по проблеме загрязнения окружающей среды, за отмену смертной казни, за право на эмиграцию, против принудительного лечения «инакомыслящих» в психиатрических больницах.

С Еленой Георгиевной Боннэр Сахаров познакомился осенью 1970 года. Объяснение произошло 24 августа 1971 года. Они были на кухне, она поставила пластинку с концертом Альбинони. Признание Сахарова: «Великая музыка, глубокое внутреннее потрясение, которое я переживал, — все это слилось вместе, и я заплакал. Может, это был один из самых счастливых моментов в моей жизни».

В 1975 году «за бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между народами и за мужественную борьбу со злоупотреблениями властью и любыми формами подавления человеческого достоинства» Андрей Дмитриевич Сахаров был удостоен звания лауреата Нобелевской премии мира.

В декабре 1979-го, сразу после ввода советских войск в Афганистан, Сахаров неоднократно выступал с осуждением агрессии СССР. Сахаров не только осуждал действия правительства СССР, но и высказывался в поддержку бойкота Московской олимпиады в связи с вторжением советских войск в Афганистан. В ответ на это 8 января 1980 года был принят указ о лишении Андрея Дмитриевича Сахарова всех правительственных наград СССР «в связи с систематическим совершением Сахаровым А.Д. действий, порочащих его как награжденного, и принимая во внимание многочисленные предложения советской общественности». Сахарова выслали в город Горький, где он находился в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором.

За ними следили, их подвергали репрессиям вплоть до конца 86-го, пока зимним днем, 15 декабря, в их квартиру в Горьком, куда он был выслан как антисоветчик, неожиданно не вошли люди. Они поставили телефон и предупредили: завтра, примерно в 10 утра, вам позвонят. Звонок раздался в 3 часа дня. Звонил Михаил Сергеевич Горбачев. Он сказал: «Вы можете вернуться в Москву».

6 сентября 1989 года в Комитете госбезопасности были сожжены последние 7 томов материалов «оперативной

разработки», собранных на «Аскета» и «Лису». 583 тома уничтожили раньше. Под кличкой «Аскет» проходил ученый-физик, «отец» термоядерной бомбы, лауреат Сталинской и Ленинской премий, трижды Герой Социалистического Труда, лишенный этого звания за правозащитную деятельность, академик Андрей Дмитриевич Сахаров. «Лиса» — его жена Елена Георгиевна Боннэр, Люся.

Последние годы жизни Сахаров активно занимался правозащитной деятельностью. В марте 1989 года Сахаров был избран народным депутатом СССР от Академии наук, став одним из лидеров группы наиболее радикально настроенных депутатов. Умер Андрей Дмитриевич Сахаров 14 декабря 1989 года в Москве.

Известный патологоанатом, присутствовавший при вскрытии, сказал: «Удивительно, что Сахаров дожил до 69 лет. Основная причина его смерти — врожденная болезнь сердца. Люди с этой болезнью обычно погибают между 35 и 50 годами».

Напоследок хочу привести слова Андрея Сахарова о прогрессе: «Я считаю, что в целом прогресс есть движение, необходимое в жизни человечества. Он создает новые проблемы, но он же их и разрешает. И человечество вне прогресса существовать не может. Это его форма существования. Я надеюсь, что этот критический период человеческой истории будет преодолен человечеством.

Это некий экзамен, который человечество держит.

Экзамен на способность выжить».

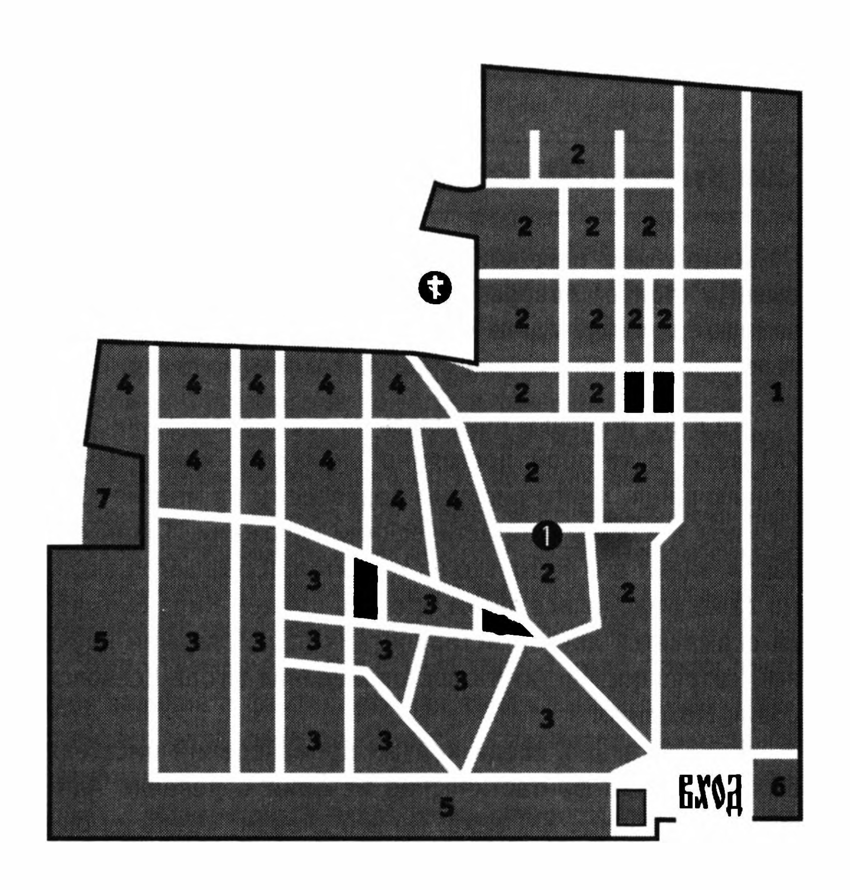
Миусское кладбище

Миусское кладбище (улица Сущевский вал, 21) основано во время эпидемии чумы в 1771 году за Камер-Коллежским валом, близ местности Миусы (отсюда название). Его площадь около 6 га.

На Миусском кладбище хоронили главным образом купцов, ремесленников и мещан из соседних Марьиной Рощи и Бутырок. В 1823 году в стиле ампир построены церковь мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии и два дома причта, образующие своего рода торжественный вход на кладбище. Основные средства на постройку выделил купец И.П. Кожевников. В храме находится святыня — икона Божьей Матери «Скоропослушница». Расположенная в северо-западной части кладбища церковь почти не видна с улицы.

Неподалеку от церкви находится могила С.Г. Никифорова, талантливого художника-передвижника. Еще на кладбище похоронен историк, критик, издатель «Вестника Европы» и профессор Московского университета М.Т. Каченовский. В 2007 году похоронен знаменитый режиссер пластилиновых мультфильмов Александр Татарский. Он автор более двадцати мультфильмов, среди которых такие популярные, как «Пластилиновая ворона», «Следствие ве-

Схема Миусского кладбища



1. Кир Булычев

дут колобки», «Падал прошлогодний снег», а также цикл по сказкам народов России «Гора самоцветов».

Кладбище находится рядом с метро «Савеловская».

Кир Булычев (1934–2003)

По центральной мощеной дороге идете к церкви. На середине (у столба) поворачиваете направо, на асфальтированную дорожку. Идете метров восемь и справа (могилы через три) увидите высокую серую гранитную плиту.

Это с его помощью появилась на свет девочка Алиса из XXI века, с которой постоянно случаются невероятные приключения. Книги писателя переведены на многие языки мира и изданы фантастическими тиражами. Таким образом, знают его не только на территории бывшего Союза. Но даже у нас не все знают, что под именем Кира Булычева скрывается доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Игорь Всеволодович Можейко.

Действительно, среди первых произведений писателя были сказочно-фантастические истории о девочке Алисе — жительнице XXI века. По его словам: «Цель их была — найти пути к детской литературе, которая была бы адекватна поколениям детей, взращенных телевизором, а потом и компьютером». С этих историй начинается сказочно-фантастический цикл произведений под общим названием «Девочка с Земли», получивший широкую извест-

ность и популярность в 80—90-е годы. Ряд произведений цикла был экранизирован в кино и мультипликации.

Воспоминание Игоря Можейко: «Кстати, когда вышел фильм «Гостья из будущего», письма мальчишек завалили студию, все хотели познакомиться с исполнительницей главной роли Алисы Селезневой Наташей Гусевой — «девочкой с бездонными глазами».

Героиню цикла — Алису — отличает универсальное сочетание ярко современного характера с общими для всех времен чертами ребенка: не случайно она так напоминает свою тезку из сказок Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Правда, сам Кир Булычев утверждает, что имя Алиса заимствовано им у дочери, но и у героини Л. Кэрролла тоже был реальный прототип — десятилетняя Алиса Лидделп. Тем не менее имя в читательском восприятии давно стало нарицательным.

Помимо «Гостьи из будущего» Булычев написал еще десяток сценариев и, в частности, был соавтором сценария знаменитого фильма «Через тернии к звездам», который принес ему Государственную премию СССР.

Кир Булычев родился в 1934 году. Только фантастическое везение и фантастическая воля к выживанию позволили его родителям не сгинуть в сталинской мясорубке, погубившей почти всех остальных родственников. Коммуналку, где жил юный Игорь Можейко, посещала страшная советская фантастика в лице помощника Лысенко академика Презента, доказывавшего наличие классового самосознания у растений и погубившего многих ученых, не согласных с этой теорией. Двадцатью годами позже Игорь окончил престижный Институт иностранных языков имени

Мориса Тореза и работал переводчиком в Бирме. «Кстати, работая переводчиком в Бирме, я неплохо изучил хиромантию и имел большую популярность среди друзей и знакомых. Гадал им по руке. Как настоящий мастер, заправская гадалка, я должен был контролировать объект своего гадания и всегда видеть — угадываю я или «ушел» в сторону.

Основной закон гадалки: она может сто раз соврать и один раз угадать правду. И ты запомнишь именно этот момент. На этом живут все гадалки мира».

К слову, Можейко вовсе не сразу стал Киром Булычевым: «Кир Булычев — это мой окончательный псевдоним, но не единственный. Я их менял, как Ленин, который был и Петровым, и Ивановым и пр. А у меня больше всего псевдонимов было во времена работы в журнале «Вокруг света». Из-за одного — Сара Фан — были даже неприятности. Вызвал редактор меня и говорит: «Что это за антисемитский псевдоним? Мы не потерпим!» Решили поставить просто «С. Фан». Последовала реакция: «Вы что, против корейского народа?» Я и подписался — Иван Шлагбаум».

Кир Булычев был уже известен, но когда его спросили о его популярности, он рассказал вот какую историю: «Однажды мы с моим другом-переводчиком в Польше Тадеушем Воском в Кракове пошли в букинистический магазин посмотреть что-нибудь интересное. Там можно было найти книги на английском языке. Тадеуш привел меня к букинисту, но хозяин книжной лавки сказал, что сейчас ничего из интересующего нас нет. Говорит, мол, обычно редкие книги им сдает писатель-фантаст Станислав Лем, но

что-то давно ничего не приносил. Тадеуш, чтобы похвалиться знакомством со мной, представил меня: «А это мой друг из Советского Союза, он тоже писатель-фантаст». Хозяин расплылся в улыбке и шагнул ко мне с распростертыми объятиями: «Здравствуйте, пан Стругацкий!»

В последние годы мэтр советского фэнтези, по его словам, хотя и «не совсем пропал из виду, но потускнел настолько, что приходится брать телескоп, чтобы меня разглядеть».

Но весьма символично, что именно в день, когда пришло сообщение о его кончине, на Московской книжной ярмарке была представлена новая книга Кира Булычева «Дом в Лондоне», в которой он предстает мастером психологического детектива.

Переделкинское кладбище

От Киевского вокзала доехать до станции Переделкино. Кладбище находится недалеко от станции, любой человек подскажет.

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960)

Войдя на кладбище, надо пройти немного вперед, до небольшой развилки. Пойти по тропинке справа, все время вдоль забора, ограждающего кладбище. Она и приведет сначала к могиле поэта Арсения Тарковского (справа у самого забора), а пройдя дальше, слева, за деревьями, увидите белый камень на могиле Б. Пастернака.

Борис Пастернак... Его после смерти называли «Гамлет XX века», «Рыцарь русской поэзии», «Заложник вечности», «Неуставный классик», «Лучезарная душа», «Один на всех и у каждого свой»...

Родился 29 января (10 февраля) 1890 года в Москве. Отец — известный художник Леонид Пастернак, мать — одаренная пианистка Розалия Кауфман. Борис Пастернак мог стать художником (под влиянием отца), музыкантом (его благословлял Скрябин), ученым-философом (учился в

Германии, в университете Марбурга), но стал поэтом. Окончательный поворот к поэтическому творчеству состоялся в 1912 году: «Я основательно занялся стихописанием. Днем и ночью и когда придется я писал о море, о рассвете, о летнем доме, о каменном угле Гарца», — вспоминал Пастернак в автобиографической «Охранной грамоте».

В 1913 году вышел первый поэтический сборник поэта «Близнец в тучах» тиражом 200 экземпляров. За густоту насыщения ассоциативными образами и парадоксальными метафорами Пастернака обвинили в «нерусской лексике».

Не избежал поэт и влияния модного в начале XX века футуризма, особенно после знакомства с Маяковским. Но в дальнейшем пути Пастернака и Маяковского разошлись.

Марина Цветаева отмечала различную ценность и сущность Пастернака и Маяковского: «У Пастернака никогда не будет площади. У него будет, и есть уже, множество одиноких, одинокое множество жаждущих, которых он, уединенный родник, поит... На Маяковском же, на площади, либо дерутся, либо спиваются... Действие Пастернака равно действию сна. Мы его не понимаем. Мы в него попадаем... Пастернак — чара. Маяковский — явь, белеющий свет белого дня... От Пастернака думается. От Маяковского делается...»

Пастернак не участвует в военных действиях (еще в детстве он повредил ногу, упав с лошади), однако, чтобы принять посильное участие в войне, он устраивается конторщиком на уральский военный завод, что впоследствии опишет в романе «Доктор Живаго».

Летом 1917 года Пастернак собирает книгу «Сестра моя жизнь». Выйдя из печати в 1922 году, она делает автора знаменитым. Ранее стихи, входящие в книгу, ходили в списках. Как отмечал Брюсов: «Молодые поэты знали наизусть стихи Пастернака, еще нигде не появившиеся в печати, и ему подражали полнее, чем Маяковскому, потому что пытались схватить самую сущность его поэзии». Время ее создания — лето 1917-го — Пастернак считал своим настоящим поэтическим рождением.

Затем последовали еще сборники стихов, повесть «Детство Люверс», сборник «Темы и вариации», поэмы «Высокая болезнь», «Спекторский». В 1931 году вышла «Охранная грамота», в 1932-м — «Второе рождение».

В 30-е годы положение Пастернака было весьма сложным. Как точно определил сын и биограф поэта Евгений Пастернак, «все, за малым исключением, признавали его художественное мастерство. При этом его единодушно упрекали в мировоззрении, не соответствующем эпохе, и безоговорочно требовали тематической и идейной перестройки». От поэта требовали верноподданнического служения, а он этого не понимал — скорее не хотел понимать. «Он слышал звуки, неуловимые для других, — отмечал Илья Эренбург, — слышал, как бьется сердце и как растет трава, но поступи века так и не расслышал...» Об этом свидетельствует и телефонный разговор Пастернака со Сталиным в мае 1934 года. Пастернак пытался защитить арестованного Мандельштама, а заодно поговорить с вождем о жизни и смерти, но Сталин оборвал поэта-философа: «А вести с тобой посторонние разговоры мне незачем».

В эти годы Пастернак мало создает оригинальных произведений, отдавая основные силы переводу, который с 1934 года приобретает регулярный характер и продолжается до конца его жизни (переводы грузинских поэтов, Шекспира, Гете, Шиллера, Рильке, Верлена и др.).

В 1936 году Борис Леонидович начал обустраиваться в подмосковном Переделкине. Вел себя крайне независимо. В 1937-м отказался поставить подпись под обращением писателей с требованием расстрелять Тухачевского и Якира. Отказ как вызов власти. Пастернака и тут не тронули — просто перестали печатать. Лишь в 1943 году вышла книга стихов «На ранних поездах», а летом 45-го — последнее прижизненное издание «Избранные стихи и поэмы». В 1948 году весь тираж «Избранного» уничтожили. И на долю поэта остались лишь переводы.

В 1941 году, в начале Великой Отечественной войны, когда немецкие войска приближаются к Москве, Пастернак эвакуируется и пишет патриотические стихи. Он просит советское правительство отправить его на фронт в качестве военного корреспондента, на что в конце концов получает разрешение.

1950-е годы становятся для писателя временем тяжелых испытаний. Предложенный для публикации журналу «Новый мир» «Доктор Живаго» отвергнут редакцией. Роман публикуется за границей (1957), и за него в 1958 году Пастернаку присуждается Нобелевская премия по литературе «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». На родине роман вызывает резкую критику со стороны официальных властей,

начинается травля писателя, вплоть до требования выдворить его за пределы страны. Пастернак написал письмо Н.С. Хрущеву: «Покинуть Родину для меня равносильно смерти. Я связан с Россией рождением, жизнью и работой». Это и побуждает его отказаться от Нобелевской премии. Лишь в 1987 году будет отменено решение об исключении Пастернака из Союза писателей, в 1988 году роман будет впервые официально опубликован в России — в журнале «Новый мир».

Травля привела к скоротечной болезни, и Пастернак скончался на 71-м году жизни. За месяц до своей кончины он написал: «По слепому случаю судьбы мне посчастливилось высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть самое лучшее в нас, — художник оказался в моем случае не затертым и не растоптанным».

В СССР «Доктор Живаго» был напечатан уже после его смерти — в 1988-м. Поставив точку в романе, Пастернак подвел и итог своей жизни: «Все распутано, все названо, просто, прозрачно, печально. Еще раз... даны определения самому дорогому и важному, земле и небу, большому горячему чувству, духу творчества, жизни и смерти...»

Умер Пастернак 30 мая 1960 от рака легких в Переделкине.

Чуковский Корней Иванович (1882—1969)

Могила К. Чуковского — рядом с могилой Пастернака, слева увидите два массивных гранитных камня.

Корней Иванович Чуковский, кумир советской детворы, вовсе не был «просто добрым дедушкой». Крупный теоретик искусства, дореволюционный публицист, великий знаток творчества Н.А. Некрасова, он понимал разницу между своим призванием и своим положением «в те еще годы». Говаривал с горечью:

— Уж и не ведает никто, что я серьезный человек. А вот как-то нарифмовал «Муху-Цокотуху», и прославился. Все знают.

Но он хорошо помнил уроки 20-х годов: первая дама социалистического государства Н.К. Крупская выкорчевывала Чуковского из детских и даже взрослых изданий и библиотек — как раз по поводу его бесклассовой морали и «буржуазной» направленности.

Но «добрый дедушка» умел быть смелым. Он оказался единственным советским писателем, поздравившим крамольного Бориса Пастернака с присуждением Нобелевской премии.

Вот фрагменты его автобиографии: «Конечно, мне не слишком-то нравится, что меня именуют одним из старейших писателей. Но ничего не поделаешь: я пишу и печатаюсь шестьдесят три года. Помню Куприна молодым человеком, еще до того, как он написал «Поединок», и юного Блока в студенческой нарядной тужурке. И мне самому удивительно, что я все еще не бросаю пера. Но не могу и представить себе, как бы я прожил хоть несколько дней без него...

Мне была невыносима пестрота детской литературы, ее раздробленность, ее легковесность. Мне хотелось отдать свои силы одной сосредоточенной многолетней работе.

Об этом у меня был откровенный разговор с В.Г. Короленко. Короленко посоветовал мне не растрачивать себя по мелочам, а засесть за большой основательный труд о Некрасове, так как Некрасов с самого раннего детства был мой любимый поэт...

Есть у меня и еще одна тема, проходящая через всю мою жизнь: психика малых детей, их титаническая работа по овладению — в такие сказочно короткие сроки — сложившимися формами родительской и прародительской речи.

Эта тема воплотилась в моей книге «От двух до пяти», которая, конечно, никогда не была бы написана, если бы у меня не было четверых детей, а теперь уже и пятерых внуков и пятерых правнуков и если бы общение с детьми — своими или чужими — не было моим любимейшим отдыхом.

Незадолго до этого я написал для детей (вслед за «Крокодилом») «Мойдодыра», «Муху-Цокотуху», «Тараканище», «Доктора Айболита» и другие сказки в стихах. Мне и в голову тогда не приходило, что когда-нибудь эти гонимые сказки будут печататься миллионами экземпляров и выдержат многие десятки изданий и что я доживу до поры, когда те дети, для которых эти сказки написаны, превратятся в седых стариков и будут читать их своим внукам и правнукам.

Жизнь моя подходит к концу. «И утро, и полдень, и вечер мои позади».

Но когда я беру в руки перо, меня до сих пор не покидает иллюзия, что я все еще молод и что тем, для кого я пишу, еще очень недавно исполнилось двадцать. И что

у меня с ними общий язык. Наивная иллюзия, но без нее я не мог бы ни жить, ни писать, так как (нынче я чувствую это особенно ясно) быть с молодыми — наш радостный долг».

Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996)

Похоронена рядом с отцом, Корнеем Чуковским.

«В Петрограде-Ленинграде мне случалось постоянно встречаться со знаменитыми людьми: в отрочестве и в юности посчастливилось видеть и слышать Александра Блока, Н. Гумилева, Анну Ахматову, О. Мандельштама, Владислава Ходасевича, Ю.Н. Тынянова, М. Горького, а также молодых «Серапионовых братьев»: М. Зощенко, В. Каверина, М. Слонимского, Льва Лунца.

Летом 1926 года, студенткой второго курса, я была арестована. Приговор: три года административной ссылки в Саратов, однако благодаря заступничеству моего отца я пробыла в Саратове всего одиннадцать месяцев.

В августе 1937 года арестован мой муж — М.П. Бронштейн. В сентябре — арестованы мои близкие друзья, члены редакции Маршака, а кто не арестован, тот, как и я, уволен.

Осенью 1938 года я начала часто встречаться с Анной Андреевной Ахматовой. Колеблясь между страхом обыска и необходимостью записывать каждое ее слово, я начала вести дневник наших встреч. Разговоры я записывала, стихи, творимые ею, запоминала наизусть (в том числе «Реквием»).

Зимою 39/40 года по свежим следам событий я написала повесть «Софья Петровна». Единственный экземпляр сохранили, с риском для жизни, мои друзья.

Во второй моей повести «Спуск под воду», написанной в 1951—1957 годах, рассказывается о «борьбе с космополитизмом», а также снова о терроре 30-х годов.

После XX съезда, в 1957 году, мне удалось получить официальную справку о «посмертной реабилитации» М.П. Бронштейна «за отсутствием состава преступления». Дата «смерти» — 18 февраля 1938 года. (В действительности Бронштейн не «умер», а расстрелян по решению выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха.)

С начала шестидесятых и в семидесятые годы я постоянно выступала против беззаконий, творимых властью. В 1972 году в журнале «Семья и школа» было оборвано печатание моих воспоминаний об отце, скончавшемся в 1969-м. 9 января 1974 года меня исключили из Союза писателей: мне ставили в вину публикацию книг и статей за границей, радиопередачи по Би-би-си, «Голосу Америки» и «Немецкой волне», а главное — статью «Гнев народа» — ту, в которой я открыто возмущалась организованной травлей Пастернака, Солженицына и Сахарова.

В 1964 году Анна Андреевна Ахматова поручила мне составить (разумеется, под своим непосредственным руководством) сборник ее стихов и поэм. В 1965-м, с большими цензурными изъятиями, сборник «Бег времени» вышел в свет и оказался последним прижизненным.

Не только ни единого слова, написанного мною, но и самое имя мое было запрещено упоминать в печати уже

15 лет. Впервые после запрета имя мое упомянуто в прессе, в «Литературной газете», 3 июня 1987 года.

Сейчас, когда я пишу эти строки (сентябрь 1987), появилась надежда, что, быть может, меня начнут печатать на родине. Кроме того, теперь я надеюсь, что «Дом Чуковского» (музей, организованный мною, моими друзьями и моей дочерью в Переделкине) уцелеет.

В настоящее время я занята работой по расшифровке своих записей об Анне Ахматовой, сделанных в последние годы ее жизни: 1963—1966 гг.».

Домодедовское кладбище

Доехать можно от метро «Домодедовская» на автобусе № 510.

Айзеншпис Юрий Шмильевич (1945–2005)

Найти могилу очень просто, хоть она и повернута к дороге «спиной». Вы легко ее определите по трем черным памятникам сразу за каменным ограждением элитного участка, да и любой работник кладбища подскажет.

Одни его любили и уважали, другие — ненавидели и боялись. У него учились, им восхищались. Его жизнь — это острая грань, натянутая струна между пропастью и Олимпом, между свободой и тюрьмой, между правдой и клеветой, между лишениями поселенца и славой одного из самых влиятельных и состоятельных продюсеров российской эстрады. Его знали в лицо, о нем и его артистах каждый день вся страна читала в газетах и журналах.

«Рок-группа», «продюсер» — эти слова сегодня звучат для нас привычно, для кого-то даже обыденно. Но в эпоху развитого социализма «рок» — это было нечто запретное, а значения загадочного термина «продюсер» никто попро-

сту даже не знал. Но все когда-то происходит впервые. Так случилось и у нас в России, точнее в СССР, в середине шестидесятых

Так, в 1965 году на волне битломании несколько молодых ребят решают создать настоящую рок-группу. Юрий Айзеншпис принимает в создании новой музыкальной формации активное участие, но не как исполнитель. «Я стал кем-то вроде импресарио или менеджера, на сцену не рвался, но очень хотел принимать участие в этом процессе». По названию района, где в то время проживали все участники группы, она получает название «Сокол». Группа быстро приобретает локальную популярность, выступая в клубах, кинотеатрах, на площадках различных институтов. Все административные вопросы решает дипломатичный, интеллигентный и «пробивной» студент-экономист Юрий Айзеншпис. «Конечно, опыта западных бизнесменов у меня не было, — вспоминал продюсер, — к тому же вряд ли в тех условиях он мог бы быть полезен. Приходилось придумывать какие-то новые схемы, реализовывать необычные идеи».

Тем временем за деятельностью молодого импресарио уже давно наблюдали органы внутренних дел СССР. 7 января 1970 года его арестовывают, а всю аппаратуру группы «Сокол» конфискуют. По обвинению в валютных операциях Юрия Айзеншписа приговаривают к 17 годам лишения свободы...

Воспоминания Юрия: «Я творческий человек. Однажды, услышав хороший звук — живой, чистый, настоящий, — не могу уже слушать другое воспроизведение. Я покупал наиболее совершенную по тем временам аппа-

ратуру. И здесь впервые столкнулся с настоящим уголовным законом. И стал преступать его. Стал заниматься бизнесом. Мой бизнес был связан с валютой и золотом — самая страшная, расстрельная статья. Но ощущение собственной правоты мешало мне правильно оценить ситуацию. Короче, начал музыкой, а кончил тюрьмой».

На протяжении этих 17 лет мир менялся, и менялся сильно. Свобода наступала шаг за шагом. Это чувствовалось даже за тюремными решетками. «В 1986 году, во время медосмотра в Бутырке, врач меня вдруг спросил: «А не тот ли вы Айзеншпис, который в конце шестидесятых годов группой «Сокол» занимался?» И врач дал мне журнал «Юность», где был большой материал про меня. Там было сказано, что для группы «Сокол» я был тем, кем был Брайан Эпштейн для «Beatles». Волею судьбы, отсидев уже почти 17 лет, Юрий Айзеншпис в тюремном лазарете читал о себе в журнале как о человеке, стоявшем у истоков советского рока...»

Примерно через год после выхода на свободу Юрий знакомится со ставшим теперь уже легендой Виктором Цоем. На встрече, проходившей в 1988 году на скамейке сада «Эрмитаж», музыкант и продюсер решили работать вместе. «Наше знакомство перешло в дружбу, — рассказывал Юрий Айзеншпис, — потом дружба переросла в творческий союз. Не хочу приписывать себе лишних лавров: Виктор и до нашей встречи были известен, но известен в кругу поклонников ленинградского рока. А я решил из него сделать суперзвезду. И это удалось». Работа велась на радио, в прессе. За несколько месяцев их совместной работы популярность «Кино» возросла настолько, что

группа могла собрать 70 тыс. зрителей на Большой спортивной арене «Лужников».

После трагической гибели Цоя в 1990 году Айзеншпис выпускает последний «Черный альбом» «Кино». Вот еще одно воспоминание Айзеншписа: «Внутренне Цой — человек очень интересный, не похожий ни на кого».

Следующим этапом карьеры Юрия Айзеншписа стала группа «Технология». Успех «Технологии» продюсер вылепил «с нуля», и уже первый альбом «Все, что ты хочешь» становится хитом. А в 1992 году Юрий Айзеншпис стал лауреатом национальной российской музыкальной премии «Овация» в номинации «Лучший продюсер».

Затем «детьми» Айзеншписа были: «Янг Ганз», Линда, Влад Сташевский (его дебютная пластинка «Любовь здесь больше не живет» стала первым релизом только что созданной компании «Aizenshpis Records»), Инга Дроздова, Саша, Никита, «Динамит» и Дима Билан.

Сейчас уже известно, что все последнее время продюсер жаловался на свое здоровье. Сказывались старые заболевания: цирроз печени и язва двенадцатиперстной кишки. Он скрывал это от своих подопечных, просил врачей подождать с операцией, которая была необходима. Он хотел успеть сделать как можно больше, но этому не суждено было сбыться.

19 сентября у Юрия Шмильевича случается сердечный приступ...

Его госпитализировали и обследовали в 20-й городской больнице Москвы. Однако затем Айзеншпису стало лучше, и он упросил врачей отпустить его домой, уж больно хотелось ему поддержать своего воспитанника Диму

Билана, который на церемонии награждения престижной музыкальной премией MTV RMA-2005 выдвигался сразу в пяти номинациях. Вечером 20 сентября произошел второй приступ, Айзеншпис снова попал в больницу, а в 19.50 врачи констатировали остановку сердца.

Айзеншпис знал, что его ждет. Последний телефонный разговор: «Чувствую я себя плохо. Наверное, немного уже осталось...»

Вот как говорил Юрий Айзеншпис о своей работе: «То, чем я занимаюсь, есть творческий процесс, который мне нравится гораздо больше, чем бизнес. Да, для меня работа — источник существования, однако моя главная цель не заработать на этом, а создавать хорошую и качественную музыку».

Тверь

Город Тверь. Нужно сесть на электричку на Ленинградском вокзале или на маршрутное такси № 52. Оно довезет вас до Дмитрово-Черкасского кладбища. Выйти на центральной площади. Могила Михаила Круга — у самого входа на кладбище, слева.

Круг Михаил Владимирович (1962–2002)

Родился Михаил Владимирович Круг 7 апреля 1962 года в старом районе города Твери, который назывался Морозовский городок, сейчас имеет название Двор Пролетарки, о котором была написана песня «Милый мой город». Впоследствии у Круга в Твери был свой дом. Но, когда выдавались редкие свободные дни в забитом концертами гастрольном графике, он приезжал на свой двор. Стоит, курит, вспоминает свои первые голы в футболе и хоккее, пацанские шалости и забавы, старых друзей.

«Тверь и Россия в моем понимании — синонимы. Когда я пою о Твери, я пою о России. Рязань, Ярославль, Суздаль, Владимир, Новгород, Тверь — города, возникшие в начале прошлого тысячелетия, — вот моя Россия, моя родина. Здесь живет моя душа...»

Первые свои стихи Михаил написал в 13 лет, которые посвятил своей однокласснице. В то время кумиром Михаила был В.С. Высоцкий.

Когда вернулся из армии — за баранку. И однажды даже чуть не нарулил себе срок. Михаил развозил тогда водку по магазинам, а однажды в дороге сломался, рядом притормозила машина — вышли два парня, просят водки продать. «Тогда водка по талонам была. А я на базе взял две бутылочки для себя, и ладно, говорю, продам вам по тридцатке. Они деньги протягивают, я беру — и тут еще двое откуда-то выходят, свидетели. Оказалось, это все крысы из ОБХСС. И везут меня, значит, в отдел. Один из этих «свидетелей» оказался и следователем. Они меня за две бутылки взяли, а когда узнали, что я целый фургон везу, бегом считать эту водку, а считать никто из них толком не умеет, раз десять машину перегружали. Ну, в итоге все совпало с документами, убедились они в моей честности... Меня еще, кстати, сильно спасли кассеты с моими записями и рекомендация с работы...»

Придя из армии, Михаил женился, родители его жены настояли на том, чтобы он поступил в институт, так как их дочь окончила с отличием институт легкой промышленности. В 1987 году Михаил успешно поступает в институт, в котором узнает о конкурсе авторской песни, принимает в нем участие и занимает первое место.

«...Жюри возглавлял популярный советский бард, ныне, увы, покойный, Евгений Клячкин, — вспоминал Круг. — Перед выходом на сцену я так волновался, что успокаиваться пришлось водкой... Спел я песню про Афганистан и спившегося ветерана войны. И спустился со сцены в пол-

ной убежденности, что ничего мне здесь не светит». А стал лауреатом!

...Осваиваясь с лауреатством, немного осмелев, Круг подошел к Клячкину, попросил автограф. Евгений Исаакович сказал ему одну только фразу: «Тебе надо работать дальше».

После этого он серьезно занимается написанием песен.

Случилось так, что Евгений Клячкин в Михаила поверил, а многие друзья и даже собственная жена — нет. Тогда он с ней развелся.

Здесь необходимо сделать пояснение. Круг был убежденный сторонник домостроя.

«Домострой» — очень хорошее слово, теплое, — говорит Михаил Круг. — Его смысл: строить дом, семью. Феминистки, считающие женщин ущемленными в каких-то правах, наверняка ополчатся на меня за такие речи».

Вот воспоминания Ирины, второй жены Круга: «Мы просто ехали мимо загса, опаздывали на гастроли, и тут он остановил машину, схватил меня за руку и бегом вбежал вместе со мной по ступенькам внутрь. Подошел к администратору и сказал: «Мне нужно срочно расписаться». В загсе все были в шоке, но пошли нам навстречу. Мы быстро сбегали за шампанским, поставили штамп в паспорт, и он тут же позвонил друзьям: «Мы поженились. Вечером — свадьба».

После конкурса были альбомы «Тверские улицы», «Катя», которые были украдены и разошлись пиратским способом. Но Круг эти песни перепел в альбомах: «Зеленый прокурор», «Мадам», «Роза», «Мышка». В 1994 году вышел первый официальный альбом «Жиган-лимон».

В фильме «Апрель» Михаил играет криминального авторитета, которым никогда не был, хотя криминальный мир его очень уважал. Михаил Круг часто давал концерты на зоне и всегда бесплатно. А когда его спрашивали, откуда он знает блатной жаргон, он отвечал: «Я его специально изучал. Двенадцать лет назад мне попался сборник — словарь жаргонных слов. Назывался он «Блатная музыка» для сотрудников НКВД 1927 года выпуска. Оттуда я черпал все слова и выражения».

Круг тяготел к простым, незамысловатым формулировкам и, как известно всем поклонникам «Владимирского централа», умел затронуть глубинные человеческие чувства. Круг мог тонко выразить душевные волнения и своей дворовой лирикой «ухватить за талию» самую чувствительную душу.

И, казалось бы, все хорошо, но вдруг в ночь с 30 июня на 1 июля 2002 года Круга убивают в его доме в Твери.

Ирине за неделю до этого приснился страшный сон: будто в их доме море цветов, толпа каких-то людей в черных одеждах, которые кого-то оплакивают. Она видит похороны, а Михаила нигде нет. Когда она рассказала сон мужу, он посмеялся: «Значит, долго жить будем!»

А вот еще один случай незадолго до убийства.

Глубокой ночью в дом Михаила Круга позвонили.

— Кто там? — спросила мать певца по домофону.

— Мне очень нужно поговорить с Михаилом.

— Он спит. Приходите утром.

— Утром не могу, — голос у неизвестного был взволнованным. — Вопрос не терпит отлагательства. Это очень важно. Очень.

Зоя Петровна не открыла ему дверь: если надо, придет утром. И Михаила будить не стала.

— Что за человек приходил, я не знаю, но теперь укоряю себя, — говорит она. — Может быть, он приходил, чтобы предупредить сына об опасности.

В день убийства в Твери как раз отмечали День города, праздновали его и в семье Круга. Двое преступников в масках ворвались в дом певца около полуночи. Несмотря на позднее время, хозяева еще не спали.

В комнате, в которой находился выход на балкон, теща певца смотрела телевизор. Налетчики кинулись на женщину и ударили ее несколько раз рукояткой пистолета по голове. На крики из другой комнаты прибежали Михаил с женой Ириной.

Преступники тут же открыли стрельбу по супругам, несколько пуль попали певцу в грудь, после чего нападавшие скрылись. Истекающий кровью Круг сумел добраться до дома соседей, которые и отвезли его на своей машине в 6-ю городскую больницу. Медики несколько часов боролись за жизнь пациента, но помочь ему так и не смогли.

Затем было длинное расследование и множество версий, кто и зачем убил Михаила Круга...

А нам на память остались его песни, такие как «Владимирский централ»...

Указатель имен

1. Абдулов
2. Айзеншпис
3. Барто
4. Бауман
5. Белый
6. Бернес
7. Бондарчук
8. Боровик
9. Ботвинник
10. Брежнев
11. Брюсов
12. Булгаков
13. Булычев
14. Быков
15. Вернадский
16. Вицин
17. Ворошилов
18. Высоцкий
19. Гагарин
20. Гиляровский
21. Гоголь
22. Горбачева
23. Горький
24. Даль
25. Дедюшко
26. Деникин
27. Дзержинский
28. Дунаевский
29. Дурова
30. Евстигнеев
31. Ельцин
32. Енгибаров
33. Ермолова
34. Ерофеев
35. Есенин
36. Ефремов
37. Жуков
38. Ильф
39. Капица
40. Кио
41. Коллонтай
42. Королев
43. Космодемьянская
44. Круг
45. Крупская
46. Левитан
47. Ленин
48. Леонов

49. Листьев
50. Маршак
51. Маяковский
52. Миронов
53. Немирович-Данченко
54. Никулин
55. Носов
56. Образцов
57. Одоевский
58. Озеров
59. Окуджава
60. Оливье
61. Орлова
62. Островский
63. Папанов
64. Пастернак
65. Пельтцер
66. Платонов
67. Пришвин
68. Прокофьев
69. Райкин
70. Раневская
71. Рихтер
72. Ростропович
73. Румянцева
74. Салтыкова
75. Сахаров
76. Сенкевич
77. Скрябин
78. Сонька Золотая Ручка
79. Сталин
80. Станиславский
81. Сумароков
82. Суриков
83. Суслов
84. Тальков
85. Танич
86. Твардовский
87. Толстой А.Н.
88. Третьяков
89. Утесов
90. Фадеев
91. Филатов
92. Хрущев
93. Чаадаев
94. Чехов
95. Чуковские
96. Шаляпин
97. Шнитке
98. Шостакович
99. Шукшин
100. Яшин

Хочу поблагодарить сотрудников некрополей, которые помогали мне в работе над книгой. А также — экскурсионный центр «Варяг», в котором я начала первые шаги в изучении московских кладбищ в качестве экскурсовода.

Ваши предложения, пожелания, замечания
можете присылать на мою почту:

tatyana-avtor@yandex.ru

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ 5

НЕКРОПОЛЬ У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ 7

Жуков Георгий Константинович (1896—1974) 8

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 12

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982) 16

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926). 19

Максим Горький (1868—1936) 22

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) 26

Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953) 30

Суслов Михаил Андреевич (1902—1982) 34

Королев Сергей Павлович (1907—1966) 38

Гагарин Юрий Алексеевич (1934—1968) 42

НОВОДЕВИЧИЙ НЕКРОПОЛЬ 47

Никулин Юрий Владимирович (1921—1997) 50

Ростропович Мстислав Леопольдович (1927—2007). . . . 55

Гиляровский Владимир Алексеевич (1853—1935) 59

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) 64

Чехов Антон Павлович (1860—1904) 68

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) . . 71
Дунаевский Исаак Осипович (1900—1955). 76
Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940) 80
Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938). . . . 83
Ефремов Олег Николаевич (1927—2002). 88
Ермолова Мария Николаевна (1853—1928) 92
Илья Ильф (1897—1937) 96
Дурова Наталья Юрьевна (1934—2007). 101
Толстой Алексей Николаевич (1883—1945). 104
Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) 109
Ботвинник Михаил Моисеевич (1911—1995) 113
Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906—1975) 118
Островский Николай Алексеевич (1904—1936). 122
Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) . . . 126
Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) 131
Фадеев Александр Александрович (1901—1956) 135
Шукшин Василий Макарович (1929—1974) 138
Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952) 144
Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923—1941) 149
Орлова Любовь Петровна (1902—1975). 153
Барто Агния Львовна (1906—1981) 158
Скрябин Александр Николаевич (1872—1915) 162
Андрей Белый (1880—1934). 167
Вернадский Владимир Иванович (1863—1945). 171
Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953). 175

Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) 180
Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) 185
Утесов Леонид Осипович (1895—1982) 189
Образцов Сергей Владимирович (1901—1992) 193
Бондарчук Сергей Федорович (1920—1994) 198
Леонов Евгений Павлович (1926—1994) 202
Артем Боровик (1960—2000) 206
Сенкевич Юрий Александрович (1937—2003) 210
Быков Ролан Антонович (1929—1998) 215
Евстигнеев Евгений Александрович (1926—1992) 219
Шнитке Альфред Гариевич (1934—1998) 224
Райкин Аркадий Исаакович (1911—1987) 228
Папанов Анатолий Дмитриевич (1922—1987) 232
Капица Петр Леонидович (1894—1984). 237
Левитан Юрий Борисович (1914—1983) 242
Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) 247
Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) . . . 251
Бернес Марк Наумович (1911—1969) 256
Рихтер Святослав Теофилович (1915—1997) 261
Ельцин Борис Николаевич (1931—2007) 265
Кио Игорь Эмильевич (1944—2006) 269
Горбачева Раиса Максимовна (1932—1999) 273

ТРОЕКУРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 278

Дедюшко Александр Викторович (1962—2007). 279

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 285
Высоцкий Владимир Семенович (1938—1980) 289
Листьев Владислав Николаевич (1956—1995) 292
Сонька Золотая Ручка (1855—1921) 297
Енгибаров Леонид Георгиевич (1935—1972) 302
Абдулов Александр Гаврилович (1953—2008) 306
Даль Олег Иванович (1941—1981) 311
Филатов Леонид Алексеевич (1946—2003) 315
Ворошилов Владимир Яковлевич (1930—2001) 320
Вицин Георгий Михайлович (1918—2001) 324
Миронов Андрей Александрович (1941—1987). 328
Танич Михаил Исаевич (1923—2008) 332
Тальков Игорь Владимирович (1956—1991) 337
Яшин Лев Иванович (1929—1990). 341
Окуджава Булат Шалвович (1924—1997) 344
Бауман Николай Эрнестович (1873—1905) 349
Суриков Василий Иванович (1848—1916) 353
Есенин Сергей Александрович (1895—1925) 357

АРМЯНСКОЕ КЛАДБИЩЕ. 363
Румянцева Надежда Васильевна (1930—2008) 365
Платонов Андрей Платонович (1899—1951) 369

НЕКРОПОЛЬ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ
(СТАРОЕ ДОНСКОЕ КЛАДБИЩЕ) 374
Деникин Антон Иванович (1872—1947). 378
Чаадаев Петр Яковлевич (умер 1856) 383

Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801) 386
Одоевский Владимир Федорович (1803—1869). 389
Сумароков Александр Петрович (1717—1777) 393

НОВОЕ ДОНСКОЕ КЛАДБИЩЕ 398
Раневская Фаина Георгиевна (1896—1984). 399

ВВЕДЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ 405
Люсьен Оливье (1838—1883) 408
Озеров Николай Николаевич (1922—1997) 410
Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954) 415
Пельтцер Татьяна Ивановна (1904—1992) 420

КУНЦЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 426
Ерофеев Венедикт Васильевич (1938—1990). 427
Носов Николай Николаевич (1908—1976) 432

ВОСТРЯКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 437
Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989) 439

МИУССКОЕ КЛАДБИЩЕ. 444
Кир Булычев (1934—2003) 446

ПЕРЕДЕЛКИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ 450
Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) 450
Чуковский Корней Иванович (1882—1969). 454
Чуковская Лидия Корнеевна (1907—1996) 457

ДОМОДЕДОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 460
Айзеншпис Юрий Шмильевич (1945—2005) 460

ТВЕРЬ 465
Круг Михаил Владимирович (1962—2002) 465

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 470

Издание для досуга

Татьяна Жесткова

**МОСКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ,
или ГДЕ ПОХОРОНЕНЫ
САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ В ИСТОРИИ МОСКВЫ**

Ответственный редактор *О. Саитова*
Художественный редактор *П. Петров*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Т. Пикула*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 28.10.2008
Формат 60x84 $^1/_{16}$. Гарнитура «Оффицина»
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 27,9
Тираж 4 000 экз. Заказ № 7321

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Любовь Орлова

Агния Барто

Федор Шаляпин

Сергей Бондарчук

Евгений Леонов

Артем Боровик

Ролан Быков

Аркадий Райкин

Игорь Кио

Александр Абдулов

Олег Даль

Георгий Вицин

Андрей Миронов

Игорь Тальков

Лев Яшин

Булат Окуджава

В мире нет людей с одинаковой судьбой, но особенно она ярка у тех, кто формировал историю нашей страны.

Кладбище — это город мертвых. Здесь тихо, несуетно. Глядя на памятники и могильные плиты, начинаешь понимать, что даты рождения и смерти великих людей вместили в себя жизнь необыкновенную.

Это книга расскажет вам о самых красивых и значительных кладбищах Москвы. Памятники заговорят человеческими голосами. И это тоже приблизит нас к пониманию своего собственного места на земле.

Мы проложили настоящие «звездные» маршруты по кладбищам, где каждый пункт остановки — имя, и это имя знает и помнит каждый из нас. Вряд ли когда-то мы могли предположить, что сможем прикоснуться к чему-то, так тесно связанному со многими из этих людей. Борис Ельцин, Александр Абдулов, Сергей Есенин, Владислав Листьев, Владимир Высоцкий, Фаина Раневская... Всех не перечесть.

Путешествие по московскому некрополю обещает быть увлекательным для каждого — ощущение прикосновения к великому не покинет вас по пути. Мы надеемся, что данная книга станет для вас откровением и проводником по лабиринтам великой истории нашей страны и судеб ее героев.

ISBN 978-5-699-31028-9

9 785699 310289 >